

Б.В. ПОПОВСКИЙ
В.В. КОЛБАНОВСКИЙ

ПОДМОСКОВНАЯ
ПРИАКАДЕМИЧЕСКАЯ
ФИЛАРМОНИЯ

*Гул затих. Я вышел на подмостки,
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске,
Что случится на моем веку.*

(Борис Пастернак, «Гамлет»)

Москва
2012

ББК 86.3
П 58

Поповский Б.В., Колбановский В.В.

П 58 Подмосковная Приакадемическая Филармония. – М., 2012, – ? с.: ил.

© Поповский Б.В., Колбановский В.В., 2012

Перепечатка текста, использование сюжетов, стихов и иллюстраций
возможны только с письменного согласия авторов.

ГЛАВА 1.

ЧТО ЕСТЬ ПОДМОСКОВНАЯ ПРИАКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛАРМОНИЯ (ППФ)

Появление Подмосковной Приакадемической Филармонии (для краткости — ППФ) не было случайностью. Однако — нелепо утверждать, что все было предначертано свыше. Скорее всего, это явление, как и многое другое в нашей жизни, стало следствием стечения ряда обстоятельств. Хотелось бы думать, что мы — «группа товарищей» — оказались достойными должным образом «оседлать» эти благоприятные обстоятельства. Смогли создать такую дружественную компанию, которая под странным названием ППФ просуществовала полстолетия, оставаясь активной и, в хорошем смысле, предприимчивой, не лишенной творческой шоу-искорки.

Даже в годы оттепели (середина 60-х годов), которые еще несли следы сталинизма, ППФ как-то не попала в объектив всевидящего ока или была на время отложена органами для «дозревания». В общем, не была «пресечена на корню» со своими, хотя и сдержанными, но иногда дерзкими, слегка завуалированными эзоповым языком, осмеяниями той самой советской действительности, которая не очень благостно относилась к подобным акциям, да еще и групповым. Естественно, что никаких заговоров и призывов к свержению чего-либо в наших текстах не было. Многие из нас были еще с 30-х годов достаточно пуганы и по опыту собственных семей знали силу и слепоту карающей руки родного государства, действовавшего, конечно, от имени народа.

Может быть, какой-то защитой служило то, что основным составом ППФ были физики с докторскими степенями, а позже даже избравшиеся в академики. А физиков в те времена держава зря почти не расходовала и «любила», хотя бы как создателей ядерного и ракетного оружия. Потому, возможно, и закрывали глаза на их небольшие грешки свободомыслия.

Оттепельная погода постепенно переходила в застойные брежневские времена, потом к перестройке и к сумбурному советскому капитализму. «Опасные» темы в наших спектаклях переплетались с критикой тупых академических нелепостей, а также и общегосударственных тенденций — гонения на диссидентов, космополитов, на преклонение перед зарубежной жизнью где-то там, за «железным занавесом» и т.п.

Здесь нам кажется уместным привести выписку из книги, в которой содержится любопытное упоминание и некая характеристика ППФ от лица стороннего (нам неведомого) зрителя:

«...Новый год почти всегда встречали в Абрамцеве. С начала 60-х годов на соседней даче образовалась очень музыкальная компания, назвавшаяся Подмосковной филармонией. Они к Новому году готовили спектакль на злободневные темы в какой-нибудь музыкальной форме — опера, оперетта и т.п. — и в новогоднюю ночь показывали его у Леонтовичей...»

(Воспоминания о М.Л. Левине. Н. Новгород, 1998, стр.166).

В этих строчках была верно расшифрована аббревиатура — ППФ: (1) Подмосковная, так как выступления проходили большей частью в Абрамцеве. (2) Приакадемическая, поскольку темой выступлений в первые годы была академия с ее чудачествами; а многие исполнители знали и ощущали описываемые события изнутри, так как работали в академических институтах, даже первые спектакли игрались нами в доме академика. (3) Слово «филармония» вошло в название из-за принятой нами музыкальной формы изложения содержания. Отмечена также и злободневность тематики. Цитата была взята из сборника воспоминаний о Мише Левине, крупном физике, поэте, зяте академика М.А. Леонтовича. Миша был также близким другом А.Д. Сахарова, от которого он не отступился во все годы гонений на Андрея Дмитриевича.

Как оказалось, слова автора этой цитаты стали и провидческими, как бы угадавшего в перспективе развитие нашей Филармонии на полвека вперед.

Начнем с самого начала. Вначале было несколько группок взаимно интересных друг другу людей. Не юных — все уже были с высшим образованием, большинство достигли ученых степеней и званий, имели семьи. Многие из них, как упоминалось, были физики, доктора наук. Однако по естественным жизненным пересечениям человеческих судеб компания пополнялась представителями других специальностей. Влились еще химик и социолог, врач и архитектор, строитель и товаровед, геоботаник и искусствовед и даже специалист по древнефранцузскому языку.

В постепенном сплочении сыграла роль тяга к летним каникулярным путешествиям. В первые для ППФ, 50-е годы, все устремлялись на доступные и довольно исхоженные тропы Кавказа. Для таких походов подбирались «по интересам» группы в 5—10 человек, чтобы было и веселее, и надежнее, в смысле взаимной помощи при необходимости. Маршруты не были «экстримными», как бы теперь сказали. Потеря «живота» не предполагалась, но вывихи и переломы ног случались. Особенно при непредвиденных капризах погоды или когда туристы замахивались на преодоление гор, требующих соблюдения альпинистских азов.

Походные условия позволяли хорошо узнать друг друга, проверить надежность и контактность спутника, а также и его интеллектуальный

багаж. Со временем кто-то терялся из виду, кого-то нового находили. В походах кроме преодоления повседневных трудностей происходили приятные посиделки у костра, велись не глупые, свободные разговоры и пелись, пелись песни. Тогда существовал почти канонический набор туристических песен, чаще всего шуточных, порой слегка иронических или романтических. Они передавались от группы группе, потом скатывались с гор на морские пляжи и звучали там, а потом и в городских застольях. Эти песни служили еще некоторыми ступеньками, как бы — «пробой голосов», к сплочению «вольных странников» в нашу Филармонию.

После возвращения из походов, осенью и входя в зиму, для нас стало традиционным проводить совместные встречи в праздничные дни, хоть революционные, хоть православные, а также в дни рождения, именин членов компании и т.п. Содружество проверялось и в этих собраниях. Пели те же туристские песни, играли в шарады, буриме. Новый год обычно встречали в Абрамцево, где Алеша и Таня (на даче, унаследованной от Алешино отца — академика А.И. Абрикосова) стали собирать наше уже более-менее сложившееся сообщество. Кроме умеренных застолий в программе были лыжные выезды в пределах окрестностей академического поселка.

В 2—3 часа новогодней ночи на лыжах отправлялись с поздравлениями на соседскую дачу к обширному семейству академика М.А. Леонтовича и их гостям. Пели там несколько песенок из того же туристского репертуара. Иногда удавалось услышать острое поэтическое выступление умницы Миши Левина. Там однажды встречались с Зиновием Гердтом.

Потом под предводительством академика, азартного лыжника, отправлялись в пробег по ночным полям, лесным опушкам, оврагам. Это было романтично и страшновато — не поломать бы ноги — ведь ночи не всегда были лунными. В конце концов, добирались до гостеприимного абрикосовского домика и там досыпали ночь.

Иногда у Леонтовичей мы показывали кукол (а-ля Образцов) или «Латерну магику» (волшебный фонарь) — действо с проекционным фонарем, теневым театром и пением. Форма этого представления была завезена в Москву каким-то чешским театром. Но на этой стадии нам стало казаться, что для такой обширной и интересной зрительской аудитории следовало бы подготовить что-нибудь посолиднее...

И тут прозвучало: «Давайте создадим оперу!» Так называлось одно из произведений для детей британского композитора Э.Б. Бриттена.

Наша Филармония уже сформировалась в некотором устоявшемся составе. Для такого объединения мы, считаем, созрели после кавказского похода 1957 года, когда двумя группами с разных перевалов все сошлись у моря (см. первые «исторические» фотографии). Там, в Пицунде, будучи в блаженном настроении, исподволь пришли к мысли, что вместе

нам держаться интересно. Это и способствовало созреванию дерзкой решимости размахнуться через пару лет на постановку нами самими придуманного представления. Увы, на этом дело не кончилось, и затем мы опрометчиво создали еще три десятка спектаклей.

Первый наш опус был поставлен в жанре оперы, как и было задумано. Это называлось «Академщина», и поначалу действие проходило на фоне того же абрамцевского академического поселка. Главным героем стал чудаковатый академик. Естественно, прототипом послужил Михаил Александрович. Вот так мы и отблагодарили это семейство за новогоднее гостеприимство. Ибо!.. искусство всегда требует жертв (иногда — чужих!).

В этой вступительной части книги познакомим читателя и с первыми энтузиастами, решившимися выйти на сцену ППФ, и назовем их имена. Более полно о всех друзьях, причастных к Филармонии, — о ее солистах-основателях, зрителях-соучастниках, «просветителях», расширявших наши кругозоры, будет рассказано ниже, в главе 8 «Люди Филармонии»:

Алеша Абрикосов — молодой талантливый физик-теоретик, ставший в 27 лет доктором наук, ученик Ландау. Позже — был избран в Академию, сейчас живет и работает в США. Но в своей карьере дальше Нобелевской премии (в 2003 г.) не пошел.

Энергии и «сценической наглости» (как его выступления когда-то охарактеризовал сам Гердт) хватило Алеше и на участие в сочинении спектакля, и на главную теноровую партию в нем. Правда, вскоре его оттеснил от славы премьеры прочно вошедший в наше содружество, щедро одаренный природой тенор — Юра Гайдуков. О нем мы скажем немного дальше.

Вклад в становление ППФ Алешиной жены, Тани Абрикосовой — умной, красивой, с двумя высшими образованиями (филолог и врач ППФ) проявился в качестве сурового и пристрастного критика. Она, поддерживая наши разумные начинания (если их можно было назвать таковыми), сурово осуждала тривиальности, которые иногда просачивались в тексты. Таня же и печатала самый первый вариант этих сочинений. Эту почетную работу она честно выполняла на протяжении всех 50-ти лет жизни ППФ! Однако на сцену упорно не выходила. Нами ей были любовно даны прозвания и Тусеньки, и Чушки, и Лапушки, и еще — Эскулапушки.

С этой парой издавна был дружен Алешин друг с детских, школьных лет — Варлен Колбановский, социолог, кандидат философии. Уж он был одарен самим небом для участия в сочинении и исполнении наших любительских спектаклей: поэт, обладатель музыкального слуха, бархатного баритона и приятной внешности брюнет с черными усиками (на сцене, увы, и поседевшими). В силу его специальности и политической подкованности он был прозван Комиссаром.

Далее пришло время сказать о паре «Богдасики» — Аде и Богдане Поповских. В кавказские походы хаживали вместе. По существу им можно отвести роль некоего катализатора, направляющего созидательные порывы в компании, организационного и творческого начала в сочинении сюжетов и текстов, сборе репетиций, придумывании намеков на сценические декорации, муляжи и прочее. За это Богдан был обидно обозван Директором и назначен в ансамбле басом. Аду, соответственно, окрестили Директрисой. За приятный голос она стала постоянным меццо-сопрано и брала на себя волевые, характерные роли. Оба не были физиками. Ада по божьему промыслу после Плехановского института работала товароведом, аж в самом ГУМе. Богдан — строитель, кандидат, позже доктор технических наук, за участие в одной интересной работе — стал лауреатом Ленинской премии.

Естественно спросить, а кто же был сопрано-лирико? Без коего музыкальный театр немислим.

Это была Галя Подейко, архитектор, по-туристически прозванная Кысочкой. Но Галя была не только «лирико». Она была «за всё»: с красивым, высоким голосом, уверенным сценическим поведением, пленяла зрителей внешностью, сценическими костюмами и создаваемыми образами. Имела постоянных поклонников и поклонниц среди наших зрителей. Она перепечатывала тексты новых спектаклей в десяти экземплярах, а еще замечательно их иллюстрировала собственными рисунками, представленными нами в качестве иллюстраций к первым и частично к некоторым последующим опусам.

Дело в том, что регулярное фотографирование выступлений у нас прижилось позже, а в последний период все потеснили съемки видеокamerой (опять же — без фото).

Галин муж, Виктор Олевский (химик, доктор наук, лауреат), несмотря на все упомянутые его достоинства, прошел еще, как пишут в мемуарах, трудный сценический путь от незаметного хориста до признанного в ППФ солиста как по вокалу, так и в балете. Это была честно заслуженная им награда судьбы за твердую волю и целеустремленность, за что его и обозвали Командором.

Никакой, даже «очень камерный» музыкальный театр, не мог бы состояться без оркестра и дирижера. Обе эти фигуры вошли в наше действо одним семейством: Ира Голямина и Миша Хайкин. Оба физики, оба в ученых степенях. Миша вскоре стал членом-корреспондентом Академии наук.

Ира, кроме покоренных ею высот в области акустики, была еще и блестящей выпускницей Училища имени Гнесиных. Она на высоком музыкальном уровне облагораживала наше пение, а мы за то иногда перетаскивали для нее пианино из комнаты в коридор (ближе к сцене) и наоборот.

Положение Миши как дирижера в нашей Филармонии было предопределено самой судьбой как по его личному музыкальному и волевому потенциалу, так и тем обстоятельством, что его дядя, с той же фамилией, дирижировал в Большом театре. Это очень подкрепляло наши амбиции, когда на нашей сцене объявляли: «Дирижер — Хайкин!»

Ира и Миша умели умно поговорить. Миша часто давал идеи для отражения в спектаклях и готовил интересные вступления к ним. Собственно говоря, его критическое слово в наших играх бывало и решающим.

Через некоторое время наша Филармония получила неопределимое усиление. В компанию была вовлечена молодая пара (во всяком случае, несколько моложе нас). Юра Гайдуков и Наташа Крейнес. Оба — физики. Участие в Филармонии не помешало им вскоре защитить докторские диссертации. Юра — обладатель прекрасного (даже слегка поставленного) тенора, статный, красивый, не боящийся сцены. Наш безусловный (более чем на три десятилетия) жён-премьер. Вместе с Галей они составили главную любовную пару в спектаклях разных жанров. Наташа же на сцену не пошла, но во многом подсобляла — оберегала тенора от поклонниц, снимала видеокамерой наши спектакли, а также была активисткой группы зрительской поддержки. Это была наша постоянная опора во всех «взлетах и падениях труппы».

А еще Юра неожиданно для нас оказался великой находкой для нашей компании: самородком-путешественником. При участии Наташи он стал главным предводителем и организатором (с выбором маршрутов) походов — пеших (таежных, горных), а также путешествий на плотах, байдарках и зимой — на лыжах. Физически сильный, он нес самый тяжелый рюкзак и, в той же мере, нес главные заботы о безопасности товарищей. А если куда-то «заводил» группу, то сам и выводил ее из трудных ситуаций. Вряд ли без него мы решились бы на походы к камчатским и курильским вулканам, гейзерам, к горам и снежникам Алтая и Саян, на строительство плотов и сплав на них по сибирским и уральским рекам.

С первых же спектаклей в качестве «хора» выступали две подруги — Майя Боровская и Марина Гречушкина. В дальнейшем из них сформировался замечательный характерный дуэт, совместимость голосов в котором отражала глубокую несхожесть их профессий: преподавания старофранцузского языка и деятельности физика-ядерщика. Впрочем, обе имели степени кандидатов в своих науках.

Особое место заняла еще одна пара физиков — Андрей Боровик-Романов и Таня Беликова. Таня мудрая и спокойная, кандидат наук. В силу своей близости к академическому распределителю дефицитных продуктов заслужила у нас звание Маркитантки ППФ.

Андрей же, будучи уже академиком, сделал блестящую карьеру и в Филармонии. Он сам для себя придумал амплу Рабочего сцены. Этой

своей деятельностью он очень гордился, что не мешало ему попутно «подрабатывать» еще и директором Института физических проблем АН, после Петра Леонидовича Капицы. Кроме того, в наших спектаклях Андрей не раз при необходимости заменял и солистов.

Несколько лет спустя в ППФ появилась Нелли Колбановская — физик, кандидат наук, ставшая женой Варлена, а заодно и нашей примой-балериной, хористкой и солисткой. Пару в балете ей составил делавший быструю карьеру на нашей сцене Виктор Олевский.

По счастливой случайности в нашем архиве обнаружилась ценная фотография. Она помещена в форзаце книги. Здесь на сцене во время спектакля «Подмосковная кадрили» (1983 г.) представлены почти все перечисленные выше лица. Кто из нас кто (?), можно поименно увидеть на 7-м листе первой вклейки иллюстраций к начальной части текста. К сожалению, здесь нет Алеши Абрикосова, который с 1969 года отошел от Филармонии.

В Подмосковной Приакадемической было еще много участников — и на сцене, и в «пошивочном цехе», и в зрительном зале. Однако роль восторженно аплодирующего зрителя была для нас чуть ли не самой главной. О многих других «подельниках» нашей компании мы расскажем далее, так сказать, «по мере их вступления в действие».

Далее для сокращения текста будет упоминаться имя, за небольшими исключениями, выше и ниже названных участников Филармонии, потому что в дальнейших текстах приведенные здесь фамилии, титулы, заслуги повторяться не будут. Более широкие рассказы о членах Филармонии будут приведены еще в главе 8 «Люди Филармонии».

Мы нареклись Филармонией неспроста: ведь мы готовили музыкальные представления регулярно к каждому Новому году, иногда повторяя их при других okazиях. А то, что было за рамками этих спектаклей, тоже щедро заполняло нашу все более дружную жизнь.

Утвердились традиции «грязевых походов» в лес ранней весной, байдарочных походов в начале мая по разлившимся рекам, летних путешествий по красивейшим горным, речным, таежным местам страны. Стали традицией совместные выезды в другие интересные города в дни осенних праздников. Потом — лыжные прогулки и опять же Новый год. Не говоря уже о совместных посещениях значимых московских выставок и концертов. Обо всем этом рассказано по месяцам в главе 9 «Филармонический календарь».

Едва ли не самым главным были сборы на репетиции, обсуждение ранних вариантов текста, называемых по-студенчески «рыба», составление Ирой «клавира» из всей отобранной музыкальной смеси. А еще придумывались и комбинировались (или даже шились!) из наличных

одежек костюмы, для всех героев, выходивших на сцену. В каждое действие вставляли какой-нибудь танец, обдумывались свето-шумо-эффекты — всё, как в настоящих театрах (вернее, как в пародии на них).

В нашем рассказе мы хотели бы представить читателю не только главный результат трудов — то или иное сочинение, а всю атмосферу созидания и постановки каждого спектакля. Вскоре выяснилось и всегда подтверждалось, что главной радостью для всех участников было придумывание сюжета, выбор жанра, ролей, текстов, выискивание мелодий.

Кроме «основного» состава, представленного выше, вокруг ППФ сгруппировались еще многие верные друзья и постоянные наши зрители. Они же были и просто проверенными друзьями всем нам и друг другу, участвовали во многих походах и прочих начинаниях всей компании. Многие из них в шутку проходили кастинг — становились и хористами, и солистами. ...И в случаях вынужденных замен часто выручали «основной состав». Так, в Филармонию органично вошли пары: Сережа Славатинский и Света Дубровина, Игорь Ковнер и Искра Кабанова, Таня и Миша Виноградовы, часть из них — кандидаты и доктора наук.

Потом выросло первое поколение «детей Филармонии»: Ира Гайдуква, Леха Абрикосов, Галя и Юра Поповские. Они создали надежный резерв и часто солировали на заменах. В последней череде спектаклей уже действовали наши внуки: Катя и Саша из дома «Богдасиков», а также Наташа — внучка Миши и Иры. Три поколения прошли через «сцену ППФ». Молодежь участвовала в серьезных походах и экскурсиях, иногда училась уму-разуму у старших.

Болезнь оказалась заразной... Дети, а потом и внуки, сами ставили со своими сверстниками спектакли собственного сочинения, со своими стихами и даже с оригинальными собственными мелодиями, в чем превзошли нас. Они же с малых лет вовлекались в наши походы. И, слава богу, они, как нам кажется, вошли в жизнь более интеллектуально обогащенными и приспособленными, чем многие другие подростки.

ГЛАВА 2. ПРОБА СИЛ (ОПУСЫ 1–10)

ОПУС 1. АКАДЕМЩИНА. 1961—1962 гг.

Возвратимся же, терпеливый читатель, к первому спектаклю — опере «Академщина», поставленной на даче у Леонтовичей. Хотя этот опус был первым, но, к счастью, комом не вышел. Наше представление было хорошо принято и даже повторялось на каких-то других мероприятиях. Это дало нам уверенность в себе и послужило импульсом для создания в последующем трех десятков опусов всех возможных и невозможных жанров. Правда, следует вспомнить — все это начиналось, «когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли».

Сюжет оперы был очень прост. Вступительный хор уже по смыслу и подтексту содержал в себе некий дерзкий намек. Музыкальная основа этого хора — гимн-славословие 30-х гг.:

*От края до края по горным вершинам
Где вольный орел совершает полет,
О Сталине мудром, родном и любимом
Прекрасные песни слагает народ!*

В нашем вступительном хоре к «Академщине» кощунственно звучит парафраз к этой «аллилуйщине», от которой мы еще так недавно ушли.

Хор жителей академпоселка:

*От моря до моря течет наша Воря.
Живем мы на Воре, не зная забот.
Нам дачи поставил здесь мудрый любимый,
Великий (пауза)... и нам благодарный народ!*

Справка. Поселок Академии наук Абрамцево был построен по личному указанию Сталина. Двухэтажные финские домики были бесплатно отданы наиболее именитым академикам, что отражало политику не только «кнута», но и «пряника».

Воря — небольшая подмосковная речка, протекающая у поселков Абрамцево, Калистово, Радонеж; впадает в Клязьму.

Следующий после запева хор поселян выражает удовольствие от своей дачной жизни и восхваляет родную Академию (хор девушек из «Евгения Онегина»):

Женские голоса: *Дачники Абрамцева, душики академики,
Разгуляйтесь, милые, затяните песенку...*

Басы: *Академья — наша мать, как ее не прославлять,
Нашу Академию!*

Эта идиллия прерывается появлением **старого академика**. Он не в себе, поет: *Ла-ла-ла-ла...* (из «Риголетто»):

Хор поселян (в испуге): *Бедный Академик,
Скажи нам, что нас ждет!*

Академик пророчествует (как дон Базилио из «Севильского цирюльника»):

*Антимир, все сокрушая,
Все в ничто преображая (2 раза),
Превратит все дачи в пишик.*

В этой завязке использован еще один принцип нашего творчества — «ныне и присно» опираться на злободневные научные или державные темы. В тот период среди физиков, а особенно среди обывателей, муссировался модный вопрос открытия антимира, который может поглотить все наше сущее, соответственно — и дачи, построенные для академиков. Отчего и весь переполох.

Развивая действие дальше, смело выступил против истерики старого академика **молодой ученый**. Его ответ был обоснован и сформулирован в строго научном тоне исполнителем этой роли Алешей Абрикосовым (*ария Фарлафа из оперы «Руслан и Людмила»*):

*Даже если бы ваш антимир был сплошной
И сюда приближался со скоростью света,
Миллионы бы лет протекли над землей...
Ближе — признаков антиматерии нету!..*

Поселяне упрекают молодого оппонента в зазнайстве и даже угрожают «завалить» его при защите диссертации. Заступилась за него только жена с убедительной мотивировкой:

«Все равно его не брошу, потому что он хороший!».

Наконец, на сцене появляется деловой человек — гость из Грузии. (При Сталине было модно в пьесы и фильмы вставлять симпатичного грузина.) Наш «деловой» предложил оставить ему все дачи, а людям спастись на байдарках и жить в палатках, потребляя предлагаемое им чудодейственное средство от аннигиляции.

Гость из Грузии:

*...Приезжайте, гэнацвале,
Дэли-во-дэла,
Угостим вас цинандали!
Вот и все дела!..*

Но тут пробуждается «русский медведь» в лице **молодого ученого**. Дескать, и мы имеем нечто свое против Антимира (хор из оперы «Майская ночь»):

*Есть у нас своя находка,
Много крепче наша водка! Э-гей!*

Тут хор в едином патриотическом порыве поет (естественно — опера «Травиата»):

Налейте, налейте полнее бокалы,
Мы русской водкой нальемся.
Мы с нею (4 раза) — любую напасть победим.

И, наконец, звучит финальный хор:

Славься, славься, научный наш мир!
Сгинь, пропади, сатана антимир!
Будем жить, не тужить, припеваючи,
Водку русскую попиваючи!.. и т.д.

Можно добавить, что у нас завелось еще одно правило — давать к основному наименованию опуса также и подзаголовок, в котором раскрывалась ироническая сторона нашего подхода к разыгрываемым событиям. В опере это было что-то вроде: «На Воре (реке) страсти кипят».

Опера состоялась и даже пользовалась успехом, несмотря на некоторую пропаганду в ней идеи алкоголизма. Более того, «под водку» спектакль еще более радостно был принимаем и восхваляем: «А похвала художнику, что канифоль для смычка!»

ОПУС 2. ОРАТОРИЯ-БУФФ. 1963 г.

Только что прорезавшаяся на свет Филармония вошла во вкус сценического творчества. В преддверии следующего Нового года была подготовлена «Оратория-Буфф» с подзаголовком «Бешеной собаке семь верст не крюк». Уже в этом просматривается, что в новом произведении воспеваются туристические, походные подвиги членов Филармонии. Тем более, что год был очень урожайным на путешествия и происходившие при этом приключения.

Предложим читателям нашу самую краткую трактовку этих захватывающих событий хотя бы в нескольких фрагментах. Все подается как бы в рамках заседания некоего Ученого совета (форма всем нам очень близкая).

«Повестку дня» всех походов и событий представляет и комментирует **Ученый секретарь.**

Первым в протоколе фиксируется скромный байдарочный поход по реке Угре двух семейств.

Хор: *Хайкины и Шарвины уважали Дарвина*
И создали симбиоз — хайко-шарвинский колхоз...

Единственной трудностью в этом походе был избыток продуктов.

Хор (печально): *Угра не глубока, но бег ее опасен*
Так можно не успеть
Свои запасы съест...

Другой эпизод оказался посерьезнее. Юра Гайдуков повел группу друзей в поход на Саяны.

Секретарь: *Гайдуков, собравши ближних,
Верхних взяв одежду и нижних,
Залечив бывшие раны,
Вновь помчался на Саяны.*

Имеется в виду, что годом раньше, идя по Саянам с оленями, Юра, охотясь, впопыхах стрелнул себе в пальцы ноги. Вывозили его вертолетом. Это художественно представлено в песне Миши Левина в адрес (и в пику) Филармонии (см. приложения).

В «отчетном» году тоже не обошлось без приключений. Если хайкошарвинский колхоз пообедался, то команда в Саянах разминулась со своими заранее отправленными по почте припасами и изрядно постилась.

Следующий фрагмент оратории.

Хор: *Славатинский и Олевский
Были наглы, были дерзки...
Веря в свой счастливый шанс,
Устремились на Тянь-Шань-с.
Новому году поклонимся, старую быль возвестим —
Сагу в Абрамцеве сказывал Хайкин с ансамблем.*

И этот поход был не легким, что отражено в сумрачном хоре.

Басы (хор из оперы «Демон»):

*Горы Тянь-Шаньские, горы высокие,
Дебри дремучие, пади глубокие.
Ходим мы, бродим, дороги не знаячи,
Ноги сбивая, судьбу проклинаячи...*

Рассматривается еще один пункт «Повестки дня»:

Секретарь: *Обнаглел туристский мир — устремился на Памир.
А зачинщик тех затей — Абрикосов Алексей.
Забрались на перевал, где никто и не бывал.*

Хор: *Таниадой нарекли, но спуститься не смогли.
Вот скандал!*

И опять тема недоедания (и музыкальная тема из «Дон Жуана»).

Тенор (Алеша): *Культа не надо делать из своего обеда...*

Меццо (Ада): *Ах, я теряю силы, теряю силы...*

Алеша жаловался на боли в животе. В Хороге ему удалили аппендицит, все прошло благополучно.

* * *

И — наконец-то! Второй акт спектакля. Финальный и торжественный эпизод всех летних путешествий — о поездке академика Леонтовича с чадами и домочадцами на Дальний Восток.

Встречали их с большой помпой, что и дало нам возможность слегка

порезвиться по поводу этого примера советского способа чиновничества. (Мелодия из оперы «Демон», далее по песне «В двенадцать часов по ночам...».)

Хор: *На воздушном океане без руля и без ветрил
Тихо плавает в тумане четырехмоторный Ил.
И над всем восточным берегом трубят, трубят трубачи:
— Едут, едут, едут, едут — Леонтовичи!!!*

Хор: *В двенадцать часов (по Москве)
Выходят по трапу туристы,
И замер весь Дальний Восток,
Встречая высоких гостей.*

Генерал: *Сми-и-рно! (марш из «Аиды»):
Округ Приморский приветствует вас,
Вас охранять получили приказ,
Почести воинские вам воздавать
Ваши труды, Ваши труды в частях изучать
Ваш плазмотрон и электрон,
А также все элементарные частицы —
Все несомненно пригодится
Для подготовки политико-боевой!
На Академика равняйся!*

Хор: *Округ военный приветствует Вас,
Он Академика зрит в первый раз,
Славит величье и мудрость его
Приморский ВО, Приморский ВО, Приморский ВО!!!*

Большой эскорт сопровождал высоких гостей по всем достопримечательным местам Края. Дальше добавить уже нечего!..

Повестка дня исчерпана. Остается наивный финал о пользе туризма и движения:

Хор: *Давайте же бегать, резвиться,
Шататься, мотаться, носиться
В горах, в океане, в Саянах, Тянь-Шане
Пешком, на ослах, в ероплане...
(Бас: В купе на диване...)
Всегда и везде! Слава бродячей звезде!*

Тут и занавес был бы уместен, если бы он у нас был!..

Наметилась определенная закономерность. Опусы отныне и далее начинаются вступительным хором прологом, обобщающим главную тему спектакля, и завершаются финальным хором с некоторой отвлеченной

«моралью» о всем представленном. Позднее в середине действия появились еще зонги и интерлюдии, где в дуэте или трио зрителям готовился переход к следующему действию.

К ряду спектаклей вступительное слово сочинял Миша, всегда с остроумным обобщением ситуаций, породивших данное творение.

Заметим кстати, что к постановке «Оратории» был изобретен способ имитировать декольте у хористок. Его делали из телесного цвета бумаги — миллиметровки и прикалывали булавками поверх туристических ковбоек.

ОПУС 3. ПРЕКРАСНАЯ СТАЖЕРКА. 1964 г.

Набравшись некоторого опыта, мы задумали, решились и поставили полноформатный спектакль — оперетту «Прекрасная стажерка» или «Любовь не насилие, полюбишь и Василия». Здесь весь наш артистический коллектив с радостью окунулся в напряженную закулисную атмосферу одного крупного научного (а для многих — родного) института с его интригами и сплетнями. Создатель и многолетний директор этого института довольно прозрачно назван у нас ректором — Минотавром.

Запев к этому спектаклю, хотя и исполняется на извечно опереточный мотив из «Сильвы» — «Красотки... кабаре!», насыщен глубоким философским смыслом. По существу он и явился в этом спектакле первым зонгом. Текст его непосредственно к развитию действия не относится, но четко отражает «злобу дня».

Зонг «Наука — ты наше ремесло»

Хор: *Различные работы окружены почетом,
Их пользу с малолетства знаем мы —
На мамонта охота и ловля рыбки-шпрота
Нас вывели из мезозойской тьмы.
Блаженствует чиновник, стукач и уголовник —
Общественно полезен всякий труд —
И деятели эти людей на всей планете
К прогрессу социальному уверенно ведут...
Наука, наука, ты наше ремесло.
Не всякий в науку пролезает,
Наука питает и ум, и естество,
И кормит ученых, и одевает.
Наука, наука, ты наше ремесло.
Не всякий наукой сыт бывает.
В науке, в науке не многим повезло,
Но каждый стать директором мечтает!..*

Кавказ. 1–3. Походы в Приэльбрусье, 1957 г. 4. Передышка в пути: Богдан Поповский, Миша Виноградов, Дима Гурлянд, Миша Аэров; сидят: Виктор Олевский, Ада Поповская, Галя Подейко. 5. Варлен Колбановский — идет своим путем.

Кавказ. 1. Задержка по дороге к морю на винзаводе в Амбролаури. 2. Объединившаяся с Абрикосовыми группа на пляже в Пицунде, 1957 г.: Алёша Абрикосов идет шестым, Татьяна — замыкает шествие. 3. Групповой выезд на лыжах в Подмосковье.

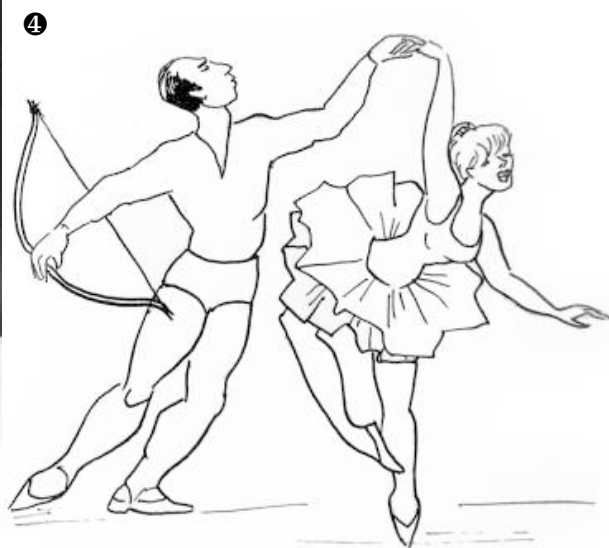
«Друзья-основатели ППФ». 1. Алёша Абрикосов и Варлен Колбановский, возвратившиеся из эвакуации из Казани в Москву. 2. Таня Абрикосова. 3 и 4. Ада и Богдан Поповские.

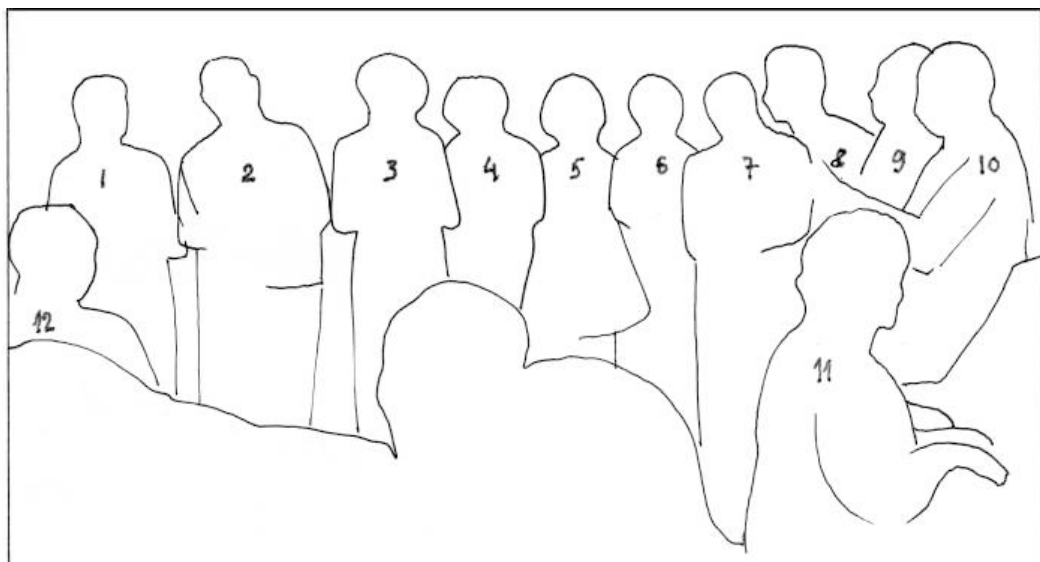
Первые солисты: 1. Виктор Олевский (вокал и балет). 2. Галя Подейко – Примадонна. 3–4. Персонажи начальных новогодних представлений: куклы (по Образцову); тени из «Латерна-магика». 5. Майя Боровская и Марина Гречушкина – вокальный дуэт. 6. Из объектов их интересов – северный храм.

1. Ира Голямина – наш «оркестр». 2. Миша Хайкин – дирижер. 3. Они же – на рисунке Гали Подейко. 4. Юра Гайдуков – тенор, жён-премьер. 5. Наташа Крейнес всегда в заботах.

1. Андрей Боровик-Романов — рабочий сцены. 2. Татьяна Беликова. 3. Нелли Колбановская. 4. Балетная пара Нелли и Виктор (далее рисунки Гали Подейко, исключения будут оговорены особо)

Основные участники выступлений ППФ, сцена из спектакля «Подмосковная кадрили», опус 18, 1983 г.:
1. Ада. 2. Богдан. 3. Галя. 4. Марина. 5. Нелли. 6. Майя. 7. Варлен. 8. Юра. 9. Витя. 10. Миша.
11. Ира. 12. Андрей (см. форзац).

Подмосковье. 1. Теплый домик – приют для лыжников. 2–4. Прогулки вблизи Абрамцево.

Басы: *Во славу человечества,
А также и отечества...*

Женский хор: *...Творит физик, угрюм и дик,
Предчувствуя полочки сладкий миг!..*

По нашему либретто **молодые физики** выражают недовольство своим положением (как и денежным содержанием).

Поэтому, несмотря на авторитет ректора, несколько зазнавшихся молодых докторов задумали сами продвинуться «в директора».

Разумеется, это были фантастические претензии, да еще подтачиваемые внутренней конкуренцией между претендентами. Таковы нравы, переделать их нельзя, зато можно высмеять.

(NB! В данном случае исполнители высмеивали ситуацию, в которой находились сами.)

Маститый ректор знает о происках всех претендентов: *«Всех к рукам приберу!»*

В действие вплетается еще один зонг. Он исполняется одним из молодых теоретиков Васей **Бонвиваном** (мелодия Вертинского «Я маленькая балерина»).

Зонг молодого карьериста

*Я был ответственный работник, не унывал.
Я жил легко и беззаботно, как бонвиван.
Одно я в жизни ведал твердо, не дую в ус,
Параграф два главы четвертой и «Краткий курс».
Еще меня Трофим Лысенко собой пленил.
Я за Лысенко лез на стенку на весь ВАСХНил...
Но «Краткий курс» не почитают, Лысенко сник.
И все кумиры исчезают куда-то вмиг...
Гадаю на кофейной гуще — мне не понять,
Когда же сверху будет спущен кумир опять?*

Справка: К этому зонгу не лишним будет небольшой комментарий.

Параграф 2 четвертой главы «Краткого курса истории ВКП(б)» содержал приравниваемое Катехизису сочинение Сталина «...о диалектическом и историческом материализме». Этот раздел был множеством людей изучаем, и тем же множеством — не воспринимаем.

В 1964 году после смерти Хрущева стремительно закатилась звезда «черного академика» Т.Д. Лысенко, гонителя генетики и генетиков в СССР. Попытки опять спустить «кумира» сверху продолжались еще десятки лет, но, к счастью, пока безуспешно.

Тут к сюжету приплетается еще одна линия, к тому же связанная с вторжением в наше бытие приезжающих из-за рубежа разных коллег. В

институт прибывает в соответствии с планами КОКО (Комитет координации науки в АН) стажерка мадемуазель Кордебалина-Кордебалетта из «Фоли Бержер» — Парижского института сугубо экспериментальной (натурной) физики, о чем и докладывает переводчица ректору.

Это событие спутывает все планы и ректора, и молодых карьеристов. Сразу же самый молодежавый доктор (исполнитель этой роли — Алеша) предлагает Кордебалине руку и сердце, но получает отказ.

В результате доктор наук терпит фиаско, а стажерка дарит свою благосклонность **молодому аспиранту** (роль исполнял Юра), сохраняющему верность своей русской девушке — аспирантке Мильве:

*Девой не увлекусь французской,
Чтоб не портить зря анкет,
Я коренной ученый русский —
Мне дороже Мильвы нет.*

В тексте вспоминается и новый центр теоретической физики — Белоголовка (в реальности — Черноголовка а, может, мы предвидели и Сколково), куда и удаляются влюбленные, исполнив положенные им дуэты и арии («Мильва, ты меня не любишь!..»).

А о Белоголовке рассказывает **хор**:

*Белоголовка — для ученых приют,
Белоголовку для наук создают,
И, видно, неспроста такая суета,
В Белоголовке — обстановочка та!*

Аспирант: *Знаю я одно прелестное местечко.
Там болото есть и маленькая речка,
Замечательный проект,
Дубовицкого проспект,
Там из нас получит всяк
Двухэтажный особняк.*

Развязка оперетты столь же неожиданна, сколь и проста, как и требует этот жанр. Под личиной Кордебалины-Кордебалетты скрывалась уже упоминаемая молодая российская аспирантка **Мильва** (роль которую, раскроем тайну, исполняла Галя), чтобы таким способом проверить искренность чувств своих поклонников. Она отвергает их («Пошли вон, дураки!») и восторженно взывает к Аспиранту:

*Кумир мой, кумир мой!
Эйнштейн ты второй,
Умен, как Бор, как Пифагор,
Смел, как Дирак, и не дурак!*

На сцене присутствует и комическая старуха, составляющая пару ректору. Он же никому не собирается уступать свой пост. **Финал** в устах ректора-**Минотавра** звучит так:

*Пора уже кончать весь этот балаган.
Рассеялся интриг удушливый туман.
Исчезнут шум и суета, все сядут на свои места,
И Минотавром я останусь навсегда!*

В общем, оперетта получилась масштабной, переполненной мелодиями из музыкальных комедий. Что-то для понимания читателем хода событий добавляют рисунки Гали по впечатлениям от представления.

ОПУС 4. РЕВЮ «ДЕРЖИСЬ, ЗАГРАНИЦА». 1965 г.

Как известно, жанр путевых сочинений очень заманчив. «Я еду! Что вижу, о том и пою». Это было использовано в «Оратории-буфф» и повторено в настоящем спектакле — ревью «Держись, граница, или Корова на льду». В ревью был отражен понемногу накапливаемый нами опыт выездов людей из нашего окружения за рубежи СССР. «Железный занавес» еще только слегка дрогнул, но все же за него уже удавалось иногда заглянуть простым смертным. Первыми, конечно, ринулись избранные судьбы — физики: на конгрессы, конференции, встречи с давно известными им по имени, но лично не знакомыми коллегами.

Для разрешения на выезд требовалось получить «чистую» анкету от отдела кадров; санкцию партбюро своего заведения; пройти выездную комиссию в райкоме, где въедливые ветераны партии могли завалить любого своими каверзными вопросами («А кто председатель компартии Гватемалы?» и т.п.); пройти собеседование в специальной комиссии в ЦК КПСС.

На отъезжающих нервозно действовали суровые наставления в «большом доме», что дозволено и что «не рекомендуется!». Также была настоятельность к навязываемым спутникам «в штатском», которые бдительно следили, чтобы «Руссо-советико» соблюдал свой «облик морале».

При этом «совку» выдавались очень скудные средства, отмеряемые в бухгалтериях вплоть до центов, пфеннигов или су. А ведь у «гомо-советикус» был еще длинный список от членов семьи и знакомых на заграничный ширпотреб. Вот он и выкручивался разными способами — вез с собой консервы, сухари, чай, кофе и кипятильники для их приготовления и многое другое.

Подзаголовок к ревью («Корова на льду») намекал, как неустойчиво чувствовали себя «наши люди», выпущенные на волю.

Эти и другие проблемы разыгрывались в ревью в присущих нам формах. Как следовало из титульного листа текстуры, «зрелище состояло из двух отделений с танцами, музыкой, кино; с прологом и эпилогом, и даже (О!!!) со стриптизом. Детям до 16 лет «не рекомендовалось». Слова «Не рекомендуется!» прошли лейтмотивом по всему нашему действию.

Этот опус не имеет сценических героев. Он состоит из отдельных сцен с обширной географией и многообразной драматургией. Уже в прологе «наш человек» мечтает, как он «прошвырнется по загранице».

Пролог начинается бодрым запевом:

Соло: *Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Прошвырнуться за границу
Есть желанье у меня!
Поброжу по загранице,
Там соблазны велики,
Так модерна там девицы,
Так шикарны кабаки.*

Хор: *Всюду франки, франки, франки,
Всюду франки без конца,
А без франков жизнь плохая —
Не годится никуда!*

Но жизнь также «не годится никуда» и без долларов, рупий, марок, лир, йен и т.п.

Вторая ключевая тема — **инструктаж**, что с глубоким знанием дела было описано в следующей сцене опуса — «Инструктаж»:

Хор мужчин: *Топ-топ постовые,
Охраняют часовые,
Илотдел не дремлет наш —
Он проводит инструктаж.*

Женщ.: *Для научной единицы:
Посещая заграницу,
Что дозволено Капице,
Абрикосу не годится...*

Хор: *Вам не рекомендуется,
Вам не рекомендуется!*

Мужчины: *Для научной единицы
Возбраняется весьма:
Изменять жене с девицей,
Лезть в публичные дома.
Лишь с гражданкой СССР
Безопасен адюльтер...*

Женщины: *А с гражданкой капстраны
Шашни не разрешены!*

Хор: *Вам не рекомендуется!
Вам не рекомендуется!
Трам-там-татам!*

Одна из сцен посвящается Индии, в которую заслали группу наших физиков, в том числе Алешу и Мишу для обучения местных кадров, но местные люди рассуждают так:

*Если все мы Шиве верны,
На фиг нам науки нужны...*

Еще сцена — Япония. — На фоне Фудзиямы разыгрывается трагическая история невозможности любви между командированным в Японию «совком» и простой трудящейся гейшей (японская мелодия):

Гейша: *Нам живется и привольно, и легко,
От науки и от скуки далеко,
Мне до счастья путь не долог,
К нам приехал социолог,
Он японских женщин ценит высоко!*

Женщины: *Полны любовью их сердца... их сердца...*

Хор: *Но две системы соревнуются —
И не рекомендуется! И не рекомендуется!
Трам-там татам!*

Нашего концертмейстера Иру занесло аж в Бразилию на выставку советских достижений, где «было неспокойно» — там произошел взрыв-теракт.

Соло (Ира): *Я в Рио-де-Жанейро направлена Главкоко,*

Хор: *А Рио-де Жанейро ужасно далеко!
Тропический город Рио, элегантны его сыны:
Носят поголовно все белые штаны,*

Хор: *Одеты поголовно все в белые штаны.
Голямину взрывали агенты ФБР.*

Ира: *Но их не испугалась гражданка СССР.*

Женщины: *Голямина не взорвалась, осталась она цела.
В Рио-де-Жанейро такие, брат, дела!*

Во втором отделении нашего ревью география выездов сужается до зоны действия — «Галопом по Европам!».

Самая лирическая сцена развивается в солнечной Италии. Был написан чудный дуэт, который затем многократно исполнялся Юрой и Галей (понятно, что на мелодию песни «Санта Лючия»).

Он: *Дева, тобою в плен взят отныне.
Ты, как Софи Лорен и Пампанини.
Создали боги деву Италии:
Руки и ноги, бюст и так далее...*

Она: *Мадонна миа! Едем в Россию...
Санта Лючия! Санта Лючия!*

Но в оркестре звучит тема судьбы — Трам-там татам («Не рекомендуется!»)

Он: *Дева! Прости-прощай, нету нам счастья:
Нас не пускают в рай органы власти...*

Она: *Все вы обманщики, плуты большие!
Санта Лючия! Санта Лючия!*

Две следующие сцены горестно пронизывает одна тема о «нашем человеке — совкового типа».

Хор (ария Мефистофеля):

*Добровольный сей аскет
Лишь валюту берегает,
Не умыт, недоедает
И не ходит в туалет...
И в подарок купит, други,
Он колготки для супруги,
Видя в них свой идеал...
Капитал там правит бал!*

Ответ той самой супруги из России дан в виде шлягера «на века». Это коронная **ария Ады** (по песне Эдит Пиаф — «Падам!»):

*Вернется же сокол мой,
Ответственный дорогой,
Пусть время в разлуке прошло —
Он мне привезет барахло!
Привезет барахло!
Продам! Продам! Продам!
И часы, и джерси, и нейлон.
Все сменяю, продам, на комиссию сдам,
Останусь сама нагишом!*

Следующая сцена несколько отличается от предыдущих тем, что командированный «совок» в Париже чувствует себя, как на качелях, между запретами и желаниями их нарушить. (В основе сценки — известная песня кумира тех годов — Ива Монтана «На качелях».)

Баритон (Богдан): *Льом советик сюр ан балансуаре —
Между запретом и внутренним жаром...
Ищет возможность удрать на Бульвары,
Чтоб потихоньку завернуть в кабак.
Бегом на Этуаль,
Потом на Тур-Эффель,
Потом на Пляс Пигаль,
Там заскочил... в... (музей?)
И Гран-Стриптиз смотрел...*

Пришло время показа стриптиза на наших подмостках. Увы, получилась накладка.

Стриптизеркой назначили Свету. Но у выключателя лампочек стоял ее муж Сережа. Он волновался больше всех и выключил свет, когда актриса сняла только-только верхнюю стеганую фуфайку. Сцена была сорвана, но идея осталась жить в воображении зрителей, а также была домыслена до конца на прилагаемом рисунке Гали.

Еще был финал. Этот зонг вошел в наш концертный репертуар на годы. Его последние строки излучают оптимизм и глубокий, привычно напускной патриотизм нашего «совка» (мелодия — хор «Шли по степи полки со славой громкой...» из забытой оперы Держинского «Поднятая целина»):

Зонг о советской собственной гордости

Хор:

*...Постыла нам загранкомандировка...
Постыл не наш идейный небосклон.
Здравствуй, Дубна! Привет, Черноголовка!
Прими от красных путников поклон.
 Наш человек с широкою душою...
 Буржуй дрожит на долларах своих,
 А мы с одной рублевкою простою
 Сообразить сумеем на троих.*
Пусть утопают в барахле и блуде,
А нам плевать на образ жизни сей,
Запад гнилой решительно осудим,
Переплюем буржуйских сволочей!*

*Справка. Поллитровка водки стоила 3 рубля 20 копеек.

Пожалуй, этот зонг будет самым подходящим заключительным словом ко всему этому опусу.

ОПУС 5. АФИНЕЯ. 1966 г.

Жизнь идет, и горизонты Филармонии расширяются. От событий в отдельно взятом академическом институте перешли к проблемам всей Академии. А именно, к самому болезненному событию в академической жизни — к выборам новых членов. В нашей интерпретации даже не пришлось добавлять трагизма. Известно, как много трагедий случается в борьбе «за мягкое кресло». Спектакль в форме древнегреческой трагедии был соответственно назван «Афиня» — в трех эпизодах с пародом (по-гречески — прологом,) и эпилогом.

Пришлось выставить на сцену «полухорие», как в Греции, оглашающее под руководством Корифея суть представляемого действия.

Корифей:

*Нам предстоит избранье кандидата
В Высокий и Ученейший Олимп!»*

Хор подтверждает:

«Ио!: Сто раз повторим — слава нам, слава вам, слава им!»

Да! Однако есть проблема. Она в том, что место на Олимпе одно, а кандидатов двое.

Первый претендент — Гнейсий (Алеша) — звезд с неба не хватает, но его поддерживает в своих интересах элитный академический салон, руководимый утонченной дамой Полихимией (Галя). Главные лица в ее салоне: Аристотель (Витя) и Пифагор (Богдан).

Второй кандидат — Заплутарх (Юра). Он — порождение зла. Его выдвигает уголовный афинский шалман, возглавляемый бандершей Евстервой (Ада). Сам Заплутарх хотя в науках мало смыслит, но уже «уркаган в законе». Однако и он побаивается ученого мира. Однако завсегда-таи шалмана насильно его подталкивают идти на выборы.

Евстерва (гадает): *Ротор, статор, мирный атом.
Ты и будешь кандидатом!*

Если в 1-м эпизоде в **салоне Диэлектры** благостно пели:

Средь ликов богоравных... и в возвышенных мирах!..

то во 2-м эпизоде в шалмане у Евстервы выдвижение кандидата отмечали под «Гоп со смыком!...». Заплутарха поддерживает философ-забулдыга Сократ (Варлен), которого **хор** так нелюбезно характеризует:

*Уродился он курносый,
Глупый, лысый и гундосый —
Сразу видно, что идеалист!*

Кульминация, весь драматизм действия сосредоточены в 3-м эпизоде.

Корифей с полухорием возглашают:

*Рано рожденная вышла из тьмы розоперстая Эос!
Выборы, тайные даже, весьма и весьма щекотливое дело! Ио!*

На Агоре встречаются оба кандидата и «проталкивающие» их группировки. Обстановка накаляется. Один из мудрейших, чтоб не дошло до поножовщины, объявляет, ссылаясь на прорицание оракула, что Зевсом спускается еще одно дополнительное место на Олимпе. Такое практикуют обычно во все времена и в других Академиях. Но в СССР это было возможно только с дозволения отдела науки ЦК КПСС.

В финальном хоре, как бы отстраняясь от показанных в трагедии безобразий, провозглашается справедливый подход к избранию ученых.

Хор: *Если парень подходящий и имеет ум блестящий,
Будет нам он подходящим кан-ди-да-том!*

*Пусть одет он не по моде и собою Квазимодо,
И анкетой не угоден бю-ро-кра-там!..
Будь он даже иудеем,
Лишь бы не был прохиндеем,
И пройдет он в эмпиреи — не по благу и т.д.*

Как мы здесь ни стараемся сократить цитирование наших текстов, они сами прорываются на страницы. Особенно это чувствуется при пересказе наиболее полюбившихся нам (и зрителям) спектаклей. Придуман некий ход. Полные тексты двух таких опусов предполагается дать в виде приложений. Интересующийся читатель сможет сам узреть там нюансы, неизбежно упускаемые при пересказах.

Первым из таких «избранных» опусов пусть и будет «Афиняя» (приложение 1).

ОПУС 6. КАЛЕКО. 1967 г.

Мотивы для выбора формы и содержания очередного опуса — «Калеко — цыганская драма» — хорошо изложены во вступительном слове нашего дирижера Миши:

«...Действительно, подвижность и предприимчивость цыганского племени могут быть образцом для многих ученых и даже послужить базовым принципом для проведения эффектных (не путать с эффективными) исследований. Особо в этом деле важна роль рекламы для продвижения научных, или околонаучных, открытий».

В нашем случае была избрана идея — осуществить отправку ракет в космос, используя энергию огнедышащих вулканов. Но не их «энергетику» — словечко, которое особенно любят применять представители паранауки.

Еще в спектакле просматриваются мотивы такой тенденции, как размножение (почкование) кусочков Академии наук по «далям и весям» страны — в Сибири, в Якутии, Калмыкии...

Почему бы и нам не изобразить Сахалинскую или Камчатскую Академию. Места подходящие и нам известные. Мы там бывали, ходили к вулканам, общались с вулканологами.

Два представителя ППФ (Алеша и Богдан) для углубления знаний о вулканах выезжали с группой физиков в 1968 г. в экваториальную Африку и восходили на Килиманджаро.

В то же время в Москве члены Филармонии пристально изучали цыганский репертуар, посещая единственный в мире цыганский театр «Ромен».

И вот на нашей сцене начинаются чудеса — во всей красе предстает цыганский табор на Камчатке. Чем занимаются? Мужчины — бывшие конокрады — теперь переквалифицировались в угонщиков авто. Цыган-

ки — гадают, «дурят» головы туристам. Для развития действия есть еще несколько персонажей. Ученые: Президент Сахалинской АН (Богдан) и его ученик в бегах — Селифан (Алеша).

Эпиграфом к спектаклю может служить первый же хор из Пролога:

*Реклама — двигатель науки.
Она ученых верный шанс.
Не нужны творческие муки,
А только шумный резонанс...*

Далее следует **ариозо Президента:**

*Есть Сахалинская да Академия,
Ее возглавил я — она моя.
Готовим бублики для разной публики,
А цель единая — рекламная.
Задачи трудные, а кадры скудные.
Кого сманить я мог в такую даль?
В Совете пьяницы за рюмкой тянутся,
Юнцы гуляющие и, в общем, шваль.
Один напарничек довольно шустрый был,
В рекламе толк он знал, мой Селифан.
Членкором сделался и в люди выбился,
К тому же выдумал гидрофонтан...
Все было славно так, дошли до главного:
Хлопушку стал свою он заряжать —
Водой всех залило, пеплом прижарило...
И Селифанушка решил бежать...*

Хор: *Бежал бродяга с Сахалина звериной узкою тропой...*

Президент решительно намерен найти беглеца:

*Гоп со смыком, буду я не я,
Селифана разыщу, друзья.
Стану за него стеною, трудо- и благоустрою.
Вновь реклама расцветет моя!*

Далее начинается развеселое первое действие — Табор!..

Вступительный **Хор** цыган выливается в классический зонг:

Зонг о цыганщине в науке

*Цыгане с песнями и свистом
Камчатским берегом идут.
Гадают простачкам-туристам,
Автомобильчики крадут...
Идем по свету, а денег нету,
Гони монету, мой дорогой!*

*Чтоб быть цыганом и жить обманом,
Родись с таланом и головой!
Цыгане в вездеходах кроют,
Поскольку — лошадям капут,
Они не пахнут и не строят,
Зато танцуют и поют...
Они свободны от промфинплана,
Политплатформа их такова:
Цыган играет... Поет цыганка...
Все остальное — трын-трава!*

«Работнички» докладывают старейшине, Вавиле (Вите), о своих делах.

Появляется Земфира и кого-то за собой тащит в табор (оказывается, что это — беглый Селифан).

Земфира радостно поет:

*Мы заживем по-новому,
Нашла я у куста
Мальчонку чернобрового —
Медовые уста (Ах-нани-нани-на!).
Идеями шикарными
Мальчишечка богат,
Знакомство с этим парнем —
Цыганам просто клад.
(Ах-нани-нани-нани-на!..)*

Селифан поясняет: *Мое творчество неистоцимо —
Мы ракету в вулкан поместим.
С извержением пепла и дыма
Прямо в космос на ней полетим!*

Цыгане одобряют идею (в предвидении денег):

*Любо слушать разумное слово,
Есть марьяжный к тебе интерес.
Мы идти за тобою готовы,
Мы ускорим научный прогресс!..*

Селифан выговаривает себе должность директора нового института под названием «Калеко» — Камчатская лаборатория естественной космонавтики.

Как Директор, он командует:

*Цыганам — по вулканам,
Гадалкам — в отдел научных предсказаний!..*

Данилу, который помоложе, посылают на ближний вулкан Коряку, чтобы он его готовил к запуску ракеты. Земфиру директор назначает секретаршей при себе. Это не нравится Даниле, но — ехать надо.

А Вавилу, как старшего, командируют для изучения рекламно-вулка-

нической потенции на заграничный вулкан Килиманджаро. Там, где-то в Африке!

Вавила прощается с Грушей (Ада) и уезжает. **Груша** грустит, но и проявляет бдительность:

*В дверь стучится зимний ветер,
А на сердце — зимний хлад.
Он уехал, ненаглядный,
Но... верну его назад.
На слонах, бродяга, ездит,
По притонам дует квас!
Пялит zenки на туземку,
Позабыл, подлец, про нас.
Но ему не отвертеться,
Возвращу его к себе.
Если сам он не вернется —
Обращуся в КГБ!*

Теперь и зрителю в самый раз перенестись на время в Африку. Пслушаем **Вавилу**:

*У рек африканской саванны
Рычат леопарды и львы.
На верном слоне-великане
Здесь едут посланцы Москвы.
Я жажду и неги, и ласки,
Экзотики хочется мне.
И с черною женщиной пляски
Ведем мы на знойной земле.
И под тропическим солнцем раздет,
Я повторяю с жаром:
«Черная женщина, братский привет!
О, Килиманджаро!»*

Вступает хор туземцев: *Тили-тили тесто, жених и невеста!
По нашим обычаям — вы теперь муж и жена.*

Вавила: *Но у меня же на Камчатке есть уже одна!
Что же делать?..*

Африканская дива: *Хиляем в Штаты. Беги скорее в ЦРУ!*

Из миража саванны возникают бравые **ЦРУшники**, в черных очках:

*Мы ценные работники, мы парни ЦРУ,
Попался зверь охотникам — мы с ним ведем игру.
Признанья обеспечены у нас на пленке тут,
И шашни с черной женщиной, и прочий блуд.*

(Все эти приемчики нам были известны досконально из детективных романчиков, скандальных статей в газетах и из кинобоевиков.)

Конечно, простоватый **Вавила** «раскололся»:

*В вулкане Академия ракету разместит,
Есть в руководстве мнение, что полетит.*

Агенты в такую чушь поверить не могут, считают, что он их перехитрил, и, к его радости, выдворяют из Африки.

Опять мы на Камчатке. В таборе оживление, **Селифан** готовит пуск ракеты:

*Я танцую и пою,
С меня взятки гладки,
Академию свою
Открою на Камчатке.*

Земфира: *Эх, раз! Еще раз! Отпечатаю приказ.*

Селифан: *Эх, раз! Еще раз! Сахалин нам не указ!..*

Приходит **Данила**, пытается объясниться в любви Земфире (они уже объясняются не на цыганском наречии, а культурно-канцелярским языком):

*Милая, плачу-сетую,
Пред тобой стою я с анкетойю.
Так взгляни ж на меня
Хоть один только раз,
Не кляня, не браня,
Отпечатай приказ...*

Земфира (непреклонна): *Пускай он уберется прочь!
Сотрудницей я стала старшей.
Я занята и день и ночь
У Селифана секретаршей!
Не говорите мне о нем!
Не говорите мне о нем!*

Даниле поручают получить из склада ракету и зарядить ее в вулкан (Не опрометчиво ли это, когда он так взбешен?).

Из Африки, наконец, добрался в табор Вавила.

Хор: *А-а! Появился, «невозвращенец»!*

Вавила (покаянно): *Не могу я жить без шампанского,
Да без табора, без цыганского...*

Груша его встречает строго: *Ко мне вернулся мой голубчик.
Ты где так долго пропадал?
Быть может, женищины там лучшие,
Быть может, родину продал?*

Ей вторит **Селифан**: *Ты весь морально разложился.
Скорбит о том Отчизна-мать.
Но коль валютою разжился —
Ее немедля должен сдать!..*

(Какие знакомые мотивы: женские беспочвенные обвинения, проработки и государственное выворачивание карманов — вымогание валюты.)

Данила докладывает о готовности к пуску.

К этому событию прибывает в табор и **Сахалинский Президент:**

*Здесь под грозным Камчатским вулканом
Я заметил большую возню,
Пахнет этот размах Селифаном.
Проясню и обратно смаю.
Если это цыганское племя
Так сумело рекламу раздуть,
Я использую место и время
И в столицу откроем мы путь.*

Хор: *Как же так — всех лягнуть
И в столицу взять путь?*

Президент: *Обратитесь с вопросом ко мне...*

(**Хор:** *Почему?*)

*Потому что у нас все проходит сейчас.
Особливо — на Сахалине!*

Перспектива завоевания Москвы примиряет обоих карьеристов.

Их дуэт: *Позабудем склоки, дразги мы,
Позабудем прежний разницей.
Раньше мы в науке шли по разному,
А теперь пойдем одной тропой!..*

Селифан информирует:

*Шеф, ракета прямо из вулкана готова к запуску в Космос.
Точное время нам выдаст отдел прогнозов:*

Гадалки:

*Наш вулкан в тумане светит,
искры гаснут, не горят...
Пусть летит, летит ракета
в день последний декабря.*

И вдруг (как всегда бывает) вулкан не вовремя взрывается, слышен грохот, крики: «Что случилось?..»

Данила объявляет: *Это я сделал! Это вам моя вендетта?*

Земфира: *Это он из ревности включил вулкан досрочно!
Из-за меня! Ах, цыган! Ах, мой красавец!*

Селифан озабочен.

Президент его успокаивает: *Красиво было! А относительно доклада на Президиуме АН не волнуйся. Реклама обеспечит успех. С этим можно идти в Москву!*

Хор: *В Москву! В Москву! В Москву!..*

Звучит торжественный, все обобщающий **финал-зонг**.

Зонг о нравах в научных кругах

*Цыганский быт и нравы стары,
Века проходят, как туман,
И даже в годы радиогитары
Цыган — останется цыган.
В науке тоже нет покоя,
Там страсть — друг друга подсидеть,
И только лишь с цыганскою душою
В науке можно преуспеть.
Сегодня мы немножечко цыгане,
А завтра труд цивилизует нас.
Мы разойдемся по заседаниям —
Прощай, мой табор, пою в последний раз! (2 раза)*

*Вся наша жизнь цыган напоминает,
Любой своим путем идет:
Кто посмирнее, тот всегда гадает,
Кто понахальней — тот крадет!
Сегодня мы немножечко цыгане,
А завтра труд цивилизует нас,
Вернемся к жизни в научном клане —
Прощай, мой табор, пою в последний раз!..*

ОПУС 7. МИСТЕРИЯ. 1968 г.

Начнем со вступления к опусу — от Миши Хайкина:

«...Медам! Месье!

Сегодня вновь перед Вами предстанут насквозь заслуженный хор и солисты Подмосковной Филармонии, предлагающие Вашему вниманию новый спектакль под титлом «Мистерия, или Божий дар не яичница», раскрывающий Вам лучшие традиции соцреализма. Отличительной чертой этого действия является абстрактный подход к миротворению и полное отсутствие содержания в обычном понимании этого слова, что позволило предельно обнажить и выпятить все сложные перипетии получения премий в наше время, истоки чего, как это станет очевидным, кроются еще в Ветхом Завете и Библии.

Мы просим низжайше почтеннейшую публику обратить свои взоры к небесам, не судить нас слишком строго за некоторые детали, живо напоминающие порой наши с Вами нравы, и рассматривать предлагаемую мистерию как ожерелье в стиле «модерн», состоящее из отдельных перлов, нанизанных на красную нить вымысла».

Сколь радуют нас такие вступления, ибо у кого из зрителей не пробудится любопытство, что же им будет предложено на самом деле.

Тема новоявленного опуса созрела у нас давно. Все были наслышаны о слепом Промысле в присуждениях (или не присуждениях) премий различного уровня. Кому, что, когда?

Некоторый личный опыт у кое-кого из нас был, сами когда-то получили свои медали. Но всегда вероятность этого события казалась близкой к нулю, до самого последнего момента.

С некоторыми домыслами наш «творческий коллектив» позволил себе представить, как эта процедура могла бы происходить в библейские времена. Результаты этого исследования и легли в основу содержания спектакля.

Среди действующих лиц (да простят нам некоторые наиболее чувствительные зрители) фигурируют: Бог-Отец и Бог-Сын (Богдан и Юра); Архангелы — Гавриил и Михаил — они же потом — Вельзевул и Люцифер (Варлен и Витя); Первая Ангелица, приятная во всех отношениях, она же и Дьяволица (Ада); Ангелицы (Майя и Мариша) — просто приятные; а также Адам с Евой (Галя и Алеша).

Первое действие начинается заседанием Небесного Ученого Совета, цитируем протокол:

Председатель, разумеется, **Бог-Отец**.

Ныне открываю заседание Сове-та! (Хор: Многая лета — 3 раза).

Хватит с нас пустого словопрения! (Хор: Премия! — 3 раза).

Бог-Сын: *Нужно дать без промедления
Предложения на премию,
Чтоб Творцу вознес хвалу я! (Хор: Аллилуйя! — 6 раз).*

Бог-Отец: *Без идеи не пробиться, как ни кинь! (Хор: Аминь!)
Давайте предложения.*

При высокой плотности физиков в коллективе ППФ все формулируется запросто и на современном научном уровне. Этот текст блестяще сочинен Алешей Абрикосовым тогда, когда теория кварков всего несколько лет как получила право гражданства в физике.

Гавриил: *Положим кварки мы в основу действия,
Дадим частицам скуচিতся.
Да будут сильные взаимодействия,
А дальше — как получится!*

Бог-Сын: *Так! Понятно! Это будет Твердь земная...*

Михаил: *В иллюминации для мироздания
Потребность очевидная,
Да будет свет там, где колебания
Есть электромагнитные!*

Бог-Сын: *Получаем Свет к Тверди небесной!*

«Академщина» — опера. Опус 1. 1962 г. 1. Два академика — М.А Леонтович и А.С.Боровик-Романов ставят для этого спектакля свет. 2. Обложка. Сцены из спектакля: 3. Супруга успокаивает академика — «нам не страшен антимира». 4. Спор кавказского гостя и молодого ученого, что надежнее против антимира — вино или водка (без комментариев).

«Оратория — Буфф». Оп. 2. 1963 г. 1. Обложка. 2. Хор туристок в бумажных декольте. 3. Ада жалуется Алеше на голодание в походе. 4. Юра — герой двух Саянских походов. 5. Миша Левин — автор баллады «Ёксель-моксель».

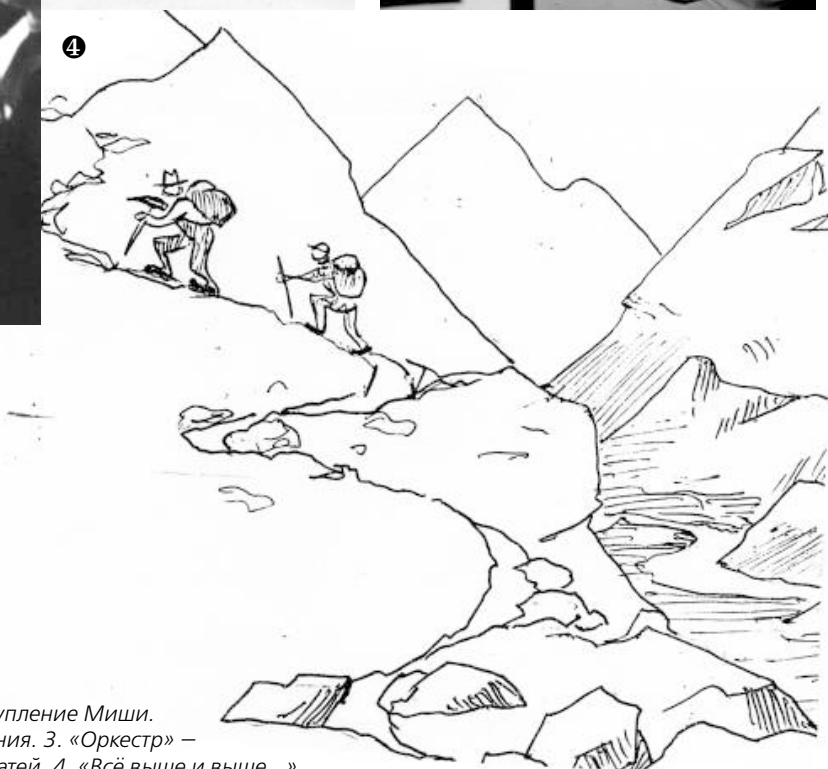
1 Оратория — буфф, ОПУС второй.
Интродукция, пять картин, апофеоз.

Вы увидите монументальное произведение, созданное в классических традициях крупных форм — однотемное, многочастное, полифоническое, — не лишённое, однако, некоторого налёта колоритной современности.

Оратория — буфф поднимает гигантскую тему активного отдыха трудящихся интеллигентов на девственном лоне природы.

Колоссальное значение этой животрепещущей темы экспоненциально нарастает по мере продвижения интеллигента по ступеням служебной иерархии и становится всепоглощающей при приближении к пенсионному возрасту.

Отталкиваясь от реальных фактов — поразжающей воображение действительности, оратория — буфф приходит к высокому художественному обобщению путём смелой гиперболизации, оставаясь в то же время произведением абсолютно конкретным, реалистическим.

Тот же опус 2. 1. Вступление Миши.

2. Сам автор вступления. 3. «Оркестр» —

Ира с помощницей Катей. 4. «Всё выше и выше...»

2

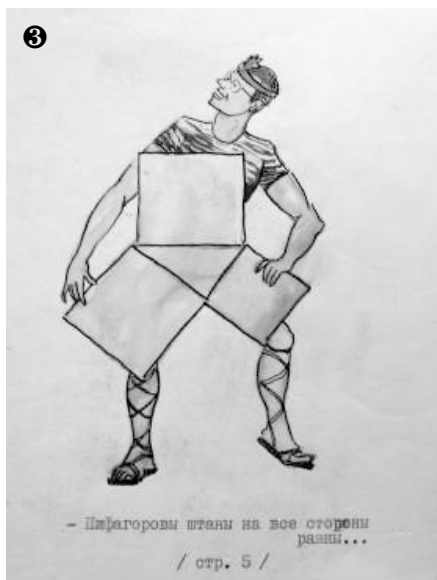
Оперетта — это сама жизнь!
 В оперетте есть все:
 любовь и интриги,
 злоба и насилие,
 хитрость и простодушие —
 в ней не нашлось места
 лишь дуродетели.
 Одним словом — в оперетте есть
 то, что мы искали — все необходимо,
 чтобы показать вам,
 что физик —
 — тоже человек
 и ничто человеческое
 ему не чуждо!

«Прекрасная стажерка» — оперетта. Оп. 3. 1964 г. 1. Обложка. 2. Вступление Миши. Сцены из спектакля: 3. Секретарша (Майя) сообщает директору-Минотавру (Богдан): «...К нам едет... стажерка из Парижа». 4. Молодой доктор (Алеша) «кадрит» стажерку (Галю). 5. Лихие младо-доктора (Витя, Алеша, Варлен) грозят занять место директора.

«Держись за граница» — ревью. Оп. 4. 1965 г. 1. Обложка. 2. «Совок» за границей «балансирует» между... можно-нельзя! 3. Коронная ария Ады: «Продам! Продам! Продам!». 4 и 5. «Опасные контакты» наших ученых с заграничными дивами в Италии и Японии.

«Афиня» — древнегреческая трагедия. Оп. 5. 1966 г. 1. Обложка. 2. Дама в благородном салоне Полихимии. 3. Пифагор в салоне Полихимии объясняет теорему о «своих штанах». 4. В своем притоне Бандерша-Евстерва танцует с Заплутархом танго «Как под Акрополем открылась пивная...»

«Калеко» — цыганская драма. Оп. 6. 1967 г. 1. Обложка. 2. Селифан (Алёша) агитирует цыганок создать Камчатскую цыганскую академию. 3. Командированный на Килиманджаро Вавила (Витя) пленен страстной туземкой. 4. Его шантажируют агенты ЦРУ.

①

Наша эпоха – эпоха грандиозных ~~научных~~ научных затей. С наукой связаны наши лучшие надежды. Что же нужно для её расцвета? Прежде всего – свобода: свобода мысли, свобода действий, свобода от ответственности за содеянное! Но этого мало – нужны фантазия, предприимчивость, смелость, размах!

Где же их искать? Где та среда, в которой произрастают творцы и организаторы науки?

Есть такая среда! Есть такой народ – немногочисленный и рассеянный по миру, нередко преследуемый, но вечно живой и деятельный. Сколь счастлива наша страна, имея среди сограждан представителей этого древнего и славного народа!

Его вдохновенное искусство даст нам средства, адекватные задаче: отобразить расцвет и размах научной инициативы в нашей стране!

Вот кто даст нам примеры современного служения науке, гармонически сочетающего самоотверженность и стяжательство!

Кто же этот избранный народ?

Ну, конечно же, цыгане!

②

– Иди ко мне, мой милый! Всё прощу!
/ стр. 17 /

Тот же опус. 6. 1. Вступление Миши. **2.** Селифан и его шеф из Сахалинской академии сговорились о рекламе идеи запуска ракет в космос из вулканов.

Хор Ангелиц (с подбострастием в адрес Бога-Отца):

*Гениальные идеи Вседержитель выдает,
Перед ним благоговей, Аллилуйю хор поет!*

Архангелы рассказывают о сотворении Солнца, Луны, звезд:

И все «...в движены, в движеньи!».

Ангелицы докладывают о создании фауны:

*Есть медведи и слоны,
Гады и гиены,
Птицы, рыбы нам нужны...
Все — согласно Брему.*

Есть и флора, как кормовая база:

Расцветут грибы у нас в раечке и т.д.

и славословят:

*Аллилуйя! Аллилуйя!
Без начала и конца!..
Одесную и ошую
Славим Господа-Творца.*

Выступает **Первая Ангелица**:

Господи, прости!..

Но, как-то мнится мне, что не потянет так на премию:

Не видится пока Венец творения!

Она из пыли и праха начинает ваять, и ваяет, и ваяет...

Бог-Отец (заинтересованно): *Ангелица, моя девица,*

Что ваяешь, не понимаю?

Ангелица отвечает: *Я ваяю, все понимаю —*

Шею-выю (и другое) я ваяю!

Бог-Отец (Всеведающий, наконец — догадался):

«Се будет первый человек!»

Первая Ангелица (нежно): *Вот и на свет тебя произвели,*

Крохотный житель огромной земли,

Будь человеком!

У Адама прорезается голос: *Вы...выхожу один я на дорогу...*

Бог-Отец: *Отчего же он один,*

В самом деле, тут недоработка!..

Ангелица: *Владыко! Эксперимент не закончен...*

Будет и пара — но из другого товара...

Архангелы, держите его покрепче!

Адам: *Ой, больно! Ребро отдайте!*

Ангелица: *Не боись, мы из него сделаем тебе Ладу.*

(Сотворяет Еву.)

Хорошо увидеть белый свет,

Хорошо, когда заботы нет,

Хорошо, когда цветет земля, и — вуаля!

Ева: *Здесь единственная дева — это я!*

Бог-Отец:

Благолепно! Назовем Евой. Пропишем с Адамом в Раю.

Но только!.. Яблочных продуктов не потреблять. Ни Боже мой!

(«Творение» Адама и Евы на нашей сцене было совершено безгрешным образом: два листа бумаги с нарисованными обнаженными торсами, а головы артистов возвышались над плакатами, что видно и на рисунке.)

Бог-Сын: *Отче! Это будет славное внедрение...*

Хор: *Премия! Премия! Премия!*

Бог-Отец: *Хватит славословий.*

Перейдем к списку соискателей.

Архангелы: *Список готов: тут и Бог-Отец, и Бог-Сын,*

И мы — Архангелы, и все Ангелицы...

Справка. Как хорошо известно, составление списка претендентов чуть ли не самый сложный этап во всех подобных процедурах. Нужно в списке оставить начальников, хоть к делу и непричастных, нужно мягко убрать основных исполнителей, включить кого-то от рабочего класса, а вообще — сократить список, как только мыслимо...

Бог-Сын: *Не пройдет, Отче!*

Длинен список очень!

Бог-Отец (мотив «Кукарача»):

К чертям собачьим, к чертям собачьим,

Ангелиц мы сократим,

К чертям собачьим, к чертям собачьим,

И Архангелов решим!..

Ангелицы и Архангелы:

Мы не заплачем, мы не заплачем,

Но обиды не простим.

Бог-Отец и Бог-Сын (мелодия «Москва — Пекин»):

Отец и Сын, Отец и Сын!

Дорога к премии открыта.

Отец и Сын, Отец и Сын —

Соавторы отбриты...

Бог-Отец: *А то, что мы вдвоем в списке,*

Не назовут ли семейственностью?

Бог-Сын: *Да что ты, Батя!*

Это же нормальная рабочая династия.

Михаил: *Что же мы имеем в осадке?!*

После радостей неприятности

По теории вероятности.

Гавриил: *По теории информации —*

Будет пакость администрации...

(к Богу-Отцу) *Диктатор ты! Израильский агрессор!*

(Последнее изречение было очень модным в те годы.)

Первая Ангелица: *А я ваяла, а я ваяла, но такого не ожидала!..*

Бог Сын: *Богохульничают! Да их за эти речи —
в порошок стереть.*

Бог-Отец: *Во! Вон! Попрошу...
Права голоса лишу!
И пособия не дам,
Прогоню ко всем чертям.
И имени, и сана вас лишаю! Отныне вы:
Люцифер, Вельзевул и Дьяволица! Вон!*

(к Сыну) *А кто у нас остался?*

Бог-Сын: *Вот, Ангелицы — смирны, как агницы.*

Бог-Отец: *Лишить их пола и повесить в чине.*

(Ангелицам) *Быть вам Архангелами при Отце и Сыне!
Сыне Божий! Скорее оформляй представление
И ишли Святому Духу на утверждение.*

Интерлюдия

Люцифер, Вельзевул, Дьяволица (танцуют и поют):

*Жил да был в небесах дряхлый бог,
Он закручивал гайки, как мог.
Только песня совсем не о том,
Что Творец оказался с душком.
Говорят, не повезет,
Если Бог тебя вниманьем обойдет,
А пока наоборот, а пока наоборот —
Мы дадим ему от премий поворот!*

Люцифер: *Подготовим анонимку Святому Духу. Задумаются!!*

Дьяволица: *Правильно! А пока идем: — «Ко всем чертям!»*

Второе действие начинается идиллически... Адам и Ева блаженствуют на солнышке в Раю. Возле них возникает Вельзевул с бутылкой яблочного сидра, предлагает освежиться...

Адам (в испуге): *Да это Бог нам не велел!*

Ева: *Брось, Адам. Чего Его бояться?
Он же всемилостивый! (пьют, «Перикола»)
Я славлю дерево познания.
Любить Адама есть желанье.
Красу увидит он мою —
Я «Мисс Вселенная» в Раю!
Я просто готова, готова, готова...
Но тс-с-с, начальству ни слова. Молчи, молчи.*

Адам (расхрабрился):

*Сядь со мной под древо, Ева!
Не боюсь я Божья гнева!
Для меня ты королева.
Ты не долго будешь дева, Ева!*

И, как на грех, входит **Бог-Отец**, видит бутылку, топает ногами:

*В прах и пух вас распушу,
Пансиона здесь лишу,
И, конечно, прокляну,
Прогоню на целину...
Вон, грешники, из Рая!*

(За некоторые неточности в изложении канонической библейской истории Дирекция ППФ никакой ответственности не несет. Как и за все другое, впрочем, тоже...)

Вбегает **Бог-Сын**: *Отец! То есть, Отче!*

Что же ты опять тут натворил?!

Изгнал ты эту пару из Рая, а как же мы теперь внедрение представим?

Что скажет Дух Святой?

Ему ж еще из ада и коллективку, небось, накаатают.

Теперь придется как-то исправлять ошибки, Боже мой!!

Айда, на землю снизойдем, к изгоям.

Все был рай да рай...А в третьем действе будет ад, правда веселый. Люцифер, Вельзевул и Дьяволица кружатся в радостном танце:

Трио: *Как же нам не веселиться —*

Нам теперь не будет бед.

Бог ни к черту не годится,

Потерял авторитет.

Этой премии на небе

Никому не увидеть,

Мы разрушим ухищренья

Бога, Сына, Духа, Мать!..

Вельзевул: *Все идет по-нашему.*

Теперь людишек приберем к рукам.

Дьяволица (дает наказ):

Много идей на свете, но наши сильней не зря.

Ведь на идеях этих вертится земля:

Трио: *Бабы, вино и карты, деньги и домино...*

На этом стоят Монмартры, вертятся казино.

Вельзевул: *Баб я беру на себя.*

Люцифер: *Вино! это по моей части —*

Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше,

Позови друзей проверенных своих.

*Ты увидишь, ты увидишь, как решаются задачи,
Как решаются задачи на троих.*

Дьяволица: *Карты, домино, другие игры — культура! Министром может быть и женщина. (Вспомнилась вдруг министр культуры — Екатерина Фурцева — «Екатерина Третья»).*

Все трое: *Восходим на Землю!*

Для четвертого действия только и осталась одна территория — Земля. Здесь Адам и Ева обживают в первобытных условиях. Вваливается **трио** чертей: *Привет прародителям! Как жизнь?*

Ева: *Городок наш ничего, население таково:
Только двое нас в пещере
Составляем большинство.*

Адам: *Собираем корешки,
От бамбука жрем вершки,
Добываем пламя треньем,
А из шкуры — шьем портки.*

*Приручаем разный скот,
Он ужасно много жрет,
Но молочные продукты,
Шерсть и яйца нам дает.*

Ева: *От зари и до зари
За хозяйством все смотри.
Сеем злаки, ловим раков,
Поголяешь черта с три.*

Люцифер: *А нас как раз и есть три черта.
Вот мы вас и повеселим —
Споем вам песенку про бабушку... (Танцуют.)*

Зонг о Чертовой бабушке

Трио: *Просим милости на сковородку.
Бабка чертова — шефом в аду!
Блюдом фирменным будет там водка,
А из грешников жарят рагу,
Бабка чертова любит ученых
Разных рангов и разных родов,
Аспирантиков недопеченых,
Академиков и докторов.
Любит бабушка номенклатуру.
Всех великих от мира того.
То добавит им температуру,
Жарит их горячее всего.*

Появляется райская делегация — Отец и Сын, Ангелицы (они же — Архангелы). Прибывшие пораженные останавливаются.

Бог-Сын: *Отче, наша карта бита! Черти нас опередили.*

Бог-Отец: *Нет, постой, Сынуля! Ведь я же Всемогущий!
Значит, я могу и с чертями сговориться...*

Бог-Отец поет (песня «5 минут...»):

*Если вы активно к премии стремитесь,
А нечистый ножку ставит на пути,
Вы не горячитесь, лучше — сговоритесь,
Можно и с чертями к цели доползти.*

Хор: *И улыбка омерзенья
Пусть не тронет ваших глаз.
Все окупится, если премия
Вновь засветится для вас.*

Бог-Отец (Люциферу): *Ну, по рукам?! (Жмут руки.)*

Люцифер: *С нами Бог!*

Бог-Сын: *Эх, Папуля! А с тобою-то Черт!!*

Хор: *Слава тебе, господи! (3 раза.)*

У этого сложно подчиненного спектакля (то ли Богу, то ли черту?) получилось **два финала**. Первый из них — очень напряженный:

Зонг о начальстве

*У дикарей эпохи каннибальства
Пещерный быт — был беден и суров.
Но на земле явилось начальство,
Оно моделью стало для богов...
Начальство милует, а может вставить клизму,
Все от него — и гнев, и благодать.
Еретика подвергнут остракизму
Или дадут цикуты похлепать.
Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Локомотив истории летит.
И над землей вожди народов стали
Сиять сильнее мировых светил.*

В этом зонге освещается ситуация всеобщего пофигизма 70-х, начала 80-х гг., когда:

Верхи: «Они думают, что мы им платим!»

Низы: «Они думают, что мы им работаем!»

Во втором финале призывы к людям звучат на канве более оптимистической мелодии («Марсельеза»):

Зонг о Прометеех

*Не сотвори себе кумира —
Завет издревле был таков,
И в пиджаке или в мундире —
Мы отвергаем всех богов.
И если искра Прометей
Твоей коснулася груди,
Перед начальством не робей,
Вперед без устали иди!
Вставай, поднимайся, ученый народ,
Прикладывай к творчеству руки
И двигай родные науки
Вперед, вперед, вперед!..*

ОПУС 8. РЕКВИЕМ. 1969 г.

Дать такое название этому нашему спектаклю — были весомые причины.

Несколько нерадостных событий омрачили для нас встречу Нового, 1970 года. Ухудшение экономического положения страны — как отражение западных кризисных неурядиц и существенное снижение уровня жизни простых смертных; контрнаступление идеологической реакции — травля Солженицына и других инакомыслящих. Наконец, событие, прямо касающееся ППФ, — это расставание Филармонии с Алешей Абрикосовым и, в связи с этим, вынужденный уход нашего «театра» из академического поселка Абрамцево.

Было решено, что наиболее адекватной этой обстановке музыкальной формой должен быть «Реквием». В нашей интерпретации он содержит некоторое подобие канонических частей, полагающихся в таких сочинениях, и опирается как на мелодии солидных авторов — Моцарта, Бетховена, а также и на не канонизированный фольклор. Нам удалось выстроить свой ряд музыкальных номеров для такого рода опуса.

Наш Реквием открывается строгим, минорным запевом с текстом на иностранном языке:

Ich weiss nicht, was soll es bedeuten. Das ich so traurig bin.

Я не знаю, почему мне так грустно (Шиллер).

Запев повторялся 4 раза в разных комбинациях голосов и хора с таким расчетом, чтобы слушающим стало тоже очень грустно, и они с пониманием приняли бы второй лейтмотив этой части Реквиема.

Эта партия была поручена благородному соло (народная песня «Лучина»):

Баритон: *Девальвации раскаты,
Все финансы ввали в грусть.
Пропадай, гори, моя зарплата —
До полочки не дождусь...*

Следующая часть — Лакримоса, как и полагается — самая трагическая (моцартовская).

Хор: *Лакримоса, льются слезы,
Вянут розы, гибнут грезы...*

Затем — мягкий переход (к бетховенскому «Сурку»):

Бас: *Мы вместе к славе или своей, Абрамцево, с тобою!
От малых форм до эпопей, Абрамцево, с тобою!
И вот пришел печальный час, Абрамцево, с тобою!
Быть может, разлучают нас, Абрамцево, с тобою!*

Хор: *С тобой всегда, с тобой везде, Абрамцево, с тобою!*

Печальные мелодии вдруг перебиваются дерзким меццо, которое (в семидесятые-то годы) поет зонг с весьма предсказательным содержанием текста. Этот **зонг** как бы противостоит одиозному партийному лозунгу, прозвучавшему в то время: «У нас секса нет!»

Зонг о сексе

*Хватит нудных песен!
Хватит дохлых арий!
Секс нам интересен,
Нам и пролетариям.
Та любовь — старинка.
Секс идет на смену.
Голье инстинкты
Рвутся на арену!
Разорвут секс-бомбы
Цепи аскетизма!
Рухнут катакомбы
Строек коммунизма!*

Домине — здесь **хор** допускает некоторое простительное предъюбилейное самовосхваление (перед кем же?) по поводу своих успехов (грузинская песня «Аллаверды»):

*Да, не стремимся мы на сцену,
Союзов творческих чужды.
Господь с тобою, Мельпомена! Аллаверды! Аллаверды!
Всегда довольны мы собою,
И ложной скромностью горды.
Мы говорим: «Господь с тобою». Аллаверды! Аллаверды!*

В *Агнус Деи!* Филармония выразила свое отношение к «волнительной» истории, которая приключилась осенью 69-го года с Алешей Абрикосовым, устремившимся к новому браку с французенкой. Удивительно то, что это событие мы увидели еще в оперетте «Прекрасная стажерка». (В те времена браки с иностранцами очень не одобрялись и процедура всячески усложнялась властями.) Для этого номера мы выбрали мелодию песни «На речке, на речке, на том бережечке» из фильмов Данелия, которая нам понравилась.

Действие, по примеру Козьмы Пруткова, было перенесено в пылкую Гишпанию:

Хор: *На речке, на речке, на Эстремадуре
Были с гишпанцем сердечные бури!
Сердечные бури, гишпанские страсти,
В Эстремадуре тревожились власти.
Каждые сутки фальшивые утки...
Кыш, вы! Летите, властей не гневите.
Власти гишпанца начнут материти...
Вернулся гишпанец на крыльях амура.
Вдарила в танец вся Эстремадура!..*

Часть *Диес Ире* Хор начинает речитативом:

Я иду с... Я иду с... Я иду с мечем судия!

Этот — палиндром, повторяемая еще в давние времена семинаристами магическая фраза, одинаково читаемая с начала и с конца. Некоторый слабо наблюдаемый в ней смысл очень соответствовал нашему спектаклю, был кстати. Тем более, что эта фраза сменяется другими не менее многозначительными строками:

*По улице ходила большая Крокодила!
Она, она — зеленая была.
Во рту она держала кусочек одеяла,
Она, она — голодная была!..*

А вся финальная часть Реквиема посвящена очень серьезной теме — нашей реакции на «гневное осуждение» А.И. Солженицына Пленумом творческих союзов за его Письмо советскому правительству. Как это он «осмелился», когда все молчат, поднять голос против застойно-удушающего режима в стране?!

Когда-то Салтыков-Щедрин рисовал российскую реакцию, как Торжествующую Свинью, чавкающую, пожирая Правду. Филармония избрала образ «Крокодилы», которая «голодная была».

Солисты попеременно исполняют обвинительную кантату в адрес «бунтовщика» (на мотив грустной песни «Потеряла я колечко...»):

Хор: *Пленум творческих союзов —
Выступает дружный хор,
Дружный хор, (наверно)!
Он врагу дает отпор!
Речь ораторы толкают:
Подтянуть насчет идей,
А злодей, (наверно) —
Заработает кандей...
(имеется в виду Гулаг)!*

Далее **мужской хор** как бы озвучивает фонограмму Пленума:

*Ах ты, сукин сын, рязанский лиходеи!
На второй срок заработаешь кандей!
Батогов тебе, злодей, не миновать,
И не станем мы «держат и не пуцать»!
Хоть Толстым ты будь, а коль супротив нас,
Нам и Ясная Поляна не указ!
Переделкино теперь — гордость масс!
Переделкино — российский наш Парнас!*

Переделкино — это отдельная песня... В этом дачном литфондовском поселке под Москвой тогда в основном пребывали самые махровые лидеры советской «секретарской литературы». Последние слова появились на слуху потому, что секретари Союза советских писателей издавали миллионными тиражами преимущественно свои макулатурные сочинения. Одной из ведущих и самых одиозных фигур был «интеллигентоед» Всеволод Кочетов, автор актуально-гнусной книги: «Что же ты хочешь?».

Справка. Пленум творческих союзов 1969 г., хитро объединивший всех «лояльных» творцов: писателей, кинематографистов, музыкантов, художников, архитекторов, — это одна из позорнейших страниц в истории так называемой «советской творческой интеллигенции». Известны и другие, такие же позорные действия: травля Ахматовой и Зощенко (1946 г.); борьба с космополитизмом (1946 — 53 гг.); шельмование великого поэта Пастернака (1959 г.).

Пленум творческих союзов 1969 г. являлся также смотром сил («проверкой на вшивость») перед столетним юбилеем Ленина. На этом пленуме среди сотен присутствующих не нашлось ни одного, который бы решился защитить А. Солженицына — великого русского писателя и гражданина. Все было хорошо отрепетировано и срежиссированно. А. Твардовский был отстранен от дел, и к тому же тяжело болел.

Кочетову и в его лице другим «сподвижникам» гонений посвящается еще один мотив Реквиема (на песню «Полюшко-поле»).

Тенор: *Горюшко-горе, горюшко, велико горе,
К нам просочились басурманы, идеологические злыдни!*

Хор: *Кочетов едет, на коне он белом едет!
Он въезжает да в литературу.
Ах да в русскую литературу!*

Тенор: *Что же ты хочешь? И куда ведет дорога?*

Хор: *К культу ведет эта дорога.
Эх да распрекрасная дорога!*

Это наше мрачноватое предсказание, к счастью, не оправдалось. Мы и сейчас, 50 лет спустя, видим постоянные попытки возродить культ Сталина. Мы рады надежде, что колесо вспять не повернуть.

Хор повторяет: *Я иду с... Я иду с... Я ИДУ С МЕЧЕМ СУДИЯ!!!*

И все же каноническая форма любого Реквиема предусматривает некоторое просветление, оптимистическую концовку — «**Бенедиктус!**».

Выше упоминалось о государственной возбужденности по поводу 100-летия от рождения Ильича. Филармония тоже решила включиться в юбилейные пляски, но не забыла и себя.

Хор: *Все навстречу юбилею, юбилея близок час!
Не смолкает, не слабеет, нарастает трубный глас!
Но кому же там и сям воскуряют фимиам? (Пауза.)
Филармонии сегодня десять лет в час Новогодний!*

И то же самое звучит в финальном **Мизерере:**

Зонг восхваления юбилеев

*Мы любим праздники, мы любим юбилеи,
А Филармонии набралось много лет,
Нас поздравляет благодарная Расся,
Нам академики шлют пламенный привет.*

*В суровых буднях жизнь украшают юбилеи,
И им не рад лишь отщепенец-ренегат.
Пускай ликует благодарная Россия,
Пусть юбилеи Филармонии гремят!!!*

*Звучит гармония прекрасного вокала,
Аплодисменты дружно сотрясают зал,
Их Филармония заслуженно стяжала —
Нам кризис жанра никогда не угрожал.*

ОПУС 9. СПОРТ, СПОРТ, СПОРТ! 1970 г.

XX век был веком развития во всем мире техники и высоких технологий, а в нашей стране все более расцветало пустозвонство. Около трех-четырех научно-технических и компьютерных революций второй половины XX века благополучно в СССР проморгали. Этому немало способствовал тот «аракчеевский режим», который партия пыталась навязать науке.

В головных академических учреждениях Москвы и Ленинграда, в научных городках — Обнинске, под Новосибирском и в других — по команде сверху произошли форменные погромы — с исключениями из партии, с изгнаниями из науки ученых и ИТР, которые «были замечены» в якобинском вольнодумстве.

Оставалось одно — поставить всех ученых «во фронт» либо посадить в «шарашку», запугать и командовать, командовать! Известно много примеров, как это делалось и сколь низкий КПД это давало в конечном счете.

Эту острую проблему мы в своем кругу обсуждали многократно. И в нашем новом спектакле мы пришли к этой теме опять, избрав фоном модное на тот раз увлечение ученых масс чем-то вроде физкультуры и спорта. Сейчас это стыдливо называли бы «фитнесом», которым может заниматься каждый, кто готов напрягать свой организм (и кошелек).

В год работы над опусом «Спорт, спорт, спорт!» в академических кругах было уже достаточно способов укреплять свои тело и некоторый дух. Новое сочинение было определено как спортивно-лирическое показательное выступление клуба «СПОРТ-АК» в двух таймах со стартом, полуфиналом и финалом.

Несмотря на большое количество энтузиастов, тяготеющих к спорту, мы ограничились состав действующих лиц самыми весомыми академическими фигурами. Из видов спорта нами были выделены Секция бокса и Секция академической гребли.

Боксом у нас занимались мужчины: Суперпрезидент Стенькин (Варлен) и два кандидата в Полупрезиденты — Брасов и Грохотов (Богдан и Витя). (Не надо их путать с нобелевскими лауреатами Басовым и Прохоровым. Созвучие имен здесь — чистая случайность.) В секции гребли занимаются их жены: Стенькина, Брасова, Грохотова (Ада, Майя, Мариша) и прочие академические дамы. Со спортсменами работали Тренер и Тренерша (Юра и Неля).

Открытие первого старта было предоставлено **Стенькину**:

*Всю жизнь я на науку загубил и стал навеки
Суперпрезидентом. Но счастья нет как нет...
Что-то мне все кажется,
все почему-то кажется,
Что на восьмом десятке лет
ко мне любовь привяжется!*

Правда, профессор, подобно Фаусту, разумно рассуждает — где силы взять для молодой любви. Как черт из коробочки, появляется Тренер и предлагает помощь: «Займитесь спортом!» Это — его кредо! (Мелодия одного из венских вальсов.)

Тренер: *Труд умственный — он иссушает,
А труд физический — противен,
И от склероза и малярии (2 раза)
Одно спасенье — это спорт!
Займись спортом
И станешь гордым,
С бицепсом твердым,
Красив как бог!
Американки и итальянки,
И африканки лягут у ног!*

Затем Тренер показывает ему фото «Девушки с веслом» и так же как Мефистофель Фаусту, предлагает Стенькину подписать заявление в ДСО. Убеденный этими речами, **Стенькин** все подписывает, заявляя при этом:

*Не ищите меня, не ищите,
Свое личное счастье нашел.
Я от всех должностей отрекаюсь,
Потому что любить хорошо...*

Примеров таких академических выходов было множество, и сплетничать о данном конкретном случае мы не сочли нужным.

Со Стенькиным — все понятно.

На тренировку выходит секция бокса. **Болельщики**, как водится, озвучивают это в своих «кричалках» (песня из кино «Вратарь»):

Зонг спортивный, первый

*«Хлеб и зрелищ!»... массаж выдай
И владыкою будешь первый сорт —
Шли турниры и корриды,
А теперь всенародный идол — спорт!
И пусты, как полый шар,
Стали головы, стали головы...
Нет в них мыслей ни шиша —
Это здорово —
Профсоюзным властям!
Миллионноглавой гидрой
Переполнил болельщик стадион,
Из горла он пьет поллитру,
«Шайбу, шайбу!» — выкрикивает он.
Физкульт-привет,
Физкульт-привет!*

*Для глупцов...
Да и для умников —
спорт здоров!*

*От размышлений их отвлекай!
В левый край, в правый край не пускай!*

(По следам Эзопа в спорт-вакханалии мы позволили себе обвинять только профсоюзы.)

Тренер предлагает группе спортсменов расслабиться и проводит первый инструктаж, «дает установку» (по музыкальной теме марша Торреадора):

*В спорт-команду вас принимаю,
Тренер для вас — товарищ, друг и брат...
Вас, Академики, я уважаю,
Вас тренировать безмерно рад!
В здоровом теле будет дух здоровый,
И вот тогда увидит белый свет —
Чтит Академик первоосновы,
Нездоровых отклонений нет как нет!*

Хор (припев): *Тренер — для нас ты, как родной отец,
И образец, и образец!*

Тренер: *Меньше в науке будет кислых морд —
Я здесь возглавлю спорт!*

(Хор на глазах становится очень понятливым и повторяет припев. Дважды.)

Тренер в завершение инструктажа изрекает:
*Научный уровень Академии измеряется не трудами,
а числом академиков-разрядников.*

Затем площадку занимает секция академической гребли, состоящая из академических жен. Они полны энтузиазма, да и цели их ясны — не дать молодым девицам увести из-под носа у законных супругов их знатных мужей. Соответственно, звучит их боевой марш:

Жены: *Плывем вперед, веселые подружки,
Себя мы физкультуре посвятим.
Не можем ждать мы милость от науки
И спортом бабье лето удлиним.
Пусть идет разброд в литературе,
Толкуют там о чем, мы не поймем.
А мы мозги заполним физкультурой
И к финской бане все мечты сведем!
А ну-ка, девочки, а ну-ка, милые,
Покажем класс фитюлькам молодым!
Спортивной хваткою, спортивной силою
Своих мужей за нами закрепим!*

Однако **тренерша** спорт-секции гребли имеет свой взгляд на этот предмет. Этот ее взгляд, старый как мир — явный зонг (мелодия Атаманши из мультфильма «Бременские музыканты»):

Зонг «Охота на знатных женихов»

*У меня есть сила воли
И желание дерзать,
Выскочить мне замуж, что ли,
За научного туза!*

*На зарплату жить убого,
Президента отловлю —
У него деньжонок много,
А я денежки люблю...*

*Стану самой светской львицей,
В «Чайке» подлечу к Кремлю,
Прокачуся за границу
В Копенгаген к Королю!*

Хор: *Ой лю-лю, ой лю-лю. В Копенгаген к Королю!*

Вместо интерлюдии в перерыве между таймами играется сцена-диалог со свеженокаутированным академиком Цуккерманом. Эта фамилия была получена путем обратного перевода с немецкого фамилии А.Д. Сахарова, одного из немногих академиков, который сознательно мужественно противостоял «установкам» системы. За это держава предала его остракизму, лишила орденов, лауреатских наград, званий Героя Труда и проч. и проч. «Любимые Партия и Правительство» додумывались даже до того, чтобы исключить его из Академии. Но такой абсурд им не удался.

Цуккерман был переведен в один из институтов на должность научного сотрудника под опеку Тренера. Идут занятия. **Тренер:**

К упражнениям готовься! Ать-два! Ать-два! Кто такой?

(входит Цуккерман в противогазе, чтоб не заражал атмосферу вольнодумством).

Хор: *Это Цуккерман!*

Он направлен сюда на трудовое перевоспитание!

(Далее мелодия фокстрота «Хау ду-ю, ду-ю, мистер Браун»).

Как поживаешь, Цуккерман?

Цуккерман: *Разве это жизнь!*

Хор: *А где ты служишь, Цуккерман?*

Цуккерман: *Надомником.*

Хор: *А что же будет, Цуккерман?*

Цуккерман: *Таки — плохо.*

Хор: *А где же выход, Цуккерман?*

Цуккерман: *Лучше быть не может!..*

Тренер: *Цуккерман, стой! Вся команда дышит в ногу.
Один Цуккерман дышит не в ногу. Делай, как все!*

Цуккерман: *Я жду, может, придет второе дыхание.*

Это второе дыхание пришло, но через 20 лет. А до того продолжалось третирование Сахарова, изоляция, ссылка в Горький (Нижний Новгород), ограничение встреч и т.д.

Наконец-то — второй тайм... Он наполнен бурными спортивными событиями. Секция бокса готовится к квалификационным боям, на разряд кандидата в Полупрезиденты.

На трибунах собрались болельщики и скандируют свои выкрики, в которых отражается благотворное влияние спорта на всю академическую братию. Этот **хор** заслуживает воспроизведения здесь полностью (хор охотников):

Зонг спортивный, второй

*О спорте — не спорьте,
В железной когорте
Стоят в Академии —
Спорт-мастера...
 Есть мастер интриги,
 Есть мастер — барыга
 И мастер кричать:
 «Упокой!» и «Ура!».
Есть мастер с разбегу
Состряпать «телегу»,
Есть мастер по следу
Крамолы идти,
 Здесь есть чародеи —
 Присвоить идею,
 Как лошадь из стойла
 Ее увести.
И каждый спорт-мастер
По умственной части
Алкает у власти
Блага бытия...
 И скажем потише —
 Он метит повыше
 И злобою пышет
 На други своя!*

На ринге все готово к встрече боксеров. Тренер представляет главную пару: Брасова и Грохотова.

1

2

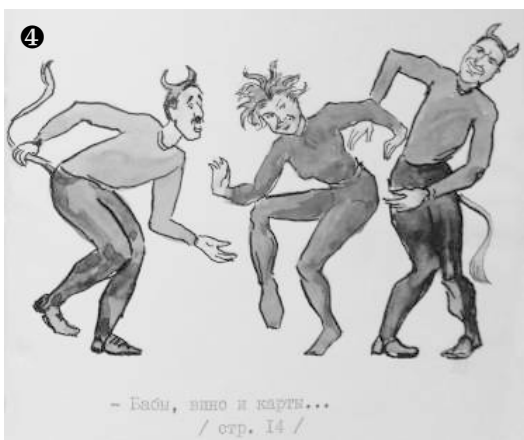
3

5

4

«Божественная мистерия». Оп. 7. 1968 г. 1. Обложка. 2. Бог-отец и бог-сын возжелали получить высокую премию. Ангелы «Славят!». 3. Эскизы костюмов ангелиц и дьяволиц готовили по-серьезному. 4. Изгнанные из рая Вельзевул, Люцифер и Дьяволица не тужат, а пляшут, готовя козни богу. 5. Наша демонстрация публике акта сотворения Адама и Евы.

1

2

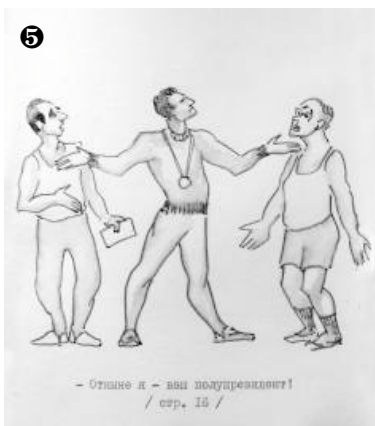
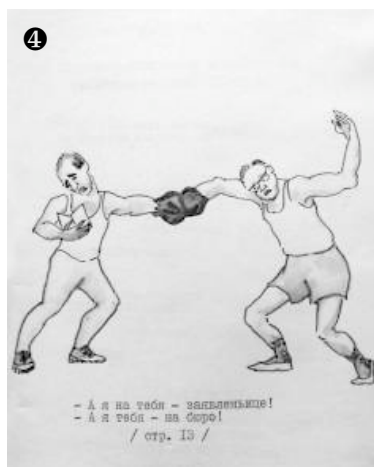
4

3

«Реквием». Оп. 8. 1969 г. 1. Обложка. 2–3. Рыдательные хоры. 4–5. Дирижер Миша с трудом умеряет эмоции плакальщицков.

«Спорт! Спорт! Спорт!» Оп. 9. 1970 г. 1. Обложка. 2. Налицо весь спортколлектив «Спорт'ак». 3–5. Первыми боксируют претенденты в полупрезиденты Грохотов и Брасов. Ход соревнования контролирует тренер, присланный «свыше». 6. Тренер за неразрешенные удары дисквалифицирует обоих боксеров.

Тот же опус 9. 1. Мужчины-спортсмены как всегда любят смотреть на занятия женщин. 2,3,4. Энтузиастки женской секции академической гребли. 5. Всё завершается хором в честь тренера — «...Тренер, для нас ты, как родной отец! И образец, и образец!»

2

Что будет - сие от нас не зависит, нам остается лишь держаться за свой метод, и - не было б хуже!

Однако, в реалистическом характере нашего метода таится и грозная опасность. Увы, мы вновь и вновь убеждаемся, что история повторяется, и истории повторяются, и притом все чаще и однообразнее, и это трагически сокращает круг тем, заслуживавших художественного воплощения. Муки творчества едва не привели нас на стандартный гибельный путь мнимого преодоления всяческих кризисов: на путь ~~к~~ сексуализма и антисемитизма!

Но мы удержались! Напряжением всех сил мы удержались на краю бездны! Эта творческая борьба не прошла для нас бесследно... Но сплела нас простая счастливая мысль.

Что делает средний интеллигент, когда ему все обрядло? Он выключает телефон и звонок, залезает с ногами на диван и берет книжечку в пестром бумажном переплете-

- ДЕТЕКТИВ!

«Привидения в замке Скоттервилль» — детектив. Оп. 10. 1. Обложка. 2. Вступление. 3. Зарисовка с натуры привидения в этом замке. 4. Гости выясняют свои шпионские дела. 5. Агент Жюв (Варлен) — исполнитель зонга о тяготах агентурной работы: «В гнилом болоте западного мира...» 6. «Наш» агент — майор Пронин — похода разоблачает Фантомаса.

«Берегите мужчин» — доисторические хроники. Оп. 11. 1971 г. 1. Обложка. 2. Ма (Ада) — глава племени требует от философа Фило точного прогноза на будущие времена. 3. Хор угнетенных мужчин: «...Мы все мужчины, к своему несчастью!..» 4. Ма и Дай-Дай упрекают Лю-Лю в подрыве основ матриархата.

Тот же опус 11. 1. Вак — доисторический изобретатель — демонстрирует свое открытие — хмельной напиток, и дает обоснование: приятно и выгодно (для казны). 2. Главная жрица защищает диссертацию. 3. Происходит давнее, исторически доказанное, затмение солнца. Вдруг на той же сцене заседает Ученый совет, члены совета поверх шкур уже частично накиннули что-то из современных одежд.

Тот же опус 11. 1. «Ма» – председатель совета положительно характеризует диссертантку: «В самом деле, у патриархата даже в далеком будущем нет никаких перспектив!». 2. Редкий снимок, когда под влиянием солнечного затмения на один кадр наложились персонажи обеих эпох.

Хор их подбадривает:

*Претендент, готовься к бою,
Пусть рука и коленка не дрожат.
Ты учти, что пред тобою
Чин и званье высокое стоят!..*

Начинается бой. Соперники обмениваются ударами на свой манер:

Грохотов:

*А ты кто такой!
А я тебя на президиум...
А я на тебя статью
в «Утехи Наук»...*

Брасов:

*А я на тебя заявленьице...
А я на тебя комиссию...
А я... А я... и т. д.*

Обмен ударами продолжается. Соперники оба сильны и ловки...

Хор:

*Чтобы тело и душа
Были в бодрости, были в бодрости,
Ты не бойся ни стыда и ни подлости:
«Кулаки в ход пускай!»*

Боксеры все более переходят на личности, пересказывая о ком из них какие ходят сплетни.

Тренер: *Брейк! Бой окончен. Оба дисквалифицированы за удары ниже пояса. Вон с ринга!*

Говорят, между предполагаемыми прототипами этих боксеров велась не менее жесткая борьба, и в не очень приличных формах до конца их дней.

В перерыве между боями проходит лирическая линия главной пары:

Стенькин:

*Милая, милая! Устрой мое счастье,
Умчимся с тобою в голубую даль...*

Тренерша:

*За речи, ласки огневые
Тебя я полюбила вмиг.
Ты дай мне все блага земные —
И мне плевать, что ты старик...*

Мадам **Стенькина** страдает, но признается, что нашла утешение в спорте:

*Меня давно влекут гимнастика,
Пластика с ленточкой,
Метанье молота, лошади и теннисный корт.
Ты называл меня лапочкой, цыпочкой, деточкой...
Теперь слова твои обманные в сердце вытеснил спорт!..*

Второй тайм завершает глубокомысленный **Полуфинал**.

Зонг спортивный, третий
«Спорт — промывка для мозгов»

*Люди всех чинов и званий,
Разных уровней культуры
Увлекаются заочно спортом...
Это — где-то — физкультура!
Как приятно в телевизор,
Распрямивши стан понурый,
Посмотреть сраженья чемпионов —
Это — где-то — физкультура!
Мастера и чемпионы
Есть и в области амура...
Для великих любо
Выйти в жизнелюбы.
Это — где-то — физкультура!*

Припев: *Спорт, спорт, спорт — есть увлечение века,
Спорт, спорт, спорт — промывка для мозгов.
Спорт, спорт, спорт — утеха человека,
Спорт, спорт, спорт — орудие верхов!*

И вся эта спортивная катавасия завершается бодрым оптимистическим хором. Первые же строки показывают, что использована популярная советская песня, рассчитанная на умственный и гражданственный уровень спортсменов:

Зонг спортивный, четвертый

*Сердца молодеют, их ласково греют
Улыбки любимых вождей.
Мы чтим президентов и всех претендентов —
Они все отцов нам родней.
Живем мы весело, для равновесия
Мы сочетаем спорт с гимнастикой ума.
До неприличности мы любим личности,
Мы с детства в том натренированы весьма.
Президиум ведет
Родную Академию вперед.
Ему хвалу поет
Весь наш академический народ.
Для значительных лиц запляшет
Все семейство ученых наших,
Им гимны восплет
Весь наш академический народ!*

(Завершение соревнований отмечается ревом тысяч фанатов.)

ОПУС 10. ПРИВИДЕНИЯ В ЗАМКЕ СКОТТЕРВИЛЬ. 1971 г.

После спортивного напора и предшествовавшего ему Реквиема наша Филармония должна была как-то встряхнуться. А что может быть для этого лучше, чем научно-фантастический детектив. Такой выбор соответствовал и модному интересу к этому жанру. Причем, чем примитивнее — тем лучше. У нас действие было вынесено за границу, в привидившуюся нам в тумане, загадочную Шотландию.

Спектакль назван «Привидения в замке Скоттервиль, или Любишь кататься — не в свои сани не садись». В первой же сцене в «Большом доме» хор утверждает главный советский патриотический антишпионский принцип:

*Почетна и приятна наша роль,
Всегда блюсти порядочек изволь...
Сограждан мы стремимся уберечь
От всяческих
Для них не нужных встреч!*

Генерал дает наставления, легендарному (по анекдотам того времени) персонажу майору Пронину.

В задании майору предписано немедленно отбыть в Шотландию, проникнуть в логово шпионов — замок Скоттервиль, где международные агенты пытаются в своих подлых целях «умыкнуть» аппарат гиперсексоид, еще в начале века созданный русским инженером Гариным. Наша агентура донесла, что этот аппарат имеет колоссальную силу. У всех народов, облучаемых им, чрезвычайно повышается деторождение и, соответственно, возрастает военный потенциал. Как это видно на примере Китая, где второй такой прибор давно действует.

Пронину поручается экспроприировать или нейтрализовать образец гиперсексоида, оказавшийся, как донесла разведка, в Шотландии. С целью конспирации для майора придумана легенда, что он — гастролирующий по Европам солист Подмосковной Филармонии Жора Тенорковский. С ним (для связи) отправляется лейтенант Иванова. Оба срочно учат шотландский язык.

Во второй сцене, в замке Скоттервиль, привидения в свободное время украшают зал гербами, гирляндами и другой атрибутикой к приему знатных гостей — отпетых шпионов, сотрудников разных разведок. Первые из них — владельцы замка — старый пэр Скотт и его супруга леди Скотти, оба из «Скотланд-Ярда» (эти роли исполняют Богдан и Ада). Здесь и комиссар Жюв (Варлен) с накладной бородой и секретаршей, выдает себя за шотландского барона. Есть и агент из... из... Израиля (Витя), а также — сам Фантомас (эпизодическая роль). Всем им, включая Пронина с Ивановой, нужен гиперсексоид.

(Отметим, между прочим, что пошивочному цеху ППФ пришлось

изрядно потрудиться, чтобы одеть всех присутствующих на сцене мужчин в настоящие шотландские юбочки — килты.)

В замок прибыла и миллиардерша Мисс Вандербисс (Галя). У нее много денег и есть все-все, но ей не хватает именно этого могучего аппарата, чтобы повелевать всеми мужчинами в своих интересах. Она сговаривается со Скоттом о покупке у него прибора за любую цену.

Жюв отвлекает присутствующих, излагая им свое видение глобальных политических проблем мира, а также задач тайных агентов в этом мире.

Жюв: *Политиканы разных континентов
Стремятся всех в бараний рог согнуть.
У них опора — тайные агенты... Но!
Если повезет чуть-чуть,
Если повезет чуть-чуть...
Эту шайку можно скovyрнуть!*

*Начальство нам сулит моральный стимул,
Оно за наши преуспевает счет.
Ему плевать, когда едим и спим мы... Но!
Вероятно, и так, вероятно, и так!..
А быть может, и наоборот —
Нам очень нужен матерьяльный стимул,
Нам без него коньяк не лезет в рот!*

*Даже ветхий Адам со своею мадам
Не любили утруждаться зря:
Все до лампочки нам!
Все до лампочки нам!
Все до фени и до фонаря!*

*Политиканы разных континентов
Стремятся всех в бараний рог согнуть,
У них опора — тайные агенты, но,
Если повезет чуть-чуть,
Если повезет чуть-чуть,
Эту шайку можно скovyрнуть...
И — все до лампочки нам, все до фени и до фонаря.*

Агент Израиля (Витя) подкатывается к леди Скотти, мечтая через нее заполучить гиперсексоид для увеличения населения своей страны:

*Дама, дама, хватит этих штучек,
Я агент серьезный, Вам говорят.
Вы от гиперсекса мне вручите ключик.
Шаг вперед и шаг назад.*

Обстановка напрягается, да она еще усугубляется воздействием сексуальных излучений прибора на всю компанию. Но Ивановой Пронин запрещает даже думать «про это»:

*«Помни об Уставе: никакого секса на работе!»
Одевайся привидением и готовь прибор к ликвидации.
Контакты выводи на ручку (от бачка в туалете).*

Сам же **Пронин** пока развлекает публику в облике Жоры Тенорковского (согласно своей легенде) и пудрит всем мозги (песня «Казачок» Петра Лещенко):

*Перебежчик Жора Тенорковский
Бросил свой затурканный народ,
Взял вещички я и был таковский
И угнал с собою самолет.
Я избрал тебя, страна Свободы,
Мне бы в заведенье, господа,
Я теперь ищу любви свободной,
Я за тем и прилетел сюда.
Гоп, гоп, казачок...*

Затем на сцену выкатываются привидения... Обнажает свой звериный оскал **Фантомас**, постреливая из автомата:

*Перед вами я откроюсь.
Я — великий Фантомас.
Заберу гиперсексоид,
Пригодится он для нас.
С ним владеть я буду миром.
Расплюжу свою шпану.
И космическим эфиром
Я командовать начну! Ха-ха-ха...*

(Вдумчивый зритель улавливает, что так же мотивируются интриги и коллизии во всех фильмах о подвигах Джеймса Бонда.)

Далее все оборачивается так сложно, что без длинной цитаты не обойтись:

Пронин: *Замолчи, бандюга! Сейчас наше слово!
Товарищ Иванова, ты готова? (Ответ: Я готова!)*

Пронин (песня «Катюша»):

*Сброшу, сброшу я наряд шутовский,
В чем ходил я до сих пор.
Я не Жора Тенорковский,
Натуральный я майор!
Я сейчас включу контакты,
К небесам рвану прибор.
Мы считаем, что бестактен
Ваш коварный заговор!
(дергает за ручку, происходит взрыв!)*

В этом спектакле, перегруженном политикой, финал скромный, но по делу («Марсельеза»).

Зонг о сексуальной революции

*Революции сексуальной
поднимается зов
К низверженью ортодоксальных
отношений полов.
Молодежь передовая
хочет обществу помочь:
Укорачивая юбки, удлиняя,
сбрасывая их прочь!
Увлекает нас соблазном
заграничная жизнь,
Избегая маразма,
Филармонии держись!
Неизведанной тропой
человечество идет.
И оно растет
несметною толпою
Каждый год, каждый год, каждый год!*

ГЛАВА 3.

ТВОРЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ППФ

Теперь, наш любезный читатель, мы позволим себе углубиться в «познание самих себя», а точнее — в анализ того, на чем основывались и в какие формы отливались 30 опусов, созданных нами на протяжении всей второй половины века.

Первым делом определим:

- 1) объект и предмет наших спектаклей;
- 2) их литературные корни, мелодийные основы и «язык»;
- 3) литературных предшественников и современников.

Наше филармоническое творчество отразило ни много ни мало — четыре советские эпохи XX века, а именно:

- а) конец хрущевской «оттепели»;
- б) эпоху брежневского застоя;
- в) период горбачевской «перестройки»;
- г) «смутное» ельцинское время.

Конечно, в каждой из этих «эпох» ощущались следы мрачной сталинской диктатуры.

Все эти периоды приходится именовать по генсекам (как по царствованию такого-то Государя), ибо в наши лета именно генсеки являлись символами своего времени.

Движение советского общества можно определить как общество с «периодом полураспада» в 70 лет: наполовину отпала страна; наполовину сохранились старые военно-бюрократические общественные формы управления и иждивенчески-инфантильный «совковский» менталитет...

Спектакли Филармонии отражали грани именно этих упомянутых четырех этапов распада империи. В каждую малую эпоху была своя специфика и поистине шекспировское сочетание высокой трагедии с комедийным началом, переходящим в площадной фарс и балаган.

К трагедийному относились: судьбы страны, народа, невинные жертвы режима, крушение надежд интеллигенции. Ко второму: зигзаги и кульбиты политических верхов, их метания между показным либеральничаньем и сталинско-державным «порядком».

Хрущевская «оттепель» дала только первый толчок к освобождению от того духовного гнета, который с 20-х по 50-е годы поработал умы. Поколение «шестидесятников» называют поколением *«обманутых XX съездом»*. Обман был в том, что со сталинизма сняли только его флер, но не насильническую сущность.

Мы позволим себе отнести содружество Подмосковной Филармонии к поколению *«разбуженных XX съездом»*. Об этом поколении можно сказать словами Радищева: «Оно огляделось округ себя, и душа его... уязв-

лена стала!..». Уязвлена — кричащими противоречиями советской действительности между словом и делом, между показухой и фактами, между барабанным боем, пропагандистской трескотней о наших непрерывных победах и весьма неприглядной реальной жизнью. Брежневский «застой» пытался загнать эти противоречия вглубь, завуалировать их, но при этом же — частично воскресить и реабилитировать «сталинизм».

Однако мысль уже была разбужена, она уже критически относилась к действительности, и это движение невозможно было остановить.

Здесь применимо понятие французского социолога Дюркгейма «расколдовывание мира», для обозначения перехода от иррациональных начал к рациональным.

Ведь советское общество внешне выглядело рациональным и разумным (подчинение единому плановому началу при железной организации и исполнительской дисциплине). Но в действительности оно было глубоко иррациональным и неразумным и в своей экономике, и в своей политике, и в своей идеологии. Подтверждение этому — те три-четыре научно-технические революции на Западе, которые наши власти «проспали» в СССР. Это результаты нашего постоянного научно-технического отставания, «барственно-пренебрежительного отношения верхов» к науке. Все это непосредственно переживалось членами Филармонии.

Поэтому и спектакли Филармонии от самых первых опусов были своего рода «расколдовыванием мира», прежде всего для самих себя и для своей зрительской аудитории.

Институты Академии наук СССР и отраслевые НИИ были калькой с советского общества: в них насаждалась та же иерархия и мертвечина, то же чиновничество и раболепие, которые были идеалом правящей партийно-государственной олигархии. Наука же по сути своей глубоко демократична, в ней есть иерархия умов, а не иерархия чинов. Зная это, академические институты и НИИ с полным правом можно было назвать «крепостными», так как в них насаждались «табель о рангах», подавление свободной мысли, система сыска, доносов, изгнания «инакомыслящих». В конце 50—60-х годов проходили подлинные погромы в научных институтах Москвы, Ленинграда, Новосибирска. Везде как бы звучал скалозубовский лозунг «Фельдфебеля — в Вольтеры дам!».

Объектом социальной сатиры в спектаклях Филармонии было все инертное, косное, «просталинское» в советском обществе. Одной из ведущих тем становилось крепостническое, застойное, рутинное состояние науки.

Эзопов язык. В эпоху идеологической реакции нет иного способа выразить свое критическое и ироническое отношение к власти и «сильным мира сего», чем эзопово иносказание и свифтовское «остранение» действительности. Гегель называл эзопову басню «рабским жанром», но ведь у нас же была эпоха поголовного государственного рабства умов.

Жанр сатиры, высказанный эзоповым языком, становился единственно возможным в стране, где по словам Осипа Мандельштама:

*Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.*

За эти прямые слова он и поплатился головой.

Эзопов язык применялся в театре Мольера, в гениальной прозе Салтыкова-Щедрина, в драматургии бессмертного Козьмы Прутковка.

В созидании спектаклей у нас сразу выработалось несколько общих принципов, можно даже сказать — творческих. Они будут проанализированы ниже.

Темы, повороты сюжета, тексты, персонажи, мизансцены, костюмы, реквизит — это все наше. Мелодии — только чужие, соответствующие жанру или внутренним коллизиям спектакля. Кое-где мы помещаем в тексте «подсказку» — откуда что взято. В основном же рассчитываем на память и догадливость зрителя, поскольку некоторые начальные слова частично брались из используемых песен, арий, хоров. Тексты писали сами. За этим дело не стало. И еще, за редким исключением, тексты никто наизусть не учил. Они печатались к каждому выступлению в достаточном числе экземпляров, и исполнители держали перед глазами эти, так называемые, «текстуры».

Вчитываясь в басни Эзопа мы нашли одну из них (в сборнике Федра, книга 3) со словами «Днем с огнем...», широко применяемыми в российском обиходе. Хотя сам смысл басни был мало кому известен. Прочитываем кое-что.

Хозяин послал своего раба Эзопа к соседям добыть огня, чтобы готовить ужин.

*А раздобыв <огня, Эзоп>,
Чтоб не идти опять кружной дорогой
Пошел обратно напрямик по площади.
Один болтун, его увидя, спрашивает:
«Зачем, Эзоп, ты днем с огнем расхаживаешь?»
«Ищу человека!» — молвил тот, спеша домой,
И пустомеля понял, коль догадлив был,
Что старец человеком и не счел его
За то, что пристает он к людям занятым.*

По своему смыслу эта басня совпала с нашими идеями — в ответах на вопросы, зачем пишется эта книга. Поиску солидарных нам человек мы и посвятили это сочинение. Так собралось наше сообщество. И так мы нашли еще многих друзей.

У перечисленных выше авторов создавалась сатира на чиновничье-казенное чиновничество и самовосхваление, а также на модные в те

времена увлечения псевдонауками, занесенными с Запада, что осмеяно и в «Плодах просвещения» Льва Толстого.

Козьма Прутков, по воле его авторов, сам отличался безмерным самолюбованием и самовосхвалением. Из нашего времени достаточно вспомнить об аллилуйшине партийных съездов и лозунгах «Слава КПСС!» на всех крышах и стенах.

Наша Филармония нарочито заимствовала у Козьмы Пруткова эти мимикрирующие черты и самовосхваления, и самолюбования — как самой собой, так и дирекцией, оркестром и всеми солистами-хористами. Это был своеобразный способ показать нелепость безудержного славословия партии и ее лидеров. Как сказано в одном из наших опусов:

*Всегда довольны мы собою
И ложной скромности чужды...*

Обратимся к литературе советского времени. Эзоповым языком говорили такие классики, как Маяковский (в пьесе «Баня»), Замятин («Мы»), Булгаков.

Александр Твардовский создал в 1954 году новую поэму «Теркин на том свете», где тем же иносказательным языком и на подтекстах высмеиваются мертвечина и заорганизованность сталинской тоталитарной системы.

Обратимся еще на одном примере к более близким временам:

*Римская империя времени упадка
Сохраняла видимость строгого порядка.
Цезарь был при деле, соратники рядом —
Всюду был порядок, судя по докладам...*

Это Булат Окуджава и редкая для его творчества политическая песня-сатира. Социальная сатира пронизывает творчество Владимира Высоцкого и особенно Александра Галича. Следует оговориться, что все эти произведения были вне цензуры, они расходились по стране в магнитофонных записях. И все же авторы подвергались гонениям.

Эзопов язык и разговор подтекстами использовали Райкин со Жванецким, кинорежиссеры Гайдай, Данелия, Рязанов.

Из сказанного ясно, что Филармония опиралась и на солидную «отечественную традицию использования иронического языка с подтекстом» и сознательно взяла это на вооружение.

Мелодийные основы. Следует отметить, что во многих театральных «капустниках» постоянно используется прием — взять известный шлягер и вложить в него иное, злободневное содержание, как, например, это делалось в концертных программах популярных ансамблей Дома архитекторов — Кохинор и Рейсшинка.

Наш концертмейстер Ира, сообразуясь с текстом, составляла из коллективно подобранных мелодий свой клавиш к каждому опусу. Перед очередным номером он, обычно давала аккорд («Блямс!»), и мы по силе

возможностей вели свою мелодию, следуя за ее аккомпанементом и за Дирижером. Зритель поневоле должен был мириться с этими условностями. Читатель сможет получить представление о каждом спектакле в кратком изложении их содержания на этих страницах в главах 2, 4, 6.

Задачи Филармонии в смысле выбора музыки осложнялись тем, что нам приходилось при разных жанрах наших опусов выбирать музыкальные мелодии, соответствующие этому жанру: классику из опер и оперетт, цыганские напевы, испанские и украинские мелодии, народные, туристские песни и т.д., что было интересно и с пониманием принималось зрителем.

Мы и не старались создавать оригинальную музыку. Все бралось из неисчерпаемых сокровищниц:

- мировая и отечественная классика: Бах, Моцарт, Верди, Гуно, Чайковский, Римский-Корсаков, Гулак-Артемовский и т.д.;
- русский фольклор, русский и цыганский романс, украинские песни;
- популярные мелодии зарубежных певцов (неаполитанские, испанские, из Франции, Британии и т.д.);
- советская песня — популярные мелодии «официальных» композиторов, шлягеры поп-певцов, музыка из фильмов и др.;
- наконец, блатной и приблатненный репертуар для зонгов и для характеристики отрицательных персонажей: от «Гоп со смыком...» до «Когда качаются фонарики ночные...» и «Как открывалась одесская пивная...» (у нас: «Как под Акрополем открылась пивная»). Этого рода фольклор был весьма популярен среди советской интеллигенции — хотя бы в качестве «фронды» против официальной бодряческой радиокomiteтеской песни.

Все отобранные мелодии втискивались в «клавиры» каждого спектакля, которые составляла и хранила Ира Голямина — наш оркестр.

Театральные формы. Глядя «остраненно», следует признать, что по форме спектакли ППФ ближе всего были к театру Брехта («Галилей» и «Добрый человек из Сезуана») и к некоторым постановкам Вахтанговского театра («Турандот»).

У Бертольда Брехта очень интересны песни-зонги, врывающиеся в действие, не имеющие, казалось бы, непосредственного отношения к сюжету. В то же время они еще более полно и глубоко раскрывают смысл и направленность происходящего действия.

Песни-зонги стали неотъемлемой составной частью спектаклей Филармонии. Честное, признаваемое нами, «заимствование» театральных форм ППФ у Брехта произошло само по себе, диктуемое нашими собственными замыслами.

Внятную формулировку этого брехтовского приема мы нашли в книге Ю. Безелянского «Знаменитые писатели Запада. 55 портретов», (М.: Эксмо, 2009). На 526-й стр. там сказано: «Брехт широко использовал так

называемые «эффекты отчуждения». Смысл этой техники <...>, — пояснил Брехт, — «заключается в том, чтобы внушить зрителю аналитическую, критическую позицию по отношению к изображаемым событиям...» Для этого он использовал хоры, сольные песни (зонги), условные декорации». Характерна выдержка из одного из «зонгов» Брехта:

*У зла сегодня уверенный шаг,
Угнетатели устроились на тысячу лет.
Насилие заверяет: все останется так, как есть.
Не слышно ни одного голоса, кроме правящих.*

Естественно «правящие» не терпели Брехта равно ни в фашистской Германии, ни в Советском Союзе. В СССР пьесы Брехта десятки лет не допускались цензурой на сцену Таганки.

Мы должны отметить влияние свободных мыслей и действий в наших спектаклях как аллюзий на тексты и литературу «абсурда» (Ионеско и Кафки). В этом ключе происходят у нас перемещения действующих лиц то в рай, то в ад, где персонажи ведут банальные торги типа — «мы — вам; вы — нам».

У театра Вахтангова Филармонией заимствован принцип — простоты сценических приемов, минимума декораций, традиционной театральщины, в сочетании с комедией масок, запросто обсуждающих самые злободневные сюжеты. Из этой вахтанговской традиции исходит и такая «новация» Филармонии: не учить роли наизусть, а читать их и петь перед зрителем по «текстуре», которую исполнители держат в руках. Применялись простейшие элементы декораций вроде табличек с надписями, где происходит действие, как в давнем шекспировском театре. Этими приемами мы говорили о том, что Филармония не имеет притязаний считаться театром, а «разыгрывает» театр и в какой-то степени иронизирует над самой собой.

Если бы мы позволили себе возомнить о нас еще больше, то возвеличили бы себя до народных уличных представлений: балаганов, Петрушки, Гиньоля, паяцев, марионеток, комедии масок. Это позволяло бы в большей степени оправдать и неидеальность наших сюжетов и стихов, самодетельный артистизм, робкую браваду «не боязни» милиции, городского, полиции и наши наивные выпады в адрес всяких властей и т.д.

Каков общий жанр спектаклей ППФ? При всем многообразии жанров, на которые мы подсознательно опирались в своих творениях, у нас выработалась своеобразная форма наших спектаклей. В своих более поздних рассуждениях по этому поводу авторы пришли к довольно оригинальному решению. На вопрос, какое определение может обобщить сущность всех наших сочинений с их противоречивостью в сюжетах и формах, авторы нашли ответ в дерзко сформулированном сочетании двух слов — водевиль-памфлет.

Водевиль — по форме и вольности (игривости) сюжета, а памфлет потому, что в каждом из опусов проявлялось критическое пародирование окружающих нас обстоятельств: в политике, в науке, в социальных явлениях.

Для документального подтверждения своих изысков авторы обратились к словарям, где сказано:

«Водевиль (франц.) — пьеса легкого комедийного характера с куплетами и танцами». «Памфлет (англ.) — небольшое обличительное полемическое сочинение на общественно-политическую тему» (Словари иностранных слов 1955 и 1981 гг.)

Нас порадовало такое совпадение с нашими догадками, а может быть, и открытие нового вида жанра — «Водевиль-памфлет»!

Иллюстрации. Спонтанность образования нашего ППФ-сообщества и отсутствие предположений о возможном развитии наших традиций на протяжении пяти предстоящих десятилетий подтверждаются нашим легкомысленным отношением к изобразительному документированию наших спектаклей. Спасибо, спасли положение некоторые благоприятные (почти чудесные) обстоятельства.

На первом этапе нашего творчества проявила инициативу и совершила подвиг наша примадонна — архитектор Галя Подейко. Бог дал ей дар художника, и она не ленилась создавала графические зарисовки характерных сценок и персонажей из наших ранних опусов. На эти рисунки мы и смогли опереться в качестве иллюстраций при описании нескольких самых первых спектаклей. Нужно упомянуть и рисунки, тоже архитектора, Гали Поповской к «Филармоническому календарю».

Только позднее мы пытались получить фото (себя на сцене), но это поначалу делалось другими и не очень умелыми руками, чаще всего неудачно. Были попытки под веянием моды заснять кое-что на узкую киноплёнку. Эти слабые некачественные кадры удалось частично включить в фильм к 40-летию Филармонии (о чем — ниже).

Лишь потом, начиная со спектаклей «Зрелого возраста», глава 4, судьба послала нам неопенимого фотолетописца Лиду Андрееву, жену Окмира Агаханянца. Тут-то уже мы располагали для иллюстрирования книги десятками отличных фотографий. Пока опять не возникла новая кризисная ситуация, когда эта семья переехала в Минск.

Затем наступил период увлечения съёмок цветных слайдов. Они были хороши для просмотра через проектор на экране. Это было приятное времяпровождение, да еще с хорошо подобранным музыкальным сопровождением. Однако переводение этих слайдов в черно-белые фотографии не всегда давало хорошие результаты.

Несколько позже в практику вошла цифровая видеотехника. Это было удобно — рассматривать свои спектакли в цвете, да еще и озвученные. А иллюстрации для книги приходилось переснимать с экрана, что было не

очень качественно, но позволяло вылавливать с пленки самые живые моменты из наших творений. Поэтому мы, испрашивая извинение у читателя, позволили себе иллюстрировать последние спектакли (глава 6, «Новые времена») фрагментами из этих съемок.

Так, из-за нашей беспечности и при бурных изменениях в технологиях фиксации изображений (на протяжении 50-го лет) мы не располагаем однородными качественными фотографиями для иллюстрации всех наших тридцати действ.

Что касается иллюстрирования жизнеописания всех наших «действующих лиц», так же как и походов, праздников, нашего календаря и т.п., то фотографий накопилось достаточно много, чтобы довольно полно представить и эти стороны жизни Подмосковной Приакадемической Филармонии.

ГЛАВА 4.

ЗРЕЛЫЙ ВОЗРАСТ (ОПУСЫ 11–19)

ОПУС 11. БЕРЕГИТЕ МУЖЧИН. 1972 г.

Начнем с краткой справки.

Справка. В начале 70-х годов известный демограф Борис Урланюк опубликовал в «Литературной газете» статью — «Берегите мужчин», в которой отмечал, что средняя продолжительность жизни мужчин в СССР существенно ниже, чем у женщин, и что общая демографическая ситуация грозит ухудшением. Последующие десятилетия полностью подтвердили его прогноз. Прогнозы разного рода вошли в моду.

В новом опусе «Берегите мужчин, или У истоков моногамии. Доисторические хроники» мы после анализа и советской, и капиталистической действительности обратились к древнейшим временам. Хотя, как показали исследования, и там главной идеей была не любовь к человеку, а борьба за власть и, соответственно, — огромный интерес проявлялся к предвидению будущих событий. Прогнозы и в те времена играли не меньшую роль, чем сейчас.

Об этом предмете размышлений прекрасно, глубокомысленно и сконцентрированно сказано во вступительном слове **Миши Хайкина**:

«Футурология, несомненно, древнейшая из наук. Она даже старше языкознания (кивок в адрес Вождя народов). Более того: футурология — мать всех наук, ибо предвидение — высшая цель каждой из них и острейшее желание каждого деятеля. Когда-то футурология была лишь делом кустарей-одиночек.

Ныне же, благодаря катастрофическому развитию вычислительной техники — *шаманят* все. Пророчество стало массовой профессией, и предсказания, например, социологических и климатических событий достигли невиданной точности.

Общая жажда предвидения вполне понятна — обстановка как-то сгущается, воздуха — свежего воздуха — явно не хватает, *как и многого другого*.

А между тем история предоставляет нам на выбор не очень-то много возможностей: мир или война, эволюция или революция, парламентаризм или абсолютизм.

Так все-таки *что же будет?!*

По-видимому, наиболее верный способ предсказания — это суждение по аналогии. Для того, чтобы предсказывать будущее, надо знать прошлое. А потому — смотрите наши «ДОИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ».

Спектакль поставил сложные задачи перед нашими костюмерами, ведь исполнителей пришлось одевать по моде тех древних времен — в

меха и шкуры. Это удалось сделать достаточно эффектно. Однажды, когда мы выходили на сцену в одном доме, хозяйская собака, разглядев нас, зашла лаем, и ее долго пришлось успокаивать.

Действо открывается **общим хором** на актуальную тему и на хорошо проверенную древними временами мелодию:

*Солнце всходит и заходит,
Как исстарь заведено.
Миллионы лет проходят (Эй!),
А грядущее темно.
Непонятно, непонятно,
Что нам дальше суждено...
Мы живем в Матриархате (Эй!),
А грядущее темно.*

Чтобы помочь зрителям разобраться в событиях, прямо скажем, доисторической давности — приведем краткий перечень действующих лиц (напомним, что это была эра матриархата): Ма — верховная жрица; Дай-Дай — просто жрица; Лю-Лю, Сю-Сю, Чу-Чу, Ню-Ню — женщины племени, высшая каста; и рядом — низшая каста, мужчины: Фило (Варлен) — доисторический философ; Гэк, Вак — изобретатели (Богдан, Витя); Го-Го — сын Ма, (Юра) — молодой балбес.

Отличительная особенность этого общества заключалась в том, что в борьбе за власть соревнование проходило не между социумами, а между полами. Матриархат, однако!

Мужчины там почитались быдлом, их загоняли в темный угол пещеры, и они там пели о своей горькой доле.

Хор мужчин: *Мы все мужчины, к своему несчастью,
Мы не хозяева своей судьбы.
Живем мы, мальчики, под женской властью,
Они владычицы, а мы рабы. (2 раза).
Свобода выбора для нас заказана,
Мы чохом женищинам принадлежим,
Всю жизнь мы делаем, что нам приказано,
Мы подкаблучники, а не мужи. (2 раза).*

На это пение сразу отзывается **Дай-Дай** (Галя):

*Что это там мужчины расшумелись.
Уж ежели рожден мужчиной — то молчи!*

(Этот хор наши мужчины, глубоко скорбя, часто любят исполнять в любых собраниях ППФ. Впрочем, многим женщинам нравится слушать такое пение.)

Но в спектакле **женский хор** звучит много жестче:

*Нет!! Власть, да, власть
В женских надежных руках*

*Счастье для племени
Нам обеспечит в веках!*

Но тут **Ма** (Ада) призывает переходить к делу:
Давайте подготовленные прогнозы!

Прогнозы существовали всегда и повсеместно.

Дай-Дай излагает свой оптимистический прогноз на ближайшие сотню, другую тысяч лет.

Зонг о прогнозах

*Жилища вволю. И пищи вволю.
Бизоны в поле. Детишки в школе.
Все люди — в шкурах. Растет культура,
Цветет планета! И значит это
Прогресс крылатый — Матриархата!*

Философ **Фило** брюзжит:

*Станут потомки прогноз проверять,
Станут потомки над нами хохотать!
Жилища нет. И пищи нет,
Скудна природа. Нет кислорода!
Бизона нету. Пуста планета.
И нет по штату — Матриархата!*

(Но мужчину — здесь слушать никто не будет!)

Второе действие этой правдивой хроники начинается с Великого совета, на котором Верховной жрице (**Ма**) дают отчет за некоторый период, отмеченный большими климатическими переменами.

Хор: *Когда обрушилась жара,
Кричали дико мы: «Ура!»
Комбикорма со всей земли
Для динозавров завезли...
А как настали холода —
Нам не везут корма сюда,
Все динозавры померли,
Их прокормить мы не могли,
А в остальном, Верховная Мамаша, — все хорошо! все хорошо!
(Отчет был «принят к сведению»).*

Ма: *А где отчет по инновациям?
Что понапридумывали эти бездельники-прихлебатели,
так называемые — изобретатели?*

Гэк предъявляет изобретенное им **нечто** под названием «колесо».

Хор: *Ну, вот чудак! Вот насмешил! Куда это сгодится?*

Гэк пытается как-то объяснить:

*Крутится, вертится это само,
Крутится очень занятно оно.
Можно с ним бегать, а можно играть,
Может полезным для общества стать (?).*

Ма резюмирует: *Теоретически бессмысленно. Практически бесполезно. В заявке отказать! А где Вак с отчетом?*

Вак приближается с песней, у него в руках сосуд, типа — бутылки:

*Вдоль по ледничку, по моренушке
Я спешу, молодой, да с полуведрой.
Аппарат собрал, виноград отжал,
Огонек подвел, и продукт пошел.*

Ох, кумушка, ты голубушка, ты отведай его — зелья но-во-го!

Женщины: *Нашел, вино изобретая,
Мужчина гибель для себя.*

Мужчины: *Прощай, свобода дорогая,
За литру пропил я тебя!..*

Хор: *Разговоры, разговоры,
Что исчезнут пьяницы...
Разговоры стихнут скоро,
А бюджет — останется.*

Ма: *Открытие придется узаконить.
Построим вытрезвители и лекции о вредности прочтем.
Зато бюджет пополним!*

Еще одна интрига в спектакле закручивается (как и в последующие времена) вокруг такого необычного и непонятного на фоне полигамии явления, как любовь и стремление к моногамному браку.

Ма: *А что придумал мой сынок Го-Го?*

Го-Го: *Вместо коллективной формы брака,
Где отцом быть может дядя всякий,
Создадим семью, и будет в ней
Сразу видно, кто отец детей!..*

Хор сплетниц: *Лю-Лю, (говорит), люблю, (говорит).
Девушка, (грит), ты славная,
От нас, (говорит), пойдет, (говорит),
Семейство моногамное!*

Ма и Дай-Дай (к Лю-Лю):

*Как, мерзкая, посмела пойти на это дело?
И женщин превосходство мужчине уступить.
Мы для тебя, красотка, устроим проработку,
На женском комитете придешь поговорить!..*

Лю-Лю: *Не виноватая я! Не виноватая я!*
Ма: *А что придумал нам Фило-философ?*
Фило: *Есть у меня одна концепция:
Берегите мужчин — лозунг номер один,
А то вымрут они словно мухи.
И здоровьем слабы, и живут, как рабы,
А к страданиям их женщины глухи...*
Хор мужчин: *Эх, когда откроем атом,
Заживем патриархатом,
И первыми станут мужчины...*

Далее происходит затмение солнца (факт, ныне подтвержденный астрономами), и при сумрачном свете на сцене неизвестно каким образом все прачеловеки оказываются в современной одежде и, более того, участвуют в заседании Ученого совета.

Дай-Дай защищает диссертацию:

*Пусть разные формы в веках принимает семья,
Но тактика женщин всегда остается своя,
Мужчина — хоть раб, хоть начальник большой,
Он будет управлять лишь женскою рукой.*

(Хор повторяет рефрен и аплодирует соискателю!)

Только в финале спектакля женщины и мужчины приходят к какому-то «консенсусу», как любил говорить один генсек.

Зонг-прогноз

Хор: *Девиз один — беречь мужчин, иначе им не быть на свете.
Их очень утомляет труд. Их очень утомляют дети.
Быть может, женщины найдут ключи к мужскому долголетию,
Мужчины — не надежный люд, они грядущее пропьют.*

*Прогноз таков на сто веков, а может быть, тысячелетий:
Борьба полов, борьба умов, борьба систем на белом свете.
Футурология — древней других наук на всей планете,
И не гаданием она, а точным знанием сильна.*

*День за днем, за веком век эры целые промчались,
Размножался человек, и народы размножались.
Но в икурах иль в воротничках мы те же самые остались,
И лишь клубок проблем возрос, не помогает и прогноз...*

*Прогнозы, прогнозы, то радость, то слезы,
То снег, то жара — все равно кричим: «Ура!»*

ОПУС 12. ДВОРЯНСКОЕ НУТРО, или ОТЦЫ И ДЕТИ. 1973 г.

Спектакль «Дворянское нутро» был задуман как историческая лирико-либеральная драма, но, может быть, это и комедия. Действие происходит в третьей четверти второй трети первой половины XIX века. Место действия крепостной научный институт (богadelьно-богоугодное заведение) в губернском городе N. Бывали же, например, на Руси крепостные театры, почему бы не быть и крепостному институту?!

Попечитель заведения — довольно полный генерал Антуан Аполлонович Внуков-Домодедов. С ним делит тяготы правления его супруга — влиятельная кавалерственная дама Анфилада Антипатьевна Внукова-Домодедова, урожденная Шереметьева.

Множество других действующих лиц будет представлено в эксклюзивном порядке в полном тексте (текстуре) этого спектакля (см. приложение).

Тема спектакля была навеяна ситуацией, сложившейся вокруг науки в глухую пору безвременья 70-х гг.

Справка. Тогда советская наука была не в фигуральном, а в прямом смысле слова в «крепостной» зависимости от партии-правительства, отделов науки ЦК, обкомов, райкомов до низовых парторганизаций. Она субсидировалась по «остаточному» принципу. Многими административными и силовыми барьерами наша наука была отгорожена от мировой науки. Техническое оборудование устаревало и не обновлялось. Продвижение ученых в науке определялось не столько их открытиями, сколько «лояльностью» к системе и умением вписаться в нее

«Академик — не оброчный мужик!» — сказал однажды в сердцах академик Фок, когда от него потребовали сдать до полущки весь гонорар от прочитанных за рубежом лекций. Но это иногда мог позволить себе сказать только академик, притом — достаточно смелый.

Сама Академия наук была бельмом на глазу у правящей партократии. Слишком велика, по ее мнению, была академическая автономия и притязания на свободу от идеологического кнута. Слишком часто институты Академии становились пристанищем вольнодумцев и инакомыслящих.

Еще в 60-е гг. Хрущев носился с мыслью «разогнать» Академию за ее неуправляемость. Тогда ему это сделать не удалось. Но в самом конце «оттепели» началось новое наступление партаппарата на эти вольнодумные заведения. Сначала на гуманитарные центры, а затем и на естественно-научные институты. Был выдвинут принцип «экономической эффективности» (что было продолжено брежневской тавтологией: «Экономика должна быть экономной!»).

Производились качественно-количественные чистки институтов (почти не отличающиеся от погромов). Предлагалось закрыть идеологически неудобную тематику, притом избавиться от нежелательных сотрудников «некоренной» (в первую очередь иудейской) национальности.

В спектакле «Дворянское нутро, или Отцы и дети» была предпринята попытка «моделирования» сложившейся обстановки в стиле ретро. Представлялось, как в либеральное заведение врывается жесткий администратор вроде глуповского градоначальника Перехват-Залихватского, который «...въехал на белом коне, сжег гимназию и упразднил науки!».

О положении дел в заведении очень изящно доложил чиновник по особым поручениям **Пан Казимир — Варлен** (по Шопену «Если б я ласточкой...»):

*Ваше Превосходительство! В нашем заведении
Вашим попечительством и благоволеньем
Все превосходно и все прекрасно,
Есть и недостатки, но они отдельные, но они частны.
Есть недовольство в ученых холопах,
Оные тянутся за гнилой Европой,
Им бы поездки, им бы приборы... Экие фрондёры!
Надо принципалу служить без раздору... и т.д.*

Именно для устранения «разных недостатков» в заведение приезжает важное лицо, посланное из Санкт-Петербурга — **Чумазов — Витя** (на мелодию «Оружьем на солнце сверкая...»):

*Поднять эффективность непросто,
Я — экономист, а не дуб!
Мне надо, чтоб сотню прироста
В науку дал вложенный рубль!*

(затем доверительно подсказывает хозяину, что тому делать)

*Скажи-ка, Внуков-Домодедов,
Зачем плодишь ты дармоедов?
Изволь — их сократить!
Ты сократи всех неугодных —
Инакомыслящих и инородных,
Чтоб гладь была и тишь!*

Следует оговориться, что Богадельно-богоугодное заведение почти ничего общего с Академией наук не имеет, и все совпадения здесь случайны.

К сему нужно еще добавить, что в 1975 году отмечалось 250-летие основания АН. В спектакле в сцене «машкерада» представлены, виртуально определенные, ожидания и надежды всех ученых: от высших до низших рангов — кому звезды, а кому стопка водки.

По ходу действия, кроме «машкерада» в спектакле будут еще представлены и крепостной театр, и любовь, даже дуэль и героический **финал**:

Хор: *Пусть над землей проходят годы,
Для дерзновенной мысли в мире нет преград.
Тебе, наука, и тебе, свобода,
От человечества — виват, виват, виват!*

Ввиду насыщенности текста актуальными для всех академических времен событиями, а также во избежание слишком плотного цитирования, было решено подать всю «текстуру» этого спектакля в Приложении целиком. Пусть читатель сам ощутит аромат этого, нами любимого, спектакля.

ОПУС 13. ЧЕРТОВЩИНА. 1974 г.

Не надо объяснять, что опус под роковым № 13 дался нам нелегко. И, конечно, в результате этого (а также по причинам трудной застойной жизни в стране) получился такой спектакль-телесериал «Чертовщина» — заумь. На всякий случай, мы заручились поддержкой всем известного (а нам лично знакомого) ученого-телеведущего Сергея Петровича Капицы. Впрочем, он, как и всегда, сказал нам с экрана, что чудес не бывает и даже не может быть. Мы это приняли к сведению, но спектакль все же поставили. Так он (этот опус) сам выстроился вне реальности — «по шучьему велению...».

В первой же части сериала звучит глас из преисподней.

Хор: *В этом мире полно чертовщины.
И где концы ее, где предпосылки, и где же причины?!*

Весь спектакль построен на извечном конфликте между Адом и Раем. В основе спектакля — следующие положения:

- противоречия периода полураспада советского строя, с которыми никак не могут справиться руководители-геронтократы;
- учтен крикливый лозунг «выполнения плана любой ценой», что вело к «припискам», показухе и к бесконечной государственной лжи;
- наконец — противоречивые идеологические особенности застоя: шаткий баланс между жестким (просталинским) курсом и более-менее либеральными попытками «наведения мостов» между Востоком и Западом — Хельсинкская декларация и т.п.

Первый же, обобщающий ситуацию **хор** вылился в горестный зонг.

Зонг о чертовщине в нашем мире

*Чертовщина, чертовщина,
Чертовщина — кругом происходит.
Черт лишь знает, откуда исходит
Чертовщина — что здесь происходит
Черт знает что!
Все перепуталось в мире современном,
Так сделал черт:
Невероятное слилось с обыкновенным.
Где же предел? Где же предел чертовщины?*

*И где концы ее,
Где предпосылки и где же причины?
Чертовщина, чертовщина,
Чертовщина кругом происходит.
Черт лишь знает, откуда исходит
Чертовщина — что здесь происходит!*

На сцене сразу же с программной речью-арией выступает сам Вельзевул, у которого нарисованы густые, сходящиеся к переносице, черные брови, что могло бы адресовать этот персонаж лично к генсеку, «товарищу Леониду Ильичу», как его приспособились величать подхалимы. Впрочем, исполнитель этой роли подобное совпадение всячески отрицал.

Итак, **Вельзевул**, он же Директор НИИ АДА:

*Всемирные проблемы, затасканные темы
Дошли до НИИ АДА в свой черед —
Проблемы управления и перенапряжения,
И интенсификации работ!
Не тот теперь стал грешник,
Ученый — насмешник,
Не так легко с ним справиться в аду.
Зубастый, горластый
И атеист опасный —
Он черта переспорит на ходу.*

(А как благостно все было в аду до этих времен).

Хор: *В НИИ АДУ недавно все было очень славно,
Жилось тепло, светло и сытно нам.
Теперь же неполадки, теперь недостатки,
И старый ВАК отправился к чертям.*

(Поднимается извечный русский вопрос «Что делать?!»).

*И мне бы, Вельзевулу,
Чтоб не слететь со стула,
Пора крутые меры предпринять:
Менять обстановку,
Менять установку
И методы работы обновлять.*

Хор уныло повторяет давно приевшиеся всем казенные речи. В актуальном времени, за круглым столом проводятся консультации с ведьмами-гадалками, с Лешим, приглашенным на телеэкран, но ничего внятного оными не предлагается. И потому жалобы выливаются в уныло-трагический зонг (хор из «Тангейзера» Вагнера) **трио:** Вельзевул, Люцифер и Асмодей (Богдан, Варлен, Витя):

Зонг о плановом хозяйстве

*Гори огнем,
Полыхай адским пламенем.
Мы план даем,
Но иссякли сами мы...
Адский труд непосилен,
Сам лукавый бессилен
В выполнении плана любой ценой.
Припишем мы
С потолка ли, с неба ли,
Дадим отчет в том, что было и не было.
Из отчетов фальшивых рапорт выйдет красивый
В выполнении плана любой ценой!..*

Приведенная выше схема в точности повторяла идейно-экономическое поведение общества. И в данном случае ППФ опять же провидчески предсказала причины грядущих катастроф в державе.

Некоторые сотрудники НИИ АДА ностальгируют по «добрым старым временам» (песня «Жил-был король когда-то»):

Хор: *Все было так прекрасно
В старинном аду у нас,
И кто был грешник — ясно,
Приказом был приказ...
Мы гнусно голосили
Акафист Сатане,
Его перевозносили
По адской стороне.
Как черти мы дрожали
Пред ликом Сатаны.
Да так, что промокали
Казенные штаны.*

Правда, **Дьяволица** (Ада) и **Асмодей** уточняют суть былого «порядка» (на музыку из оперетты И. Дунаевского «Вольный ветер»):

Дуэт: *Раньше дело было как?
Был порядок, не кабак,
Каждый, по определенью — грешник.
В специальное досье
Все поступки, мысли все
Заносили яро и прилежно.
Грешник жарится в огне,
Он готовенький вполне
Признавать любые злодеянья.*

*Знай, записывай в досье
Мысли и поступки все
И чистосердечное признание...
Били, били, били, били... — бам!..
Надзор особый учредили — мозгам!*

Высказывается **Баба-Яга** (Галя), как местный оракул (хор «Высота, широта поднебесная...»):

Зонг по текущему вопросу...

*В непролазном лесу
Тьма дремучая,
Караул здесь несу,
Души мучаю.
На куриных ногах
Изба зиждится,
Пропишу я врагам
Свою ижицу.
Я старуха востра,
Я — разбойница,
Я — Кощея сестра,
Греховодница.
А ступа звездолет обгоняет,
А метла след метет, замечает.*

Хор («Не думайте о людях свысока»):

*Придирчива старуха и строга,
Виновного погубит и невинного.
Про время расскажи, Баба-Яга,
Старинное, старинное, старинное!*

Баба-Яга:

*Как на древней земле
Рехформаторы,
Генералы, цари,
Императоры —
Всяк под дых сапожок,
Всякий с норовом:
Опосля вам ужо
Будет здорово.
Счас никто не мычит
И не телится,
В дремоте все корпит,
Не шевелится,
Одолели задумками новыми,
Поломали устои кондовые!..*

Дьяволица добавляет (на песню «Конфетки-бараночки»):

*До чего докатились мы
В современном аду,
Боевитость утратили, проглядели беду.*

Где ж вы, черти удалые,

Где победы бывалые?

Ты в каком направлении, Ад кромешный, летишь?

Веянья аномальные,

Черти сверх либеральные

Ада старого — злобно подорвали престиж!

Вельзевул (Директор) изрекает:

Прогресс технический и модный

Нам очень нужен в преисподней...

Ну вот! Хотите ль, не хотите ль.

Из НИИ РАЯ едет Представитель.

Тут Баба-Яга чудесным образом превращается в модерновую Красну-Девицу, и ее командируют встречать и сопровождать Представителя.

Кончается колдовская первая серия. Из экрана телевизора ведущий Сергей Петрович еще раз провозглашает о невозможности чудес и что этот тезис подтвердят последующие подвиги науки: «Каких еще открытий чудных готовит просвещенья дух!...»

Но в нашей пьесе все развивается по своему, по бесовскому сценарию. На сцене появляется **Представитель** высшего мира и предлагает внедрить автоматическую систему управления — АСУ:

Мы вам АСУ для управления...

А вы нам адский жар для отопления!

Логический любому вывод ясен,

И эта логика весьма строга —

Хоть НИИ АД до чертиков ужасен,

Но черту тоже шкура дорога!

Ад по всем правилам использует перерыв в переговорах для ублажения Представителя: его водят по аду, пытаются соблазнить чертовочками и т.п., но он желает одного — поскорее «ноги унести».

Черти идут с последних козырей. (Опять та же тема — тяга «совков» к заграничным вещицам.)

Баба-Яга (она же, красна-девица):

Я дефицит мну в руках,

Все что захочешь — достану.

Все — высший сорт — без обману.

Вещи теперь в дефиците,

Вещи — важнее всего,

*Бархат и ситец берите,
И «Королеву Марго»!
...Ищите, ловите, хватайте —
«Грунди», дублинку и лен...
Мир в сатанинском азарте
За шмотками скачет вдогон!*

Тут **Представитель** не устоял и клюнул:

*Вещь — это первооснова,
Цель и смысл бытия.
Мы за вещи готовы
Запродать и себя.*

Вельзевул доволен, что Ад как-то сумел реабилитироваться:

*Мне теперь представляется четко,
Что в моем подчиненном аду,
ЭВМ перемножив на черта,
Я порядок в делах наведу!*

Представитель тоже доволен собой и ликует («Бублички»):

*Мне наибольшее благоприятствие,
Все, что угодно душе, дают:
Хочу чертовочку — мне не препятствуют,
Хочу энергию — мне продают.
А черти в пламени шевелят вилами,
Меня приветствует радушно Ад.
Мои хорошие, мои вы милые!
Я ль не союзник вам, мне ль черт не брат!*

Финал, который, как правило, всегда выпадает из контекста сюжета, здесь посвящен серьезной теме: сохранению жизни на земле (на мотив революционной песни «Белая гвардия, Черный барон...»).

Зонг о спасении Земли

*Недра разграбили люди до тла,
Землю раздели они догола...
Хоть возрастали мирские блага,
Природа осталась нища и нага...*

Припев: *Идет история мировая
Диалектическим путем,
Не надо Ада, не надо Рая.
Земную жизнь мы воспоем!*

*Чертовы дети над миром царят,
Земля превращается в форменный ад.*

*Они разжигают людскую вражду,
Они отравляют природы среду.*
(Припев)

*В дебрях идейных не видно ни зги,
Чертовы куклы нам пудрят мозги.
Мифы, иллюзии бросим к чертям,
Ясные головы надобны нам!*
(Припев)

ОПУС 14. СКАЗКА ПРО БЕЛОГО БЫЧКА. 1975 г.

Обычно толчком для создания нового спектакля нам служит какое-нибудь злободневное событие. В данном же случае и тема, и сюжет, и место действия сложились из нескольких компонентов, в том числе:

- постоянное давление о досрочном выполнении невыполнимых заданий, спущенных «сверху». Так, к предстоящей через пять лет Олимпиаде в Москве был дан приказ интенсивно готовиться тотчас;
- жестокая конкуренция научных групп в борьбе за денежную работу. При этом никого не волнует — будет ли результат. Шла бы оплата. Преобладала сентенция: отрицательный результат — это тоже результат;
- регулярные акции с бурной демонстрацией активной общественной жизни, отвлекающие от работы. Существовала разнарядка, сколько и к какому столбу на Ленинском проспекте должно вывести работников от Академии наук, от госпредприятий и просто — предприятий Москвы для радостной встречи очередной политической делегации из «соцлагеря» и т.п.;
- самое главное — имитационный и низкоэффективный характер работы в советской науке, где была занята одна четверть из мирового числа научных и подручных им работников, но эффективность науки у нас с каждым годом «застоя» становилась все ниже и ниже.

Этот клубок привходящих обстоятельств вылился в цельный опус — «Сказка про белого бычка. Испанская драма». Действие было перенесено в Испанию. Кроме понятной причины: увода действия подальше от дома, на выбор места, на колорит мелодий и костюмов оказали влияние и свежие рассказы счастливых, недавно побывавших в Испании, видевших Эскуриал и настоящую корриду.

Среди исполнителей — Великий Коррехидор (Богдан), и представители двух научных конгрегаций: «непорочного зачатия»: дон Гиль (Варлен), донья Занозилья и Акапелла (Галя и Неля) и «алхимического действия»: дон Базар, дон Бузиль, донья Бренчитта (Витя, Юра, Ада).

В действии участвуют также две Махи (обе одетые) и свирепый белый бык.

И еще есть гонец от начальства, словами которого обрамляется — начинается, и кончается спектакль:

Гонец: *Я вам принес рескрипт из Эскуриала!*

Коррехидор (читает письмо, мелодия — ария Лепорелло из оперы Моцарта «Дон Жуан»):

*Вот, извольте, получили задание,
Подпись есть высочайшей рукою —
Оказали доверье большое.
Дело чести — его оправдать,
«А Испании нужен престиж!»*

Далее Коррехидор излагает суть дела, которая кроется в том, что в связи с предстоящим вскоре открытием Колумбом Америки назначено проведение Олимпийской корриды.

*Мы имеем порученье всеиспанского значенья —
Для корриды по условию нужен бык испанской крови!
Не голландской, марокканской, мавританской...
Только испанской! Только испанской!
Бык должен быть белым, с крутыми рогами,
С мощной выей, живыми глазами,
С нужным нравом, с чистой анкетой...
Ведь Испании нужен престиж!*

Хор конгрегаций, якобы с энтузиазмом, обсуждает полученное высокое задание (хор из оперы Верди «Набуко»):

*В свете решений, данных Эскуриалом,
Наша ответственность предельно велика!
К корриде Олимпийской срок отведен малый —
Выдать чистокровного испанского быка.
Высокая мобильность, высокая лабильность
И по дизайну — линия нова,
И рога, как меч, но
Главное, конечно,
Должна быть безупречна
Пятая графа.*

Справка. К сведению молодого поколения читателей поясним, что «пятая графа» в анкетах, заполняемых при приеме на работу, содержала вопрос о национальной принадлежности служащих. В обстановке государственного антисемитизма, который процветал в эпоху застоя, о человеке «некоренной национальности» (то есть иудейского или иного происхождения) говорили, что он «хромает на пятую ногу», у него не было никаких серьезных перспектив для карьеры или даже для устройства на работу. Такая графа тогда была и в паспорте граждан.

Комедия же продолжается.

Коррехидор: *Доложите конгрегации,
Каковы ваши новации,
Каковы ваши тенденции
И научные потенции?*

Первым отчитывается **Дон Гиль:**
*Нам не нужен опыт, братья,
Измеренья или счет.
Непорочное зачатие —
Вот наш метод и оплот!*

Донья Занозилья:
*Грядущие битвы — мы в них победим
Святою молитвой и духом святым.
Нашу задачу можем решить мы точно:
Способ найдем в зачатии непорочном.
Путь озарит Пречистая Дева Мария,
Личный пример явила она впервые.*

От конгрегации алхимического действия докладывает **Дон Базар:**
*Кто в нашем крае методы не знает:
Есть философский камень,
Жаркого тигля пламень
Зажгут алхимики сами.
Приступим умело к серьезному делу,
Быка за рога ухватим,
С теорией мы потрафим,
На это мозгов нам хватит.*

В дальнейшем слова хора превращаются в зонг. (Запев по популярной испанской песенке — «Кто в нашем крае Челитты не знает...»).

Зонг об имитации дела

Хор: *Ай-ай-яй! Ну что за метода!
На все проблемы сыщем ответ,
Начальству всегда в угоду!
(Далее — Хабанера.)
Что за бравые мы ребята,
Мундира честь нам дорога.
Велят — из глины добудем золото,
Позолотим — и быку рога!
Напряженно кипит работа
Вокруг да около пустоты,
Имитируем где-то что-то
С энтузиазмом и я, и ты!
Энтузиазм — дитя риторики,*

*Дитя красноречивых фраз,
Отметят в будущем историки:
Язык подвешен был у нас...
Пусть вместо дела — лишь зола,
Но нас ничто не выбьет из седла.*

Тут вместе с вопросом «А с кем работать?!» вторгается новая тема. Ответ все дают наперебой, тут и слова не выкинешь, наболело (ария Фигаро):

Хор: *Лиценциаты — на сбор апельсинов.
Или лопатой грузят маслины.
Все бакалавры без исключенья
Встречают мавров до обалденья.
Ну, а магистры — очень речисты,
И потому они пропагандисты.
Прочие лица — махи-девицы
Блюдут порядок в нашей столице...
Нынче работать, нынче работать,
Нынче работать — не с кем сеньор!*

Позиция **Коррехидора**, как всегда у начальства, однозначна:

*Не с кем работать? Ну, так за дело!
Поинтенсивней, действуйте смело!*

Второе действие начинается лирической сценой — «алхимик» **Дон Бузиль** поет серенаду под балконом Занозильи (которая из «непорочно-го зачатия»):

*На работе я с тоскою до звонка дремал
И с гитарой под полою пред тобой предстал.
Коль зовет тебя испанец, ты приди, дружок!..*

Донья Занозилья с грустью сообщает, что не во что одеться, коль нет сертификатов в специальные магазины. (Это уже почти забытая примета тех времен). А сохранить страстность и шарм, продолжает Донья, и того труднее — не успевает она («Челитта»):

*К другу на свиданье,
Как мне примчаться в срок?
Надо сидеть на собраниях,
Политзанятий учить урок.
Надо готовить доклады.
Местком сегодня и завтра вновь...
Шить и готовить, стирать и гладить —
Времени нет на любовь!*

Дон Гиль пытается разрушить эти начатки любви между представителями враждующих конгрегаций. Оба — и Гиль, и Бузиль — за словом в

карман не лезут и бойко обмениваются суровыми (для разборок в Инквизиции или же на Парткоме) оскорблениями («Падеспань — хорошенький танец»):

Дон Бузиль: *Вы есть истинный гуманитарий,
Вам рогатой не вывести твари...
Ну, какой Вы, простите, ученый?
Просто средневековый схоласт.*

Дон Гиль: *Но без веры Ваши метод, поверьте
Римской и католической церкви —
Вы всего лишь эмпирик ползучий,
Если только — вы не еретик!..*

Как и полагается в настоящей испанской драме, спорщики затевают дуэль. Эту теологическую склоку прерывает приход Коррехидора. За ним следуют **Махи** с доносом. Это наш трогательный дуэт — Майя и Мариша:

*Добрый сеньор! Мы спешим донести по секрету.
Добрый сеньор! Здесь работа идет кое-как.
Добрый сеньор! Ни быка, ни телка у них нету.
Добрый сеньор! Попадете Вы с ними впросак! Аминь!*

Коррехидор излагает свой метод управления коллективом (ария Дона Базилио):

*В управлены коллективом —
Неспокойным, нерадивым
Надлежит всегда ретивых
Информаторов держать,
В донесенья их вникать...
В том искусство управленья,
Чтоб сломить сопротивление,
Взбаламутить учреждение,
Свой престиж чтоб укреплять.*

Сотрудники хором казенно и уныло дают «бодрый», но как принято, лживый, отчет (мелодия из «Вампуки»):

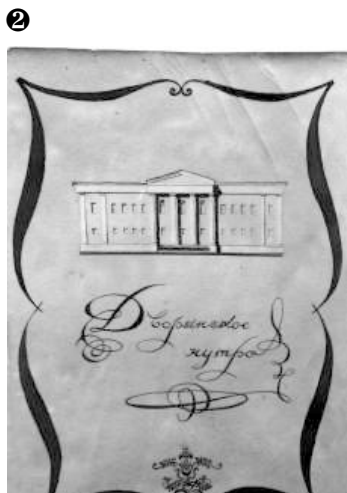
*Горячая работа у нас идет,
Бурлит энтузиазмом у нас народ,
В согласии с приказом быка дает!
Быка дает! Быка дает! Горячая работа у нас идет!*

Коррехидор вопрошает: *А бык-то, бык-то где?!*

Дон Гиль и Дон Бузиль пытаются навести тень на плетень:

*...Прежде, чем решать проблему быков,
Нужно решить проблему кормов.
(«Кукарачча»)*

*Плыть Колумбу за попкорном, открывая Новый Свет,
За кукурузой, за кукурузой — это лучший наш ответ.*

«Дворянское нутро» — трагикомедия. Оп. 12. 1973 г. 1. Главные действующие интриганы: «Важное лицо» из С.-Петербурга — Чумазов (Витя) и Попечитель богадельно-научного заведения Внуков-Домодедов (Богдан), справа его супруга — Анфилада Внукова-Домодедова, урожденная Шереметьева (Ада). 2,3,4. Обложка и сцены из спектакля.

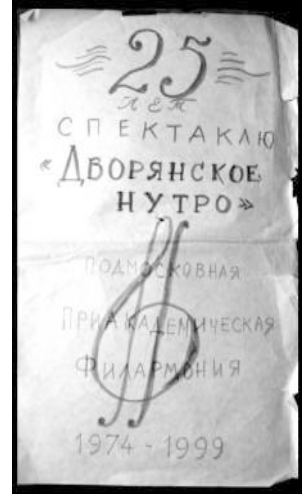

Тот же опус 12. 1. Чумазов предъявляет претензии Внукову-Домодедову о «недостаточно экономной экономике заведения» (тавтология, изреченная Брежневым). 2. Тем не менее научный коллектив готов к балу-маскараду по случаю 250-летия Академии наук.

Тот же опус 12. 1,3. Маскарад проистекает «нормально». 2. Рисунки-зарисовки сцен маскарада и бала.

①

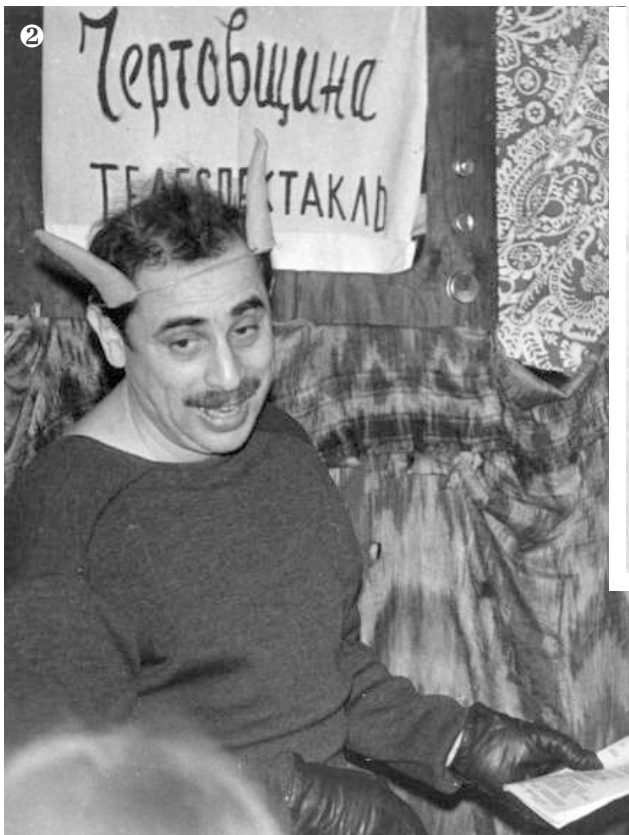
②

③

Тот же опус 12. 1. Афиша спектакля «Дворянское нутро» в честь 25-летнего представления премьеры, 1974–1999. 2. Исполнители — те же и так же полны энтузиазма (слева направо): Варлен, Юра, Неля, Марина, Майя. И далее : 3. Витя, Варлен, Богдан, Юра, Галя, Ада.

«Чертовщина» — телеспектакль. Оп. 13. 1974 г. 1. Обложка. 2. Вечно иронизирующий Асмодей (Варлен). 3. Вельзевул (Богдан) устанавливает контакты с представителем НИИРАЯ (Юра). На этом же фото — Андрей: «Кушать подано!».

1

2

Тот же опус 13. 1. Дирижер (Миша) предлагает выслушать с экрана ТВ рассказ об «Очевидном — невероятном» в этом мире. 2. Асмодей, Дьяволица и Люцифер (Ада, Варлен, Витя) поют зонг «О чертовщине», справа Майя и Неля.

Тот же опус 13. 1 Дьяволица (Ада) интервьюирует Лешего, вызванного на экран ТВ, по проблемам взаимоотношений – Рая, Ада и прочего Мира. 2. Представитель НИИРАЯ (Юра) подчиняется чарам Гали (она же Баба-Яга и Василиса Прекрасная) и подписывает соглашение с НИИАДом.

«Сказка про белого бычка» — испанская драма. Оп.14. 1975 г. 1. Обложка. 2. Донья Занозилья (Галья) представляет «Конгрегацию непорочного зачатия». 3. Донья Бренчита (Ада) докладывает о «Конгрегации алхимического действия». 4. Великий Коррехидор (Богдан) пытается разобраться в том, кто его больше обманывает.

1

2

3

Тот же опус 14. 1,2. Все конгрегации отправляются встречать мавров-морисков и на сбор апельсинов. 3. Лиценциаты «брошены» на свеклу.

«Пиратские напевы» — приключения. Оп. 15. 1976 г. 1. Обложка. 2. Основа спектакля — пираты морей Бермудского треугольника (Богдан, Витя). 3. Экспедиция научных сотрудниц берет пиратский корабль на бордаж.

Тот же опус 15. 1. Обаяние женщин-ученых покоряет пиратов. 2. Только (Варлен) Боцман (справа) дудит в дудку ради наведения порядка. 3. За бортом обнаруживается «нечто» – гуманоид (Неля), которое зачисляется в юнги. Слева на фото – дебютирующая на сцене ППФ Галя Поповская, заменившая отсутствующую Аду.

Тот же опус 15. 1. Ведущая научная сотрудница (Галя) пускает в ход все аргументы для подчинения капитана. 2. И тут же она же принимает командование на себя и меняет курс корабля. У штурвала младший научный сотрудник (Мариша). 3. Рядовой пират (Витя) нарушает консенсус.

3

«Ближневосточная арабеска» или «Без воли аллаха — не будет размаха!». Опус 16. 1977 г.
 1. Обложка. 2. Султан (Богдан) исполняет собственного сочинения гимн Байхрена. 3. Вопреки принятому мнению в гареме жены султана веселятся. 4. Вызванная из Парижа звезда Бриджит Бардель как феминистка стремится освободить узниц гарема.

Тот же опус 16. 1. Визирь (Варлен) приветчает гостей из цивилизованного мира: геолога из СССР (играет Игорь, по замене) и бизнесмена из-за океана (Витя, в центре). Оба сулят прогресс. 2. Султан, сменив чалму на цилиндр, объявляет Байхрен республикой. 3. Геолог сообщает, что нашел вблизи нефть. Бывшие рабыни гарема, получив участки песка, стали вдруг богатыми. Жены создают свою армию: «Мульманский дух не слаб – он всего сильнее у баб!».

②
ГОД 1983
НА ПЕРВОЙ НЕДЕЛЕ
Великого Поста
ПРЕДСТАВЛЕНА БУДЕТ
МЮЗИКЛ
ПО-МАЛОРОССИЙСКИ
"ЕХАЛИ КАЗАКИ"
или
"ГОП, МОИ БИОРИТМЫ"

«Ехали казаки» — малороссийский мюзикл. Оп. 17. 1982 г. 1. Герой мюзикла — академик Нечитайло — глава Полтавского института парасихнаук. 2. Приглашение на спектакль. 3. Монумент в честь Полтавской битвы. 4. Дружные ряды научных сотрудников института. 5. «Вдыхайте прану!..» (Гаяля). 6. Ада — супруга Нечитайло: «Гроби розминаю на крузейро...».

Тот же опус 17. 1,4. Научный сотрудник в штатском тов. Темных из Центра включается в делегацию в Рио-де-Жанейро (Юра: «Не думай о минутах свысока...»). 2. Мл. н.с. Мендельвейченко исключен из делегации, винит дирекцию: «Ты ж мене пидманула...». 3. Ученый секретарь, кум директора, Пройдывит, рад, что его не изгнали из делегации.

Коррехидор чувствует обман, но он знает способ, как нужно подстроговаться:

*Не поддамся я обману.
Ваш расчет — на простака,
Выдать вы должны по плану
К сроку белого быка!*

(в сторону) *Сам пуцусь я на уловку,
Хоть задача не легка.
 Попрошу корректировку
Сроков выдачи быка...*

Хор это радостно подхватывает.

Хор: *Корректировка! Корректировка!
Крепче за нее держись!
Корректировка! Корректировка!
Облегчает нашу жизнь!*

На этой бодрой, обнадеживающей ноте и завершается второй акт.

Справка. Корректировка в стране всегда выручала необязательных исполнителей, сохраняя притом видимость выполнения любых планов, в том числе и 5-летних.

Третий акт, наоборот, начинается в минорном тоне. Быка-то нет!..

Хор (из Набуко) с грустью констатирует этот факт, опираясь на грустный опыт, что теории редко подтверждаются практикой:

*Белый свет затмило тучей,
Наши теории нас загоняют в тупик.
Веры нет, что в данном случае
В эксперименте получится бык...*

Одинокий высокий голос выкрикивает:

*Скоро срок придет —
Быка давай-ка!*

Тут одна донья сообщает: *Бык бесхозный
Там гуляет на лужайке!*

На сцену врывается свирепый белый бык.

(Это была не простая задача для «постановочной части» спектакля. Мужчины обнажили шпаги и с трудом загнали быка в угол. Но еще труднее была задача — выдать этого быка за искомое достижение.)

Однако и это пытаются сделать (опера «Кармен»).

Хор: *Коррехидор, смелее в бой!
Коррехидор, бык пред тобой!
Взяли мы напряженный встречный план —
Бык наш досрочно сдан.
И премии ждет хор, Коррехидор!
Да, премии ждет хор.*

Опять выступают на передний план **Махи**-информаторы:
*Добрый сеньор! Этот бык никуда не годится.
Добрый сеньор! В нем нарушены грубо традиции...*

Коррехидор: *Нет, этот бык не наш!
В Эскуриал не сдашь.
Нам быки такого вида
Не пригодны для корриды*

Хор: *Мы не справились с проблемой века!
Кто бы мог, кто бы мог предугадать!*

Вдруг появляется **Гонец**. Он принес спасение:
Я вам привез рескрипт из Эскуриала.

Коррехидор читает и ликует:
*Отдан рескрипт высокий Эскуриала!
В нем корректировка — на новые срока.
Время показать себя на практике настало,
Наши конгрегации прославить на века!*

Но! Опять возникает извечный вопрос: «А с кем работать?»

Хор: *Лиценциаты по Арагону,
В синих халатах грузят вагоны.
А бакалавры тоже не близко:
Проводят мавров, встречют морисков.*

Коррехидор вновь подтвердил свое умение выживать в строгой плановой системе государства. К чему это привело в нашей стране, мы видели.

Хор завершает тему вполне серьезно:
*Отдан приказ высокий Эскуриала!
Снова ответственность предельно велика.
Великий Коррехидор снова у штурвала —
СКАЗКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРО БЕЛОГО БЫКА!*

ОПУС 15. ПИРАТСКИЕ НАПЕВЫ. 1976 г.

В своих творениях Филармония всегда чутко откликалась на все злободневное и новенькое, где бы оно ни промелькнуло: во всем мире, в радиоэфире, в телепередачах или в разговорах на кухнях.

В этом спектакле столкнулись две противоречивые тенденции: с одной стороны, сокрытие и утаивание реальной информации от населения, что было неотъемлемой чертой советского общества;

с другой — мифологичность сознания, так называемых, «простых людей», их склонность верить в чудо и способность воспринимать любую, даже нелепую информацию, не опирающуюся на факты, а преимущественно навязываемую им в форме мифа.

В 1976 году очень модным стал вопрос о жутких загадках Бермудского треугольника. И газеты, и «ящик» обсасывали и кое-как опровергали возможность чудес. Наш добрый знакомый С.П. Капица тоже пытался в своем «Очевидном-невероятном» показать, что это все глупости. Но народ никому не верил, он хотел ужастиков.

Вот так, хочешь — не хочешь, пришлось эту проблему прояснять Филармонии, своими доступными ей средствами. Так и родился спектакль «Пиратские напевы или Правда не кошка — не выбросишь в окошко» — Водяная феерия в двух абордажах.

Вся тревожность ситуации сразу же прозвучала в прологе — в зонге (мелодия — украинская песня «Червона рута»):

Зонг о сокрытии информации

*Информации нет
В растревоженном мире
Ни в подвалах газет,
Ни в кино, ни в эфире.*

*Всё скрывают подряд,
Информацию прячут,
Про тарелки молчат —
Это что-нибудь значит.*

*Покажись на вершок
Внеземная система —
Вмиг ее в порошок
Разотрет академик.*

*И тарелки враздрызг,
И магнитную воду
Промывают мозги
Трудовому народу.*

*А ведь что-то здесь есть!
Люди б зря не болтали.
Это, может быть, весть
Из космической дали!*

*Знать, недаром от нас
Информацию прячут,
Потому что как раз
Это что-нибудь значит!*

Реагируя на волнение масс, Академия наук снаряжает экспедицию в этот самый треугольник. Вопрос ответственный, и потому дело поручается женщинам: главной научной сотруднице (Ада), ведущей (Галя) и двум завидующим научным сотрудницам (Майя и Мариша).

На берегу океана они обсуждают свои не простые проблемы.

Чем напутствовал их важнейший от науки (цыганские мотивы).

Главная: *Он повелел мне, исполненный воли,
Плыть на Бермудский нам треугольник...
Ценные речи так говорил он,
Лавры научные щедро сулил он.
Но не любил он! Нет, не любил он —
Валютные фонды давать.*

Хор (дополняет эту мрачную картину — «Хотелось, как лучше...»):
*А транспорта на треугольник нету,
А денег-то в кармане — только медь.
И мы хотим на жалкие монеты,
Себя, родных и близких приодеть!..*

Это — известный грустный мотив всех «совковых» командированных. Члены экспедиции вдруг (!) видят у причала пиратский корабль.

Капитан (Юра), **боцман** (Варлен) и **команда** (Богдан, Витя) в унынии:
*Нынче трудно жить пирату —
Нет добычи, пуст карман,
Рыщут субмарины НАТО,
Загрязняют океан...*

Видя растерянность моряков, решительные дамы идут на бордаж. Впрочем, вскоре все уладилось, и был найден общий язык.

Хор (мелодия из фильма «Семеро смелых»):
*Без формальностей окольных,
Сверхзадача нам дана —
На Бермудский треугольник
Посылает нас страна!*

Женщины-ученые: *Там океан снижается,
тонут корабли,
Самолет болтается
вне времени земли...
Может, там на острове
черная дыра!
Эти факты пестрые
объяснить пора.*

Капитан, кроме того, что сразу был покорен прелестями Ведущей сотрудницы, стал задумываться — не поменять ли свою беспокойную, не очень в наше время доходную профессию:

Капитан («Мой любимый старый дед»):
*Я б в ученые пошел...
Там бы я себя нашел —
Не нормированный день,
(Тень наводят на плетень)*

*Тему тянут много лет...
Что же мне в ответ?*

Ответ ученых дам не утешителен:

*Жизнь в науке — не фонтан,
Трагедийный балаган,
Нет кредитов, нет людей,
Ходу нету для идей.*

*А в открытиях — разбой,
Перехватит все другой...
И пиратов, и пролаз
Предостаточно у нас!*

Тем не менее, несмотря на трудные рабочие условия, **научные сотрудницы** походя решают роковую Бермудскую загадку:

*Злодея распознали, доклад мы написали —
Виновен в том скандале — ужасный ультразвук!..*

Просвещая дремучих пиратов, дамы сообщают им магическую формулу — «Наука умеет много ГИТИК!» и иллюстрируют этот тезис рассказом о «чудесах магнитной воды».

Нам уже стало казаться, что этот спектакль так тихо-мирно и закончится, но вдруг в плавное течение научно-пиратских исследований вмешивается потусторонняя сила (вот — козни Бермуд!). Команда вытаскивает из океанских вод тонущую юную фигуру, ее доверчиво зачисляют в штат, как юнгу. Но это существо вскоре-таки было выведено на чистую воду и оказалось гуманоидом. Оно похитило столь выстраданный научный доклад экспедиции и унеслось на летающей тарелке. И вот грустный итог:

Главная н.с.: — *Увы, открытье века — не открыто,
Остались у разбитого корыта...*

Ведущая н.с.: *Но даже негативный результат,
В науке, при уменьи, — тоже клад!*

Финал спектакля «потянул» еще на один зонг («По морям, по волнам...»):

Зонг о защите чистоты науки

*Наука не жонглер, чтобы законами играть,
Хотя б начальство этого изволило желать.
Законы не изменит крови жаждущий упырь,
Бредовые идеи лопнут, как пузырь.*

*По морям, по волнам
Сивый бред тут и там,
Тут и там, куда ни посмотри —
Сверху донизу пузыри!*

*В науке наша жизнь, и защищаем мы ее,
Когда слетается клевать науку воронье,
Но сколько б ни рвалися пираты на простор,
История уже им подписала приговор.*

*По морям, по волнам
Сивый бред тут и там,
Но настанет срок и — посмотри:
Лопнут мыльные пузыри!*

В конце концов, все персонажи спектакля приходят к общим благим выводам, как выжить в науке.

Хор: *Дружно сольемся в едином экстазе,
В научном пиратстве себя утвердим.
Нету открытий, но звонкою фразой
Мы победим, победим, победим!..*

Так и завершается эта фантастическая водяная феерия.

ОПУС 16. БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ АРАБЕСКА. 1977 г.

С приоткрытием железного занавеса многие советские люди: и как командированные, и как делегаты научных собраний, и просто туристы расплозились по белому свету. Все стремились убедиться собственными глазами, что все, известное ранее понаслышке, существует в действительности: пирамиды и мечети; Эйфелева башня и Лувр; Гауди и Прадо; Колизей и Уффици, да и стоит ли перечислять неисчислимое. Наши люди хотели узнать жизнь народов на Западе и на Востоке. Кто-то из советских граждан на сценах или на стройках зарабатывал там деньги для страны (и мизерную долю из них — для себя), геологи искали для кого-то полезные ископаемые.

В то же время представлял интерес процесс распространения цивилизации и демократизации в отсталых странах Третьего мира.

Некоторые примеры событий, происходивших на Ближнем Востоке, послужили предметом глубокого анализа, проведенного Филармонией на примере отдельно взятого государства Байхрен. Просьба, не путать с Бахрейном.

Результаты наших наблюдений вылились в опус: «Ближневосточная арабеска, или Без воли Аллаха не будет размаха». Нам с трудом удалось свести концы с концами в этих неожиданных арабских хитросплетениях, включая проблемы эмансипации женщин гарема и, вообще, вопросов сексуальной революции на Востоке.

Но только сейчас можно осознать, сколь глубоким было наше предвидение будущего, уже в глобальном плане. Недавние бурные события на Севере Африки и на Ближнем Востоке показали, как непрочны и

недолговечны там вековые монархические режимы, но и одновременно — как неустойчивы президентские наследственные правления, и какую опасность представляет мусульманский фундаментализм, особенно — с «женским лицом».

Среди действующих лиц на сцене действовали: Султан (ставший затем Президентом, потом он же оказавшийся в изгнании) и великий Визирь (потом Премьер министр и т.д.) Исполнители этих ролей — Богдан и Варлен. Сердцем сераля (и всего спектакля) был гарем из четырех очаровательных солисток: Быр-, Ыкы-, Уч-, Торт-Ханумы (1-я, 2-я и т.д., по-тюркскому счету). После они стали вольными гражданками и заняли должности секретарш, а еще позже — организовали вооруженное сопротивление прогрессу, поскольку их прежняя жизнь в гареме текла для них более спокойно. О лицах, «понаехавших» из других стран, будет рассказано по мере их появления на сцене.

При Султানে был еще Али — царедворец «за все» и для «кушать подано!». В нашем театре все исполнители были заменяемы, только эта роль и роль Рабочего сцены всегда принадлежали Андрею Боровику. И он их ценил и играл с большим достоинством и даже с трогательным внутренним волнением.

Первый намаз (по-нашему — 1-е действие) естественно начинается исполнением гимна страны, сочиненного самим Султаном (мелодия — «Индонезия»).

Хор: *Байхрен — страна благословенная,
Аллаху верой неизменная.
Вдали от Запада растленного
Стоит загадочно она.
Ее границы недвижимые,
Ее пески неисчислимы,
Ее пути непроходимые,
Байхрен — моя страна!
Так сияй всегда ж,
Полумесяц наш.
Абсолютен наш монархизм!
Ниспошли, Аллах, нам успех в делах.
Верноподданность — наш девиз!*

Визирь (докладывает, мелодия — «Я люблю тебя, Вена»):

*Трудна визиря роль,
Правоверные — голь.
Для байхренской страны
Времена не ясны.*

Султан (кряхтит): *Род султанский мой стар,
От безделья — устал.
Только сплю, только ем,
Все — гарем да гарем...*

Хор и танец гарема (мелодия — та же «Индонезия»):

*Всю жизнь в гареме мы затворницы,
Твои, Султан, рабыни и наложницы,
Алиф от Беты отличить не можем мы,
Пока — культурою не потревожены.
Есть где-то женская эмансипация,
Как показатель для свободы нации.
Нам ни к чему те веянья чрезмерные...
Мы жены скромные, мы жены верные. Ох!*

Визирь (продолжает доклад):

*Трещит экономика наша по швам,
Казну до конца истожили.
Где взять доходы несметные нам?
Бедны бедуины, и скудны пустыни,
Верблюды тощи и кобылы...
У власти султанской нет силы...*

Султан: *У нас есть интересы поважнее. Где дива европейская?*

Визирь: *Уже приехала из самого Парижа,
Светлейший из Светлейших!*

Выходит Звезда — **Бриджит Мардель** (Галя) в парижском наряде:

*Париж — это чудо прогресса
Свобод и новейшего секса...
К счастью, зову я власти,
Чтоб власти не чуждались страсти.
Ву компренэ? Ноблес оближ! —
Байхрен я превращу в Париж.*

Она не просто так приехала «на работу», а еще ее к чему-то «положение обязывает». Она обещает освободить от рабства пленниц гарема. Далее следует обмен мнениями о чейндже, взятках и коррупции в стране... (Эти темы всегда злободневны у них, как и у нас тоже).

Султан, якобы взвесив все сообщения, провозглашает:

*Коль ситуация созрела — это значит:
На новый лад Байхрен переиначим!
Это есть вопрос политический —
Стать республикой демократической.
Но! Чтоб избрали нас верноподданно
Президентом Байхрена свободного,
Радикально гарем переделаем,
Бывших жен секретаршами сделаем.
Вместе с нашими секретаршами
К демократии двинемся маршем мы!..*

В завершении первого действия звучит всеохватная реплика царедворца **Али**:

*Пусть живет султан сто лет,
В соответствии с моментом —
Может, зваться президентом...
«Кушать подано — шербет!»*

Тут бы нам и перейти ко 2-му намазу-действию, но здесь вклинилась очень важная для развития действия — Интерлюдия!

По пустыне на верблюдах к Байхрену движутся две фигуры: Бизнесмен из шибко развитой страны и Геолог — специалист из СССР. Наши герои потянулись сюда не за голой экзотикой, а по делу — на запах нефти. Под мерное покачивание (каждый едет на палочке, но обнимает руками картонную голову верблюда) они поют.

Дуэт («Мальчик на ослике ехал верхом...»):

*Запад есть Запад, Восток есть Восток.
Нефть — это нефть, А песок — лишь песок.
Средневековье какое кругом,
Даже отсутствует аэродром...*

Бизнесмен: *Всюду царит архаичный уклад,
Даже права человека не чтят...*

Геолог: *Всюду коварство и козни врагов,
Происки злые известных кругов.
Очень похоже — заводит Коран —
Где это видано, где это слыхано?—
С шестиугольной звездю роман...*

Оба: *Мы почему на верблюдах спешим? —
Здесь керосином запахло большим...*

Путевая беседа продолжается, но и приведенных цитат достаточно.

Второй намаз, как и первый, начинается гимном, но уже в новой редакции, о чем объявил **Визирь:**

*Его опять же вновь переписал
Сам Президент Байхрена солнцеликий!*

Хор: *Байхрен — республика обильная,
Аллаха волею всесильная,
Вперед шагами семимильными
К вершинам движется она.
Ее границы экспансивные,
Ее задачи прогрессивные,
Ее потуги интенсивные.
Байхрен — моя страна!..
Так сияй всегда ж, полумесяц наш:
Демократия, плюрализм.
Ниспошли, Аллах, нам успех в делах,
Шахер-махерство — наш девиз!*

Прибывшие иностранцы представляют свое виденье этого мира.

Геолог: *К вам путь и далек и долог,
Здесь голодный и бедный люд.*

Хор: *Держись, геолог, крепишь, геолог,
Довез же тебя верблюд.*

Геолог: *Каждый просит, чтоб дали на лапу,
А иначе — так надобно ждать.
Помянул бы в сердцах
Ваших маму и папу,
Да не велено поминать.*

*Путь к рассвету далек и долог.
Все прогнило и всюду разбой.*

Хор: *Держись, геолог, крепи, геолог,
Облик моральный свой!*

Бизнесмен выдвигает другую доктрину:

*К вам я прибыл из западных стран
Сообразно с моментом.
Вери гуд, что Байхренский Султан
Стал теперь Президентом.*

*Помогу увеличить барыши,
На затраты не глядя,
И за это приличный бакшиши
Будет каждому даден!*

Премьер (б. Визирь) докладывает о демократических реформах:

*Мы вопрос аграрный подработали
И байхренкам дарим от щедрот своих —
Бывшим узницам гарема,
Ныне гражданам нарежем
Во владение песок на побережье...*

Жены: *Что мы сделаем с песками,
Мы пока не знаем сами...*

(NB! Но авторы спектакля знают ответ, поэтому и заостряют внимание на этом моменте.)

А Мамзель-Мардель агитирует за свое («Марсельеза»)

*Идите, женщины, вперед.
Эмансипация зовет!
Разрушим гнет былых времен —
Мужчина будет укрощен!*

Бизнесмен сразу же предлагает:

*Продавайте берег мне —
Не обижу вас в цене.
После этого вполне
Заживете, как во сне.*

Но тут вбегает Геолог. Он успеваает в окружающих песках обнаружить нефть и **хор** радостно поет:

*Отныне в Байхрене старинном
Пропитаются все керосином!..
(В обоих смыслах, само собой разумеется).*

В 3-м действии вдруг выходит на первый план фигура бывшей Первой жены — **Быр-Ханум**. Ее участок песка оказался самым нефтеносным, и она стала миллиардершей! Тут же **Геолог** стал за ней активно ухаживать:

*На примете у нас есть матрона одна...
Положил я свой глаз, как велит мне страна,
А для дела, как раз, нам валюта нужна.*

Этот его глаз (может быть, один) напомнил историю, как другой русский «представитель» (человек с одним глазом) завоевал для блага родины сердце дочери миллиардера Онасисса. Это сходство событий тонко подчеркнул исполнитель роли нашего геолога (при заменах) Игорь (см. фото).

Президент страны в панике:

*Вся эта махинация ударила по мне —
Не видна комбинация сил движущих в стране...
За барыш и я готов быть отчаянным,
И крутить любовь с Еришалаимом.*

Премьер предвидит это предательство:

*Султанат предаст нынче вечером,
Берега продаст всякой нечисти.
С бабой убежит к Еришалаиму,
За Давидов щит, чтоб ни дна ему!..*

Тут-то и выходит на сцену новая главная сила общества — **женщины** (на мелодию шлягера «Не плачь, девчонка...»).

Зонг исламских фундаменталисток

*Мусульманский дух не слаб... (Ум-на-ра-ра)
Он всего сильнее у баб!
Правоверны и верны...
Мы опора всей страны...
Просвещение и прогресс
В нас не будит интерес...
Поклонение уму
Патриоткам ни к чему!
Не плачь, Зулейка,
Вступай в ряды полка.
Свою семейку —
Оставь на мужика!*

*А мы штыками
Порядок наведем.
И будет все тин-тон,
И будет все путем!*

Тем временем **Премьер** возглавляет переворот:

Войско порядок здесь наведет! Бабы, вперед!..

Президент с Мамзель бегут в изгнание.

А в завершение действия, обращаясь к Премьеру, ставит точку все тот же **Али-Царедворец**:

Получена депеша. Вас приглашают срочно выехать в Стокгольм... для получения премии за укрепление мира...

Извольте — фрак!

А в финальные куплеты (тоже зонг) вошла главная неисчерпаемая тема как для Востока, так и для Запада во все времена, которая успешно возрастала в СССР и актуальна до наших дней:

Зонг о коррупции

*Как нынче делают дела?
Руке дающего — хвала.
Чтоб чаду быть в спецмедресе —
Нажимай педали все.
Одаривай учителей —
Дитятя будет им милей.
Так кто же здесь кому дает,
Принимает и берет?*

Я, ты, он, она!

Сверхзадача нам ясна:

Принимаем и даем —

Изобилье создаем.

У нас хабибы-лекаря

Не подойдут к больному зря,

Чтобы кромсали нашу плоть,

Ягодицы чтоб колоть.

За каждый шприц вознаграждай,

Монету звонкую давай.

Так кто же тут кому дает,

Принимает и берет?

Рефрен:

Я, ты, он, она... (и т.д.)

Растет чиновный аппарат,

Цветет сановный бюрократ.

И каждый взять на лапу рад

Втихаря и в аккурат.

Какой приятный оборот
Финансовый круговорот.
Так кто же здесь кому дает,
Принимает и берет?
Рефрен: Я, ты, он, она... (и т.д.)
Приходит год, уходит год.
Планеты полный оборот.
Ничто не ново под луной,
Кроме истины одной:
А истины той самой суть,
Что «все дают и все берут».
Так кто же здесь кому дает,
Принимает и берет?
Я, ты, он, она!
Вместе целая страна!
Принимаем и даем —
Изобилье создаем!

ОПУС 17. ЕХАЛИ КАЗАКИ. 1982 г.

Филармония долго находилась в недоумении по поводу повального увлечения людей в 70-е годы загадочным миром парапсихологии, экстрасенсорики, эзотерики и других паранормальных веяний. В этот омут бросились многие представители разных групп населения: совсем не-; не совсем не-; мало- и псевдокультурных. Интерес к паранаукам охватил и партийно-правительственных лиц, что подтвердило их гордый лозунг — «Вышли мы все из народа!».

Прекрасно известно, что с давних времен до последних столетий люди искали помощь или хотя бы доступное уму объяснение окружающим их явлениям и событиям. Удобнее всего с этими вопросами было обратиться к языческим идолам, всяким божкам, а также к рядом с нами живущим их представителям на земле — шаманам, ведунам, ясновидящим, бабулям-знахаркам и другим специалистам этого рода. (Мы здесь не затрагиваем научно-теологически обоснованные аспекты верований, признанных миром.)

Древние языческие верования и обряды не искоренились даже в нашем, доведенном до высоких уровней, показном (как оказалось) атеизме. Более того, в годы сугубо застойные внезапно возник повышенный интерес к практическому применению пара-нормальных явлений, как к реальному лечебно-целительному процессу.

Даже наша Приакадемическая (!) Филармония, будучи организмом сложным и многоличностным, тоже несколько заколебалась в своих оценках модных паранаук. Мы смотрели специальные образовательные

телепрограммы на эту тему, (подававшие к тому же материал только с позитивной оценкой).

Слушали лекции ярких пропагандистов «нового в науке», выезжавших на предприятия, в научные институты, пожалуй, и в колхозы.

Кто-то из нас грубо отвергал эти сомнительные чудеса. Андрею Боровику было даже Академией поручено отвечать на вопросы по этому поводу и противостоять этой напасти. Но кое-кто из друзей с радостью объявлял, что они всё понимают, а кое-что и принимают.

В общем, люди есть люди и, отбросив пошлые сомнения, они бросились в объятия экстрасенсов. (Заметим, что за эти «объятия» приходилось хорошо платить.) До таких высоких специалистов, как Джуна, пользовавшая самого Брежнева, подступиться могли не все. Но и к целителям средней руки люди щедро проявляли любовь и доверие, принимая их услуги. Тем более, что знатоков потустороннего сразу объявилось так много, что можно было их перебирать, заменять одних другими: теми, у которых посулы были покрепче (и услуги подороже). Иногда нетрадиционное лечение делало реальную болезнь необратимой, иногда кто-то грубо подводил своего экстрасенса и уходил в мир иной. Тут уж сами «целители от всех болезней» старались замалчивать эти факты, как неприличные.

Отчасти на мнения парапоклонников повлиял аналогичный бум, разросшийся за границей. Оттуда также шли интересные известия об этом предмете. Наши ...сенсы подпирались и этими авторитетами.

В какие-то моменты эта волна стихала, потом опять вздымалась. Так было, например, когда через десятилетие появились телевизионные паралечебные сеансы с Кашпировским, Чумаком и другими.

Оказалось, что «коллективный разум» общества все может переварить. Поэтому и мы в наших творениях несколько раз возвращались к этому феномену.

Перейдем к рассказу о нашем очередном опусе: «Ехали казаки, или Гоп, мои биоритмы!» — мюзикл по-малороссийски. Мы старались поддержать некоторые квазиакадемические институты, которые поставили своей целью изучение и пропаганду паранаучных чудес на потребу партии-правительства и даже для использования в армии. Дабы никого из великих не обидеть, место для такого учреждения мы выбрали в Полтаве, где по нашему соображению вполне мог быть какой-нибудь модный институт Парапсихнаук.

Делегация от этого института была приглашена в Рио-де-Жанейро на Конгресс по «биоритмам та экстрасенсам». (Украинское словечко «та» здесь соответствует русскому «и, да». Просим читателя извинить нас, но выбор экзотических мест действия потребует и далее расшифровки некоторых украинизмов, а также латино-американизмов. Также ожидается и переплетение мелодий, которыми богаты обе эти культуры.)

Сначала события происходят в стенах Полтавского института.

Краткая выдержка из пролога в общем обрисовывает серьезность нашего отношения к проблеме.

Зонг о биоритмах и экстрасенсах

Соло: *Биоритм!..
Ныне шествует по свету,
Охватил он всю планету,
Покоряет небеса.
Экстрасенс...
Рук волшебным возложением
И сверхчувственным виденьем
Сотворяет чудеса!..
Мы пришли
К эпохальному открытию!
И вот этому событию
Посвящается спектакль...
Четырех полей
не хватит боле —
Объясняет биополе
Чудеса, как точный факт!*

В конкретную обстановку нас вводит **хор сотрудников института:**

*Ой, на горі тай жєнці жнуть, (2 раза)
А попід Полтавою
Пробивной и бравый
Вьріс інститут!
Предводитель Нечитайло,
Наш маститый Нечитайло,
В центре его знают,
Дуже уважают
Не случайно!*

(Тут же злопыхатель Мендельвейченко тихо подпускает реплику:
«Такий маститый, що вже давно сам нічого не читає і не пише».

Сам же **Академик Нечитайло** (Богдан) поет в выходной арии:

*Взял бы я бандуру, вам бы рассказал,
Как свою натуру часто я менял...*

Затем он скорбно перечисляет: был менделистом, морганистом, за что его Трофим Лысенко загнал аж в идеалисты, и продолжает:

*Перешел к Лысенке, правоверным стал,
Чуть его прогнали — я в немилость впал.
Наконец, решился самостийным стать,
Парапсихологии душу всю отдать...*

Хор (торжествуя): *Гоп, мои экстрасенсы,
Гоп, биоритмы.
Хорошо едим и пьем
У своих корыт мы!*

Ученый секретарь — **Пройдысвит**, Варлен (кум Академика, в переводе с укр. смысл такой фамилии означает — Проходимец) освещает основополагающие принципы деятельности института и болтает о развитии научно-парапсихологической деятельности в заведении.

Слово берет Старшая **научная сотрудница** (Галя).

Полузонг о пара-психо-медицине

*Ежели у вас случайно, или явно, или тайно,
Утомлен необычайно и изношен организм...
По тибетской медицине загоняют иглы в спину,
Совершает пассы лично самый модный экстрасенс,
Исцеляет вас отлично — делает телекинез.*

Хор: *Вдыхайте прану,
Глубоко, неустанно,
Занимайтесь йогой,
Аутотренинг хороши.
Зимой и летом —
На голодной диете,
Вернешь молодость этим,
Ежели не умрешь...
Ой, чудо, чудо, чудо, чудо чудеса —
Ты свежий, как огурчик, и гибкий, как лоза!..*

Доклад сопровождается разными эффектными лечебными телодвижениями. Появляется некто — тов. **Темных** (Юра). Это психовед в штатском, с письмом:

Я вам привез решение из центра!..

Нечитайло: *Нам разрешена командировка в Рио-де-Жанейро.
Коллега Мендельвейченко, готов ли мой доклад?
Какие в нем основные концепции?..*

Мендельвейченко: *Свиня, чи Собака, Змія, чи Коняка...
(«Дивлюсь я на небо») Над Миром панують знаки Зодіака!..
Бере экстрасенс и накладуе лапы —
Тепер непотрібні вчені-эскулапы...
Вперед біоритми народы ведуть,
І нам дивиденды великі дадуть!..*

Пройдысвит по воле шефа читает список членов делегации:
*Академик;
Его жена Одарка Нечитайло — высокопоставленная научная сотрудница;*

Его кум, Пройдысвит — корректор биополя;

Далее... тут неразборчиво (Нечитайло: Читай, читай!..). Товарищ Мендельвейченко, э-э... с маршрута снимается и заменяется специалистом, тов. Темных...

Мендельвейченко: *Та, як же так? Обіщали ж. Та я ж стільки мов знаю — англійську і австралійську, японську і патагонську, а щирі українську — так краще всіх вас знаю.*

Нечитайло: *От тебе й одставили за український націоналізм...*

Мендельвейченко: *Так я же ж... в некотором роде?..*

Нечитайло: *І за міжнародний космополітизм теж...*

После этого животрепещущего диалога огорчения неудачника вылились в душещипательное ариозо:

Мендельвейченко: *Ти ж казав, що я поїду,
З обіцянок нема й сліду,
Що ж дирекція дала?
Підманула, підвела!..
Я ж писав зігнувши спину,
А мене під зад коліном...
Я ж для тебе все придумав —
Ти ж береш жону і кума...
Що ж дирекція дала?
Підманула, підвела.*

Тут уж и хор за него вступається:

*Ти ж його підманула,
Ти ж його підвела,
Ти ж його молодого
Із маршруту ізняла!..*

Бедный Мендельвейченко ступешался. Зато развернулась в своей любимой тематике **Одарка** (песня «Гандзя»):

Хор: *Гробиши, что — хранить в кубышке,
Забери их со сберкнижки,
Разменяю на крузейро —
Куплю Рио-де-Жанейро!..
Ой, гуляй, гуляй, Одарко,
Чтобы небу стало жарко.
Порази Конгресс ученый —
Вот какие наши жены!..*

Нечитайло робко пытається узнать у тов. Темных, какава же у него (у Темных) будет роль в делегации?

Ответ **Темных** прост: *Не думайте о людях свысока,
Профессия моя от вдохновения,
А специальность очень широка,
Как требуют решения, решения.*

Когда все вопросы так-сяк улажены, звучит традиционный **хор**:

*Запрягайте, хлопці, коней,
Будем, будем виізжать,
У Полтаві дзвони звонять —
У в Америці чувать!..*

После первого действия (пока казаки едут) звучит задумчивая тено-
ровая интерлюдия:

*Поле... Мое биополе!
Кто тебя выдумал, сеет и жнет?
У биополя — горькая доля,
Большая наука — не признает.
Амплитуда твоя — вся планета Земля!
Верую в биополе, я твой неофит!*

Действие второе, наконец-то, переносит нас в солнечное Рио! Нашу делегацию готовятся принимать:

Дон Темнильо — местный специалист в штатском;

Донна Главлитта Аморес-Аморалес — популярная певица, работает на ЦРУ;

Сеньорита Пуппита — танцовщица;

и другие мулаты обеих полов. На великом пляже все поют и пляшут.

Хор: *Копя-Кабана, Копя-Кабана!
Шикарней пляжа не найти.
В часы фиесты, после сиесты
Сюда приводят все пути!..*

Темнильо (Витя) объявляет Конгресс-Шоу открытым. Заодно он поручает Главлитте прибрать к рукам этого Нетшитайлоу, предложить ему убежище, как невозвращенцу — «скандальчик нам сгодится»...

Хор: *Кто в нашем крае
Главлитту не знает,
Она хороша и прекрасна...
И на ЦРУ негласно
Работать она согласна.
А-а-а-а... Вот сеньорита,
Кого захочет — того обойдет.
Все сделает шито-крыто!*

Входит украинская делегация.

Хор: *Трудно разобратсья
В их ученом бреде...
Знаем мы — маститый Нечитайло
Приведет к победе!..*

В ходе конгресса делает обзорный доклад все та же **Главлитта**:

Зонг о заграничном сверхчувственном

*Куда неведомо нас звездная дорога
Ведет от Скорпиона и до Козерога?
Успеха нашего, зарыта где собака,
Как производная от знака Зодиака?*

*Незримые от звезд к нам протянулись нити,
Вы это таинство благоговейно чтите.
Сверхчувственное нашим миром управляет,
И в этом, несомненно, что-то есть!..*

Темнильо: *А как ответит Полтавская делегация?*

Нечитайло: *Мы, ого-го-го!. вам ответим!
Биополя вызнали секреты.
Тем решен научный спор —
Парапсиховолны эти
Наши регистрирует прибор.*

Все: *Прибор... Это же сенсация, сенсация!..*

Одарка заспешила в магазины. Ее согласился провожать Темнильо, поручив Главлитте отвлечь от Нечитайло этого Темных.

Главлитта для начала увлекает самого Темных:

*Может, вместо схоластического спора,
Тет-а-тет нам лучше встретиться с сеньором?*

Темных (ведет игру): *Вы, как женщина, подобны знойной буре...
(в сторону): Для чего мне эта дива строит куры?
(Танцуют танго).*

За Нечитайло берутся **две сеньориты** — мастера экстрасекса (наш дуэт — Майя, Марина):

*Йо те даре, те даре уна коза,
Уна коза ермоза,
Уна коза, ке йо со ля — секс.
(Делают над ним пассы.)*

(Перевод с испанского: «Дарю тебе одну штучку, она хороша...» и т.д.)

Нечитайло (размяк): *Ой, під пальмою, під агавою,
Кровь особенно бурлит, возбуждая биоритм.*

(Перевод с украинского — он сидит под пальмами и агавами и т.д.)

Две сеньоры уводят обалдевшего Нечитайло.

Приходят Темнильо и **Одарка** (она в сомбреро):

Где ж это мой непутевый Нечитайло? Никто не видел?

Только через какое-то время приходят обе сеньориты и, прячась за ними, пьяненький Нечитайло. Дуэт **Одарки с супругом:**

Нечитайло: *Ой, щось дуже загулявся,
Ледве я сюды добрався,
Буде жінка, мабуть, быты,
За чупрыну волочыты.*

Одарка: *Відкіля це ты узявся,
Де ты в біса пропадав? (сама-то ходила по лавкам!)
Хоч інстанцій побоюєся б,
А не з дівками б гуляв.*

(И далее семейный скандал развивается по украинской опере «Запорожец за Дунаем» Гулака-Артемовского.)

Темнильо злится: *Сорвалось! Вернулся бродяга (т.е. коллега!)
Продолжим нашу программу. Идем к электронному экстрасенсу...*

Пройдысвит выносит прибор, за ним все идут хороводом. **Хор:**
*Мы длинной вереницей пойдём, щоб убедитися,
Понять, как говорится, на что оно годится.
(Включают прибор.)*

Голос из прибора: *Я Электросенс, готов для каждого исполнить три
желания, читая ваши мысли. Прошу желающих...*

Первым выходит Нечитайло. Два его желания (шевелюру вместо лысины и звезду на грудь) удовлетворяются. А третье — «*Повременить!*». Выходит Одарка: первое — дубленка, второе — дубленка. Третье — (бросает томный взгляд на Темнильо) «*Повременить!*».

Выступает **Темных:** *Родина слышит, Родина знает,
Как ее сын тут честь захищаєт.
За океаном, в трудной загранке
Против коварной местной охрaнки.
(Смотрит на прибор в упор.)*

Электросенс: *Первое желание?.. Понял!*
(Темнильо и вся его свита сметаются со сцены.)
Второе желание? (Пауза)... Вас понял...

Прибор сам начинает складываться, превращаясь в чемоданчик.

Темных (берет чемоданчик): А третье желание мы реализуем сами!

Делегация вернулась в Полтаву. **Делегаты** запевают:

*Гей! Нумо хлопці, славні молодці
Знову вернулисьь додому.
Славно гулялы, враги слиняли,
Прибор забрали при тому...*

Полтавчане их встречают: *Ой ладно живем мы с науками,
Руками вода, греем руки мы.
Внушаем мы, исцеляем мы,
Сверхъестественные силы применяем мы!*

И к концу действия — финал. Звучит общий успокаивающий **хор**, переходящий в зонг.

Зонг об ахинее–панацее

*Во все века люди верят в ахиною,
Во все века шарлатаны ловки,
И жадно ждут от науки панацею
Поверившие в чудо дураки!*

*Шумят над миром бредовые идеи,
Есть в мутной водице богатый улов,
Но скажем мы, об истине радея:
Все это сказочки для дураков.*

Припев: *А кто не дураки, умом не слабаки —
Тем шарлатанство не с руки.
Ученый книгочей не жалует идей,
На кои падок полуграмотей!*

ОПУС 18. ПОДМОСКОВНАЯ КАДРИЛЬ. 1983 г.

К Новому (1984) году ППФ избирает темой спектакля мир разных искусств, в частности, скульптуру, поэзию и вообще окололитературный мир. Много накопилось материалов об этом и в широких общественных кругах, и в нашем филармоническом сообществе. Действие вынесено из Москвы в Перепалкино, слегка замаскированное Переделкино, которое многим из нас известно не понаслышке. Ездили туда и в мемориальные домики — Корнея Чуковского, Паустовского, Пастернака, Вс. Иванова, Окуджавы. Даже имели беседу с самим В. Б. Шкловским и его зятем — истинным поэтом Колей Панченко. Кое-что было подсказано скульптором Нолей Митлянским. Среди нынешних поселенцев городка тоже есть еще много людей достойных, хотя и менее известных.

Но появились и приумножаются и персоны совсем другого склада. Есть большая часть личностей, просто не заслуживающих уважения.

Известны конкретные случаи, когда дачи бывших значительных лиц перекупаются дельцами от искусств... И они на этих территориях ведут себя с присущими нуворишам размахом и беспардонностью. Позволяют себе начать что-то несуразное строить, а потом оставляют участок заброшенным пустырем.

К нашему огорчению, вот именно этих прихлебателей в писательской и околотворческой толпе пришлось «выводить на сцену» нам. Сюжет нового спектакля построен с использованием одного такого персонажа в качестве прототипа.

Опус именуется «Подмосковная кадрили, или Вечера близь Перепалкино». Имена персонажей тоже, чисто случайно, как и Перепалкино, по звучанию ассоциируются с именами деятелей этого круга.

Сюжет отражает не только писательские свары, но и факты вторжения на писательские уголья «новорусских» сколь энергичных, столь и

беспринципных умельцев. А в 1983 году уже раздавались первые предгрозовые раскаты «перестройки». Недолговременное правление тяжело больного генсека Юрия Андропова свелось к единой известной нашему начальству схеме — закручивания гаек.

Правда, **Хор** в Прологе звучит поначалу тихо и смиренно:

*Не слышны пока даже шорохи,
Жизнь приятна, но не ясна:
Не в селе живем и не в городе —
В Перепалкине тишина...
Кто-то движется, кто-то пыжится,
Кто-то ломится напролом.
Недокланялся — впишут ижицу,
Перекланялся — все путем.*

Скульптор Глазунапов, преуспевающий при помощи щедрых властей, старается вымочить у старых писателей участки якобы под творческую мастерскую. На самом деле, на этом участке он строит что-то вроде дворца с бильярдом, баром, сауной, бассейном и т.п. Образ мыслей он формулирует прямолинейно.

Глазунапов, Витя (песня «Вот кто-то с горочки спустился...»):

*Монументальная скульптура
Всегда стоит в порядке дня,
А обнаженная натура
Не даст навару для меня.
В шинели форменной гиганты,
В фуражке, с трубкою в зубах
Держали небо, как атланты,
Друзьям и недругам на страх.
Теперь звучат иные песни,
Но монументы все ж в чести,
И мы спешим на том же месте
Другие формы возвести...
Быть неизвестным — это не лестно.
Я, Глазунапов, стал всем известным.
По именам получают заказы —
Кто-то помногу, кто-то помногу,
А кто-то ни разу...*

Его супруга, Аида Харитоновна (Ада), рассказывает, каких ценных людей приняла в службу будущего дома — виллы. Это — Лолитра, барменша за все, имеет высшее гуманитарное. Вертухай-охранник с причлиными характеристиками и с одним-единственным рефреном: «*Почетна и приятна наша роль!..*»

Приходят знакомиться соседи, говорят о местной дружбе и нравах.

Квартет:

*В Перепалкине дружно живется,
Дружно все друг за другом следят,
Коль с соседом сосед не грызется —
Жизнь имеет не тот аромат...*

Соседи, составляющие квартет, — это: **Врикуль** (Богдан) — писатель «на военные темы», теперь переключается на «великие стройки», вот вроде как здесь. Его дочь **Капа** (Галя) — поэтическая мятущаяся душа:

*Я многими талантами блещу,
Мне разные идеи ночью снятся.
Себя я в сфере творческой ищу,
Но не решила, чем бы мне заняться.
Иль совратить богатого, или стихи писать,
Творить а-ля Ахматова,
Иль Пугачевой стать?!*

(На это звучит реплика Глазунапова: *Эх, материал хороший. Есть над чем поработать, как скульптору, конечно.*)

Муж Капы, поэт-романтик **Вознесенко** (Юра):

*Оглянись, мой собрат незнакомый,
Что мы видим, что видим вокруг.
Люди шустрые строят хоромы,
А поэтов берут на испуг.
Кто-то может по струнам ударить...
Или сделать карьеру в кино,
Обелиск возвести на базаре —
Тем уютно в поэтах давно.
Ничто на земле не проходит бесплодно,
Поэта лишь то обеспечит, что модно,
Коль на его твореньи печать соизволенья
Вельможи, вельможи,
Вельможи от искусств.*

Мы не хотели шутить над поэтами, из фамилий которых сложилась эта новая. Просто их роль в перестроечных разборках оказалась не очень значимой. Из-за неопределенности положения нашего поэта — Вознесенко в нем скоро разочаровывается неумная Капа и, как следствие, вскоре выходит замуж за проходимца Глазунапова.

В компании на сцене появляется и **Робеспьеркин** (Варлен) — всеобщий дедушка, он еще Бастилию брал и постарше Чернышевского будет. Ему видится сооружение соседом дворца, как социальная победа.

Робеспьеркин («Марсельеза»):

*Отрадно видеть мне очами,
Как идеалы старины,
Великолепными дворцами
Украсили рельеф страны!*

*В том социальное движенье,
Что рядовой наш гражданин
На трудовые сбереженья
Дворец возводит — исполни.*

В этом же действии выходит на сцену наш великолепный дуэт — активистки-пансионерки (Мая и Марина):

*Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром качает слегка,
Пришли по соседству мы рядом
В наш дом пригласить новичка.*

(Отметим, между прочим, что в Переделкине издавна существует Пансионат старых коммунистов, они оттуда.)

В структуре этого произведения принято каждое действие заканчивать кадрилию, суммирующей нагороженное авторами выше. **Пары танцуют**, помахивая платочками.

После кадрили идет **Интерлюдия — «Стройка века»**:

*А у нас во дворе
развернулся сосед,
Строит царский дворец,
прямо удержу нет.
Что за персонаж,
пробивной типаж?
Странный антурж.
Ах, какой пассаж!
Тук-тук-тук!*

Последние «Тук-тук-тук!» не столько напоминают о стуке на стройке, сколько о «благих» (и вполне естественных) намерениях соседей. Этот продуктивный метод борьбы с конкурентами давно и крепко привился в писательской среде — «инженеров человеческих душ».

Второе действие — банкет по случаю новоселья у Глазунапова.

Хор: *В Перепалкине играет
духовой оркестр,
За банкетными столами
нет свободных мест...*

Врикуль: *Это дело пахнет липой,
хоть пристоеен вид.*

Капа: *Как обставлено все лихо,
глаз не отвести.*

Глазунапов: *Не жалкую, не хилую
себе построил виллу я
И въехал в Перепалкино,
как в вотчину свою!*

Робеспьеркин: *Мы кричали — мир для хижин,
а дворцам конец.
К идеалу стали ближе:
хижина — дворец... (т.д.)*

Глазунапову приносят поздравительную телеграмму от высокого покровителя — Иван Ивановича.

Хор в восторге (песня «Гремя огнем, сверкая блеском стали...»).

Зонг о крепкой руке

*Как видно, без высокого патрона
Не перебежусь мы, не проживем.
И как во время оно, коленопреклонённо
Осанну — Аллилуйю мы поем.
Всегда толпа хвалою величала
Достоинства начальства своего,
И над землей неумолчно звучало:
«Один для всех и все для одного».*

В общей суматохе Глазунапов «кадрит» Капу.

Капа не капризничает: *Высокой творческой мечтою
Всю жизнь живу я, как в бреду,
Но у меня свои запросы есть, не скрою..
А ваш намек я поняла и к вам приду.*

Оба: *Поговорим... Поговорим...*

Брошенную Глазунаповым супругу Аиду вскоре приглашает писатель Врикуль быть хозяйкой в его доме и тоже получает согласие.

Поэт Вознесенко, в свою очередь, брошенный Капой, присматривается к Лолитре (Неля). (Такая привычка — меняться женами — в Переделкине была обычным делом.)

Эта коллизия позволила в нашем спектакле создать вторую (скандальную) кадрили, как грубоватый диалог двух ревнивых дам:

Аида: *Змея ты подколодная, ни к черту непригодная,
И потому охочая захватить мужика!*

Капа: *Женой я буду новою, блестящей, модерновою,
Изящной, интересною для скульптора известного!*

Аида: *Ты тварь литературная и родилась дурую.
На моего законного ты положила глаз!
Змея ты подколодная...*

Капа: *Смоковница бесплодная...*

Аида: *Ни к черту непригодная...*

Капа: *Ты баба сумасбродная!..*

Робеспьеркина отправляют в пансионат престарелых большевиков, но он ничуть не сожалеет:

*Мне бы теплый уголок,
Да не дул бы ветерок,
Буду я в политбеседах
Интересен и глубок...*

Однако и в разгар банкета в компании почувствовалась некоторая напряженность. Ее выразил в своем поэтическом прозрении **Вознесенко**:

*Вы слышите, грохочут сапоги,
Идет пора совсем других идей,
По тихой заводи пошли круги.
Сушить придется много сухарей!..*

Тревожен и хор: *Непонятные дни, непонятные речи,
Нарастает тревога в мирской суете,
Может, скинут его, может, увековечат,
Будет он со щитом? Будет он на щите?*

В третьем акте должно как-то распутаться это дело. Звучит кадрили печальная.

Глазунапов: *За мной идет охота, и стукачей без счета,
Мне выяснить охота, кто заложил меня!*

(к Врикулю) *Не ты ль, сосед мой праведный,
Ревнив к палатам каменным?
Иль заподозрить вправе я, ушедшая жена?*

Аида: *Ну что ж, супруг любезный,
теперь висишь над бездной.
Жаль, что не я, болезный,
раскрыла твой содом!*

В растерянности пребывает Капа, она не прочь вернуться к поэту. Но **Вознесенко** нашел другую музу — Лолитру: *Она моя Петрарка!*

Глазунапов (в телефон): *Алло! Иван Иванович, спасите, помогите, обогнали... Что-о-о?.. Нет Иван Ивановича, его (!) на пенсию ушли!..*

*На Север крайний легли дороги,
Мне век свободы не видать.
И мой удел теперь в тюрьге и остроге
Придурком жизнь свою кончать.*

Вертухай дает Глазунапову конверт, который только что принесли.

Глазунапов: *Письмо со штампом! Да с каким! О-го-го!
Меня назначили Иван Ивановичем!!
На его место.
Ну?! Теперь вы у меня попляшете!
(Немая сцена.)*

Тут нечего добавить. Разве что финал с каплей оптимизма в нем.

Хор: *Неторопливо и упрямо
творит история спектакль.
Доныне сыгран в этой драме
лишь первый, не последний акт!
Мужи великие гордятся
набором титлов и чинов,
Но для истории годятся
на роль гороховых шутов.*

Припев: *Лейся вдаль, наш напев, над Москвой,
Над Воробьевыми горами.
Угнетают дворцы шар земной,
Но он прославлен творцами!
Так выше Прометея знамя!
А остальное все — зола! И все дела...*

А в обобщение всего — еще одна кадрили-зонг.

Зонг о нравах в соцреализме

*Коль делает маститый
Портреты знаменитых —
Он лаврами увитый
Искусства корифей...
Он бюст Иван Иваныча
Запечатлеет в мраморе
В труде и славе ратной
При знаках и звездах!..*

*И будет Персональная,
Статья пойдет похвальная,
Медалька премиальная —
И мир воскликнет: «Ах!»
Не станешь знаменитым —
Сльвешь космополитом,
Обруганным, побитым —
Без выставок сидишь.*

*Кадриль литературная,
Кадриль архитектурная,
Скульптурная, халтурная —
Кругом кадрили сумбурная!*

ОПУС 19. КАРНАВАЛ В ВАТИКАНЕ. 1984 г.

Страна готовится к дате 1000-летия Крещения Руси. Это совпадает с лихорадочными поисками своей «национальной идеи». Чувствуется сильный крен в пользу идеи православия, несмотря на внешне выражаемое уважение к другим конфессиям. В любом случае — грядет очередной всенародный праздник.

Филармония — частица народа, и о самом этом событии мы как-никак наслышаны. Бывали и в храмах, и в музеях, читали книжки, слушали лекции, в том числе, у Аси в ее квартире, увешанной старинными иконами.

Вот мы и решили проследить путь к православной вере от язычества, отбиваясь по пути и от католицизма, от мусульманства и от соблазнов других верований. Тут же к теме припутались и газетные новости о выстрелах террористов в Папу Римского.

А в стране 1984 год был годом полного социального и духовного безвременья. Старый порядок вещей уже отжил и одряхлел, новый — еще только стучался в дверь. Классическим олицетворением этого безвременья было краткосрочное назначение на пост генсека безликого «заведующего канцелярией» партии и немощного Черненко, которого через год и похоронили.

Спектакль назван с размахом: «Карнавал в Ватикане, или Пойдешь ни по што — принесешь ништо!». — параисторический сериал в 5 бочках меда с одной ложкой дегтя.

В действующих лицах: древние славяне (киевляне) и их князь (может быть, Владимир) со свитой; и Папа с Кардиналом и с итальянскими девами; и, конечно, турецкий подданный — террорист, а также идол — Перун, обратившийся в Св. Николая.

Первое действие (первая бочка меда) началось в древнем Киеве, приблизительно лет с 1000 тому назад. **Хор**, чередуя мужские и женские голоса, запекает:

*Как на древней, на Руси,
У кого ни расспроси,
Мы у каждого порога
Своего имели бога. Гой-еси!..
Нам что Перун, что Стрибог, что Волос,
Лишь бы из чаши в горло лилось!..
Век проживем мы, не дуючи в ус,
Пей да гуляй в многобожи, Русь!*

Выходит Князь (Юра), он озабочен — как управлять народом, если у каждого есть дома свой бог? Его поучает мудрый **старец** (мелодия «На Муромской дороженьке...»):

*Подорван очень сильно
Властей авторитет —
Земля была обильна,
Порядка ж нет как нет.
Призвали мы варягов,
Чтобы спастись от бед —
Пить стали большие браги,
Порядка нет как нет.
Вы б за море езжали,
Там опыт есть большой,
Да привезли б к Купале
Порядок хоть какой!*

Князь: *Давай-ка вправду за море поедем
Да поглядим, как управляются соседи...*

Хор (с опаской, боясь перемен):
*Гой ты, Русь кудельно-мочальная,
Укрепляется власть персональная (вертикальная!).
Зашатался идолы славянские,
Приближается эра христианская!..*

Вторая бочка вполне медовая — это карнавал уже на итальянской земле, в самом Ватикане. **Народ** поет и пляшет (тарантелла):

*Начинаем представленьё
Про старинный Ватикан!
Да поможет провиденье
Заработать на стакан.
Мама миа, мама миа,
Будем петь и танцевать,
Мама миа, мама миа.
Чтоб мозги прополоскать,
Не стоит вешать нос при громе гроз.
Господь наш мир создал как карнавал.
Возвысится ль дурак — еще не факт,
Но смех, известно нам, смерть дуракам!*

Но Папа (Богдан) не пляшет, печется о делах. Ему докладывает **Кардинал** (Варлен):

*Отец святой! В загуле весь народ.
Скудеет с верой и наш доход.*

Папа декларирует (мелодия Моцарта «Мальчик резвый...»):
*Обновленье пришло, наверно,
С церковью совместим мы таверны,
Вакханалии будут во храме,
И поп-арта развесим мы знамя...
Вест-блудниц мы нагими поставим,
Славить Господа Бога заставим!*

Хор: *Церковь в ногу шагает с эпохой,
В этом сила и гибкость ее.
Приспособить умеет неплохо
К новой моде свое бытие!*

В карнавальной толпе шныряет **Турок**, он дает свой комментарий, чтоб агитировать князя:

*На Востоке, на Босфоре — божий рай, божий рай!
Там Аллах для всех опора — выбирай, выбирай!*

Коварный **Кардинал** подговаривает Турка против Папы:

*...На карнавале ты нужен очень,
Чтоб черти Папу забрали к ночи.
Его б убрали ко всем чертям,
А я б в финале — стал Папой сам! (Таковы их нравы!).*

Турок торгуется: *Если подстрелю я Папу,
Сколько получу я в лапу?!*

В этой тревожно-сложной, неблагоприятной обстановке прибывает Князь со свитой — «Выбирать веру?!». **Князь** спрашивает:

*Как вы правите страной:
Прикрываясь ль Христом,
Благодатью ли святою,
Пряником или кнутом?!*

Кардинал скромно отвечает:

*У Папы тиара, у Папы почет,
Благословенье он всем раздает,
Но правящий клир, одетый в порфир,
Имеет приличный доход.*

Турок исподтишка старается подсунуть Князю свой «товар»:

*Есть религия — рахат-лукум,
не чета ватиканской.
Освежает и сердце и ум
наше магометанство!*

Князь отвергает басурманские предложения. Обращаясь к Кардиналу, делает официальное заявление: «Верните нам русскую девицу, Калистрату (по-вашему Коломбинья), которую судьба занесла в Рим!» Этот эпизод отражает хитрые ходы по поводу возвращения в Россию Светланы Сталиной, теперь уже покойной. Тогда это было злободневной темой.

Папа, уходя от ответа, излагает главную доктрину католицизма:

*Бог единый, Доминус,
В нашей вере — главный плюс!
В формуле богослужения
Исключаются сомненья...
А, вкусив святых даров,
Будешь весел и здоров!*

Князю тоже пальца в рот не клади:

*Мы — народ не маленький,
мы народ удаленький!..
Чтоб, к примеру, показать,
как сильна Рассея,
Я могу стрелу послать
отсель до Коллизея!..*

Стреляет из лука. К несчастью, его выстрел совмещается во времени с выстрелом Турка в Папу. Папа ранен, Турок скрылся. А Князя обвиняют в покушении на понтифика и уводят в темницу.

Хор принимает этот факт, как чудо Господне:

*Чудо Папу спасло — он поранен,
Всюду козни и всюду разбой.
Как не быть чудесам в Ватикане,
В церкви равноапостольной и пресвятой!*

Третья «бочка» с дегтем — мрачная темница. В ней страдает **Князь** и жалобно поет:

*Горели звезды... Русь древняя спала...
Ничто не предвещало! (и завершает арию):
Ах! Никогда я так не жаждал жизни!*

В темницу входят Папа и Кардинал. Они шантажируют нашего Князя (из «Травиаты»).

Папа: *Я готов тебя простить,
Не велю тебя казнить —
Ватикану путь открой
В край обильный твой.*

Кардинал: *Неумолим боярин!*

В темницу проникает и **Беладонья**, которая тоже рвется уехать, обращается к Князю — у нее есть какие-то факты-kozyри:

*О! На меня взгляни,
Тебе свободу принесу.
Заблещут счастья дни.
Я для Руси тебя спасу!
Скорей бы час настал
С тобой на Родину отбыть...*

Оба: *Нет, никогда никто не знал,
Сколь тяжко в нетях быть!*

Тут же появляется и **Княгиня** с причитаниями:

*Захватили Князя вороги,
Забрали в полон его —
Им, бесстыжим, любо-дорого,
Ну а мне-то каково!*

Вся эта сцена завершается замечательным квинтетом (по Верди из «Риголетто»):

Кн., Княг., Бел.: *Подземелие сырое —
Вредно княжему здоровью...*

Папа, Кард: *Мы тебя отсель отпустим с миром,
Коль уверуешь ты в нашего Христа!*

Кн., Княг., Бел.: *Католичество крутое...
Непристойный балаган...*

Папа, Кард.: *Мы весь свет сумеем обьегорить —
Съел собаку в этом деле Ватикан!*

Князь остается непреклонным. И этим завершается 3-я горькая бочка.

Действие четвертой бочки проходит в Риме на площади Святого Петра. Идет шествие.

Мужской хор: *Суд, суд идет! Суд, суд идет!*

Папа и Кардинал: *Если этот обормот
Ватикан не признает,
Попадет он в оборот —
Головы не унесет!*

Князь отвечает (песня «Ехал на ярмарку...»):
*Вольный я, вольный — вольный человек,
Не подчинюся тиаре вовек!
Духом я тверд, хоть и муки приму —
Не стану холопом я в ваше Риму!..*

Монашенки славят Папу: *Слава тебе, Отче святой,
Непогрешимый и всеблагий!..*

Беладонья произносит спасительные для Князя речи:
*Он не виновен! Я видела сама!
Стрелял какой-то тип, чернявый и восточный!
Поверьте, девушки, подружке вашей!..*

А карнавал продолжается... Танцует тарантеллу, Турок роняет маску.

Беладонья: *Вот — Магометов сын, который ранил Папу!*

Кардинал: *Возьмем его под стражу!
А этого придется отпустить
Мне очень, очень жаль!..*

Князь и Княгиня: *Ариведерчи, Рома! Гуд бай! Сайонара!
Здесь мы побывали не напрасно,
Ватикан узнали мы прекрасно,
А теперь домой пора, пора!..*

Бочка пятая, во Киеве на Подоле.

Хор: *Ах! Во Киеве — удалой народ,
Припеваючи без князя он живет.
Нам вера не нужна,
На кой нам ляд она?*

«Подмосковная кадрили» — вечера близь Перепапкино. Оп.18. 1983 г. 1. Обложка. 2. Ада — Меццо — одна из перепалкинских «светских» дам. 3—4. Характерные сцены (см. лист 7 на первой вклейке).

Тот же опус 18. 1. Семья Врикулей (Ада и Богдан) сплетничает о делах в поселке писателей. 2. Врикуль с Глазунаповым (Витя) обсуждают, какой вид искусств дает бóльшие барыши «творцам». 3. Поэт Вознесенко (Юра) «клеится» к «ищущей душе» Капе (Галя) за банкетным столом. 4. Барменша Лолитра (Неля) – «Шампанское налито!».

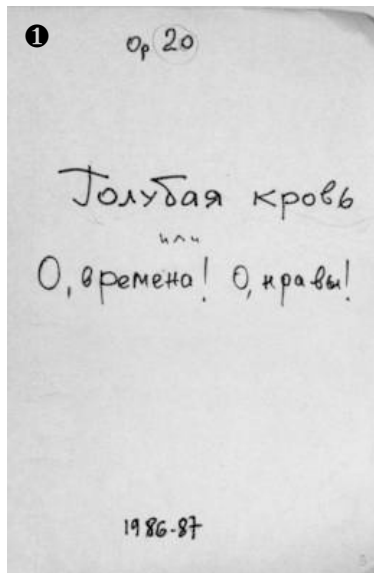
Карнавал в Ватикане

историческая эпопея

Опус 19 1984 г.

«Карнавал в Ватикане» — историческая эпопея. Оп. 19. 1984 г. 1. Бурный-сумбурный карнавал в Ватикане. 2. Портрет Папы Римского (худ. Натта Коньшева). 3. Дознание, кто послал стрелу в Папу — Турок (Витя) или Князь (Юра). 4. Княгиня (Ада) горько плачет о Князе, заточенном в темницу.

«Голубая кровь» — «О, времена! О, нравы!». Оп. 20. 1986 г. 1. Обложка. 2. Благородное семейство Бонтонских (Ада и Богдан). 3. Пронырливый Лялик (Юра) — всем и всё обещает достать, справа Пентрюхова (Галя). 4. В дом к Бонтонским вторгается преуспевающий материалист — Пентрюхов (Витя).

Тот же опус 20. 1. Клан Бонтонских в смятении. 2. Идеальное и материальное начала наконец сговорились породниться.

1

2

«Бедлам в Венской оперетте». Оп. 21. 1989 г. 1. Обложка. 2. Стихийный митинг в оперетте.

«Дом Орлеанской Девы» — историческая драма. Оп. 22. 1990 г. 1. Афиша спектакля. 2. Ведущая фигура — интердевичка (Галя). 3—4. Рай-советник оглашает, что Дом переводят на хозрасчет. 5. Приблудный расстрига-Пастырь (Варлен) «кадрит» интердевичку. 6. Политическую невинность девушек хочет смутить Финагент — «левый» (Юра Поповский).

Тот же опус 22. 1. В Доме назревает забастовка. 2. Девушки выдвигают требования. 3. Все угомонились, когда в дверях появляется рэкети́р с автоматом (Витя) — «Теперь я буду ваш хозяин!».

Тот же опус 22. 1–2. Пастырь говорит проповедь, чтобы утихомирить страсти. 3. Случайная гостя из ГДР – Карин пытается разобраться в бурных событиях как в этом Доме, так и в России. 4. В финале отрицается риторический вопрос «Может, нужен нам диктатор?..» под марш А.Петрова с включением в оркестр флейты и барабана (внучки – Саша и Катя).

Неизбывное ликование

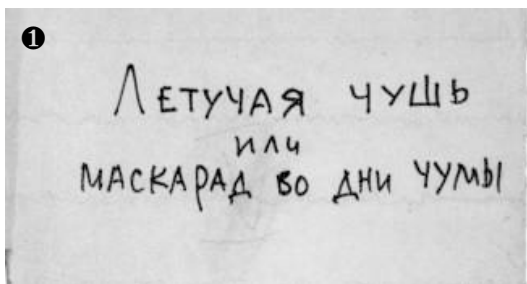
РЕТРО-ШОУ

Опус 23

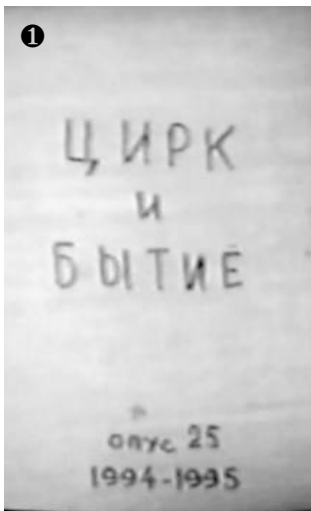
1991 г.

«Неизбывное ликование» — ретро-шоу. Оп. 23, 1991 г. 1. Те, о которых «много песен пропето» от наших октябрятских до комсомольских лет. 2. Скупое оформление: красная косынка, она же — галстук, бант и пламя костра. 3. Баррикады у Белого дома.

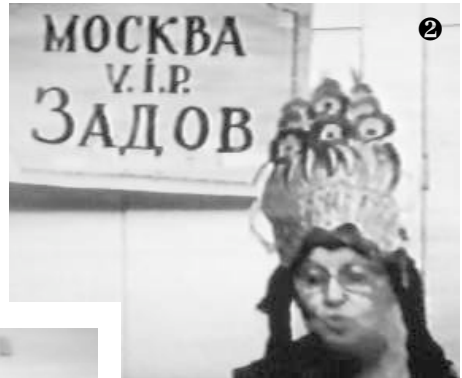

«Летучая чушь» или Карнавал во дни чумы — политическая оперетта. Оп. 24. 1992 г. 1. Обложка. Далее — многие персонажи спектакля и времени вообще: 2. «Я — демократ!..» (Богдан). 3. Парторкратка (Ада). 4. Милиционер (Витя). 5. Махровый патриот, Боевик (Юра): «А масону — друг и брат — распроклятый демократ!..». 6. Звездочет, Теолог, Астролог (Варлен). Ведущий — Сергей Славатинский. 7—8. Бизнес-леди (Галя) и «Челнок» с сумой (Юра).

«Цирк и бытие» — представление на манеже. Оп. 25. 1994 г. 1. Обложка. 2. Шпрехшталмейстер (Андрей). 3. Кинолетопись снимает камерой Наташа Крейнес. 4. Маг, Джвабра Степановна, Мистер Фикс (Варлен, Галя, Юра). 5. Силовые акробаты (Витя, Галя Поповская). 6. Въезд на лошадке Директора цирка — Клоуна (Богдан). 7. Андрей поет дитяте цирка (Саша): «Всяк имеет свой доход, но не на работе...».

Черно-белая магия

«Черно-белая магия» — параспих. действие. Оп. 26. 1995 г. 1. Задов — Высокий чиновник — кандидат в Президенты (Богдан). 2. Гадалка, то ли из Индии, то ли с вокзала (Ада). 3. Черные маги (Галя, Юра) и белые маги (Витя, Галя Поповская). 4. Мессиянец (Юра): «Наша идея предельно проста — мы иудеи, но мы за Христа...». 5. Такихаря (Варлен) приглашает Задова в Японию, на-шептывая ему преступные планы. 6. Американский проповедник репетирует шоу с магинями.

БОГ ЖИВОЙ — на ЗЕМЛЕ!
МЕССЯ, УТЕШИТЕЛЬ-ДУХ ИСТИНЫ —
МАРИЯ ДЭВИ ХРИСТОС

Тот же опус 26. 1. Прототип белой магии «Мария Деви Христос», мутившей воду на Украине. 2. Злокозненные переговоры в Японии между Задовым и Такихаря. 3,4,5. Символы трех ключевых хоров этого спектакля: «о лаптях», «о сапогах», «о валенках». 6. Газетные публикации о живых магах.

Три чемодана или Есть мушкетеры! Есть!

Опус 27 1995 г.

1. «Три чемодана» или «Есть мушкетеры! Есть!». Оп. 27. 1996 г. 2. Камеристка (Катя Дрязжина) и Д'Арманьяк (Юра) обмениваются секретными чемоданчиками. 3–4. Британская королева Елизавета. Наша мушкетерская Королева (Ада) — не хуже. 5. Миледи (Галья), Кардинал Вермишелье (Юра Поповский) справа и между ними Граф-де-Рокфор (Варлен) похищают ложный чемодан у Д'Арманьяка.

1

ГИМНОМАНИЯ

«Гимномания». Оп. 28. 2000–2001 гг. 1. Эмблема ППФ — скрипичный ключ (музыка) и знак интеграла (физика-математика). 2. Испытанный в походах флаг ППФ. 3. Памятные статуэтки «Филармонистов» (мрамор и латунь), врученные всем «действительным членам» ППФ.

*Мы без Бога и без Князя можем жить,
Было б только, что за ворот заложить...*

Причаливает челн, все выходят на берег... **Князь** объявляет:

Нам не нужно веры басурманской, католической и магометанской.

Крестить Русь будем во правосла-а-вие!

Хор: *Не лед трецит, не комар пицит,
То Князь свой народ крестить тацит!..
Лиха беда, холодна вода...
Все реформы да реформы, а гулять когда?
Ой, будем пить, да богов топить...*

Женщины: *Коли сможешь, коли сможешь,
Выдубай, боже!..*

И эпилог! Опять же — перестроечный:

Хор: *Как мы идолов своих провожали,
В православных, во святых обращали .
Как Перуна — во Илью, во пророка,
Чтобы молний не послал ненароком;
Как Волоса — во Николу, Николая...
Бьем поклон ему, до долу припадая;
Всех других мы косяком, да по святам
Во святых преображать будем, братицы.
Повелось на Руси, право слово,
Истукана возносить, как святого! (2 — 3 — 4 и т.д. раз)*

Тут бы и быть «Финита ля комедия!..», но созрел еще один многозначительный, предперестроечный зонг — **хор** («Набукко» Верди):

Зонг о разложении в Ватикане (и не только в нем)

*Разложение царит в Ватикане,
Всюду козни и всюду разбой,
Все стоит на всеобщем обмане
Церкви равноапостольной и пресвятой.
Папа к Богу забрался поближе,
Кардиналы за место дерутся,
А епископы туфли им лижут.
И доходы лопатой гребутся.
Перспективы не видно в тумане,
Всюду козни и всюду разврат,
Забурели они в Ватикане,
Что творят они, Боже, что творят!
Лишь народ есть хранитель устоев,
Он с поллитрой, но с чистой душой.
И оплот его — сердце простое
В церкви равноапостольной и пресвятой!*

ГЛАВА 5.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА (ОПУСЫ 20 – 28)

ОПУС 20. ГОЛУБАЯ КРОВЬ. 1986 г.

Действие спектакля «Голубая кровь, или О времена! О нравы!» (полудрама в 4 картинах) протекает в конце относительно не очень далеких 1980-х годов. В опусе рассматриваются и злободневные проблемы, и извечная тема отцов и детей!.. Эпиграфом могут послужить слова из 1-го зонга.

Зонг «Жизнь по системе бекицер»

*Наша жизнь протекает по системе бекицер:
«То, что делаешь — делай, только делай скорей!»
...Подгоняет нас время по системе бекицер.
Кто не подсуется — будет жить победней!*
(Бекицер (идиш) — «покороче, побыстрее»).

На сцене два полюса — два клана. Один — семейство Бонтонских с глубокими аристократическими корнями, но, естественно, не очень комфортно живущее в современном обществе. Это — супружеская пара с инфантильным сыном-абитуриентом, две тетушки-училки и престарелый дедушка-астроном.

Другой клан составляют довольные жизнью «советские аристократы» Пентрюховы. Папа — начальник по линии внешней торговли, мама — дама с амбициями, а также их дочь Вэри — очень тусовочно-активная, к тому же на выданье. Среди других персонажей отметим некоего Лялика — молодого оборотистого дельца, спекулирующего «дефицитом».

Первая сцена переносит нас в квартиру именно к **Пентрюховым** (Витя, Галя), поскольку у них возникли серьезные проблемы, несмотря на все их житейское благополучие. А такая завязка всегда очень удобна авторам для развития действия. Эти персонажи твердо знают, сколь многого они уже достигли:

*Мы Пентрюховы, и дух наш крепок,
В торговле внешней мы сидим.
Из серой массы примкнули к «свету»,
Добудем все, что захотим.*

Все-таки, оказывается, чего-то им тоже еще не хватает:

*И все же что-то нас тревожит
Среди достигнутых побед
Нас час от часу зависть гложет,
Что именитых предков нет!*

Справка. Это примета времени. Отражение той тяги к приобретению аристократических титулов и званий, что стало модным в XXI веке.

В доме у Пентрюховых появляется **Лялик** (Юра) среди многих других, они тоже его клиенты:

*Эх, полным-полна коммерции
Жизнь подвижная моя,
За кипучую энергию
В каждом доме принят я.
Все могу и все состряпаю:
Всем достану дефицит,
Тем обмен квартир обтяпаю,
Тем подброшу левых книг...
Клиенты выступают с заказами.*

Пентрюхова: *Беру я книги в красном тоне,
А синих много у меня.*

Пентрюхов: *А я просил бы познакомить
С людьми дворянского корня́.*

Лялик (он «Всегда готов!»):
*Надежды старцев и юнцов питают,
На ваш запрос ответ я скоро дам.
Все может смéкать, кто соображает,
За родовитость стоит драться вам.*

Начинается 2-я картина, в которой значительные лица получают неожиданный афронт!

Квартира Бонтонских (Богдан, Ада). Хоть они и благородных голубых кровей, но их заботы довольно приземленные (романс «Мы сидели с тобой...»).

Бонтонская: *Мы женаты с тобой много лет, много лет...
Сколько радужных мыслей цвело в голове.*

Бонтонский: *От мечтаний былых только след, только след,
А в итоге мечты очень скудный обед.*

Оба: *И опять в эти дни на мели мы сидим,
Нет богатой родни, все развеялось в дым...
Кто подумать бы мог про подобный финал.
Ах, зачем, ах, зачем ты науку избрал!*

Бонтонская (сухой прозой): *Вы, мон шер, от своих точных наук так ничего и не накопили, как и наш дедушка со своей астрономией.*

Дедушка (Варлен): *Мир Птолемея логичен и ясен.
Кант и Лаплас — для меня не пример.
Бора-Эйнштейна взгляд просто ужасен:
Звездам не верить — их тезис напрасен!
Здесь я эксперт! Здесь я эксперт!*

Приходят тетки-училки (Майя, Мариша). Они с ложным оптимизмом приветствуют школьную реформу. Лаконично излагают ее суть.

Тетки: *Обновляем школу снова —
НТР у нас основа!...
...По программе упрощенной
Будут дети обучены —
В том практический момент:
Знания — лишняя обуза.
В ПТУ, а не для вуза
Мы готовим контингент!*

Надежды всех старших Бонтонских направлены на то, что их абитуриент сынок (или племяш, внук) достигнет научных высот и будет жить хорошо.

Хор: *Не гоняйся за обновой,
На спиртное не гляди,
Изучай наук основы —
В Академию иди!..*

Но сынок уже поддался соблазнам времен ранней перестройки.

Сын («Катится, катится голубой вагон»):
*Папочка, мамочка! Дедушка! Тетушки!
На зарплате младшего век не будешь сыт.
Что учить, что женить — лишние заботушки.
Я красиво жить хочу, кто мне запретит!*

Приходит Лялик со своими аргументами и предложениями.

Лялик: *Вы, семьи Бонтонских круг,
Сына наставляя,
Поглядите-ка вокруг —
Жизнь людей какая!..
На Тишинке ждут с утра
Целою бригадой —
Кандидаты, доктора —
Грузят всё, что надо.
Чтобы людям услужить —
Я всегда посредник.
Можно сына поженить,
Коль подрост наследник.
В гости к вам придет сейчас
Книголюб известный
Присмотритесь же как раз —
К дочери невесте.*

Входит семейство Пентрюховых Они якобы хотят купить Библию старинного издания «с картинками Дурё». Сейчас это престижно! Жены, знакомясь, хвалятся, кто чем может.

Бонтонская: *Бонтонские древнего рода,
Званы и в Совет и на рать,
Старинная наша порода
Веками смогла устоять!..
Потом мы, конечно, случайно
Отправились в дальний марирут.
Лет десять на Севере Крайнем
Включались в физический труд...*

(Последняя фраза теперь уже стала гордостью, как подтверждение
благородства их рода во все времена.)

Пентрюхова имеет свои козыри (песня из репертуара Утесова «Что ж ты хмуришься сурово...»): *Средний уровень убогий —
Это не для нас,
Не за то боролся много
Наш чиновный класс...
Наши замыслы богаты
Дерзкою мечтой.
Новые аристократы —
Наш элитный слой.*

Оба: *И не всякие знакомства
Нам годятся для потомства.
Мы стремимся породниться
С кровью голубой!*

Но юный Бонтонский (Леха) сопротивляется:
*Не хочу жениться, не хочу учиться!
А хочу, как космонавт, в Космос устремиться!*

И добавляет: *И, воще, зачем мне эта Варька рыжая!*

Все: *Так ты ее знаешь?*

Сын: *Ее вся Пушка знает!*

Голос Вэри-Варьки (Неля):
*Чао, мои родители!
Отчаливать не хотите ли?
Сами небось увидели — аристократ отпал...
А шузы мои хиповые, и вся-то я модерновая,
Этому нефирмовому тоже даю отвал!..*

Запутанность ситуации дает основания для огорчения старших.

Хор: *Не слышит старших нынче молодежь,
В премудрость нашу верить не желает,
И синяки, и шишки набивает,
Но собственным умом не проживешь!*

Пентрюхова: *Ваш вариант нам не подходит. Мы удаляемся!..*

Перед 3-й картиной исполняется

Полузонг о крушении интеллигентского духа

Бонтонский (на мотив «Конфетки-бараночки...»):

*Растеряли ученые прежний престиж,
Свои прекраснодушные фразы.
Торгаши и чинуши летают в Париж,
Мы ж плетемся на овощебазы.*

3-я картина как бы проецируется на роскошный фон Московского молодежного фестиваля.

Хор: *Фестиваль! Фестиваль!
Двусторонняя медаль!
Разноликая мораль!
В нем и радость, и печаль!*

Справка. Бурные события и противоречивые впечатления, елейные по-казные радости начальства и топорное «спасение» советской молодежи от «тлетворного духа Запада» и т.д. и т.п. — все это обрушилось в одночасье на головы москвичей, в том числе, и на головы членов Филармонии. Кое-что прорвалось и в этот спектакль.

На авансцене оказались **Пентрюховы** с похвальбой о своей корысти от фестиваля (песня «Комарово»).

Он: *Мы на этом Фестивале
Заваль всю пораспродали
И избавились от швали
На пятнадцать лет вперед...*

Она: *Я во время Фестиваля
Дефицита нахватала,
На трибунах восседала —
Представляла свой народ!*

Она же хвастает, что еще побывала и в круизе. Ее главные впечатления:

*...Кроссовки, колготки и лифчики
Везем из круиза в Союз!..*

У **Вэри** свои успехи:

*Я на этом Фестивале
Время даром не теряла,
Иностранца повстречала,
Пудрила ему мозги.
Королевского он древа
(От Бурунди где-то слева).
Я там буду королева!
Прочь от здешней мелюзги.*

(Роль африканского королевича отлично сыграл Рабочий сцены — Андрей. Ему натянули на голову черный чулок и дали наизусть выучить текст: «Помба-Момба! Вэри-бомба!..»)

Пентрюхов такой африканской родни убоился — знал, что затаскают по «органам».

Пентрюхова быстро сообразила:

*Чтоб этот африканец отвязался,
Дочь надо срочно замуж выдавать!*

В конце этой картины исполняется еще один многозначительный зонг.

Зонг о суровом дефиците

*Скорбит душа моя, скорбит,
И основанья есть.
Возник огромный дефицит
На совесть и на честь.
В избытке — подлость и подлог,
И спрос на них большой.
Корысть ступает на порог
Чугунную пятой!*

4-я картина предполагает (и должна) распутать этот загадочный матримониальный узел.

Пентрюховы стараются срочно восстановить сватовство (песня-вальс «В городском саду играет духовой оркестр»):

*У Бонтонских есть сынок,
Подходящий нам,
Хоть и ходят без порток,
Род блестящий там.
За расходами не станем,
Это дело мы сварганим —
Голубую кровью станем,
Нос утрем врагам!*

Приходят, быстро забыв свои обиды, **Бонтонские**:

*Хотелось единым бы словом
Вам выразить чувства свои,
И мы породниться готовы
На почве взаимной любви...*

Однако **Вэри** (Варька) капризничает:

*Не хочу аристократа неумелого,
А хочу я на экватор — королевою,
В заграничной обстановке
Каждый день в другой обновке...
Все вокруг черным-черно,
А я вся белая!..*

Сынок тоже артачится:

*Эта торговлишка — для меня до фенюшки,
Я хочу в космический голубой вагон!..*

Не помогает и главный аргумент матери.

Бонтонская:

*Мой мальчик, в хорошее место
Тебя направляет звезда.
А если богата невеста,
То будет красивой всегда...*

Что же делать? Даже авторы в затруднении. Но вот гордиев узел разрубается.

Лялик (в сторону, «Вихри враждебные...»):

*Карьера, конечно же, главная цель,
И я холостым оставался досель.
Но вот ситуация стала ребром,
Зачем же бросаться готовым добром!..
Вэри, я прошу Вашей руки! (Немая сцена.)*

Пентрюхов: *А как же — голубая кровь?*

Лялик: *Не бойтесь, — купим! На каждом шагу продают.*

Пентрюховы согласны. Папочка обещает молодым весь «набор»: квартиру, машину, дачу, лечение, курорты и бронь места на погосте.

Прорезавшаяся таким образом идея спектакля вылилась в финале в дуэт ансамблей двух семейств (марш из фильма «О бедном гусаре замолвите слово...», композитор А. Петров):

Зонг о дуализме двух начал

Бонтонские:

*Российский либерал высокий идеал
Прекрасною душою лелеял и ласкал..
Красивых много слов, а результат каков —
С прекрасной душою гуляет без штанов.*

Пентрюховы:

*Материальное начало!..
Оно повсюду и всегда торжествовало.
Кормило нас и одевало,
Матерьялизма торжество обозначало!..*

Но общий хор высказал оптимистический контртезис (внятно!):

*Но возрождалось вновь и воскресало
Из пепла Фениксом — духовное начало.*

Из финала достаточно привести только один куплет, в котором выражается некоторая надежда на обновление жизни.

*Хлестаковский балаган и обломовский диван —
Не модный стиль! Не модный стиль!
Наших фамусовых спесь и молчалинскую лесь
Пора в утиль! Пора в утиль!*

ОПУС 21. БЕДЛАМ В ВЕНСКОЙ ОПЕРЕТТЕ. 1989 г.

Прошло три перестроечных года, происходила поляризация политических и социальных сил в стране. На место старой «номенклатурной» элиты рвалась новая — модерновая.

В конце 80-х гг. в стране был уже если не полный, то изрядный предбедлам. Именно в этот период начались удивительные для всех «заварушки» в театрах и в разных учреждениях... Даже самые академические из театров не могли сохранить целостность и делились на два вроде бы почкованием. Целью было повышение мастерства, а также уровня жизни. Так они и сейчас живут и процветают...

Простым людям вроде нас эти игры казались бредом. Но именно на бред отмолчаться Филармония не могла и отреагировала на все это опусом «Бедлам в Венской оперетте». «Венскую...» выбрали потому, во-первых, чтобы не обидеть уважаемых отечественных мастеров, со вкусом раскрутивших эти чуть ли не уголовные разборки, а, во-вторых — это очень авторитетный театр данного жанра., В общем, у нас получилось вот так... Была в Вене великая оперетта, а может, величайшая — на всю Европу.

В театре были: Директор (Богдан); Примадонна — Этуаль (Галя); Тенор — Жён-Премьер (Юра); Баритон — Благородный отец (Варлен); балерины канкана; просто молодые, рвущиеся вперед артисты и конечно же — Рабочий сцены.

Также наличествовал клубок проблем, на которые сразу же в прологе жалуется хор («Тарантелла»):

*Переделка, переплавка,
Перезвон и перестук —
Капитального ремонта времена!
В изумленьи, в напряженьи
Оперетты венской круг —
Перетряска — что с собой несет она?
Ах, оперетта, увяла где-то
И одряхла, так сказать,
И нет резона в разгар сезона
Ее за счет казенный содержать.*

Короче, театру предложено переходить на хозрасчет. Это особенно огорчает и даже оскорбляет Примадонну — Этуаль:

*Перегонка, перековка, перепляс и пересчет —
Оперетты я звезда, я — Этуаль!
Только если Этуаль вдруг посадить на хозрасчет,
Что из этого мне — радость иль печаль?
С улыбкой нежной, чуть-чуть небрежной, гляжу я в голубую даль.*

Хор: *Но в том примета крушенья света
На самосодержанье бросят Этуаль!*

Благородный отец (в соответствии с опереточным амплуа) прямо переходит на личности. Он кивает на виновника и главного героя времен застоя, приведшего общество к катастрофе («Тихо и мерно качаясь...»):

*В тихом и плавном застое
Спали мы множество лет,
А во главе долгостроя
Был опереточный дед.
Номенклатурные бары
Подсуетиться спешат —
Пишут ему мемуары,
Звезды гирляндой висят.*

Все осложняющейся обстановкой обеспокоен **хор**:

*Ах! Как невинность соблюсти
И доход приобрести?
Прибыль, убыль и баланс
Мельпомену вводят в транс.*

Особенно озабочены артисты старого поколения. Это — всегда бывает острой проблемой, но сейчас, в борьбе за выживание, нужно как-то противостоять молодым и настырным.

Хор ветеранов сцены: *Совсем не просто в возраст наш
Менять сложившийся типаж.*

Благородный отец: *Коль зритель ходит, зритель есть —
Так — бог не выдаст, черт не съест!*

Молодежи тоже не позавидуешь — нигде ходу не дают! У них свои выстраданные жалобы.

Балерина и стажер (Неля и Юра П.), исполняя фуэте:
*Не так уж игрива, беспечна молодежь,
У нас — наболевшие вопросы,
Куда ни поедешь, куда ни пойдешь —
Везде барьер для творческого роста!..*

Из всех «стариков» только один **Жён-Премьер** встает на их сторону:

*Есть пример былых времен,
Непреложный, как закон:
Коль в тупик ты попадешь — двигай молодежь!!!*

Вот так наш творческий анализ позволил выявить причины раздоров в московских театрах, а также сформулировать необходимое условие для раскола — наличие двух маститых лидеров.

Тут-то и прозвучал трагический (заодно и классический) дуэт.

Этуаль и Жён-Премьер:

*Помнишь ли ты, как улыбалось начальство,
Как из директорской ложи летели цветы?
Помнишь ли ты? Все помню я!..
Ах, это был только сон, но какой дивный сон...*

Хор: *Что случилось в самом деле, почему мы надоели?*

Почему такой пассаж?

Женщины: *Мы еще бодры и в теле, неужели в самом деле*

Вылетаем мы в тираж?

Жён-Премьер: *Прошедших лет очарованья*

Теперь нисколько мне не жаль...

Ты, Примадонна, сделать мне должна признание:

С кем же ты? О, Этуаль!

Оба: *О, этот зал! Эти священные стены!..*

Этуаль: *Театр будет мой! Труппу возглавлю без Вас!*

Жён-Премьер: *Я не прощу Вам этой коварной измены!*

Оба: *Горестный час!.. Горестный час!..*

Да, горестный час раскола наступил. Остались только некоторые технические подробности: о директоре, разделе сцены, гастролях...

А помнишь ли и ты, читатель, что в те времена стало модным и приятным выбирать себе директора по вкусу. Бывало, правда, что вкусы не совпадали. Так и получилось в нашем растревоженном коллективе. Кандидатуру старого директора сразу отвергают.

Его доводы в свою защиту — смехотворны.

Директор: *Я служу в номенклатуре.*

Тем, признаться, я горжусь.

Я по всей своей натуре

Всем в директоры гожусь.

Если ж не учтете это,

То раскаетесь весьма:

Прогорит вся оперетта! —

Будет «Горе от ума!».

Прогрессивный **Жён-Премьер** призывает к демократическим выборам:

Надоела трескотня,

Развернемся в духе дня.

Наш Директор устарел

Отстраним его от дел!..

Фамилию Директора исключают из списка под дружные крики молодых: *«Долой геронтократию!»*

Справка. Этот клич давно озвучивался в доверительных беседах и в кухонных посиделках. Уж больно всех раздражали престарелые члены Политбюро, называвшие сами себя «лицами среднего возраста».

Но в нашем театре стали себя предлагать в кандидаты и другие персонажи — каждый со своей программой. Например, **Баритон** (Витя):

Как ныне собрался исконный народ

Вождей защитит идеалы.

*Чтоб негро-массонов и западный сброд
В истории сбросить анналы!..*

Стажер: *Такова его программа? Очень странно! Очень странно!*
Проще отреагировала **Балерина:**

Какой махровый... чернобровый.

Тут высунулся со своей кандидатурой и **Благородный отец** со скромненькой программкой:

*Отец я благородный,
Пока что — не «Народный»,
В директора пригодный:
Ни гений, ни осел...
Коль жизнь нам улыбнется
И спонсор вдруг найдется.
То будем мы с доходцем —
Спасем свой «дом и стол»...*

Хор обсуждает: *Очень сладко, очень сладко,
Не получится ль накладка...*

Но еще одну кандидатуру выдвинуло доселе молчавшее **Трио канкана:**
*Есть еще, есть еще кандидат,
как директор он клад,
Он на сцене Рабочий у нас —
это самый ведущий наш класс!*

Завистливый (хотя и **Благородный**) отец хочет очернить конкурента:
Да он не свяжет пары слов!..

Трио: *А нам не нужно болтунов...*

Стажер (рассудительно): *Рабочий — что ни говори,
Он сцену знает изнутри!..*

Начинается волнительное для всех голосование.

Хор: *Не шумите, не шумите:
«Да» и «Нет» не говорите.
Листик в ящик опустите,
Результата обождите.*

Избирком: *Бюллетени все на стол,
Оглашаем протокол:
Результаты обалденны —
Впереди Рабочий сцены!*

Рабочий (свежеизбранный Директор) (недоумевая):

*А как же это, этово рожна?
Две трупы есть, а сцена-то одна,
Как эту сцену будут занимать, — мать?
И, вообще, как это понимать, — мать?*

Жён-Премьер: *Вы наш директор, но лишь перед начальством.
А наши творческие планы,
Вас не должны нисколько занимать.*

Рабочий-Директор: *Ну, что же, не замать, так не замать, — мать.*

Жён-Премьер: *...Со сценой — разберемся...*

Как они там разберутся со сценой, мы сможем узнать уже только во 2-м действии. А пока — Интерлюдия (частушки с интересными политическими репликами, прямо-таки «летучими словами» тех лет).

Мецо: *Батюшку-Вождя ругнули —
Я злословья не боюсь.
Мне состряпать подмогнули:
«Прынцыпом не поступлюсь!»**

Баритон: *Не стратег ты, не политик,
Но имеешь склочный нрав,
Только критик, только критик:
«Нет, Бориска, ты не прав!»***

Жён-Премьер: *Выгнали меня за дверцы
С огорчением в груди.
Прописали соли с перцем:
«Ну, Егорка, погоди!»****

Справка. Это для тех, кто не знал или забыл эти времена:

*Статью «Не могу поступиться принципами» опубликовала газета «Правда» в защиту меркнущих идей коммунизма, которые принесли нашим народам столько бед. Под статьей стояла подпись оголтелой коммунистки Нины Андреевой.

** Фразу «Борис — ты не прав!» бросил Ельцину Секретарь ЦК (тогда еще «в силах») Егор Лигачев на каком-то партплемуме за первоначальные, пока еще небольшие ельцинские «отклонения от линии партии» (с критикой льгот и других благ партийных функционеров).

*** Летучее изречение из мультика «Ну, заяц, погоди!», которое прилипло к Егору Лигачеву (уже не «в силах»), когда его из партбосса превратили в пенсионера. Кстати, многие ему не могли простить приказ о вырубке крымских виноградников при антиалкогольной кампании, им возглавляемой.

Действие 2-е начинается с репетиции части труппы под руководством Этуаль. Обновляя репертуар, она ставит со своими приспешниками канкан, **«Настоящий» канкан!** Вероятно, ей это было не очень легко. Но еще труднее было нам, постановщикам спектакля, на нашей сцене. Все же выход нашли. Каждой танцовщице на кисть руки надели туфельку. В нужный момент исполнительницы поднимали вверх обнаженную руку с туфелькой. Публика приняла нашу уловку с удовольствием. Канкан пошел. Теперь можно ехать и на гастроли. Хоть бы куда-нибудь.

Этуаль и хор-канкан: *Уедем в Магадан,
Там примут «на ура!» канкан,
Там меценаты есть
Про нашу честь!*

На этой радостной ноте их репетиция прерывается, так как сцену занимает под репетицию **молодежь-авангардисты** (речитативные выкрики, сопровождаемые мелодиями брейка и барабаном):

Стажер-Тенор: *Наше действо композитно!
Все фольклорно с брейком слитно!*

Балерина: *Демократно и элитно!*

Баритон: *Прогрессивн-паралитно!*

Тенор: *Идет сценографичный бой!*

Стажер: *Что ж нам достанется с тобой?!*

Балерина: *Увы! Не знаю, дорогой!*

Но (О, радость!) к молодежи присоединяются танцовщицы. Все тянутся друг к другу. Раздоры никому не нужны!

Даже **Директор** (хоть и бывший рабочий) тоже начинает разбираться в ситуации:

*Так все ж, куда мы будем погибать?
Иль будем строить, иль ломать,—мать?*

Главное решение должно исходить от лидеров раскола. А они сами в растерянности («Холопка», «Звенят бубенчики...»):

Дуэт: *Колокола звенят по всей большой земле,
Что мы по-прежнему сидим в застойной мгле,
И не понять, что впереди, друзья,
Лишь ясно нам — так дальше жить нельзя!*

Позвольте процитировать ремарку из текстуры, которая следует сразу за этим дуэтом: «Все включаются в смешанный танец, занавес полнотью раздвинут». Все улаживается. Труппа победила распад. А недовольного возвратом к прошлому Жён-Премьера переводят на место Рабочего сцены. Итак, почти — хеппи-энд! И можно перейти к финалу, главную идею которого выражает **хор**.

Зонг об идеалах

*Если государство будет правовое,
В театральном царстве кончатся разбои.
Будет демократия, голубой наш сон,
Диги, диги, диги, диги, диги, дон!
Прошло тысячелетие Крещения Руси!
А всё Христовы дети кричат ему: « Спаси!
Как много мы содеяли, что каяться пришлось!
Чего еще наделаем?! Спаси, Иисус Христос!»*

И еще: *Хор наш поет напев чудесный, песня полилась рекой...
Разберись-ка в нашем действе, милый зритель, дорогой!*

ОПУС 22. ДОМ ОРЛЕАНСКОЙ ДЕВЫ. 1990 г.

Крутой поворот истории России призвал на сцену нашей Филармонии уже не каких-то отдельных ученых, академиков, деятелей литературы и культуры.

Нет! В этот раз мы поместили на заднике в новом спектакле два портрета: последнего Государя Императора Николая Второго и первого (единственного и кратковременного) Президента СССР Михаила Горбачева! Так были очерчены временные границы проводимого нами анализа событий, развивавшихся в Великой державе (Империи). Лейтмотивом спектакля стал рефрен:

*Словами нас больше не заговорят —
Не могут верхи, а низы не хотят!*

Было решено ретроспективно охватить весь период от первых революций до развала Советского Союза. Это почти весь XX век! И картина должна была быть нарисована на примере одного заведения, непрерывно действующего во все годы от Царя до Генсека-Президента. Таким постоянно действующим объектом было избрано Хозпредприятие — «Дом имени Орлеанской девы». (Это был обстоятельный Дом терпимости.)

В Прологе — все мелодии и слова, соответствующие этапам развития нашей главной идеи, точно определяли обстановку в стране (и в «Доме») на каждой ступеньке представляемого исторического периода. Поэтому ни слова опустить не удалось, и мы приводим Пролог без купюр.

Хор (гимн «Боже, царя храни!...»):

*Крепко стоял императорский дом.
Гришка Распутин хозяйничал в нем,
На огонек к нам с визитом бывал!
«Дом» расширялся и прибыль давал.*

*Годы мелькали как будто в угаре:
Были уланы и были гусары,
Бывали советники и камергеры,
После пришли революционеры...*

Девушки: *И при Керенском любили нас снова
Все от Гучкова до Милюкова.
Белая гвардия тоже ходила,
Пока Совдепия не наступила.*

Мужчины: *В военном коммунизме все прожито, как сон,
Росла дороговизна, хоть денег триллион.*

Девушки: *Обменом натуральным боролись мы за жизнь...*

Мужчины: *Постиг конец фатальный военный коммунизм.*

Девушки: *В экономии политической
(песня «Кирпичики») Маркс и Энгельс не знали о том,
Как по винтику, по кирпичику
Возрождался при НЭПе наш «Дом».
И с непма́нами снова рьяно мы
Вытаницовывали кренделя.
Крепла с плясками и с цыганами
Золотая основа рубля.*

Мужчины: *А кода концлагерем и мраком
Всю страну скрутил железный век,
Был тот дом единственным баракom —
«...Где так вольно дышит человек!..».*

Девушки: («Я люблю тебя, жизнь»):

*Но пришла тишина, и мы зажили тихо, спокойно.
В опьянены страна и правителей пьяных достойна...*

Хор: *Жили, как в сладком сне, но закончилось время застоя —
Перестройка в стране — мы не знаем, что это такое!*

Мадам (дает команду): *«Дом Орлеанской девы!»!*

Гимн! К выносу реликвий!

Хор: *Орлеанская дева! Защити нас от бед!
От виляний и вправо, и влево,
От смут перестроечных лет!*

Первый акт сразу начинается с разбора напряженной обстановки в Доме. От Мадам требуют ввести хозрасчет.

Встревоженному коллективу, откуда ни возьмись, предлагает духовную помощь Пастырь (Варлен) с проповедями, замешенными на новых дрожжах. Это одна из новых на то время фигур, появившихся и на советских предприятиях, и в школах, и в армии.

Пастырь: *Атеизм оставив оголтелый,
Выбирая меньшее из зол,
Чтобы искупить ошибки делом
В пастыри духовные пошел.*

Вслед за пастырем приходят Референт из райсовета и Финагент с портфелем.

Появление в доме двух мужчин обрадовало девушек. Клиенты?! Однако эти гости не клиенты, а чиновники. Они пришли наводить порядок в Доме Орлеанской девы.

Референт (Богдан) к Мадам (Ада) (песня-фокстрот «Я вас просил быть на свиданьи»):

*Я Вас просил бы, Мадам технолог,
Хозяйство лучше содержать,
А то ведь — можем, и нам — не долго,
Мы Вас на пенсию послать...*

Мадам (она и сама с понятием):

*Мы примем меры, мы будем тоньше,
Сумеет рейтинг мы поднять:
Поднимем выше, покажем больше.
Зачем же сразу разгонять?*

Девушки опасаются, не лишатся ли они привычной работы.

Машка и Глашка — активистки профсоюза и комсомола, по примеру других молодых ребят-активистов думают, не броситься ли в бизнес или в рэкет. Энн (бывшая Анька), Галя, уже заняла наиболее перспективную в своей профессии нишу — интердевочки.

Референт сообщает, что райсовет решил усилить заведение руководством. В штат Дома вводится по конверсии Директор (Юра) — экс-офицер из армии.

Референт его отлично рекомендует («Когда умчат тебя составы»):

*Он молодой и энергичный, он НАТО противостоял,
Моральный он, моральный он и политичный:
Не состоял, не принимал, не выезжал!*

Справка. Это до боли знакомые людям старшего поколения слова из многочисленных анкет, требовавшихся в те времена по любому поводу, с суровыми вопросами: не состоял ли в оппозиционных партиях, не принимал ли участия во вражеских группировках, не выезжал ли за границу — если «Да», то зачем, нет ли там родственников, и т.д.

Новоявленный Директор сразу, по-военному излагает свою линию руководства предприятием: Смирно! Слушать мою команду! («Ты увидел бой, широка река...»)

*Я явился к вам из военных сфер,
К мирным действиям перейду —
По-военному, по-привычному
Здесь порядок я наведу!*

Свою ложку дегтя добавляет и **Финагент** (Юра П.):

Здесь отчетность в запустенье, в кассе их пущб.

Штурмовщиной с материциной — не спасет никто.

Этот Финагент не прост, он из молодых, неформал, и уже сильно затронут ветром перемен (песня «Вперед, народ, иди...»):

*Омоложенье, народовласть!! —
Вот наш девиз, вот лозунг наш.
Мы неформалы, и нас немало,
Мы с государством — баи на баи!*

В порядке усиления кадров **Референт** обещает Директору:

Пришлю вам из номенклатуры Лолку, — заслуженную комсомолку...

Финагент (язвит): *Комсомол теперь с проколом,
Доживает век он свой.*

Лолка твердит свое: *Не расстанусь с комсомолом —
Буду вечно молодой.*

Чтобы прервать болтовню, поднять настроение и при этом показать свои достоинства, Энн приглашает Директора и танцует с ним танго.

Директор сперва размяк, но взял себя в руки:

*Отставить танец! Долг зовет!
Аполитичность не пройдет!*

Референт тоже спохватывается:

*И в эпоху перестройки
Здесь нужна политпрослойка.
Пусть Лолка-комсомолка, вот,
Политбеседу проведет.*

Лолка (Неля) готова делать доклад... Но тут в нормальное, рутинное течение дел вдруг врывается новый персонаж, — это **Рэкетир** (Витя) с автоматом (мелодия «Гоп со смычком...»):

*Ваше заведение — нам экспроприация,
Я свое призвание вижу в этом.
Наше поколение — символ интеграции.
Мы теперь добудем всё. Гони монету!*

Увы! Дом в банкротстве, ни фондов, ни наличных нет. Рэкетира уговаривают на выплату натурой (!). Он вынужден согласиться...

Директор приглашает его на должность в охрану: «Свой гангстер — это модно!»

Рэкетир понимает свою роль в нынешнем, смятенном обществе:

*Нужен рэкетир, как волк на скот.
Обществу он импульс задает,
Каждый действует шустрее,
Капитал растет быстрее,
Капитал у «новых», блин, растет.*

Заодно **Директор** и Пастыря приглашает в штат («Вперед, народ...»):

*В любой системе для спасенья душ
Зовут священников, зовут кликуш,
Чтоб понижать в народе стресс,
Сгодишься ты, как экстрасенс.*

Казалось, все уже наладилось. Но **девушки** заволновались, у них есть свои причины: и зарплату за пол года задержали, и есть еще требования:

*Долой все привилегии и льготы.
Пускай начальство тоже платит за работу!*

И прозвучало слово — «Забастовка!».

Зонг о гражданственном накале

Девушки: *У нас гражданственный накал!*
(«Ах, вернисаж...») *Он выливается в скандал.*
А мы всегда готовы к бою!
Наш исторический подъем
Не продадим и не пропьем!..
А мы всегда готовы к бою!
Ах, саботаж, ах, саботаж
Прогресс парализует наши.
Растущий мафии шантаж
Ввергает общество в мандраж!

На такой тревожной ноте и заканчивается 1-е действие.

Собственно говоря, 2-е действие с того же и начинается, о чем и возглашает вышибала при Доме — **Порфирий** (Андрей):

С праздничком, господа! С вас причитается.
Забастовка-то продолжается!..

На сцену выходят девушки с плакатами, что-то выкрикивают, поют. За ними тянутся Пастырь и Финагент.

Девушки («Вихри враждебные»):

Идет забастовка, сложна обстановка,
И важно, какую принять установку —
Словами нас больше не заговорят.
Не могут верхи, а низы не хотят!..

Пастырь считает, что Дом сейчас — главное поле для его душевспасительной деятельности («На окраине, где-то в городе...»):

В этом Доме, где Девы грешные,
Перестройки — передний край,
Для не верящих — тьма крошечная,
А для праведных — божий рай!

Свою высокую роль в революционном процессе, проистекающем «здесь и сейчас», должны проявить вожаки-неформалы, считает **Финагент** («Гоп со смыком...»):

Этот пастырь божий вас охомутил...
Для масс — в этот час нужен неформал!
Долой дряхлый строй, лицемерье, ложь!
Взамен — перемен жаждет молодежь.

Девушки выдвигают свои требования:

Не давать начальству льготы —
Нынче лозунг наш таков!
На бесплатные работы
Пусть поищут дураков...
Нам потребны перемены,
Зримые и ясные.

Вкалывать в ночную смену даром — несогласные!

Референт и Директор стараются что-то обещать, чем-то пугать:

*Требования вражески-критические,
И не эконом-, а — политические!*

Обстановка накаляется, **девушки** не поддаются на уговоры:

*Вы все демагоги! На жалость берете!
Нас большие посулами не проведете.*

Отошла на задний план любовная интрига, по которой Пастырь хочет персонально «спасать» заблудшую овцу — интердевочку Энн. Он решил использовать ее страстное желание выехать за границу, хоть в Израиль.

Пастырь обещает: *Хоть православию служу я строго,
Но у меня «своих» там тоже много.
Оформим вызов, повенчаемся и с Богом!*

Начальство ведет переговоры с бастующими и в то же время ждет ОМОНа. Но вместо одного вбегает **Рэкетир** и ставит все на новые места:

*Пришел ко власти рэкет,
И, чтоб расцвел ваш Дом,
Я взял вас под опеку,
И будет все путем!..*

Энн и Пастырь хотят удрать:

Ну, нет, нам это не годится, мы уезжаем за границу.

Но с **Рэкетиром** не поспоришь:

*Работать всем без исключения —
Ввожу военное положение!*

Девушки: *А как же? Будут ли свободы?*

Рэкетир: *Мы Дом откроем для народа!*

Свою сентенцию провозглашает и вышибала — **Порфирий:**

*А мне дружок в пивной сказал:
«Что, если ты не враг народа, для чего тебе свобода?»*

С горечью откликается и **Мадам:**

Таки пришла на нас беда. Молитесь Деве, господа!

Хор исполняет гимн, который звучал и в начале спектакля:

*Орлеанская дева, защити нас от бед,
От виляний и вправо и влево,
От смут перестроечных лет!..*

Краткие цитаты и авторские ремарки не позволяют передать читателю всю сумбурность сюжета этого спектакля. Впрочем, и события в стране, на которые мы опирались, тоже отличались великой неразберихой во всех сферах жизни: в политике, экономике, финансах и в «социалке».

Что касается идеи опуса, то тут и говорить не о чем, так как в целом и в России эту идею всё ищут, ищут и до сих пор никак не могут определить. Мы хотя бы в Финале отметили чаяния большей части граждан, **чего бы они не желали** увидеть в новой истории страны.

Перебрав бегло государственные формации от начала XX века: царя, «учредилровку», сталинизм, застой — мы не проявили желаний к чему-либо возвращаться. В конце Финала тревожно прозвучал риторический вопрос: обоснованы ли голоса, предлагающие искать новую «твердую руку», и мы сами себе ответили: «Нет!» Это выстраданное решение вылилось в зонг (на мелодию марша А. Петрова из фильма «О бедном гусаре...»).

Зонг об исторических перспективах

Хор:

*Все в стране пришло к упадку.
Все вразнос и вразнойбой.
Ныне и верхам не сладко,
А низам — само собой.
И нету прежнего доверия,
И разрушается Империя.
Между тем и в то же время
Есть командная система.
Может, нужен нам диктатор
И «железная рука»?
Генерал-администратор
Для народа — вахлака?
На белом танке он въезжает в Кремль,
Всех недовольных посылает в Кемь.
«Коль в стране царит бардак,
Превратить ее в ГУЛАГ!»
В роще калинка... темно, не видно...
Соловушка не поет...
Хочется думать, хочется верить —
Этот номер не пройдет!*

ОПУС 23. РЕТРО-ШОУ «НЕИЗБЫВНОЕ ЛИКОВАНИЕ». 1991 г.

Год 1990-й был тревожным для всей страны, а для нашей группы и очень печальным. От нас ушел после тяжелой болезни наш добрый друг Миша Хайкин. Он был душой, дирижером, «креативным умом» Филармонии. А ум у него был острый, ироничный, порой саркастичный. Грустно проводили Мишу. Конечно, к концу года никакого спектакля не делали. Ира («наш оркестр») сказала, что не может сейчас нам аккомпанировать.

А год идет, в стране происходят непостижимые события: перестройка, развал Союза, сумбурно развивается демократическая революция, вылезает на сцену ГКЧП, коммунисты «перестраиваются». Те же из них, кто давно в мозгах уже перестроился, побросали свои партбилеты в урны на площади Ногина, возле ЦК.

В такой ситуации мы решились отразить это время в небольшом, необычном, бессюжетном представлении с пением «а капелла». Это ретро-шоу «Неизбывное ликование» — 1991 г.

Для пояснения содержания опуса потребовалось ввести во вступление дуэт двух Ведущих.

1-й Ведущий: *Здесь не насмешничает Филармония —
Скорей, это горькая самоирония,
С этим жил и в счастья, и в горе я.
Это в крови! Это наша история.
Эта эпоха взрастила для века
Породу особую человека:
«Гомо советикус» или «совок»...
Мир получил наглядный урок.*

2-й Ведущий: *Мы эту эпоху разметили песнями
Официозными и малоизвестными,
Скорее задумчиво, чем веселясь.
Не к месту здесь зубоскальство пошлое,*

Оба: *Ибо сказано: «Человечество смеясь —
Расстается со своим прошлым!»*

Итак, ретро-шоу! Исполняет хор престарелых большевиков.

Псалом первый

Ведущие: *Какие были золотые идеалы... Неизбывные.
Как хочется опять заглянуть в былое.
(Проходит призрак.)*

Хор (речитатив): *«Призрак ходит по Европе... Все силы старой Евро-
пы поднялись на борьбу с этим призраком...» Аминь!*

Мецо: *Не надо это. Слишком глубоко копнули...
Давайте вспомним свое, заветное...
С молодых лет петое-перепетое...*

1-й Ведущий: *Служил на заводе Сергей — пролетарий.
Он в доску был сознательный марксист...*

Мецо: *Нет, это примитив. Хочется чего-то лирического.*

Мецо: *Проследим шаги нашего развития от младенческих лет.*

Молитва — младенческая

Женщины: *Мы веселые ребята,
Наше имя октябрюта,
Мы других не знаем слов:
Будь готов! Всегда готов!*

Мецо: *А вспомним наше сияющее детство!*

Молитва заутренняя

Женский хор: *Взвейтесь кострами, синие ночи,
Мы пионеры — дети рабочих,
Близится эра светлых годов.
Клич пионеров — «Всегда будь готов!».*

Мужской хор: *Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи.
Вздымайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи, стучи, стучи...*

(Скажем так: строгий отбор песен потребовал и строгого реквизита. Таковым послужили красные треугольные галстуки. Они же потом превращались в красные косынки, банты, нарукавные повязки и даже в пламя костра.)

Молитва — отроческая (музыка Дунаевского)

Женщины: *Эх, хорошо в стране советской жить,
Эх, хорошо страной любимым быть.
Эх, красный галстук хорошо носить,
Красный галстук с гордостью носить!*

Меццо: *Ну, а теперь, «задрав штаны, бежим за комсомолом...».*

Молитва — вьюношеская (слова Льва Ошанина)

Хор: *Комсомольцы — беспокойные сердца,
Комсомольцы всё доводят до конца.*

Тенор: *Истинно говорю вам...*

Меццо: *Не расстанусь с комсомолом —
Буду вечно молодой!..*

Великое славословие — «Гимн партии большевиков»

(слова Лебедева-Кумача, муз. Александрова):

Хор: *Славой овееяна, волею спаяна,
Крепни и слався во веки веков...
Мудрая партия большевиков!..*

В 1943 году слова переделали — и это стало «Гимном Советского Союза».

Торжественная молитва — «Многая лета!»

(слова Михалкова и Эль-Регистана, мотивчик тот же).

Хор: *Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, и т.д.*

О великом и любимом сложено так много песен, что их не сосчитать, мы и не собирались. Приведем для букета несколько строк из наиболее петого.

«И смотрит с улыбкою Сталин — советский простой человек».

«Сталин — наша слава боевая, Сталин — нашей юности полет!»

Но есть и другие песни о Великом, одну из которых напомним.

Молитва смиренная

Ведущий: *Товарищ Сталин — Вы большой ученый.
В языкознании знаете вы толк.
А я простой советский заключенный,
И мой товарищ — серый брянский волк...
...Из искры Вашей разгорелось пламя,
Спасибо Вам — я греюсь у костра!* (Александр Галич.)

2-й Ведущий (цитата): *«В лагерях мы добились героического труда... заключенных(!), что не имело примера в истории...»*

Хор: *Когда страна быть прикажет героем —
У нас героем становится любой!..*

И, наконец, **Заупокойная молитва** — «Жертва вечерняя»
Относительно смертного боя «...и как один умрем» — нас учили петь более всего.

Смешанный хор: *Мы смело в бой пойдем
За власть Советов!
И как один умрем
В борьбе за это! (и т.п.)*

И еще одна литургия...

Хор: *... Сегодня мы не на параде,
А к коммунизму на пути,
В коммунистической бригаде
С нами Сталин впереди...*

Сопрано: *И Никита впереди...*

2-й Ведущий: *«Правильной дорогой идете, товарищи!»*

1-й Ведущий: *Стоп! Хватит!..*

Второе отделение спектакля посвящено событиям «новейшей истории». Она происходила на наших глазах и осталась в памяти.

Ведущий: *Сначала — болезненная тема о Союзном договоре. Для ясности, для упрощения, было предложено ситуацию рассмотреть на примере Французского королевства.*

Баритон: *В стране пошли раздоры, разохлось в бочке дно:
С Союзным договором все очень мудрено.
Как же их всех связать, на самом деле?
Всех суверенных: Гасконь, Дордонь, Шампань,
Нормандию и Бретань...*

После перебора многих вариантов получили рецепт.

Тенор: *Всем государствам новым
Неплохо б стать самим
Богатым и здоровым,
Чем бедным и больным!*

Рассматриваемый в этой части исторический период обозначился несостоявшимся переворотом ГКЧП, завуалированным ни в чем не повинным «Лебединым озером».

Хор: *Гром прогремел — ГКЧП идет!
Гэкачеписты рассылают телеграммы,
Что поднимают «чрезвычайки» знамя
И что настал критический момент...
...И непонятно болен президент.*

К нашему общему счастью, это «Лебединое озеро» не перетекло в гражданскую войну, и концовка этого «переворота» завершилась благополучно:

*Персоны знатные, с такими мордами,
Но «непонятые», сидят в Лефортове.*

Опус завершается Финалом — зонгом на мотив популярной бардовской песни.

Зонг «Как здорово!»

Хор: *Когда у Дома Белого сгрудились отряды,
В крутом противоборстве встречались смерть и жизнь.
Здесь жители московские кричали с баррикады:
«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались!»
Почтеннейшие зрители, неть перед вами лестно.
Нам донести хотелось до вас простую мысль:
В одну дудим мы дудочку, одну поем мы песню —
Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались.*

ОПУС 24. ЛЕТУЧАЯ ЧУШЬ — МАСКАРАД ВО ДНИ ЧУМЫ. 1992 г.

Начало 90-х годов ознаменовалось «дикой» приватизацией, переходящей в «дикий» же капитализм. Спектакль, поставленный в этот период, явился отражением противоречий, конфликтов, шахтерских забастовок, обострившихся к концу перестройки при усиливающемся экономическом и политическом развале страны.

Поэтому эпиграфом к новому спектаклю были приняты слова Вс. Мейерхольда: «Театр, как жизнь. Жизнь, как театр», а за основу взята классическая оперетта «Летучая мышь». Почти так и был назван новый, разыгрываемый нами спектакль, «Летучая чушь» в двух действиях с прологом и финалом. На сцене действует десяток лиц. Их имена и род занятий будут приведены по ходу пересказа содержания опуса.

В стране бурными темпами стали развиваться новые примечательные события, на публичную сцену вырвались необычные личности, новые, ранее неведомые, персонажи со своими непростыми взаимоотно-

шениями. Все это вынудило нас, «воленс — не воленс!», опять обратиться лицом к политическим мотивам.

Однако авторы исхитрились сделать так, чтобы и овцы, и волки остались целы. (Но это только на нашей сцене, а в жизни, вокруг волки то и дело продолжали пожирать овец, в том числе, и нас — бедных.) По нашему давнему замыслу — оторваться от политики и сатиры — мы захотели, используя накопленный опыт поставить спектакль тихий, музыкально-лирический. Мы и здесь применили заготовки, сделанные для оперетты, однако при этом маскарад у графа Орлова использовали, чтобы показать паноптикум типажей нового общества.

Это и Астролог-Теолог-Историк (Варлен); Супруга, Партократка (Ада); Митингующая дама (Майя); Демократ и Супруг (Богдан); Коммерсантка и Бизнесвумен (Галя); Торговец, Ученый, Боевик, Друг (Юра), две древнейшие профессии — Путана-Журналистка (Неля), Чеченец и Милиционер (Витя) — все эти гибриды, как видите, исполнялись одним лицом.

Так и получился «Маскарад во дни чумы» — оперетта в 4 действиях с преамбулой, маскарадом и финалом.

Общественное настроение сразу же выразилось в преамбуле.

Хор (опера «Демон» «На воздушном океане...»):

*На всемирном океане
Без руля и без ветрил
Расползается в тумане
Наш Союз, который был.
Развалилось государство,
Что не снилось в страшном сне...
Некто зарится на царство,
А другой залег на дне.*

Таким образом, на первое место в спектакле выдвинулся политический фон. А классическое опереточное действо проходит по готовому шаблону в качестве условного орнамента. Упомянем об этой части сюжета только беглым пунктиром.

Супруг: *За что, за что, о Боже мой!*

Друг: *А что, а что, а что с тобой?*

Супруг (с просьбой к другу): *Хочу я от жены хильнуть,
На маскарад бы заглянуть.*

Друг: *Ты «добродетельный супруг»?!
Но имидж твой спасу, как друг.*

В другом лагере — дамском — продолжается закручивание этой общеизвестной банальной интриги.

Супруга: *Без парткома хоть и сложно,
Но унять супруга можно.*

Подруга: *Мы план должны составить так,
Чтоб муженек попал впросак...
Поступим наугад —
Пойдем на маскарад! и т. д.*

Главная фишка этого спектакля, конечно, заключается в маскараде у «графа Орлова».

Хор так определил новый подход к выбору костюмов:

*Надоели арлекины,
Амазонки, пелерины,
Дон Жуан и Карабас...
Мы хотим живое слово,
Мы хотим, чтоб было ново,
Отразить текущий час!*

Роль Мажордома-Распорядителя при заменах исполняли Андрей и Сергей. Распорядитель поочередно «презентует» маски прибывающих гостей бала. Появляется Первая маска-**Торговец** с полосатой сумкой, столь характерной для «челноков» первой волны. Он не ропщет на жизнь.

*Эх, полным-полна корбушка:
Чуин-гам и Мальборо,
Есть бюстгальтеры, кроссовочки —
Модерновое добро!..
Цены сам платил огромные,
На своем горбу таскал,
И моей торговлей скромною
Я Гайдара поддержал.*

Митингующая (выкрикивает): *«А ты уже пропил свой ваучер?»*

Распорядитель: *Так развитой социализм
Сменяет новая формация.
Увы!.. Без направляющей Организации.*

В сумке торговца содержится еще и набор масок, из которых каждый исполнитель выбирает себе подходящую ему по его роли.

На нашей (и общей жизненной) сцене один за другим появляются представители «новых русских». Это Бизнесвумен — **Коммерсантка** (Галя):

*Я заповедные знаю слова:
Спонсор, инвестор и дебит-кредит...
Власти проходят — торговля жива,
Только растет аппетит!*

Распорядитель, заботясь о прогрессе, предоставляет слово прессе.

Журналистка («Не кочегары мы, не плотники...»):

*Вторая древняя профессия —
Для вас газеты издаем.
И направлень этой прессе мы —
Определенное даем.*

*Бываем красными и желтыми,
Бываем черными, как ночь.
Мы управляем кривотолками,
Чтоб сбиться с толку вам помочь!*

Партократка: *У меня житье не сладко,
А в душе надрывный крик.
Обозвали партократкой
И навесили ярлык.
Раньше шли к социализму —
Друг, товарищ и стукач.
По марксизму правят тризну
И партиец и палач!
«Но принципами я не поступлюсь!»*

Хор (припев): *За принципы любимые,
Никак неистребимые,
Сама умрет, других сотрет
И мать продаст родимую.*

В спор вступает маска-**Демократ**, она похожа на Ельцина. (Мелодия когда-то популярной песни «Москва — Пекин» — песни с подобной же маятниковой судьбой: то влево, то вправо, то ее поют, то не поют).

Демократ: *Я демократ. (Хор: Он демократ!)
У нас течений очень много!
Мы в аккурат (Да, в аккурат!)
Идем нетореной дорогой!
Как демократ (Как демократ!)
Скажу ответственно и строго:
Шагать я рад (Шагать он рад!),
Хоть спотыкаюсь по дороге...
...Но мафиози — олигарх
Со мной рядятся в ту же тогу,
И даже ушлый партократ
Пристроился под нашу ногу.*

Митингующая: *«Даешь демократию с человеческим лицом!»*

Распорядитель: *В широком смысле —
Не везет этой братии:
Гигантам мысли —
Отцам русской демократии!*

Выступает маска-**Астролог:**
*Россия, шифр твой звездный
Неведом нам сейчас —
Иль падаешь ты в бездну,
Иль к небу вознеслась?*

*И Президент, и Кабинет,
И даже Федеральный съезд —
Все подотчетны воле звезд,
Движенью мировых планет!*

Хор (резюмирует): *И, если Бог не выдаст — свинья не съест!*

Вступает в дискуссию **Историк** с зонгом о защите позиций своей науки:

Зонг об уважении к Истории

*Дамы, дамы, дамы, господамы,
Уважать Историю, вам говорят,
Не видеть в ней мистерию, не впадать в истерию...*

Хор: *Шаг вперед, и два назад!*

*Дамы, дамы, тщательней с Историей:
В прошлое — непредсказуем взгляд.
Не видеть в ней мистерию, не впадать в истерию...*

Хор: *Шаг вперед и два назад!*

Историк: *Спикеру парламента
Не крутить регламентом...
Это не пропеллер, вам говорят,
В этой обстановке возможны потасовки —*

Хор: *Шаг вперед и два назад!*

Историк: *Дамы, Господамы, тщательней с Историей:
В прошлое — непредсказуем взгляд,
Двигается История по хитрой траектории...*

Хор: *Шаг вперед и два назад!*

Вмешивается **Распорядитель**, который объявляет:
*Наши маскарад расшевелит и мертвого...
Силами нашего коллектива
Действия от первого до четвертого
Исполняются без перерыва.*

И, на самом деле, какие там перерывы! На сцене появляются совсем уж уголовные персонажи. Будьте осторожны! В маске (черный чулок на голове) врывается **Чеченец**:

*А о нашей силе, господа, забыли!!!
Хаз-Булат удалой — представляю Чечню
И профессии той никогда не сменю:*

*Продавать, покупать, все к рукам прибирать,
Налететь, пострелять, грабануть и удрать,
Миллиарды изъять там, где банк-ротозей,
Или спикером стать, подстрекая людей.*

Справка: «Чеченский вопрос» тогда стоял очень остро. Последний куплет предсказывает события, когда пришлось штурмовать Белый Дом, а спикером там был г. Хазбулатов.

Митингующая выдвигает плакат, как всегда, в самую точку:
«Свободу национальным и сексуальным меньшинствам!»

Но, слава Богу, и у россиян нашелся защитник, но жутковатый.

Боевик (Юра под маской): *Стать заступником берусь
За имперскую я Русь!
Ой, лапти дерзкие,
Лапти вы имперские!*

и далее:

*Первый враг — жидомасон,
Продает Россию он...
А масону — друг и брат —
Растреклятый демократ
...Долбанем-ка наугад,
Да, из установки «Град».
Только «Память» за народ,
«Память» всей Руси оплот!..
Ой, лапти ладные,
Лапти беспощадные!
«С нами Бог!»*

Распорядитель: *Какой Бог? Богов-то много —
Ваше слово, брат Теолог!*

Теолог: *От самых, самых древних лет...
Имеют боги разный цвет:
Когда в державе смутно,
Всеобщих бедствий сход,
Религия — приют нам,
Спасенье и оплот.
И только атеисты
Стараются теперь
Пред Верой присмириться,
Пролезть в любую щель!*

Вмешивается **Астролог** и не без иронии комментирует:

*К Христу, и к Магомету,
И к Будде спрос возрос.
В большом авторитете —
Астрологов прогноз!
И коммунист, и атеист,
Забыв свои устои,
К религии, как банный лист,
Склонились головою.*

Распорядитель: *Проблемы остаются — решенью не даются. И вдруг...
Из пены Пута́на восстала —
Проблем как будто бы с ней не бывало!*

*Древнейшей профессии Дива,
Пришла из подполья красиво.
(Выходит Путана в легкой шубке.)*

Мужчины: *Путана! Путана! Путана!..*

Хор женщин: *Ну как дошла до жизни ты такой,
Что стыдно пред народом и страной?*

Путана: *Но в нынешней стране я не одна.
В конце концов, путана — вся страна!*

Женщины спрашивают: *А почему так прост наряд?*

Путана: *Нет. Мой наряд не прост — он очень прост!*

(Стоя спиной к публике, раскрывает перед вопрошавшими шубку, а потом запахивает ее... **Все:** Ах!)

*Моя одежда первозданна,
Отколь известен человек,
Одеться так должна Путана,
Чтоб был коммерческий успех!*

Митингующая (плакат): *«Путана — наша валютная надежда!»*

Мужчины наперебой предлагают Путане: «Отдайся... на волю судьбы». Это — и пылкий Чеченец, уже награбивший денег; и Супруг, сбежавший от жены на маскарад; и Демократ, который сулит вывести ее в высший свет...

Путана задумывается, вспоминает мудрость:

«Чем выше заберешься, тем больше падать!»

На авансцене — **Ученый и Коммерсантка**, среди общей суматохи они вступают во взаимовыгодный альянс:

Он: («Сухой бы я корочкой питался»):

*...Иные по коммерческим структурам
Или в центральных органах шустрят...
Сижу я в Академии дура душой,
Того гляди, и должность сократят.
Наладить бы мне лыжи за границу,
Глядишь, лабораторию дадут,
И в твердой бы валюте укрепиться,
А не болтаться в проруби, как тут.*

В ответ ему **Коммерсантка:** *Твои научные открытия,
Продвинем в свет — сомненья нет.
Спешу кредит тебе открыть я,
Вот мой ответ, вот мой ответ!*

Возможно, все и завершится счастливым союзом, ведь они (это Галя и Юра) наша главная любовная сценическая пара.

Однако вернемся к нашим баранам, где главная пара (по либрет-

то) — счастливые супруги — в соответствии с сюжетной линией хотят друг друга обмануть.

Первый хитрый ход делает **Супруга** (обращаясь к своей Подруге):

*Моя подруга дорогая,
Пойди Путану сговори:
Мы с ней наряды поменяем.
И муж получит черта с три.*

Подруга: *Э-во-э! Мадам Путана,
У нас вопросик деловой:
Нам нужно поздно или рано
Заполучить костюмчик твой.*

Путана: *Он у меня совсем простой!..
Охотно поделюсь с тобой.
(про себя) А мне пора за дело — выбор сделан!*

Дамы уходят, меняются одеждой. Затем **Путана** возвращается и разыскивает в толпе Чеченца:

*Пора, мой друг, давно пора,
А то примчатся мусора,
Тебя с поличным будут брать —
И — век свободы не видать.*

Чеченец: *Покинем край мы, где так страдали,
Где вольным птицам крылья связали.
При деньгах снова жизнь улыбнется
В посольстве ближнем любой страны (уходят).*

Но тут же появляется **Милиционер**. Он разыскивает Чеченца.

*Нам деньги за раскрытие дают,
А в лапу нам преступники «суют».
Причем — «суют» побольше, чем «дают».
Как трудно нравственным остаться тут.*

Хор: *Милиции — трудны позиции.*

В зал приходит Супруга в одежде Путаны. Муж, не видя подвоха, приглашает ее на танец. Мило танцуют (каждый себе на уме):

Оба: *...Мы оба рядом, на маскараде
Один другого не поймем,
Но очень скоро все наши споры
Здесь разберем...*

Милиционер: *Где же этот Чеченец?!*

Супруг: *Он среди нас здесь танцевал,
Еще к моей Путане приставал.*

Распорядитель (оглашает): *Жюри все маски обсудило
И первым призом наградило!..*

Хор: *Кого? Скажите для примера!*

Распорядитель: *Конечно, Милиционера...
В нем цельный образ дан отлично,
И маска-морда — органична.*

Милиционер: *Какая маска? Что за ерунда?
При исполнении я ... Ваш приз мне адресован не туда.
Сотрудница с заданьем послана,
Да шуры-муры крутит здесь она.
Чеченца нам с поличным надо брать,
Но при Путане парня не видать...*

Хор: *Милиции — трудны позиции.*

Милиционер (к Путане, которая на самом деле — Супруга):
*А ты, напарница моя, куда глядела?
Ведь премии лишу за это дело.
Кончай резвиться, как коза,
Сбрось маску и смотри в глаза!
(Снимает с нее маску.)*

Все: *Ах! Это — не Пупана!*

Супруг: *Моя Супруга?! Я пропал!*

Милиционер: *Куда ж девалася Пупана?
Уже ль с Чеченцем скрылась, странно?
Все может быть — такие времена.*

Хор: *Судьба милиции трудна!..*

Все снимают маски. Перипетии действия подытоживаются в последнем грустном вздохе **Хора:**

*Мы носим маски в жизни, как вечный маскарад.
Но и — отцы отчизны под масками сидят.*

Распорядитель: *Мне только-только сообщили —
В Лефортово Чеченца посадили!*

Митингующая: *«Процесс пошел! Финита ля комедия!»*

Ну вот и подошла к концу вся эта катавасия — на сцене. А в реальной, нашей жизни по-прежнему... «катил за валом вал», как поется в Финале на мелодию любимой в наших застольях песни — «Они стояли на корабле у борта...». В Финале слышатся и предгрозовые раскаты политических потасовок грядущих лет.

Зонг о неустойчивости системы

Хор: *Они стояли, свирепо брови хмуря, —
Две ветви власти! Был накал страстей не слаб —
Шел политический барометр на «бурю»,
Расколот противостоянием корабль.*

Припев: *А государственный корабль едва держал,
Гиперинфляции катил за валом вал,
Руль поломался, якорь оторвался,
Стальной гигант кренился и стонал!
Одни рвались вперед и без оглядки,
Другие: «Нет!» — и кончен разговор.
Хватались за грудки, сошлись в смертельной схватке,
Чтоб бросить недруга в бушующий простор...*

Припев: *А государственный корабль едва держался,
Но почему-то был плавучести ресурс...
Винт разболтался, якорь потерялся...
Стальной гигант чуть не вильнул на старый курс.*

ОПУС 25. ЦИРК И БЫТИЕ. 1994 г.

Как при замысле, так и при осуществлении каждого нового нашего спектакля всегда решался сакраментальный вопрос — гармоничности соотношения в каждом из них формы и содержания.

Авторы признают, что не всегда решение этой задачи было однозначно. В различных опусах получалось по-разному. То все подчинялось остро захватывающим событиям текущей жизни, а форма (или жанр) просто подвешивались к этому содержанию. В других случаях удачно выбранная форма задавливала идеи, на которых хотелось бы выстроить сюжет.

Несколько раз бывали случаи близкого гармоничного равновесия этих компонентов представления, как, например, в древнегреческой трагедии «Афинейя» (опус 5) или же в трагикомедии «Дворянское нутро» (опус 12).

Однако, на наш авторский взгляд, идеал был достигнут в спектакле «Цирк и бытие».

Так совпало, что это был юбилейный, 25-й опус! Может быть, этой удаче способствовало первое в нашей практике обращение к такому великолепному жанру, как цирковое действие (в области формы), а в части содержания — отражение в ходе представления на арене тех жизненных проблем, которые волновали членов изображенного нами циркового коллектива.

Нельзя умолчать об успешном решении многих технических трудностей, сопровождавших наш дерзкий шаг, — перенести на нашу «сцену» блистательные чудеса арены цирка. Это выразалось и в подборе специфической цирковой музыки; и в создании соответствующих законам жанра костюмов; и в придумывании реквизита; и даже в выведении на нашу камерную сцену животных: от дрессированных собачек и лошадки до самого царя зверей — льва!

Что касается сюжетных проблем, то их щедро предоставляла сама жизнь, вплоть до газетных публикаций о русских цирках, выехавших за рубеж и брошенных там без средств для прокорма животных, не говоря уже о людях, и на обратную дорогу.

Цирк всегда — любим народом, в том числе и нами. Но какими чудесами может он удивить теперь наших задерганных людей, если в их повседневной жизни происходят другие сплошные чудеса: суматошная перестройка, да еще «с ускорением!», с тающими в воздухе ваучерами, разруха, разворовывание всего на свете, непрерывный рост инфляции, чехарда кабинетов, задержка зарплаты, размножение банкиров и бандитов, стремление спастись от всего этого за рубежом. Как слепые котята барахтаются в «диком» нэпе все — от заводов до театров, в том числе и цирки. Не случайно эти сумбурные 90-е годы называют «смутным временем».

Авторы спектакля решили вместо изложения горестных взглядов обывателей на эту суматошную жизнь отразить ее в ощущениях самих слушателей цирковой Музы. Оказалось, что букет проблем у них такой же, но в цирке все проходит на фоне крепких традиций, умения держать фасон, удивлять зрителя ловкостью и загадочными фокусами. Такой подход позволил сохранить праздничную атмосферу на сцене, яркие костюмы, головокружительные номера и даже радостный хеппи-энд.

Как принято в цирке, первое (и многозначительное) слово предоставляется **Шпрехшталмейстеру**. Эту роль всегда блистательно исполнял Андрей и с большим достоинством и с нескрываемым волнением в душе:

*Цирк на арене — это радость! Цирк в жизни — увы, не всегда.
Тем не менее: «Да здравствует цирк!»*

«Парад-алле» начинается под бравурную музыку (цирковой марш), но в тексте таится и надежда.

Хор: *Сегодня цирк представлен будет вам,
Высокий цирк, когда в стране бедлам...
Веселый цирк на радость пап и мам,
Их малышам, и нам, и вам!..
...Нам не страшны ни Дума, ни разруха,
Нам не страшна финансовая муть.
Время неясное, взрывоопасное
Переживем? Переживем как-нибудь!*

Самые злободневные события, как принято, высмеиваются в куплетах клоунов:

*Здравствуй, **Бим!** Здравствуй, **Бом!**
Президент приутомился...
В черный вторник рубль свалился,
Стасовали кабинет,
А монеты нет как нет.*

*Что же делает народ?
Сериял глядит и пьет:
И Марию, и Барбару с Голубковым Леней* в пару!
Кто же будет Президентом? Очень много претендентов:
И таковский, и сяковский, и, конечно, Жи... Жи...**
Жил-был у бабушки серенький козлик...*

Справка. *Леня Голубков — никчемного вида личность, успешно помагавший заманить с телеэкрана тысячи доверчивых граждан в аферу «пирамиду» МММ, учрежденную мошенником Мавроди.

**Подчеркнуто намекалось на президентские притязания политического должителя господина Ж.

Как и в других искусствах, все наше действие время от времени прерывается **рекламной паузой** (песня из к/ф «Кавказская пленница» — «...Вертится земля...»):

Хор:
*Ваучер свой вложите
В компанию МММ,
ОЛБИ немного купите,
И более нет проблем...
Купи недви́жимость заранее
И жди дарового рубля —
Лишь на всеобщем обмане
Вертится земля.*

Продолжается шикарная цирковая программа. Зычным голосом **Шпрехшталмейстер** возглашает:

Мадам Зи-Зи — собачья дрессировка, жена директора — дрессировать умеет. (К униформисту.) Униформа! Подай-ка реквизит. (В сторону.) Он один остался, остальных посокращали: нету денег

Директор: *Будь с ним поласковой, мы от него зависим. Он гардероб арендовал у нас под «Диско-Гриль» для голубых интелли-сексуалов.*

Выступает **Зи-Зи** (Ада), перед нею на тумбочках две собачки, подерживаемые и движимые двумя гибкими проволоками (песня «Арлекино»):

*Собачек любо мне дрессировать,
Но если вдруг собачьей стала жизнь,
Одна забота — как их удержать,
Чтобы, как люди, не передрались.
С собачьей жизни волком станешь выть
От рыночно-базарных диких форм,
Артистам цирка тоже надо жить,
И даже для собачек нужен корм.*

Демонстрируется номер, собачки прыгают, стараясь подтоптать одна другую, черненький песик взлезает на голову белому...

Зи-Зи: *Молодец, Черномырдик, перехитрил Егорушку!*

Справка. Имеется в виду смена премьер-министров, часто практиковавшаяся в те времена. В данном случае подразумевалась замена Черномырдиным Егора Гайдара. «Утром в газете — вечером в куплете».

Далее по программе — выступление акробатов из Арабских Эмиратов. Силачи — **Иван да Марья** (Витя и Неля — Галя П-я.). Туш! Делают упражнения (песня «Не кочегары мы, не плотники...»).

Дуэт: *Хоть мы не склонны к размышлениям (да-да),
Но вывод делаем простой:
Мы видим — нас ведут не гении (да),
Даже не парни с головой!..
Парим в свободном мы падении,
А лонжи нет — какой сюрприз!
Страна и цирк, и население (да),
Летят со страшной силой вниз!*

Рекламная пауза. Хор («вальс «Тихо и плавно качаясь...»):

*Брейся «Жиллет-слаломом»,
Кури одни «Кэмел»я,
Лишь по таким законам
Вертится земля...*

Шпрехшталмейстер: *Теперь выездка! Номер исполняет сам директор!*

Директор (Богдан) выезжает на лошадке — палочке с конской головой и уздечкой, к директорской спине приколоты хвост и номер: «ППФ-00». **Директор** поясняет, почему пришлось вспомнить молодость и самому взяться за это дело:

*Поскольку все джигиты
теперь от нас сокрыты —
Воюют на Кавказе,
кочуют за бугром,
Пришлось мне, ребятки,
усевшись на лошадку,
Вам выездку представить,
не падая притом.*

(Следуют повороты и классические поклоны лошади.)

*Подобно нашим «левым»
поклонимся налево,
Их робкие реформы
молчанием почтим.
Подобно нашим «правым»
поклонимся направо,
Их буйную политику
хвостом изобразим...*

Тут же по предложению Шпрехшталмейстера Директор, прерывая свой номер, подписывает договор о передаче «Господину Униформисту» в аренду всей арены под «Бизнес-шоу» для «новых русских» — с лошадьми, с девочками и с шампанским в ванне: *«Нужны бабки — кормить-то артистов надо!»*.

Далее объявляется номер индийского факира и мага Радж-Рахман-Тумана (Варлен — Юра П.), широко известного от Зарайска до Малаховки. Он выступает с ассистенткой Джваброй Степановной (Галя):

Зонг о новых чудесах

Факир: *Я шагал за бродяжьей звездой цирковой —
Пожиратель огня был и маг,
Но прошли времена, и затмили меня
Пожиратели ценных бумаг.
Где тягаться мне, коль шурует в стране
Не чета мне — иллюзионист.
И дома, и рубли, и гектары земли
Уведет без отмычек и виз!*

Джвабра Степановна (ария Индийского гостя из «Садко»):

*Не счесть иллюзий в нынешней рекламе,
Не счесть загадок на телеэкране,
Информативности чудес!!!
Ждут вас миллионы в «Лотто-Лохотроне»,
Бабочки Мавроди в Думу залетают,
В дачу на Бермудах верить предлагают.
Фокусы рекламы — каждого прельщают...
Кто тем чарам верит — на себя пеняет!..*

Факир показывает фокус. Берет из рук Джвабры Степановны черную коробочку, вкладывает в нее взятый у одной из зрительниц доллар. Закрывает коробочку и обещает, что будет большой процент. Произносит: «Вах-вах-вах!» Открывает коробочку и, к всеобщему удивлению, в ней ничего не находит. «Вах-вах-вах?»

Реакция Зрительницы (Майя): *Браво, браво! Все, как в жизни!*

Для второго фокуса Факир собирает в «волшебную копилку» денежные вклады, заворачивает ее в яркие финансово-рекламные газеты. Копилка якобы незаметно выскальзывает из упаковки, падает на пол, и Факир так же незаметно отшвыривает ее ногой. Разворачивает упаковку — осталась только реклама. Опять — «Вах-вах-вах?». Эти финансовые манипуляции и смешат зрителя, и наводят на грустные мысли.

Под куполом цирка идет по канату **Мистер Фикс** (Юра). Он в черной маске. (Канат в нашем цирке удерживают на плечах атлеты Иван да Марья, только в своей средней части он (канат) немножко лежит на двух

табуретках. Канатоходец проходит по канату «под потолком», шагая с табуретки на табуретку (шлягер — «Сиреневый туман...»).

Мистер Фикс: *Финансовый туман над нами нависает,
Настойчиво горит инфляции звезда.
Банкир не суетлив, банкир — он понимает,
Что с денежками я прощаюсь навсегда.*

*Небесной манны все, как чуда, ожидают,
Хрустальная мечта — прожить нашармака.
В доверчивой стране банкиры процветают,
Пока велик процент простого дурака!*

Под барабанную дробь **Шпрехшталмейстер** объявляет:

Смертельный номер! Отрезанье головы!

Факир (заплетающимся голосом):

*Подайте инструмент — электропилку «Дружба».
Дж... Джа... Джвабра Степановна, вы готовы?*

Джвабра:

*Нет, не готова! Я больше не хочу работать этот номер. И голова болит, и вовсе не желаю, чтобы ее роняли на пол, как в прошлый раз.
(выходная песня Л. Орловой из к/ф «Цирк»):*

*Имидж гордо я несу, я ценю свою красу,
А факир все пьет да пьет, он в работе стал не тот,
И с нескромным предложеньем пристает.*

Директор: *Факир был пьян. Придется проработать на худсовете.
А номер отменяем — по техническим причинам.*

Джвабра возносит очи кверху (к канатоходцу) и делится с нами тем, что у нее на сердце:

*...Брошу я взгляд,
Вверх на канат...
Там под самой синевой
Выступает мой герой,
Но не слышит голос мой.*

Под куполом цирка движется по канату **Мистер Фикс**. Он в черной маске. **Мистер Фикс** (ария из оперетты «Принцесса цирка»):

*Под куполом я по канату хожу,
На жизнь, что внизу, с презреньем гляжу...
Богатство и спесь от меня далеки —
К канату никто не дотянет руки...
Пусть на окладе умеренном я —
Ходить по канату — судьба моя!*

Здесь и сейчас начинается разворачиваться новый любовный сюжет.

Джавбра: *Так одинок и так возвышен,
Так благоден и красив.*

Фикс: *Зачем волнение в сердце слышу?
К чему любовный рецидив?!*

И в этот душещипательный дуэт вдруг врывается **рекламная пауза:**

*«Проктер энд гембл» втирай —
волосы сохраняй,
Для отдыха самый бойкий —
это Канарский пляж.
С нашим лосьоном только
вертится земля!..*

Под игривую мелодию «Динь-бом, мы поем...» секстет персонажей договаривается, что Джавбра может от Факира перейти в ассистентки к Мистери Фиксу. Так образуется наш традиционный сценический любовный дуэт.

Тут же выясняется, что Униформист все цирковые помещения забирает под Холдинг «Цирко-банк-инвест» с дистрибутивным трастом. (Что последнее значит, никто не знает, но звучит загадочно.)

Директор: *Придется потесниться,
Чтоб цирку как-то перебиться.
А тут еще искать, куда нам на гастроли ехать.
Ох, как все не просто!*

Хор сопереживает Директору, рождается еще один зонг.

Зонг о горестном бытии

*Непросто, непросто, непросто, непросто
Сорваться и улетать,
Непросто, непросто под небом далеким
Для зрителей чуждых играть!
Непросто, непросто родные пенаты
Сменить на неведомо что.
Непросто, непросто, но нужно ребята
Спасти в бытии непростом.
Мы все, как один, патриоты чего-то,
Мы все не хотели б уплыть,
Но каждому все-таки кушать охота
И тело хоть чем-то прикрыть!
Нас всех согревает надежда, надежда,
Что выйдем к рассвету из тьмы,
И цель наша — выжить, и все мы прилежно
Стремимся уйти от сумы!*

Этим коллективным стоном и завершается первое отделение нашей цирковой программы.

В антракте звучит **Интерлюдия** с большими подтекстами (песенка «Жил да был черный кот за углом»).

Директор и Зи-Зи:

*Жил да был, жил да был, жил да был Униформист,
Цирк к рукам он постепенно прибирал,
А теперь, а теперь — он банкир и финансист,
Ну, а мы хотим, чтоб меценатом нашим стал.*

Униформист: *А что я с этого буду иметь, в натуре?*

Дуэт: *Под творческий угар земной пообедем шар,
Анонсами поднимем наш престиж,
Мимансочки всегда Вас будут окружать.
А для начала — съездить бы в Париж!*

Трио: *Все могут богачи, все могут фирмачи:
И меценатом быть, и спонсором, глядишь.
Но что ни говори, задаром — черта с три!
Повсюду ищет он, ищет он барыш.*

Униформист-Спонсор: *Чем больше риск — тем выше, типа, прибыль!
Я решаюсь!..*

После благостного первого начинается второе тревожное отделение. Проходит худсовет (под танец маленьких лебедей).

Директор: *Я собрал вас всех не всуе,
информацию несу я,
Что процесс пошел,
спонсора нашел!
На гастроли цирк отправим,
уважать себя заставим,
Спонсор — нувориши,
повезет в Париж!*

Все: *В Париж! В Париж!*

Вбегает **Спонсор:** *В Париж — пока не получается! Но поиски продолжаются. Есть предложенья с Ближнего Востока. А как вы тут готовитесь, чтобы выступить на мировой арене? Зубрите языки, ищите крупных хищников. (К Зи-Зи.) Коль едешь за бугор, так Забугримовой зовись.*

Зи-Зи: *А я уже работаю со львом (вносят клетку, за прутьями — морда льва, он рычит). Прошу добровольца из публики.*

Зрительница: *Меня возьмите. Для цирка — головы не пожалею.*

Зи-Зи: *Вот именно... (Ко льву.) Открой-ка ротик, киска. (Лев раскрывает пасть.)*

Зи-Зи (к фанатке): *Вкладываем, милочка, головку.*

Фанатка сует голову в пасть ко льву. Барабанная дробь, и тут же...
рекламная пауза (хороводная «Как на Машины именины...»):

*Как на нашем «Цирко-Рынке»
День и ночь растёт наш пай!
Каравай, каравай!
Рот пошире разевай! и т.д.*

Лев проявляет звериное терпение, а когда голову из пасти вытаскивают, с отвращением выплевывает шляпку.

Факир, оставшись без Джвабры, тоскует («Орфей»):

*Потерял я ассистентку.
Ассистентки нет со мной.*

Хор прерывает это нытьё:

*Мы побольше потеряли,
Потеряли мы Союз.
Слаборазвитыми стали.
Все равно — не дуем в ус!*

Атлетка **Марья** предлагает новый номер: поднимать на пёрше не одного, а сразу двух мужиков. На вопрос, справится ли, отвечает:

*При славном колхозном устое
На женищин оперся народ,
Мужик в постоянном запое,
А баба хозяйство везет.
Хлеба в закрома заготовит,
Тройные удои даёт,
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет...*

Хор демонстрирует плоды изучения заграничных языков для гастролой:

*Воленс — ноленс, шахер-махер и банзай,
Айн унд цванциг, зай гезунд, бонжур, бхай-бхай.
Анкэл Бэнсами питайся — и тужур-лямур, гуд-бай!*

Бывший атлет Иван, ныне Спонсор, предложил партнерше Марье стать его чувихой и пойти с ним в стильное житьё. Звучит новорусский **Дуэт — Иван да Марья** (уголовный фольклор — «В темном переулке...»):

*Не Иван да Марья мы для вас теперя.
К «новым русским» мы принадлежим.
Называйте нынче Джоном нас и Мэри,
Заведем мы свой, крутой режим!
Доллары и франки, гульдены и марки
Выжали из хилого рубля,
Шастаем по свету — всюду наши парни,
От валюты вертится земля!*

К новой программе готовят номер пара акробатов — **Фикс и Ассистентка**, их тревожит отсутствие надежного реквизита, который в наступившей разрухе перешел в разряд дефицита:

*Тихо и плавно качаясь, вниз головою висим,
Сетки для нас не хватает, прямо в опилки слетим.
Схватись за трапецию крепче, лонже не очень-то верь.
Надо б канаты покрепче, но дорого слишком теперь...*

Ассистентка: *Уж ежели лететь — так лучше бы в Париж!..*

Спонсор: *Нет! Ни в какой Париж! Едем в Бурунди.
Вопрос решен и с ихним вождем племени увязан. Заказаны билеты.*

Все: *Какая там Бурунди? Что за Бурунди?*

Спонсор: *Бурунди в Черной Африке. В одиночку не ходить.
Говорят, еще есть следы каннибализма.*

Хор (с испугом): *Цирк в какую-то Бурунди отвезут,
Может быть, нас вообще там всех сожрут.
Неужели нам прилично за похлебкой чечевичной
Отправляться в эту черную дыру!..*

Спонсор показывает зубы:

*Да что это за игры такие, икарыйские?!
То ехать, то не ехать.
Предупреждаю вас — со мною шутки плохи!
Вы меня не знали, господа.
Я вам не дешевка, не халява,
С потрохами я куплю вас и продам —
Для меня весь цирк ваш — ерунда!*

Факир (хотя и пьяный) высказывает трезвое мнение о происходящем в стране (ария Мефистофеля).

Зонг о новых русских

*На земле у россиян появился тип нахальный —
Капитал первоначальный, жаждой злата обуян!
Беспардонен он и дик, ненасытен от природы,
Он ловчей других владык сел на шею у народа!
Над Россией грозно встал плутократии оскал.
Капитал там правит бал, там правит бал, там правит бал!*

Зрительница: *Где ж социальная защита человека?
И, вообще, кто даст нам избавленье?*

И «избавление», как в сказке, таки приходит. Благодетельный, нами придуманный, Указ Президента разряжает обстановку и спасает эту цирковую семью. Вот и начало «хеппи-энда»!

ОПУС 26. ЧЕРНО-БЕЛАЯ МАГИЯ. 1995 г.

В «смутное время» 90-х годов особенно «судьбоносным» был год 1995-й. Пытаясь столкнуть с пошатнувшегося кресла «Царя Бориса» (Ельцина), к власти рвались разные партийно-аппаратные и либерально-западнические силы. Обострялись темпы и методы предвыборной борьбы за президентское место. В оголтелой пропаганде на каждого выискивался любого рода компромат. Прозвучала история о выносе из Кремля «коробки от ксерокса», набитой тысячами долларов. А эти скромные деньги всего-то требовались для подпитки избирательной кампании чьей-то стороны.

Намерились радикально вмешаться в большую политику, в борьбу за свое место во власти и представители скороспелой отечественной плутократии.

Хотя многие из этих фактов доходили до ППФ глухими отголосками, но дух «смутного времени» был нами уловлен.

Филармония может гордиться тем, что она выявила одну важную закономерность в развитии общества. Чем больше разгорается битва за власть, тем гуще из всех углов вылезают потусторонние, оккультные, астрологические, знахарские и прочие силы. На основе этого нашего глубокого анализа и была построена фабула нового спектакля «Черно-белая магия» — документально-астральное действо в трех актах с оживленным прологом и тюремным финалом. Это уже не первое наше обращение к теме противостояния потусторонним силам. Хотя мы всегда понимали, что это не безопасно для тех, кто борется с оными.

Лица и сюжетные линии выдуманы, но в основе всех, буквально всех картин спектакля лежат печатные публикации, многообещающие газетные объявления, предложения по широкому спектру магического обслуживания обывателя. Нашим зрителям представлены самые кричащие образцы таких материалов.

В спектакле на конкретном примере показано, как некий высокий чиновник, желая пройти в президенты, мудро решил, что важнейшую службу в его избирательной кампании должны сыграть магические силы. Прототипом главного героя был выбран реальный бывший весьма крупный политик. Это он привел в Россию изуверскую японскую секту «Аум Сенрикё» и создал ей всяческое благоприятствие: здание, территорию, авто. (См. «Известия» от 24 октября 1998 г.) Из этих соображений его фамилию мы несколько изменили на Задов (не без некоторой смысловой игры).

Но начнем с начала... В прологе Задов на научной основе стремится использовать как православную веру, так и все достижения оккультных сил для своего успеха на выборах.

Задов не прост и недоверчив, он устроил настоящий кастинг всем таким течениям.

На сцене проходит множество (свыше 20) разных персонажей, при этом без увеличения нашего штата.

В прологе сформулированы ближайшие цели босса.

Женщины (со свечами в руках):

*Со святыми упокой
Наш советский старый строй,
Да и новый нам не гож,
Он на ладан дышит тож.*

Мужчины:

*Если бог поможет нам,
Мы ему построим храм
Над бассейном, над Москвой,
Над смиренною толпой.*

Задов («Наш паровоз, вперед лети»):

*Пока идет раздрай в стране,
Партийная тусовка,
Не стать ли президентом мне
Под эту обстановку.
Я конкурентам нос утру,
Сварганю дело славно,
И голоса я соберу
(Не только православных).*

Далее следует (в форме частушек) обзор конкурирующих партий, приведем пару куплетов.

Хор:

*Нашей зрелости пример —
Партия ЛДПР
С этикеткой броскою:
«Водка Жириновского»!
Лебедь, Яблоко и Дом
Совмещаются с трудом,
Вряд ли их объединит
Даже Президент-гибрид!*

Ну, и программный куплет.

Задов:

*Чтоб избрать главу страны,
Очень нужны колдуны,
Прорицатель-ворожей
И сектанты всех мастей.*

В первом акте Задов (Богдан) проводит «собеседование» с разными магами — представителями оккультных наук, выясняя их потенциал с целью использования такового для привлечения электората. Перед нами проходит калейдоскоп этих одиозных фигур. Без справочника не обойтись.

Справка. Магия (окультизм, шаманство, колдовство, знахарство, ворожейство и т.п.) — коммерчески выгодные (для магов) способы привлечения потусторонних сил к решению житейских вопросов клиентов: о деньгах, болезнях, мужьях, тещах и проч. Белые маги, должно быть, опираются на силы с положительной «энергетикой» (очень модное у них словцо), а Черные маги — наоборот.

Астрология — примерно то же, что и магия, но с глубоким научным обоснованием на базе поверхностных астрономических познаний.

Дианетика — совсем модное учение о том, как самому находить подспудные силы в самом себе-с, минуя магов, но оплачивая гуру.

Допуск «специалистов» на кастинг регулирует **Референтка** (Майя):

*Первыми Белых попросим мы —
Ведь они гости из Малороссии.*

Белая: *Христос я — Марія! Даю всім надію. (надіжду)*

Белый маг: *Её я создатель — то я — Божья Матір,*

Оба: *А «Білее братство» — то рай на землі.
Всі люди за нами, як стадо б, пішли!
(Нам гроші б знайшли.)*

Справка. В те годы в Украине стала модной секта «Белое братство». Ушлая дама (с помощью партнера) объявила себя живым богом под именем Мария Дэви Христос. Факт подтверждается в иллюстрациях копией листовки с фотографией Дэви.

Задов (недоверчиво): *Они, конечно, ребята проворные...
Но посмотрим, что нам представят Черные.*

Черные: *Власть у магов бесконечна,
Биополе — так и прет.
Чем народ пугали вечно,
В то и верует народ.
Приворотом, заговором
Избирателя склоним.
Он без шума и без спора
Голоснет, за что хотим.*

Задов переваривает маговскую информацию, ему не нравятся раздоры между черно-белыми конкурентами. Маги (белые — Витя и Неля, черные — Юра и Галя), они извечно ругаются и даже дерутся между собой (как на нашей сцене):

Черные: *Ужо тебе попомню Крым.*

Белые: *А мы вам флот не отдадим.*

Черные: *А мы вам перекроем газ!*

Белые: *А мы розгробім ваш Донбасс!*

На основе маговских пророчеств возник любопытный зонг (на мотив модных «Ландышей»).

Зонг о «черной и белой» магии

Хор магов: Мы не верим, что душа
Не провидет ни шиша.
Есть у нас другое мнение,
Видят вещице умы
Духов света, духов тьмы
В смысле — внутреннего зрения.
Магия, магия! Весь черно-белый букет!
Магия, магия! Оккультпривет!
Разум в космосе живет,
Он земле сигналы шлет,
Как астральные видения.
Напророчат небеса
Благоденствий чудеса
Для народонаселения!
Магия, магия! Весь черно-белый букет!
Магия, магия! Оккультпривет!

Охранник (Андрей) выдворяет всех магов из кабинета.

Референтша (читает): Из краев индийских дама.
Ученица Йоги-Ламы.
Знает Кришну, знает Сутру.
Носит имя Бхай-Лакхутра.

Лакхутра: Привлеку силу кармы,
Пораскину я карты,
Кто на выборы пойдет
И кого нам изберет.
Дай по ручке прослежу,
Все что будет расскажу...

(гадает Задову): Фигура видная, судьба завидная
И к президентству имеешь зуд...
Хоть в первых лицах ты, хоть в оппозициях,
Все ж на Лефортово тебя свезут.

Задов: Ты что лопочешь, конфликтов хочешь?
(Снимает с нее индийский головной убор вроде тиары.)
Ты ж не индианка —
простая цыганка,
Цыганка с вокзала
лапшу наплела.

Лакхутра парирует эти нападки:

Хоть ты и начальник,
дремуч ты ментально:
Цыганская раса из Индии шла! Из Чандигарха!..
Позолоти ручку! (Кричит она, пока ее вытесняют из кабинета.)

В ходе этой суматохи врывается американский **Проповедник** (Витя):

*Кто мы? Зачем? Идем куда?
Я объясню вам, господа!
О, йес! По-русски значит — Да!
Я всюду проповедую от имени небес,
Науку дианетику, чтоб все вы знали здесь.
Она поможет каждому найти себя в себе-с,
Она сулит нам прибыли, сулит прогресс. Йес!*

Задов: *А избиратели придут?*

Проповедник: *Поставим шоу — прибегут.*

(Танцует рок с представительницами белой и черной магии.) (песня английских солдат «Нашел я чудный кабачок...»):

*Открою вам один секрет,
У нас есть божеский завет...
Грехи свои спокойно позабудь,
Едва покаешься чуть-чуть.*

Задов (в сомнении): *Не для того менталитета
Дианетика вся эта.*

Референтша: *Ждите ответа! Ждите ответа!*

В кабинет тихо просачивается **Мессиянец** (Юра):

*Наша идея предельно проста —
Мы иудеи, но мы за Христа...
Тум, балалайка, шпиль, балалайка.
Все остальное сует суета...*

На вопрос Задова, как все это привлечет избирателей, следует ответ:

*Если церковь на два входа —
Большие завлечем народа.*

Зазвучала таинственная японская музыка, наступает один из кульминационных моментов спектакля. Входят Такихаря (Варлен) и гейши, которые напевают текст на мелодию «У моря, Японского моря...».

Трио гейш: *Наш учитель, Такихаря самурай,
Ты его «Ученью истины» внимай,
От буддизма, даосизма
до Христа и до марксизма...
Все, что в этом есть букете, принимай...
Отрешишься надо сразу от всего,
От имущества и дома своего.
Абсолютная свобода,
Радость, счастье ждут у входа,
Кто сподобился учения его!..*

Такихаря: *Скажу откровенно и прямо —
Используем газ фирмиама!
Как психотропные средства, мой сын!*

Задов (в легком испуге): *Вот, напридумывали, блин!*
(он клюнул) *Но вроде дело предлагает,*
Дорогу к власти открывает!

Тут же достигается договоренность, что Задов и его люди едут в Страну восходящего солнца на переговоры.

Задов отказывается от предложений других магов:

У вер других кишка тонка
К глобальному подходу,
Хоть ходит Русь в лаптях пока —
Дух сильный у народа.

В этом спектакле есть одна новинка. После каждого акта исполнялся хор на народные мотивы и с народными «ключевыми словами» — о лаптях, сапогах и валенках. «И увидели мы, что это хорошо!» Хоры пелись с подголосками и подтанцовками. А тексты отражали привычное недоверие «совковых» людей ко всем навязываемым сверху новшествам. Приведем

Первый хор «О лаптях»

Нам подсовывают веру ту иль эту,
Едут к нам миссионеры всего свету...
Лапти, да лапти, да лапти мои, (2 раза)
Лапти липовые,
Нам не надобен подсказ —
Свой умишко есть у нас! Э-гей!
Лапти в нашем генетическом коде,
Потому спокон веков в них и ходим.
Лапти, да лапти, да лапти мои, (2 раза)
Лапти липовые.
Нам не надобен подсказ,
Свой умишко есть у нас! Э-гей!
Мы глобальные проходим повороты,
Но лишь лапти органичны для народа.
Лапти, да лапти, да лапти мои. (2 раза)
Только стреплется хомут,
Власти новый нам сплетут! Э-гей!!

Второй акт. Нашу делегацию принимают в Японии «по высшему разряду». С пением и танцами гейш под сямисен (это — их японские балайки) и с демонстрацией пресловутой «чайной церемонии».

Кстати, как специальный подарок для «лусских людей» пели на русском: «*И летели наземь самураи под напором стали и огня!*»

Такихаря демонстрирует на охранниках Задова эффективность обкуривания газом-фимиамом. Те засыпают.

Такихаря (к Задову): *Чем ниже интеллект — тем разительней эффект!*
Поговорим-ка тет-а-тет.

Поет (мелодия «Москва — Пекин...»):

*Я предлагаю совместный проект:
Газ-фимиамом обкурим весь свет.
Два властелина, как воды двух рек.
Задов и Харя — братья навек.*

Гейши подпевают: *Блатья навек!*

Задов: *А в чем уверенность твоя,
Что всех осилим: ты да я?*

Такихаре: *Чтоб к рукам нам шире паству прибирать,
Нужно газа нам побольше в руки дать.*

Задов по глупости, а может, тоже дохнув газа, соглашается на это коварное, безумное предложение:

*Мне по нраву этих планов громадьё.
Принимаю предложение твое...*

Оба: *И тогда под фимиам не заметит мир и сам,
Как смирится и склонится нам к ногам.*

А тут еще и **Референтка**, нюхнув газа, стала нести галиматью:
А и Б сидели на трубе! Я не Я, а вещь в себе! и т.д.

Задов решает: *Дошло до личности распада...
Наверно, сматываться надо.*

(к Такихаре) *Вы здесь оставайтесь, в стране Ямамато,
А мы уезжаем до дому, до хаты!..*

Гейши: *Сайонара! Сайонара!*

Делегация: *Домой пора! Домой пора! (Уезжают.)*

Второй хор «О сапогах»

*Ой вы, сени, мои сени,
Не хотим чужих учений.
Мы наваксим сапоги,
Не сбивайте нас с ноги!
Мы пойдем в кондовый пляс,
Вольнодумцев втопчем в грязь.
Ой вы, сени, мои сени,
Пить — веселие для нас!
Мы с притопом да с прихлопом
Объясняем с Европой!
И Восток нам не указ —
Свой умишко есть у нас!..*

Третий акт, опять в кабинете у Задова. Этот акт весь тревожно-уголовный. Что-то такое носится в воздухе. Задов вызывает черно-белых магов, чтобы вернуть здравомыслие очумевшей Референтке. Но, когда она начинает прозревать, ее речи еще более пугают Задова. Она, оказывается, не так проста.

Референтка:

*Я усекла, что там не чисто,
что полицейские их ищут,
Но на меня курнули газом,
чтоб потеряла сразу разум...*

Далее — **Черная** магиня, заглянув в ее записи, «колдует» (хор из оперы «Демон»):

*У подножья Фудзиямы
Без мозгов и без страстей
Тихо движутся в тумане
Тени странные людей.
Все, обкуренные газом,
Стали зомби навсегда.
Избирателями сразу
Эти станут без труда.*

Референтка: *От того, что я узнала, — жди огромного скандала!..*

Задов, боясь разоблачения, прогоняет и магов, и Референтку, обвиняя всех в обмане. Но тут же его настигает звонок телефона («вертушки»). **Задов** в ужасе (мелодия «А ну-ка, товарищи, все по местам...»):

*Что такое? Что случилось?
Фудзияма пробудилась?
Такихаря провалился!
Террористом объявился!*

Хор и Задов:

*А ну-ка, товарищи, все по местам!..
В Японии что-то стряслося.
И гад Такихаря засыпался сам,
И дело у нас сорвалось!*

Справка. Здесь, как по летучим словам — «Все это было бы смешно, но... грустно». Грустно потому, что это слепок с действительности. Секта «Аум Сенрикё», с подачи босса, натворила во многих городах России больших бед. В сектантских центрах были оболванены сотни молодых людей, которые польстились на экзотику и чужую «духовность». Они поотдавали предводителям какое ни было свое жилье, имущество, оставили работу, учебу, стали причиной многих драм в семьях. Однако в самой Японии сектанты пошли еще дальше. Они в 1995 г. совершили террористический акт в токийском метро, где газом было удушено 12 человек. Сотни сектантов и глава секты были арестованы и осуждены за свои преступления, еще больше осталось на свободе. Нашего чиновника от суда защитили «вышестоящие лица».

Но наш спектакль должен продолжиться, чтобы все же как-то завершиться. К Задову и Ко из какой-то заграницы прилетает еще один «духовный» деятель, Доктор Муд с тремя ассистентками.

Еще одна справка. Был реальный прототип, Доктор Мун. Он проповедовал всеобщую любовь и организовывал в разных странах массовые

бракосочетания (по 300 — 400 брачующихся пар). На эти пары призы-
валась гарантированно милость высших сил. Это странное движение
нашло свою паству: «На ловца и зверь бежит!».

Мы на этой «панаме» особенно не задерживались. «Наш Муд» ока-
зался (!) переодетым Такихаря, сбежавшим из Японии.

Из-под маски Муда **Такихаря** нашептывает Задову:

*Не горюй, милый друг, мы придем
К нашей цели другим путем.*

Задов: *Такихаря, это ты?!*

Такихаря: *Жертва подлой клеветы!*

Задов: *Но тебя же посадили?*

Такихаря: *Слился с богом — упустили.*

Он (под личиной Муда) предлагает коварный план — срочно пере-
женить как можно больше людей и на всех мужчин распространить
«психическое воздействие жен», ради обеспечения электората.

Но наши женщины оказались умнее этих политиканов-мошенников.
Используя мелодию «Идем вперед, веселые подружки...», женщины поют:

*Мы все теперь свободные гражданки,
Уже в интриги нас не завлекут.
Зачем таскать за мужиков каштаны,
Мы лучше к власти свой проложим путь!
Когда такой разброд среди претендентов,
Мужчин к рулю опасно подпускать.
Мы сами можем выбрать Президентку —
Ведь женских голосов не сосчитать!*

Идет в ход предвыборная считалка:

*Кто на свете всех милее,
всех румяней и белее,
Кто устойчив к оппонентам,
та и будет Президентом!
Выдвигаем Халабуду!..*

Халабуда: *Если надо, значит, буду...*

(Еще был более благозвучный вариант: «Выдвигаем Хакамаду! — Если
скажут, значит, надо...», но его отвергли за излишнюю прямолинейность.)

А нашим антигероям опять пришлось сокрушаться.

Задов: *Какой ужасный поворот, опять нас катастрофа ждет!*

Такихаря: *Что бабы вздумают, не знаешь —
Их никогда не угадаешь!*

Хор печально резюмирует: *Нет повести печальней, дорогие,
Чем повесть о политиках в России!..*

К окончанию последнего акта приурочен

Третий хор «О валенках»

*Как на матушке-Руси
тыщу лет и более
Не слегли от вражьих сил,
как былинка в поле,
Валенки, валенки,
мы не дети малыньки.
Нас ни Запад, ни Восток
не заглотят в свой роток.
...Гнули нас, ломали нас —
дух сермяжный не угас.
Стали в рынок загонять —
этим нас не испугать...
Валенки, валенки,
наш народ удаленький,
С печенегов и хазар
вместо рынка — нам базар.
Будем валенки носить
мы в «отчалившей Руси».
Не возьмешь нас на испуг,
не войдем в Европу вдруг!
Валенки, валенки,
а мы с верой старенькой.
Там, где русским здорово,
немец сломит голову!*

К основной теме нас возвращает **Финал** (мелодии «Как ныне собирается веший Олег...» и «Так громче музыка играй победу...»).

Зонг философический

*Магической пляске шаманов-волхвов
Дикарь первобытный внимает,
Но даже в дремучести ранних веков
Сомненья его раздирают.*

Припев:

*Мир шел от магии к естествознанью
И постигал себя в безумии идей,
Он углублялся в тайны мирозданья,
Чтоб мысль здоровая зажглася у людей.
Приходят века и уходят века,
Но люди блуждают в тумане.
Власть магов рассчитана на дурака,
А истину ищем в стакане.*

- Припев: *Царят астрологи и шарлатаны,
И мракобесие выходит на парад.
В такой среде цветут политиканы,
И лежковеры им кричат виват! виват! виват!*
*Пусть смутные ныне пришли времена,
Минуют они без сомненья.
Да здравствует солнце! Да скроется тьма!
Невежество канет в забвенье!*
- Припев: *Мы не желаем мировых пожаров,
Уйти от рабства нам давно пора.
Без колдунов, царей и комиссаров
За здоровый ум кричим: ура, ура, ура!*

ОПУС 27. ТРИ ЧЕМОДАНА. 1996 г.

Как уже упоминалось, создатели опусов ППФ всегда старались соблюсти гармонию сочетания формы и содержания спектаклей.

Однако в очередном 27-м опусе «Три чемодана, или Есть мушкетеры, есть!», несмотря на отражение многих злободневных проблем общества, все же существенно преобладала форма.

Да еще какая форма! Мушкетерские камзолы с крестами, широкополые шляпы с перьями, кружева и шпаги. Королева... Франции и ее придворные дамы были упакованы в строгие атласные платья, и Кардинал Вермишелье — весь в красном и в тиаре. А также, добавим, использован захватывающий сюжет и опора на тексты любимого с детства романа Александра Дюма.

Вот на каком фоне отображались основные данности конца наших бурных 90-х годов. Наглядно проявившийся развал экономики и обнищания страны, гиперинфляция и лихорадка в управлении страной. Поиск новых капиталистических форм жизни, обернувшихся «нечеловеческим лицом». Качающийся (во всех смыслах) Ельцин окружен рвущимися к власти генералами. Потеря ядерной потенции державы.

Сумбурным событиям в обществе соответствует и несколько сумбурный сюжет спектакля. Не пересказывая оный, будем излагать ход дел, показывая, кто есть кто, по ходу выведения на сцену действующих лиц.

В прологе **мушкетеры** (исп. весь мужской состав) поют свою гордую, программную песнь

*Трусов плодила наша планета,
все же ей выпала честь:
Есть мушкетеры, есть мушкетеры,
есть мушкетеры, есть!
Страсти бушуют, власти блефуют.
Что же в остатке сухом?*

*Наше богатство — дружба и братство.
Шпагой клянемся в том!
Тяжкое время — смутное время,
вслед за падением — взлет,
К черту бумагу — пишем мы шпагой
к Новому году отчет.*

Справка. Первое четверостишие принадлежит М.Светлову.

Однако дела у нас вертятся не вокруг бриллиантовых подвесок Королевы, а вокруг трех чемоданчиков, в одном из которых находится та самая пресловутая ядерная кнопка.

В спектакле действует Королева, которая временно правит Францией ввиду перманентной болезни короля (он на сцене так и не появляется). Королеву сопровождает Первая фрейлина, хранящая в руках пресловутой чемоданчик.

Королева (Ада) «держит руку на пульсе жизни страны» и требует отчета о делах (мелодия — фокстрот 30-х годов «Все хорошо, прекрасная маркиза», из репертуара Л. Утесова):

*Алло, алло! Лихие мушкетеры,
Давно я дома не была.
Вояж, загранка, царские раздоры...
Ну, как у нас идут дела?*

Мушкетеры: *Все хорошо в французском королевстве,
Все схвачено, на все контроль.
Есть Кардинал — на месте и при действе.
В реанимации король.*

*Пардон, мадам, пустое дело,
У нас с получками заело...
Станок печатный запустить бы в дело
И сразу выплатить долги.*

Королевский чемоданчик, а с ним и власть, хотят прибрать к рукам Кардинал Вермишелье (Варлен) и его поделник злобный Граф Рокфор (Витя).

Действие начинает разворачиваться с приезда на дворцовую площадь (слышен стук копыт) молодого заносчивого гасконца Д'Арманьяка (Юра, Леха).

*Д'Арманьяка здесь скоро узнают —
В мушкетеры дорога моя!..*

С рекомендательным письмом он сразу обращается к генералу **Труляля** (тот спрашивает): *Чего тебя так тянет в мушкетеры?*

Арманьяк: *Геройство! Поединки! Карнавалы!*

Труляля (Богдан) *Безденежье, бездомье и раздоры...
Не скоро тут пробьешься в генералы.*

Сам собой возникает злободневно-военный зонг (на мелодию «Оружьем на солнце сверкая...»).

Зонг о генеральском бонапартизме

Мужской хор: *Две тысячи нас генералов
На сотню казенных солдат —
Такого еще не бывало,
И будет в грядущем навряд.
Марш вперед, труба зовет
Паркетных генералов...
Где война — полна сума,
Урывай, удалый.
Тому есть немало примеров,
Как свой интерес соблюсти
И можно с военной карьерой
В политике к трону прийти.
Генеральские мечты
С маршальским просветом...
Бонапартом станешь ты
Или Пиночетом!*

(Всемирно известна эта болезненная тема, относящаяся и к новой России.)

Входят Кардинал и Рокфор. Д'Арманьяк случайно толкает последнего. Едва не начинается дуэль. Но Рокфора отвлекает **Кардинал** (опера «Дон Жуан», «Дай руку мне, красотка...»):

*Будешь ты мне полезным,
Есть хитроумный план:
Король наш ввиду болезни
Доверил жене чемодан...*

Рокфор: *Тот чемоданчик с кнопкой,
Что составляет власть?*

Кардинал: *У Королевы ловко
Нужно его украсть!
Представь-ка картинку эту —
Совет Королеву Король:
Где чемоданчик? Нету...
В тюрьму, Королева, изволь!*

Оба заговорщика решают поручить это деликатное дело Миледи, которую они тут же вызвали по мобильнику.

Миледи (Галя): *Я — двойник, агент — звезда.
Погружаюсь я в омут интриги,
Мне приличия Света — вериги.
Все секреты читаю, как книги.*

Трио: *Наши символы: плащ и кинжал!*

Появляется **Королева**, за ней Фрейлина (Майя) с чемоданчиком:

*Ах, истомилась, устала я!
Болен Король, я же изволь —
Править державою смутною,
С кликой сражаться преступною.
Ах, истомилась, устала я!*

Далее по ходу действия Миледи ловко подменяет «чемоданчик» у раззявы Фрейлины. Но, оказывается, **Королева** тоже не так проста — она заранее передала «настоящий» чемодан для сохранности в верные руки:

*За леском Булонским есть посол Британский.
Герцог Бадминтонгский прячет чемоданчик!*

Королеве плачется генерал **Труляля**:

*Моя Королева, послушай без гнева,
Как скучно твои мушкетеры живут —
Доспехи ржавеют, мушкеты стареют,
А плату за службу им год не дают!*

Королева (танцует с генералом, зовет Ля-Фуршета (исп. Андрей или Юра П.), министра финансов):

*Ну-ка, Фуришет, уплати мушкетерам
Долг королевский за несколько лет.
Каждому выдай аванс на уборы...*

Ля-Фуршет (произносит свою короткую, но емкую фразу):

Но, Королева, денег нет как нет...

Эта придворная разборка идет под легкий менуэт, что отражает подобные «выяснения дел» и в развалившемся СССР.

Королева: *Этому я удивляюсь немало,
Как наше войско до ручки дошло?*

Ля-Фуршет: *Откуда, спросите-ка, у генерала
Два «Мерса-600» и дворец в Фонтенбло?*

Королева: *Ну, Труляля, дайте мне объясненья,
Где Вы такие доходы нашли?*

Труляля (застенчиво): *Изба в Фонтенбло — друзей подношенье,
А «Мерседесы» так сами пришли...*

Королева: *Доложим Королю, и быть Вам тру-лю-лю...*

Но хватит и этих примеров дворцовых разборок, они еще продолжатся. Вернемся к главной интриге. Миледи приносит заговорщикам похищенный ею чемоданчик.

Кардинал и Рокфор: *Козырь отличный эта игрушка.
Мы Королеве устроим ловушку.*

Кардинал (по мобильнику):

*Ваше Величество, как это ни странно,
Но Королева не с тем чемоданом...*

(в сторону):

*Вот и интрига на всю Европу.
К перевороту скачем галопом!*

Фрейлина после разговора по мобильнику передает Королеве пожелание Короля:

*Как солнышко взойдет,
Король к себе Вас ждет
Проверить чемодан,
Что на хранение дан!*

Королева к Камеристке (мелодия «На качелях» Ива Монтана):

*Врагов коварных с носом оставим,
К тайному другу гонца отправим.
Чтоб мушкетер был нравом не робкий,
Спас чемоданчик с красною кнопкой.*

За ним-то (за «настоящим» чемоданом) по поручению Королевы ее Камеристка отправляет Арманьяка в Булонский лес. За услугу ему, естественно, обещана любовь.

А Вермишель, Рокфор и Миледи вдруг, открывая чемоданчик, обнаруживают, что это пустышка, обман. Звучит растерянное

Трио: «Ах!» *А это ведь не тот чемоданчик!?*

Миледи оправдывается (мелодия «Покинем край мы» из «Травиаты»):

*Агентов провалы, увы, не редки —
Враги не дремлют в их контрразведке.
И Штирлиц, и Пронин, и Мата Хари
Сбои имели в репертуаре.*

Из записки, утерянной в спешке Арманьяком, она узнает, что «натуральный» чемоданчик будет у него. **Миледи** уверена, что легко его охмурит:

*Не устоит тот хват.
Пойду на перехват!*

Преступное **Трио** угрожает: *Мы тайная сила, мы темная сила,
Мы просто — исчадие ада!
И с нами бороться не надо, не надо.
Мы тайные власти страны...*

Королева готова к бою: *От бесов спасти честь страны,
Коварные планы разрушить
Помогут лишь верные души,
А мне мушкетеры верны!*

Мушкетеры (в Интерлюдии) выражают свою лояльность трону:

*Нет средства лучше и верней,
чем шпага. О-ля-ля!
Мы верны Франции своей
и верим в короля...*

Но их бравада не обходится и без ложки дегтя.

*Здесь вместо шпаги — компромат,
И тяжба, и скандал,
И генерала, в аккурат,
Заложит генерал.
Двадцатый век, гори огнем,
Но мушкетеры есть,
И день за днем мы бой ведем
За истину и честь!*

Второе действие начинается лирическим ариозо **Камеристки** (Неля или Катя П.):

*Мой Д'Арманьяк, мой милый, где вы?
Мчит издаля, мчит издаля.
Спасти должны мы Королеву
И Короля, и Короля.*

Вбегает **Арманьяк**, обменивается чемоданами с **Камеристкой**, танцуют и поют:

*Я к тебе, дорогая, примчался,
Дикой скачке Париж удивлялся.
Кардинал в дураках оказался.
Ну а я ожидаю любовь.*

Арманьяк радостно уходит с еще одним фиктивным, который прежде выкрала Миледи, подменным чемоданчиком. Камеристка уходит спасать Королеву, возвращая ей полноценный чемодан. Уходя, **Арманьяк**, между делом, выдвигает свою программу спасения Франции:

*В Французском королевстве
Царит большой раздор:
Вермишелье злодейски
Ведет за царство спор.
Обидно за державу
Для парня с головой.
Девиз «упал-отжался»
Мой метод боевой.
Весь Париж падет к ногам,
Третью силу я создам,
И порядок наведу —
Спляшут под мою дуду!
И стану я для Франции спасителем!*

(Это извечная мечта генералов — дорваться к власти(от времен Бонапарта, Франко до Пиночета и до некоторых наших доморощенных.)

Появляется Миледи. Она как бы воспылала страстью к Арманьяку, а он якобы ей поверил. Случайно оказавшиеся здесь в кустах Кардинал и Рокфор инсценируют нападение на Арманьяка со шпагами. Миледи предлагает поддержать его чемоданчик, пока он будет отбиваться от нападающих. Так или иначе, но Миледи, пылая ложной страстью, выманивает у Арманьяка опять-таки, как мы знаем, ложный чемоданчик и передает его компаньонам.

Дуэль прерывает **Труляля**:

*Мне, генералу Труляля, есть повеленье Короля:
Дуэлям дать отпад.
А если счета есть какие,
Для драки формы есть другие,
Цивилизованно-крутые — донос и компромат.*

Вермишелье и **Рокфор** вскрывают чемодан и опять видят пустышку:

*Но здесь опять не тот чемоданчик!
Да это вновь подметный чемоданчик.
Какая кутерьма, совсем сойдеешь с ума!*

Миледи:

*Тогда ищите сами чемоданчик.
Нефертити и пирамиды
Переплелися в своей судьбе.
Я «пирамиду» в корыстных видах,
Как Властелина, создам себе.*

Она планирует перейти в ряды «строителей пирамид».

Справка. Такое было поветрие... Многие из нас тогда отдавали мошенникам типа Мавроди, Властелины и многих других на вырост под невероятные проценты свои инфляционные денежки. Только их и видели (эти денежки). Что касается мошенников, так они снова возродились.

Третье действие начинается полонезом, под звуки которого на сцену выходит со своей свитой **Королева** (Полонез из «Евгения Онегина»):

*Наш Король,
превозмогая боль,
Власть в стране
опять доверил мне.
Чемодан
мне снова в руки дан,
И врагам
урок я преподам.
Оглашаю волю Короля:
Д'Арманьяк заменит Труляля!*

*Новые порядки заведем,
Будет в нашей Франции подъем,
Будет экономики расцвет! Плати Фуришет...*

Ля-Фуршет: *Но денег нет как нет!..*

Королева: *Но были ж резервы?!*

Ля-Фуршет: *Забрали, пар бле!*

Фонтан Церестрелли сваял в Фонтенбле!..

(Этот факт оставляем без комментариев.)

Королева: *Среди мздоимцев, интриганов и жулья*

Порядок наведу!.. Ведь государство нынче — это я!

Рокфор, обезумевший от чередования чемоданчиков, решается:

Пойду-ка смело на таран —

Добуду этот чемодан!

(Выхватывает у Королевы чемоданчик, открывает его — внутри лопа-
ется надувной шарик.) *Опять пустышка?!*

Так где же «кнопочка», Фуришет?

Ля-Фуршет: *Ни «кнопочки», ни власти нет!*

И денег нет — вот вам ответ!

«Народ безмолвствует!» хотелось бы сказать, но по формам жанра
Хор грустно поет (хор из «Набуко»):

Проходимцы в извечном сраженьи —

За высокое место дерутся,

А великий народ в небреженьи:

Он и сир, он и гол как сокол...

Грустноват и **Финал**, но он содержит хоть какую-то долю оптимизма,
надежду на то, что не надо ждать милости от государства и государей,
сменяющих один другого... Получился зонг (на мелодию «Белая армия,
черный барон...»).

Зонг о власти Предержавной

В Древнем Египте любой фараон

Один восходил на божественный трон.

Жрецы и бойцы — властелина оплот —

Низ пирамиды, презренный народ.

Но по теории хитра история —

Не властны здесь ни храм, ни трон.

Не век народам терпеть невзгоды,

На кой им дьявол — Фараон?!

Много Людовиков знала земля,

Войны — профессия для Короля.

Люду простому впору завывать,

Как от полочки к полочке прожить?

*Нельзя в теории сдержать историю
Бастильями и Тюильри...
Не век народам терпеть невзгоды,
На кой им дьявол — Короли?!
В новой Руси скороспелая власть
Крутится-вертится, может упасть.
К трону охотников много ползет,
Но в нищете прозябает народ...
Нам нет охоты к переворотам,
Не станем клике бить челом.
Все претенденты — игра момента,
А мы идем своим путем!
Пусть по теории крута история,
Но и сегодня, как и встарь,
Живут народы своей природой,
На кой им дьявол — Государь!*

ОПУС 28. ГИМНОМАНИЯ. 2000—2001 гг.

Этот последний во всем нашем перечне, спектакль давался нам очень нелегко. Мы приступали к его созданию при очень грустных обстоятельствах. После постановки «Три чемодана» прошло четыре года. Они принесли нам суровые удары — тяжелые болезни Юры, Ады, Мариши. С горечью вспоминались друзья, уже ушедшие от нас совсем далеко. А это время было границей между двумя тысячелетиями.

Накануне Миллениума у нас еще нашлись силы собраться на даче Гайдуковых — встречать 2000-й год как некую веху.

Тучи над нами сгущались. Но мы решились попробовать что-то сделать, опираясь на уцелевшие остатки наших театральных сил. Ада заболела, но врачами еще не был высказан безысходный вердикт. Для нее даже была написана роль. Юра — главный наш тенор — лежал, прикованный к постели.

Конечно, пытаться остановить время и беды было абсурдом, в чем мы вскоре убедились самым суровым образом.

Опус «Гимномания» явился горькой попыткой как-то ухватиться за остатки нашего доброго прошлого, что было и наивно, и тщетно.

Наши усилия в этом опусе свелись к определению атрибутики, относящейся непосредственно к ППФ. У Филармонии уже были богатые предпосылки для этого.

Относительно гимна — наше действие развивалось в направлении перебирания тех возможных вариантов текстов — зонгов, финалов, шуточных гимнов, которые уже фигурировали в некоторых наших пре-

дыдущих спектаклях. Например, «Байхрен — страна благословенная...» из спектакля «Ближневосточная арабеска».

При филармоническом обсуждении был отвергнут робко предлагаемый текст гимна на мелодию «Патриотической песни» Глинки.

*Славься, Русь, могучая держава!
Славен будь великий твой народ!
Ты врагов достойно отражала.
Ты — друзьям надежда и оплот.
В дни невзгод и в светлые години
Знала истину свою:
Мирный труд и общество едины,
Где чтут верность и семью!..*

Вариант так и остался не востребуемым.

После некоторых сценических препирательств между действующими лицами преимущество в выборе гимна ППФ было отдано, в качестве мелодической основы, давно нами исполняемому городскому романсу «Они стояли на корабле у борта...».

По сложившейся привычке при всяком нашем собрании мы пели этот сердцещипательный романс, который из-за частоты повторения шутя даже стали называть нашим гимном, признавая всю наивность этого сюжета и текста. Для примера приводится начало этого шедевра:

Хор: *Они стояли на корабле у борта,
Он перед ней с протянутой рукой...
Она в шелках, на нем бушлат потертый,
Но взор его пылал любовью и тоской.*

Мужчины (круто): *А море грозное ревело и стонало,
На скалы с грохотом катил за валом вал...*

Хор: *Как будто море чьей-то жертвы ожидало!..
Стальной гигант качался и стонал!*

(Для тех, кто не знает, в этом романсе далее все идет по сентиментальному трафарету: **Она** не поверила в их возможное совместное счастье, тогда «...и бросил леди **Он** в бушующий простор!». После этого море (и мы) еще более «ревели и стонали».)

Как дань времени рассматривался еще один вариант гимна (на мелодию «Пой, ласточка, пой»).

Женщины: *Мы попали в реалии рынка:
Пирамиды, дефолт, суета.
И в кармане дыра, и в ботинках,
И в промытых мозгах пустота!*

Хор: *Но жива Филармония наша,
И мы живы искусством своим.*

*Потому и поем мы и пляшем,
Что белугой реветь не хотим!*

Припев: *Пой, Филармония, пой!
Сердце нам успокой!
Из нашего в третье
тысячелетье
Вступим, не дрогнув ногой!*

Этот текст был сразу напрочь забракован, как одновременно — глубоко пессимистический и неоправданно оптимистический.

Оставалось переработать текст упомянутого выше романса под филармонический гимн, что по поручению Директора (Богдан) сделал наличествующий на сцене Поэт — Варлен (Со словами — «Эчеленце, прикажите — все исполним тот же миг...».)

После проведения голосования с соблюдением некоторых подлогов, принятых в реальной практике, Директор объявляет, что для Филармонии принимается мелодия старого гимна в следующей обновленной редакции.

Финал — Гимн ППФ

Хор: *Что наша жизнь? — Бушующее море.
А что мы в ней? — Тростинка на ветру.
Но Филармония с волнами дерзко спорит.
Мы только вместе можем выиграть игру.
Встань, Филармония, под радужное знамя.
И мы пробьемся, пусть катит за валом вал!
Простер крыла над бурными волнами
Наш музыкальный ключ и интеграл!
Звучит гармония высокого вокала,
Аплодисменты сотрясают зал.
Их Филармония заслуженно стяжала,
Нам кризис жанра никогда не угрожал!*

В этот текст были внесены новые, близкие Филармонии, идеи.

Сделаны ссылки на устоявшуюся эмблему ППФ, отражающую слияние в Филармонии науки и музыки. На очертания нотного скрипичного ключа был наложен знак простого интеграла.

Хотели менять и флаг, но быстро сошлись на красном его цвете, учтя реплику одного из членов дискуссии.

Секретарша (Майя): *А флаг-то наш здесь при чем? Я сама вышивала на нем золотые буквы ППФ на красном полотне. Красное знамя в турпоходах, например в лесу, всегда лучше разглядеть* (Нужно отметить, что сама Маечка чаще всех блудила по лесу и ее приходилось долго разыскивать.)

Поэт: *Оставим красный для наших походов — по местам боевой славы Филармонии!*

Чтобы завершить разговор о выработанной годами атрибутике Подмосковной Приакадемической Филармонии, расскажем еще об одной традиции — награждении всех членов ППФ памятной фигуркой «Золотой Нарцисс».

К концу 90-х гг. была создана и оттиражирована латунная фигурка Филармониста, державшего в руках текстуру и уткнувшегося в нее носом, что точно отражало нашу позу на сцене, а также по легенде — позу самого Нарцисса, как известно, любовавшегося своим отражением в ручье. Изогнутая из латунного тонкого листа (из плоской заготовки) фигурка укреплялась на мраморной плитке размером 7 на 7 см и с виду перекликалась в какой-то мере со всякими «Оскарами», «Никами» и т.п.

Кроме того, тонкий лист латуни всегда колебался и подрагивал, как и мы дрожали, находясь на сцене под взглядами многих глаз. На латунном «плаще» внизу продавливалась надпись — кому и за какие высокие заслуги вручается эта награда.

О вручении некоторых этих статуэток будет сказано ниже, в главе 8.

ГЛАВА 6.

НАША СЦЕНА. НАША КНИГА

Вот так и получилось... Читателю представлены три десятка наших опусов, разных по жанру, по эпохам, по местам действия. С использованием соответственно различных мелодий. Все это выплеснулось на нашу малую сцену, нашло энтузиастов — авторов, исполнителей. Порадовало их самих и десятки доброжелательных зрителей.

Помимо радости от «творческого процесса» в этом своде опусов просматривается и отражение реальных жизненных событий в нашей стране на протяжении полусотни бурных революционно-переломных лет всей второй половины XX столетия. Затрагивались и фрагменты жизни академических институтов, и путаных социально-психологических пертурбаций в умах сограждан.

Теперь и счесть трудно, скольких исторически весомых «малых эпох», происшедших в стране, стали мы очевидцами и соучастниками. В интересное время мы жили, но, что говорить, и в трудное.

Здесь представляется уместным привести очень короткое стихотворение поэта Арсения Тарковского. В нем метко дано ощущение смутного времени (хотя стих датирован 1928 годом).

*Блеют овцы, суетится стадо,
Пробегают беиенные дни.
Век безумствует. Повремени,
Ни шуметь, ни причитать не надо.
Есть еще в руках широкий бич,
Все ворота наглухо закрыты,
И колы глубоко в землю врыты,
Чтоб овец привязывать и стричь.*

У авторов предлагаемой читателю настоящей книги имелась мысль — предъявить эти наши опусы и современникам, и потомкам как скромное отражение в игровой форме, но последовательно и разносторонне, многих событий из этих «эпох», прожитых нами на протяжении пяти десятков лет.

К читателю. Нужно отметить, что при составлении книги пришлось преодолеть некие трудности. За полстолетия «в портфеле» Филармонии накопилось три десятка представленных на сцене сочинений. Каждое из них отражало определенное время и относящиеся к нему настроения общества. Привести все тексты полностью было бы громоздко, да и не все в них заслуживало внимания читателя. Но и пропустить рассказ о любом из опусов было бы неправильно. Был найден некоторый компромисс. По каждому спектаклю был сделан краткий обзор (либретто) с цитатами хоров, зонгов отдельных арий, с краткими ком-

ментариями о месте и развитии действия и о не совсем понятном для новых поколений подтекстам. Тексты двух спектаклей и одной кантаты приводятся факсимиле в приложении целиком.

Кроме того, весь хронологически сложившийся список спектаклей был разбит на три примерно равные группы. Каждая из них отражала определенный период лет и этапы нашей сценической деятельности. Дабы вся эта громада либретто не обрушилась на читателя целиком и сразу, группы спектаклей (главы) были отделены одна от другой короткими главками, освещающими общие вопросы — об образовании ППФ, о творческих принципах создания наших спектаклей и т.п.

Краткие сведения об основателях и многих других лицах, охваченных ППФ, изложенные в главе 1, были более расширены и дополнены в главе 8 «Люди Филармонии» зарисовками их портретов и иллюстрациями. Ввиду того, что их число достигало 40 человек, рассказы о них тоже были разделены на три группы. Все это представлено в содержании книги.

И еще! Да простит нас внимательный читатель за использование поэтических эпиграфов в разных частях книги. Этим хотелось скрасить некоторую сухость и сдержанность нашего текста. Цитируемые строки принадлежат поэтам соотечественникам и, практически, нашим ровесникам по XX веку.

Как было обосновано выше, все наши опусы можно отнести к ранее, как нам кажется, не обозначавшемуся нигде жанру «водевиль-памфлет».

Заглянув в ретроспективу лет, можно добавить еще некоторые соображения. Всем участникам спектаклей, выходявшим на сцену, всегда было присуще естественное чувство волнения... Как сказано: «Гул затих. Я вышел на подмостки...»

Нет сомнения, что влечение к сцене и свойственное этому волнение присущи многим людям. Не все в одинаковой мере подвластны этому искушению. Однако — тянет. Была бы сцена и роль. Мы это себе создали сами. Любо было — побыть актерами.

Масштаб сцены не сильно влияет на глубину испытываемого внутреннего трепета «артистов». Можно заметить, что на сцене все выглядят подтянутее, выразительнее, умнее (если роль не требует от исполнителя проявления других качеств). И здесь — все в своих ролях — герои. Эти чувства поддерживают в каждом дух бодрости и стойкости перед думами о быстро бегущем времени, исчисляемом в нашем случае десятилетиями. Ибо, как сказано Иосифом Бродским:

*Тот груз, которым нынче обладаем,
В другую жизнь нельзя перенести.*

Еще одно наблюдение. Оно касается женщин — наших актрис. На сцене им предоставлялась возможность наложить на лицо броский грим-макияж, надеть нетривиальную одежду, подчеркивающую достоинства фигуры, одухотворить своей женской душой не одну-две роли, а воплотить десятки героических образов. Это для них — и радость, и стимул.

Вот почему мы наших и без того великолепных женщин видим на сцене еще более красивыми. Так же, как и зрители.

Представляется, что испытываемые нами чувства радостного волнения, наряду с другими гранями Филармонической жизни, способствовали долгожительству большинства наших друзей до 70—80, а то и до 90 лет.

Известно мнение, что если настоящие профессионалы имеют увлекательные для них другого рода занятия — хобби — занятие для себя, на досуге, то такой человек бывает успешен в нескольких направлениях деятельности. Примерно так же можно оценивать и участие в «театральной деятельности» Филармонии многих наших сотоварищей, если прибегнуть к известному штампу, как успешных — «и на работе, и дома».

Что касается долгожительства филармонистов, то будет в пору сослаться на высказывания Франца Кафки в беседах с Густавом Еноухом.

Кафка: Молодость счастлива, потому что обладает способностью видеть прекрасное...

Вопрос: Стало быть, старость исключает всякую возможность счастья?

Ответ: Нет, счастье исключает старость. Кто сохраняет способность видеть прекрасное, тот не стареет.

Таков наш обзор по тридцатке опусов, таких разных, но всех равно любимых для наших сердец. В каждом спектакле мы входили в иные характеры, образы. И можем быть счастливы, что прожили в десятке разных жизней, и должны поблагодарить за это судьбу.

А еще Богдан в 1997 году задался целью сделать документальный фильм к 40-летию Филармонии. Использовались фото, рисунки, ранние любительские киносъемки, текстуры и сцены из спектаклей, старые записи песен, петьх нами. Все это вылилось в 2-часовую ленту. Много?! Но это по 3 минуты на год. Зато получился документ о нашей жизни и на фоне нашей эпохи. Фильм предшествовал этой книге, можно сказать, фильм явился ее первым вариантом.

И еще одно лирическое отступление, относящееся к самооценке нашего филармонического творчества.

Как родилась идея о создании этой книги? Хотелось рассказать о многом уходящем, о многих близких людях, активно рука об руку проживших пять десятков лет на фоне крутых событий, сотрясавших нашу страну в ее различных формациях. Некоторую поддержку наших намерений мы получили нежданно из круга «старшего поколения родственников» Филармонии — в книге родного Алешиного дяди — Дмитрия Ивановича Абрикосова «Судьба русского дипломата»:

«Поскольку я совершенно убежден, что <...> все прошлое заслуживает лучшей участи, чем быть забытым, я попытался по мере своих сил и способностей возродить его».

Справка. Книга «Судьба русского дипломата» (М. Русский путь, 2008, стр. 417) написана признанным еще в конце XIX века русским дипломатом Д.И.Абрикосовым, что для него, выходца из купеческого сословия, было не просто. Он был высококультурным, любознательным человеком, многое видел и слышал, работал в русских посольствах в Китае и Японии в трудный для трех этих стран период — «От Цусимы до Хиросимы».

Закончил жизнь Дмитрий Иванович в эмиграции в США.)

Закljučается его книга такими словами:

«Теперь, когда мой рассказ подошел к концу, могу добавить, что если через все испытания вы сумеете пронести веру в провидение, то к концу жизни обретете покой и понимание, что во всем происходящем заложен какой-то смысл, пусть даже ваш ум не может его постичь».

Блажен, кто имел такую опору в своих душах. Мы же, с малых лет приученные к атеизму, «слава Богу», живем без ссылок на провидение.

То и дело ссылаясь на присутствие в наших мыслях таких важных качеств, как юмор и ирония, мы склонны решить вопрос самооценки феномена ППФ с этих позиций. Никто из нас не собирался вознестись к славе творцов настоящей драматургии, поэзии, сценического мастерства. Более высокое самомнение могло бы просматриваться в оценках только, как говорят, «по совокупности» всего, проделанного ППФ за полвека. Естественно, что у нас самих чаще всего бывал иронический подход к нашим филармоническим деяниям...

Если уж сравнивать и примеряться к чему-то высокому и отстраненному, лучше опереться на легчайшую, изящную форму самооценки, созданную О. Мандельштамом в нескольких следующих словах:

*Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Все лишь бредни — шерри-бренди, —
Ангел мой.*

То же самое можно почувствовать в изложенной с приглушенной тонкой самоиронией в завершающей строфе небольшой поэмы Б. Ахмадулиной «Приключение в антикварном магазине»:

*А если вдруг, вкусивший всех наук,
Читатель мой заметит справедливо:
— Все это ложь, изложенная длинно, —
Отвечу я: Конечно, ложь, мой друг.*

Кстати. Бросилась в глаза и другая близость по серьезности мысли и по схожести отношения к «темным временам» у этих обоих поэтов.

У Беллы Ахмадулиной:

*Друзей моих медлительный уход
Той темноте за окнами угоден...*

У О. Мандельштама:

*В черном бархате советской ночи,
В бархате всемирной пустоты.*

ГЛАВА 7. ЮБИЛЕЙНЫЕ КАНТАТЫ

*Великое вблизи неуловимо,
Лишь издали торжественно оно...*

Валерий Брюсов

В истории нашей Филармонии занимали особое место хорально-сценические сочинения, именуемые нами кантатами. Это было дважды:

- в первый раз (в 1974 г.) — в честь 80-летия Петра Леонидовича Капицы, основателя и многолетнего директора Института физических проблем (ИФП) АН;
- во второй раз (в 1990 г.) — по случаю 70-летия Андрея Станиславовича Боровика-Романова, нашего друга, ставшего после П.Л. Капицы директором того же института.

Оба сочинения были включены в программу торжественных чествований обоих юбиляров, весьма уважаемых физиками мира (а также и нами). Опусы представлялись со сцены Зала заседаний ИФП. Для исполнения кантат наш ансамбль пополнялся «поющими» сотрудниками института, и это уже звучало как «Объединенный хор Подмосковной Приакадемической Филармонии и Института Физических Проблем». Соответственно, исполнителей одевали в академические костюмы — белые широкие воротники и черные профессорские шапочки с квадратным верхом и свисающей кисточкой.

Следует отметить, что в качестве музыкальной и текстовой основы кантат были использованы многие мелодии и приемы, выработанные Филармонией за предыдущие годы своего сочинительства.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ КАНТАТА К 80-ЛЕТИЮ П.Л. КАПИЦЫ. 1974 г.

В июле 1974 г. ведущие сотрудники ИФП готовились торжественно, но и не без юмора, отметить восьмидесятилетний юбилей великого русского ученого, организатора и мудрого, на протяжении 50 лет, руководителя Института физических проблем, очень порядочного и смелого человека.

В ИФП работали многие наши друзья, участники Подмосковной Филармонии: А.А. Абрикосов, М.С. Хайкин, А.С. Боровик-Романов, Ю.П. Гайдуков, Н.М. Крейнес.

В Институте еще помнились юмористические поздравления, прозвучавшие на праздновании 70-летия Петра Леонидовича еще в 1964 г., где выступали в качестве поздравителей «пионеры» — одевшие пионерские

галстуки аспиранты во главе с нынешним директором ИФП А. Андреевым. Так в те времена было модно обрамлять всякие политические и партийные собрания.

Тогда еще отметился «молодой доктор» (теперь нобелевский лауреат) Алеша Абрикосов с «приблатненной» песенкой «...Жили-были два ученых, один я, другой Семенов». Речь шла о всемирно известных ученых, близких друзьях. На Ленинских горах расположились два знаменитых академических института: Физических проблем и Химической физики, которыми руководили П.Л. Капица и Н.Н. Семенов. На портрете работы В.М. Кустодиева (1921 г.) представлены они оба, еще молодые ученые, ставшие впоследствии лауреатами Нобелевской премии.

Юмористический тон нашей кантаты был предопределен. Но встала задача отразить в содержании текстов «вехи» жизненного и научного пути Петра Леонидовича и главные черты его личности, что было не просто, зная масштабность этой фигуры. Использовались скудные на то время биографические сведения о юбиларе, институтский «фольклор» о директорских афористических изречениях, а также рассказы наших друзей — сотрудников института.

Это уже позже стало в деталях известно, как в 1934 г. Капицу вызвали из Англии, где он работал в Кембридже, в Кавендишской лаборатории, возглавляемой одним из крупнейших в мире физиком Эрнестом Резерфордом. За блестящие работы, выполненные в этой лаборатории, Капицу избрали членом Лондонского королевского (научного) общества. Но потом в середине 30-х годов наши власти не позволили П.Л. выехать за границу. Однако для продолжения исследований по его предложению было принято решение об учреждении в Москве академического Института физических проблем (ИФП).

П.Л.Капица провел колоссальную работу по реализации на Воробьевых горах строительства здания института, его оснащению, подбору сотрудников-ученых, возведению жилья для них. От Лондонского королевского общества, не без труда, при активном содействии Резерфорда, было безвозмездно получено ценное научное оборудование, которое создал и на котором там работал Капица.

Выросший в высокогуманной семье, поработавший в Англии в «окружении светил мировой науки», а также получивший высокое признание в научном мире, Капица мог себе позволить противостоять «советской системе» как в создании по своим правилам знаменитого института, так и при защите своих коллег (Фока, Ландау), когда их преследовали известные «органы».

Приведем лишь один характерный пример: это действия, предпринятые Петром Леонидовичем для освобождения из тюрьмы талантливейшего физика-теоретика Льва Ландау. Описание этих дел заслуживает ознакомления с ними читателей, не знавших таких подробностей ранее.

Представим здесь личность Льва Давидовича Ландау в нескольких словах по книжечке «Академик Л.Д. Ландау» (изд. «Наука», 1965), написанной Алешей Абрикосовым, который был одним из первых и успешных его учеников.

«...Ландау создал большую научную школу, и, несомненно, высокий уровень развития советской теоретической физики, <все это> является в значительной степени заслугой Л.Д.Ландау».

В 1962 г. Л.Д. Ландау была присуждена Нобелевская премия.

В день ареста Ландау, 28 апреля 1938 г., Капица сразу же написал письмо Сталину о своем беспокойстве за судьбу талантливого сотрудника с изложением тактической просьбы: «...чтобы к его делу отнеслись очень внимательно». (Петр Капица. О науке и власти. Письма. Библиотека «Огонек», № 32. Издательство «Правда», 1990.)

28 апреля 1938, Москва

Товарищ Сталин!

Сегодня утром арестовали научного сотрудника Института Л.Д. Ландау. Несмотря на свои 29 лет, он вместе с Фоком — самые крупные физики-теоретики у нас в Союзе. Его работы по магнетизму и по квантовой теории часто цитируются как в нашей, так и в заграничной научной литературе. Только в прошлом году он опубликовал одну замечательную работу, где первый указал на новый источник энергии звездного лучеиспускания. Этой работой дается возможное решение: «Почему энергия солнца и звезд не уменьшается заметно со временем и до сих пор не истощилась». Большое будущее этих идей Ландау признают Бор и другие ведущие ученые.

Нет сомнения, что утрата Ландау, как ученого для нашего института, как для советской, так и для мировой науки не пройдет незаметно и будет сильно чувствоваться. Конечно, ученость и талантливость, как бы велики они ни были, не дают права человеку нарушать законы своей страны, и, если Ландау виноват, он должен ответить. Но очень прошу Вас ввиду его исключительной талантливости, дать соответствующие указания, чтобы к его делу отнеслись очень внимательно. Также, мне кажется, следует учесть характер Ландау, который, попросту говоря, скверный. Он задира и забияка, любит искать у других ошибки, и когда находит их, в особенности у важных старцев, вроде наших академиков, то начинает непочтительно дразнить. Этим он нажил много врагов.

У нас в институте с ним было нелегко, хотя он поддавался уговорам и становился лучше. Я прощал ему его выходки ввиду его исключительной даровитости. Но при всех своих недо-

статках в характере мне очень трудно поверить, что Ландау был способен на что-либо нечестное. Ландау молод, ему представляется еще многое сделать в науке. Никто, как другой ученый, обо всем этом написать не может, поэтому я и пишу Вам.

П. Капица

В этот раз никакого ответа не последовало.

Далее — по книге И.М. Халатникова «Дау, Кентавр и другие». Физматлит, 2007, стр. 42:

«...6 апреля 1939 г. Капица пишет письмо В.М. Молотову, в котором просит его обратить внимание НКВД на «ускорение дела Ландау». Реакция последовала очень быстро — через несколько дней П.Л. был приглашен в НКВД Кобуловым. На столе лежали пять больших томов «дела Ландау». Кобулов предложил Капице ознакомиться с этими материалами. П.Л. мгновенно понял, что после чтения этих томов затем последует дискуссия без всякой гарантии на успех. Тогда он сделал встречный ход — задал Кобулову и всем присутствующим вопрос: «Вот вы утверждаете, что Ландау был немецким шпионом, что является преступлением. Но всякое преступление должно иметь *мотив*».

Объясните, какие могли быть мотивы у еврея Ландау стать немецким шпионом?..» Тут последовала немая сцена в духе гоголевского «Ревизора». Вопрос Капицы поставил генералов в тупик, они никогда до этого не задумывались о мотивах преступлений и даже не очень четко представляли себе смысл этого слова. Кобулов немедленно предложил прервать беседу и через два дня он же запросил у П.Л. личное письмо к Л.П. Берии с просьбой освободить из-под стражи арестованного профессора физики Л.Д. Ландау под личное поручительство». Через два дня, 28 апреля 1939 г., ровно через год после ареста, Ландау был освобожден»...

Только после перестройки стало известно и то, что в годы глухой «опалы» П.Л. Капицы, когда он был отстранен от института и жил на даче на Николиной Горе (за нежелание работать над атомным проектом под дудку Берии в 1950 году), Сталин спрашивал Маленкова: «Пачэму академик Капица мнэ нэ пишэт?»

В кантате некоторые события из жизни Петра Леонидовича были интерпретированы в девяти частях.

Ввиду значимости личности Петра Леонидовича было решено привести многие тексты, обращенные к юбиляру, полностью. Каждую из частей кантаты будет здесь сопровождать маленький комментарий — «о чем это?». Факсимильная копия текста кантаты приводится в Приложении.

В день Юбилея зал заседаний Института физпроблем был переполнен седоголовой профессурой, а также и молодой ученой порослью.

Виновник торжества сидел рядом с женой Анной Алексеевной в первом ряду. На нем была его любимая русская рубашка со свободным вышитым воротником. (Однажды на приеме в Кремле на гневный вопрос Хрущева, как он посмел так вольно одеться, Капица со спокойным достоинством ответил: «Национальный костюм приравнивается к фракку!»)

Как профессиональная «ведущая» в консерватории, Ада звонко и значимо объявила:

Торжественная кантата «Юбилейная» в монументально-биографическом жанре, в 9 частях.

Исполняет Объединенная приакадемическая капелла.

Дирижер — Хайкин. Рабочий сцены — Боровик-Романов.

Аудитория заулыбалась. Наш (филармонический) дирижер — физик, сотрудник этого же института Миша Хайкин, как упоминалось, приходился племянником известному дирижеру Большого театра — Борису Хайкину, имя которого часто звучало в те времена по радио и на TV. Вторая изюминка заключалась в том, что Андрей Боровик-Романов — наш друг, академик, многолетний заместитель П.Л. Капицы по институту, был представлен аудитории как Рабочий (нашей) сцены.

Итак, дирижер Миша, облаченный в старинный сюртук с фалдами, при белоснежной рубаше и галстук-бабочке, берет в руки дирижерскую палочку. Его жена Ира Голямина, «наш оркестр», возносит пальцы над роялем, и начинается **«Пролог»**.

В прологе происходит диалог хора с «голосом невидимого певца за сценой» (возможно, из ЦК партии):

Хор: *Нам мероприятие разрешается?*
Голос: *Не возбраняется...*
Хор: *Значит, юбилей не отменяется?*
Голос: *Как полагается.*
Хор: *По форме и содержанию?*
Голос: *Есть указание!*
Хор: *Значит, имеется мнение?*
Голос: *Нет возражения...*

Суть дела в том, что в те поры П.Л. Капица демонстративно отказался подписать коллективную кляузу членов Академии наук с «гневным осуждением» А.Д. Сахарова, состряпанную в «коридорах власти». (Так смели поступить немногие, в т.ч. еще В.Л. Гинзбург, М.А. Леонтович.) В прологе отражено бродившее в умах сомнение, что проведение юбилея могло бы и не состояться.

Вслед за прологом исполняется торжественная 1-я часть кантаты на классическую мелодию хора из 9-й симфонии Бетховена.

Часть 1-я.

Хор: *Все навстречу юбилею!
Юбилея близок час.
Не смолкает, не слабеет
Нарастает трубный глас!*

Эти патетические строки отражали извечную помпезность празднований официальных юбилеев (в частности, навязло в зубах недавнее, в 1970 г., проведение 100-летнего Ленинского юбилея). Естественно, далее звучит риторический вопрос, который позволял отнести эти чествования в адрес любого лица или события.

Женщины: *Но кому же тут и там
Воскуряют фимиам?*

В нашем случае хор благожелательно отвечает по существу дела.

Хор: *Учреждения и лица
Шлют приветствия Капице!*

Таким вступлением кантата переводилась из высокого одического стиля в более демократический и юмористический (что соответствовало «стилю» самого юбилея).

Часть 2-я — «Истоки» повествует о ранней юности П.Л. Капицы в Кронштадте. На народную лирическую мелодию («Разлука ты, разлука») исполняются трогательные вступительные строки:

*В Империи Российской
Назад немало лет,
В фортеции Кронштадтской
Родился он на свет.
В далеком нежном детстве
И будучи студент,
Он всей душой, всем сердцем
Любил эксперимент.*

Затем мелодия сменяется на бодрый мотив матросской песни.

Хор: *В гавани, Кронштадтской гавани
Капица начал исторический восход,
На полный ход!
Ушел он в плаванье из тихой гавани,
Он на Британию отправился в поход,
Отправился в поход.*

Тут же следует обращение к его жене Анне Алексеевне.

Женщины: *Не горюйте, Анна Алексевна!
Пенелопой Вам не быть плачевной...
Плыть и Вам по балтийской волне!
Эх, к басурманской стороне.*

Вскоре она тоже выехала к П.Л. в Кембридж, где родились и два их сына — Сергей и Андрей, ставшие известными учеными.

Очень насыщена подтекстами **3-я часть** — «Туманный Альбион».

Эта тема звучит уже в первых строчках (на мелодию Лакримозы из «Реквиема» Моцарта).

Дуэт: *Там, где Альбион туманный,
Был Капица гость неожиданный...*

3-я часть кантаты. Поначалу, в 1922 г, Резерфорд не хотел брать Капицу в Кавендишскую лабораторию из-за заполненности ее штата — 45 мест. Петр Леонидович пленил его умозаключением, что 46-й работник будет соответствовать допустимым пределам точности, с которыми работают в лаборатории. Такая сообразительность понравилась великому физику, и Капица был принят, а затем стал его любимым учеником и коллегой.

В своих кругах у Резерфорда было прозвище — Крокодил. Капица не преминул пошутить, разместив на стене, созданной «под него» Монд-лаборатории, барельеф с изображением крокодила, объясняя это тем, что «...крокодил — символ движения вперед, он никогда не поворачивает головы назад».

Этот сюжет был отражен в тексте словами.

Хор: *По Кембриджу ходила
Большая Крокодила.
Она, она — ученая была!*

Интересна и еще одна история.

Дуэт: *На сверхмощные магниты
Фунты стерлингов убиты.*

Хор: *Так велики их мощности,
Что в Королевском обществе
Увы и ах! Грозит финансам крах!*

На самом деле, так оно и было. Большие затраты на экспериментальные работы Петра Леонидовича весьма озаботили членов Королевского общества. Однако денежные проблемы были решены, а Капицу за его научные достижения даже избрали членом этого общества — фактически Академии наук Великобритании.

Эта часть кантаты завершается еще одним утверждением.

Хор: *Капица вышел гордо
Из школы Резерфорда.
Ему она начальная была!*

4-я часть кантаты «Прощание» посвящена возврату Петра Леонидовича из Англии в 1934 г. и превращению его волею властей в «невыездного», о чем уже было рассказано выше.

Часть начинается как бы эпитафией, не очень радостным.

Соло: *Снова еду я на Север,
Видно, мой таков удел...
«If for ever — still for ever...»*

(Если навсегда, то прощай навсегда! — по Байрону.)

А далее бодрое — по залихватской песенке английских солдат времен Второй мировой войны («Нашел я чудный кабачок!..»).

Соло: *Прощайте, Кембридж и Оксфорд,
Лорд досточтимый Резерфорд!
И ты, Старуха Англия, прощай!
Мон-лаб(о)ратория, гуд-бай!*

Хор: *До свиданья, дорогая,
Я надолго уезжаю,
И когда вернусь — не знаю,
А пока — прощай!*

Затем текст переходит к проекту-замыслу Капицы — созданию Института физпроблем.

Соло: *Когда приеду в СССР,
Я там на аглицкий манер
Себе создам научный институт.*

Хор: *Вэри гуд! Вэри гуд! Вэри гуд!*

Женские голоса зачинают лирическую мелодию:

*За Калужской заставой
Огороды цветут...
Лично выбрал на славу
Место под Институт.
За Калужской заставой
Нет вокруг никого,
Лишь проходят составы
На Канатчиково.*

Далее под ту же солдатскую песенку Капица раскрывает свой замысел.

Соло: *Я физики оплот создам,
Новаций много будет там,
Работать вам не дам по вечерам.
Отделом кадров буду сам!*

То есть все предполагает делать по своим разумным правилам, не подчиняясь казенной рутине. А концовка отражает благородный поступок Резерфорда, передавшего Капице все оборудование его лаборатории.

Хор: *Лорд, досточтимый Резерфорд,
Он обеспечит нам комфорт,
Магниты и бумагу в туалет.
На много лет, много лет, много лет!*

5-я часть — «Физпроблемы» — повествует как о достижениях института, так и о жалобах на жесткую позицию Директора, сдерживающего скорое продвижение сотрудников по карьере. На мелодию шлягера 20-х годов «Ах, шарабан мой...» разговор ведут следующие участники:

Солисты: *Не каждый может
Того добиться,
Что в Физпроблемах
Сумел Капица.*

Бас: *Ах, Институт наш,
Проблем в нем хватает...
А я мальчишка, —
Все — на подхвате!
И, в самом деле,
Не всяк получит
И жидкий гелий,
И сверхтекучесть.
Открыть бы вроде —
Константы Планка!..
А я, девчонка, —
Всё в лаборантках!*

В 1943 г. Капица для нужд оборонной промышленности предложил эффективный метод заводского производства кислорода и добился своего назначения начальником Главка, что пробудило нападки завистников. Это отражается в завершающем куплете, в котором также есть и амбициозные претензии «растущих» сотрудников.

Тенор: *Начальник Главка
По кислороду —
Капица плавку
Дает народу...*

Аспиранты: *Мечтаем смело
О лаврах Бора,
А наше дело —
Пять приборы!*

«Имба на горе» — так названа **6-я часть кантаты**. Выше было сказано, как в 1946 г. Капица попал в почти десятилетнюю «государственную опалу», за отказ работать в ядерной комиссии под началом Берии. Лишенный созданного им Института, он удаляется в «ссылку» на свою дачу на Николиной Горе. Для продолжения своих опытов он здесь оборудует прибор-ниготрон в маленьком домике, шутливо прозванном «хатой-лабораторией», а Академия наук за это по Салтыкову-Щедрину именуется у нас «Академия де Сиянс».

Соло: *Под Москвой стоит домик-крошечка,
Подрастает в нем ниготрошечка,
Это хата — лаборатория,
Где сливается опыт с теорией.*

Хор: *Академия наша де Сиянс
Ниготрон не числит на свой баланс.
Де Сиянс наша Академия
Не дает ему фонды и премии.*

Соло: *Здесь в погоду ли, в непогоду ли
Печи служат нам волноводами.
Рвется колба, гелием полная,
Шаровая грезится молния!..*

Только через два года после смерти Сталина возвратился П.Л.Капица в свой институт.

*Но минули все злоключения,
Вновь Капица — шеф учреждения,
Вновь питает благоволение
Де Сиянс наша Академия!*

Часть 7-я «Изречения» рисует картину возвращения Петра Леонидовича к своему детищу. Некий угодливый его заместитель изрек, канонизированную впоследствии фразу: «Мы стоим, готовые к употреблению». Это стало рефреном в ответах коллектива на все любимые летучие изречения директора. Такова была наша пародия на «совковое» холопство и раболепие, которых сам Капица никогда не допускал (использованы две мелодии: «Ах, зачем ты меня целовала...» и марш «Прощание славянки»).

Соло: *В оны дни Физпроблем сотворенья
Семь сотрудников числилось тут —
«Надо брать не числом, а умением.
Непомерно раздут Институт!»*

Хор: *Стоим, готовые к употреблению,
Единодушие — вот наш ответ!
К безоговорочному подчинению
Мы приучены за много лет!*

Тот же припев следовал в ответ на другие изречения шефа:

Соло: *Все теории гибнут моментом,
«В чистом золоте эксперимента
Я держу основной капитал».
«Любовь — это хорошо,
Но золотой браслет остается навсегда!»*

Хор: *Стоим, готовые...*

**Торжественная юбилейная
кантата к 80-летию академика
Петра Леонидовича
КАПИЦЫ
1974 г.**

②

И. В. Сталину

Товарищ Сталин!

28 апреля 1938, Москва

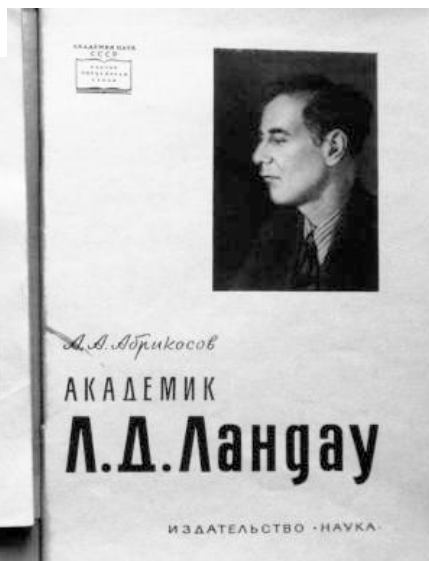
Сегодня утром арестовали научного сотрудника Института Л. Д. Ландау. Несмотря на свои 29 лет, он вместе с Фоком — самые крупные физики-теоретики у нас в Союзе. Его работы по магнетизму и по квантовой теории часто цитируются как в нашей, так и в заграничной научной литературе. Только в прошлом году он опубликовал одну замечательную работу, где первый указал на новый источник энергии звездного лученспускания. Этой работой дается возможное решение: «Почему энергия солнца и звезд не уменьшается заметно со временем и до сих пор не истощилась». Большое будущее этих идей Ландау признают Бор и другие ведущие ученые.

Нет сомнения, что утрата Ландау как ученого для нашего института, как и для советской, так и для мировой науки не пройдет незаметно и будет сильно чувствоваться. Конечно, ученость и талантливость, как бы велики они ни были, не дают право человеку нарушать законы своей страны, и, если Ландау виноват, он должен ответить. Но я очень прошу Вас, ввиду его исключительной талантливости, дать соответствующие указания, чтобы к его делу отнеслись очень внимательно. Также, мне кажется, следует учесть характер Ландау, который, попросту говоря, скверный. Он задира и забияка, любит искать у других ошибки и, когда находит их, в особенности у важных старцев, вроде наших академиков, то начинает непочтительно дразнить. Этим он нажил много врагов.

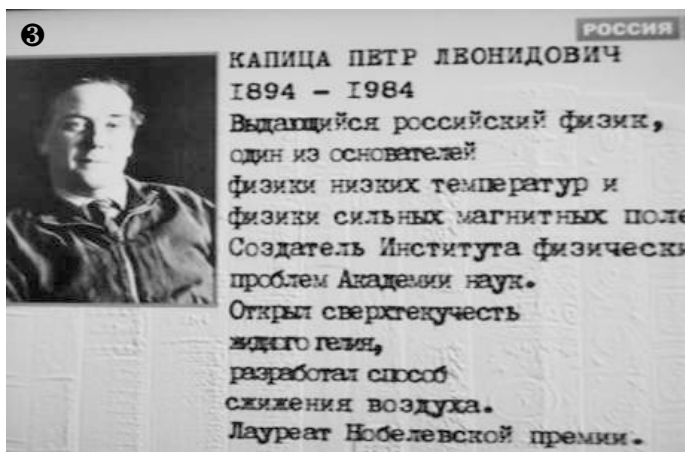
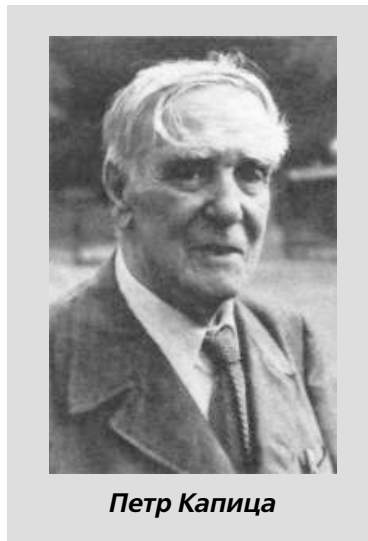
У нас в институте с ним было нелегко, хотя он поддавался уговорам и становился лучше. Я прощал ему его выходки ввиду его исключительной даровитости. Но при всех своих недостатках в характере мне очень трудно поверить, что Ландау был способен на что-либо нечестное.

Ландау молод, ему представляется еще многое сделать в науке. Никто, как другой ученый, обо всем этом написать не может, поэтому я и пишу Вам.

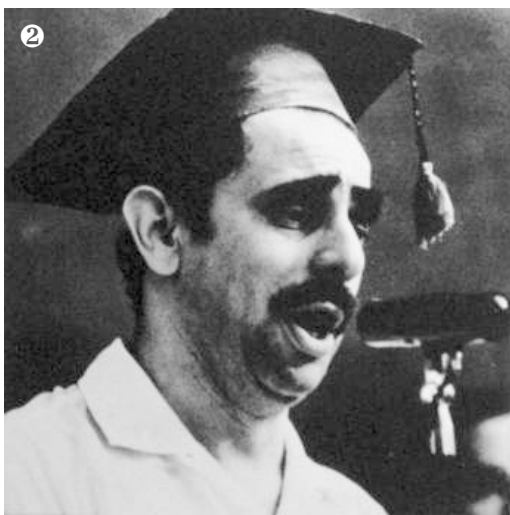
П. Капица

Кантата к 80-летию П.Л. Капицы. Оп 29. 1974 г. 1. Великий ученый, физик, академик РАН, Нобелевский лауреат, автор открытий в области сверхтекучести гелия. 2. П.Л. Капица — личность высоких гражданских и человеческих качеств. Приводится текст письма Сталину от П.Л. для спасения от НКВД гениального физика-теоретика Л.Д. Ландау, который через год был освобожден.

Тот же опус 29 — кантата 1974 г. 1. Копия портрета (работа худ. Кустодиева, 1921 г.) двух молодых людей П.Л.Капицы и Н.Н.Семенова, ставших Нобелевскими лауреатами. 2. Хор ППФ и Института физпроблем чествует юбиляра. 3. Снимок с экрана ТВ — справка о П.Л. Капице (13 февраля 2012 г.).

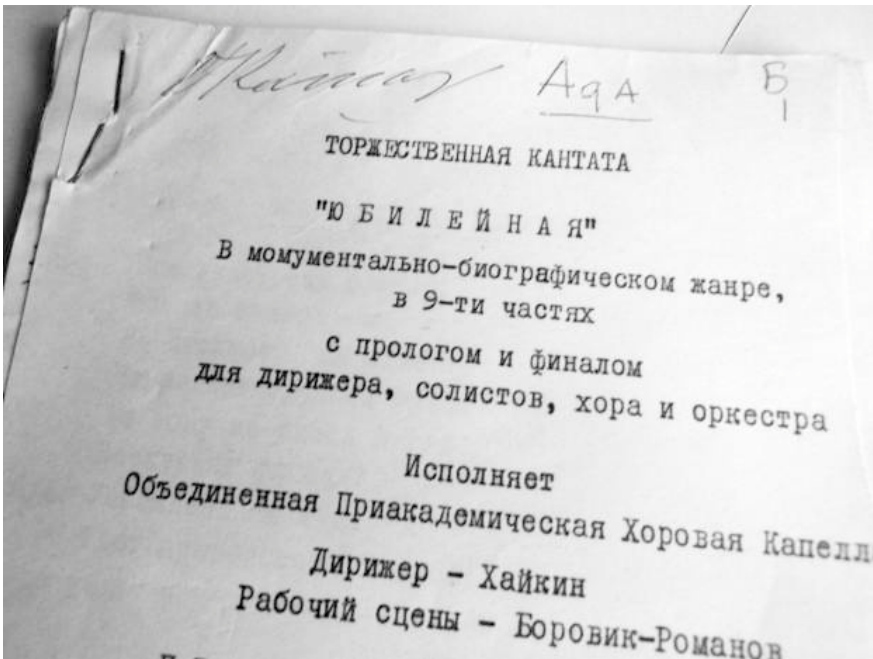

Тот же опус 29. 1. Мелькают руки и палочка Дирижера – Миши при исполнении кантаты. 2,3. Солисты Филармонии – Варлен и Галя.

1

2

Тот же опус 29. 1. П.Л. Капица благодарит членов ППФ, в лице Дирижера – Миши за выступление.
 2. Автограф П.Л. на титульном листе текста Кантаты на память каждому исполнителю.

КОНФЕРЕНЦИИ И СИМПОЗИУМЫ

К 90-летию со дня рождения А.С. Боровика-Романова

Научная сессия Отделения физических наук
Российской академии наук, 24 марта 2010 г.

1

КАНТАТА ВЕЛИЧАЛЬНАЯ

в восьми частях с прологом и финалом
в честь 70-летия Академика
Андрея Станиславовича Боровика-Романова

Исполняет: Объединенный хор солистов
Приакадемической Филармонии
и Института Физпроблем
Дирижер - Хайкин
Коцертмейстер – Голямина
Москва, 1990 г.

ПРОЛОГ

Хор: Ой, ты поле, научное поле!

Кто сумеет тебя прощадать,

Кто достигнет успехов, тем боле,

Наградит того Родина – мать.

Бас: Кто в натуру проник

Тенор: И законы постиг,

Женщ: Недожинным талантом богатый!

Бас: В этом деле велик

Тенор: Наш Андрей Боровик!

Хор: Мы ему посвящаем кантату!

Бас: Кантату!

Тенор: Кантату!

Хор: Кантату!

Андрей Станиславович Боровик-Романов
18.03.1920-31.07.1997

Нам очень приятно иметь здесь у нас в гостях такую аудиторию, приятную и близкую нам по многим параметрам. Исполнилось 90 лет со дня рождения одного из крупнейших наших физиков — Андрея Станиславовича Боровика-Романова. И в человеческом, и в научном смысле его судьба была яркой и неординарной, но она была и очень драматической. Сложная была жизнь.

А.С. Боровик-Романов родился в 1920 г., и когда началась война, он был студентом и пошёл добровольцем на фронт, в ополчение. И вскоре попал в плен. Ему пришлось многое перенести, но он себя считал, как он говорил, "везунчиком". Когда он был освобожден из плена

нашей армией, его взяли в действующую армию, и он уже там, в Германии, снова стал солдатом Советской армии. И это спасло ему жизнь, потому что он возвратился из плена не просто как освобожденный бывший пленный, а как солдат действующей армии. Как он мне рассказывал, после его освобождения из плена офицер НКВД сказал ему: "Тебе два раза повезло: тебя не расстреляли немцы и тебя не расстреляли вот сейчас наши". И он считал, что ему очень в жизни повезло, прямо вот, такое счастье ему выпало.

А.Ф. Андреев. Институт физических проблем
им. П.Л. Капины РАН, РФ

© А.Ф. Андреев
2010

Кантата к 70-летию академика А.С. Боровика-Романова. Оп. 30. 1990 г. 1. Первый лист из текста Кантаты в честь А.С.Боровика. 2. Публикация к научной сессии Отделения физических наук РАН, посвященной 90-летию со дня рождения Андрея Боровика-Романова.

Тот же опус 30. 1. Сводный хор ППФ и ИФП исполняет кантату в честь Андрея Боровика. 2. Андрей, Татьяна и их внучка слушают выступление. 3 и 4. Друзья Андрея, члены Филармонии в зрительном зале (на фото 4 справа – Алеша, сын Андрея и Тани). 5. Юбиляр, Рабочий сцены ППФ, доволен жизнью.

Тот же опус 30. 1. Филармония в гостеприимном доме Андрея и Тани. 2. В этом доме еще раз встретились с Сергеем Капицей. 3. Андрей и Таня в поездке на катере с филармонией по реке Сухони от Вологды до Великого Устюга (сзади сидит М. Иванов). 4. Шуточная памятная купюра с затылком юбиляра.

Тот же опус 30. 1–3. Тanya и Андрей очень уважаемы в Филармонии за ум, мягкость, доброжелательность и простоту. 4, 5. Они оба часто охотно участвовали в летних прогулках членов Филармонии в близком Подмоскowie.

Соло: *...Каждый младший стремится в завлабы,
Каждый старший в директора!
По амбиции — суицие бабы.
Всех на пенсию выгнать пора!
«Можете быть директорами в других институтах!»*

Хор всегда бодро и радостно отвечает:

Стоим готовые к употреблению... и т.д.

8-я часть кантаты — «Среды». По средам проводился знаменитый теоретический семинар П.Л. Капицы. На этот семинар в качестве докладчиков приглашались не только физики, но и представители других научных дисциплин. Примечательно, что в середине 50-х гг. здесь был сделан доклад Тимофеевым-Ресовским об открытии ДНК и о полной научной несостоятельности бредовых идей Лысенко, тогда еще находившегося в фаворе у хрущевской верхушки.

В зале заседаний на сцене стоял большой стол, а на нем лежал знаменитый «молоток», привезенный из Кембриджа и возвещавший о начале и конце заседаний.

Текст к этой части (и частично следующей) был написан талантливым физиком и поэтом М.Л. Левиным (на мелодию «В двенадцать часов по ночам...»).

Мужской хор: *По средам в осьмнадцать часов
Садится на сцене Капица,
На нем украинская свитка
Иль скромный ковбойский наряд.
По средам в осьмнадцать часов
Берет он большой молоток
И смотрит под ноги в тот ряд,
Где маршалы теоротдела...*

Другое дело докладчики, им доставалось не легко:

*...По средам в осьмнадцать часов
Выходит на сцену докладчик,
Он бел, как в руке его мел,
И дрожь выбивают колени.
По средам в осьмнадцать часов! (2 раза)*

Часть 9-я — «Прогнозы» исполнялась с использованием очень популярной в те годы мелодии, неизменно сопровождавшей прогноз погоды по одному из каналов TV.

На фоне части 4-й, где упоминалось, что Институт строили на окраине города, но сейчас в нашем тексте отмечается другое (мелодия по песне «Москва надвинулась стеною...»).

Соло: *Когда создали институт,
Он был за городской чертой
Мегалополисы растут —
Москва надвинулась стеной.
Век полагали жить в глуши,
Прогноз ни к черту не годится.
Кондуктор объявить спешит:
«Домобувь» — бывшая «Капица».*

Хор: *Прогнозы, прогнозы,
То радость, то слезы,
То снег, то дожди,
Но только точности не жди.*

Соло: *Все это так, но дело в том:
Мы за чертой столицы древней,
А все, что выросло потом,
Считается большой деревней.*

Тут же с достоинством подчеркивается, что Капица — страж науки:

*Чего б ни строил Моссовет,
У нас научная граница,
И не пройдет ученый бред
Там, где таможенник Капица.
Земле грозит второй потоп —
Лавина разных публикаций.
По экспоненте лезет в лоб
Напор научных информации.
Не сможет даже наш народ
В них без поллитры разобраться.
А Лифшиц, как на грех, не пьет —
Конец трагический нас ждет.*

(Е.М. Лившиц редактировал в ИФП журнал экспериментальной и теоретической физики (ЖЭТФ).)

Вся эта часть кантаты оттенялась комическим рефреном о глубокой неточности и относительности любых прогнозов.

Женщины: *Прогнозы, прогнозы,
То взрыв, то угрозы,
То хлад, то жара,*

Хор: *Все равно кричим: «Ура!»*

«Финал» кантаты построен на мелодии бодрого марша физкультурников, который у нас уже звучал в спектакле «Спорт, спорт, спорт!».

Хор: *Сердца молодеют, их ласково греют
Улыбки любимых вождей...*

И сразу же переадресовка:

*А нами пропета «Многая лета»
Капице в его юбилей!
Без околичностей и культа личности
Его мы славим за свершенные дела...
...Лишь немногие единицы
Столь же тверды, как Петр Капица.
Ему хвалу поет
Весь наш академический народ!
Народ! Народ!*

Здесь обыграно и имя Петр, что, как известно, камень.

Вся объединенная капелла под звуки марша проходит гуськом мимо первого ряда, каждый пожимает руку юбиляру и вручает по розе Анне Алексеевне.

Через несколько дней Андрей Боровик-Романов принес в кабинет Капицы экземпляры нашего опуса («текстуру»). Кантата Петру Леонидовичу понравилась, он расспросил о членах Подмосковной Филармонии и после этого поставил свой автограф на текстах кантаты. Это была форма благодарности нам от Великого ученого пусть и за не очень совершенное «Слово о нем». Через пять лет (в 1979 г.) он был удостоен Нобелевской премии. А в 1984 г. Петра Леонидовича не стало.

Подмосковная Филармония вместе с сотнями других почитателей проводила его в последний путь. Прощальное слово сказал о нем А.С. Боровик-Романов.

С Анной Алексеевной мы еще не раз встречались на вечерах памяти Петра Леонидовича в его доме-музее.

ТОРЖЕСТВЕННАЯ КАНТАТА К 70-ЛЕТИЮ А.С. БОРОВИКА-РОМАНОВА. 1990 г.

Вторая наша большая кантата была посвящена 70-летию Андрея Станиславовича Боровика-Романова. Она исполнялась на той же сцене зала заседаний Института физпроблем и тем же составом — Приакадемической Филармонией, усиленной институтскими «голосами». Даже в одеяниях хора белые воротники и академические шапочки использовались из прошлого реквизита. В этот раз организаторы еще приготовили памятные значки с краткими резолюциями и росписью юбиляра, а также сувенирные однодолларовые купюры с его же портретом (затылком) — намек на появившуюся свободу «чэйнджа» валюты.

Все этапы его жизненного пути мы постарались, насколько возможно, отразить в тексте этого опуса.

Залу было торжественно объявлено нашим меццо — Адой:
Величальная Кантата к 70-летию А.С.Боровика-Романова.
В восьми частях с прологом и финалом.

Исполняет — Объединенный хор солистов Приакадемической Филармонии и Института физических проблем.

Все тот же дирижер — М. Хайкин, концертмейстер — И. Голямина.
Москва, 1990 г.

Пролог не был длинным. Тут все было ясно.

Хор: *Ой ты, поле, научное поле!*
Кто сумеет тебя прошагать,
Кто достигнет успехов, тем боле,
Наградит того Родина-мать.

Голоса: *Кто в науку проник и законы постиг?..*
На вопрос отвечайте, ребята!

Хор: *В этом деле велик*
Наш Андрей Боровик!
Мы ему посвящаем Кантату!
Кантату! Кантату! Кантату!..

В части 1-й авторы пытались охватить «**Детство. Отрочество. Юность**» юбиляра. (Мелодия «Тучи над городом встали».)

С самого начала были лаконично определены социальное происхождение юбиляра и даже характерный штришок ленинградской лексики.

Соло: *Кто он? Вопрос не банальный!*
Он социально рожден
Меж молотом и наковальней,
Как истинный гегемон.
Отрок он из Ленинграда
(Вставочкой ручку он звал).
За прилежанье в награду
Аж в Физпроблемы попал!

Хор (Мелодия «Шар голубой...».):
Далека ты, путь-дорога в Академию наук.
Прежде шишек набьешь очень много,
Чем войдешь в приличный круг...

Однако он прошел все-все ступени к ученому Олимпу, а в 1972 г. А.С. Боровик-Романов стал действительным членом РАН.

Вторая часть кантаты «**Пробирная Палатка**» посвящена значимому эпизоду в жизни Андрея. В этой части показаны и проявленная к нему крутость властей, и та «удачливость» самого Андрея, о которой он сам говорил.

Баритон (соло на мелодию песни «Война нас гнула и качала»):

*Начальство недреманно бдело,
Следя за кадров чистотой.
«Ему нет в Физпроблемах дела!» —
Решеньем Первого отдела
Он изгнан быстро и умело...*

Хор: — *Собирай вещички, дорогой!*

Соло: *Всегда крута начальства хватка...
Вослед Козьме Пруткову он
Пошел в Пробирную Палатку,
Ушел в науку без оглядки
И разработал там, ребятки,*

Хор: *Национальный Эталон!*

Соло: *Настали новые порядки,
И циркуляр пришел другой...*

Хор: *Прощай Пробирная Палатка! (3 раза)
Марш в Физпроблемы, дорогой!*

Самой заковыристой оказалась **3-я часть кантаты «Научный обзор!»**. В ней была сделана попытка поистине «объять необъятное» — хотя бы перечислить направления научных трудов юбиляра. (Да еще зарифмовав это, «положив» на музыку куплетов из «Летучей мыши» Штрауса и добавив несколько выражений из современного молодежно-научного жаргона вперемешку с англискими словечками.) Научной точности никто тут не ждал и не требовал, но в зале то и дело возникал смех. А это ли не награда «певцам». Приведем примеры из текста, сделав небольшие сокращения.

Бас: *Возник он с метрологией
Низкотемпературною,
С прецизионной логикой
Хильнул в среду натурную.
Он проявил характер здесь,
Просек эффект в конкретике —
Стэтистикэл мэгнетик вэлз
Антиферромагнетиков. (Припев)
А ферровозбуждение
Зон магнитоскопических
Тусуется с рассеяньем
Структуры динамической.
Эт ласт! Сверхтока смысл раскрыт!
И с милли-Кельвином: О-кей!
А сверхтекучесть Гелий-3 —
«Вооце, Азохен вэй!»*

Хор трижды прерывает куплеты припевами, выражающими, якобы от лица публики, восхищение научными подвигами Боровика.

Хор: *Неужели, в самом деле,
Как мы это проглядели.
Новых он идей творец!
Право слово, молодец!*

В части 4-й — «Организатор науки» — воздается дань тому факту сколь достойно чувствует себя Андрей Станиславович, находясь в директорском кресле ИФП (мелодия «Качели»).

Тенор: *Руководящее кресло —
Это не сахар и мед.
Руководящее кресло
Прочно не всякий займет!*

Женский хор: *Снизу его донимают
Дерзким брожением умов.
Молниями ударяет
Гнев предержавших верхов.
Следовал он за Капицей,
Выбравши нравственный путь,
И от священных традиций
Не отступился ничуть.*

и т. д.

Части 5-я и 6-я освещают важную роль, которую играл академик Боровик в противостоянии «паранаукам» и всяким проходимцам, их проповедующим. Песнь («Магнитную пустили воду») мы перенесли в эту часть кантаты из одного из предшествующих опусов как пример легких псевдонаучных претензий на открытие чудодейственных свойств магнитной воды: на урожайность свеклы, прочность цемента, октановость бензина и т.д., наконец, на омоложение постаревших организмов. Мелодия шуточной песенки «А наутро она уж улыбалась».

Хор: *Магнитную пустили воду
На свекловичные поля.
В бензин ее долили с ходу,
В цементный чан... И вуаля!..
И вот минула только ночь,
Сомненья и тревоги — прочь!
А наутро вода уже сказалась:
Сахаристость прибавилась в свекле,
И октановость бензина повышалась,
И цемент стал самым прочным на земле.*

(Особенно хорошо зритель принимал вторую часть этого текста.)

*Ферромагнетик нацепила
Старушка на водопровод,
А после в ванну погрузилась —
С волнением результата ждет...
И как рукою снял магнит
Мигрени и радикулит...
А наутро вода уже сказалась —
Молодая взыграла в ней кровь...
И вся улица за нею увивалась,
И просила ответить на любовь.*

Часть 6-я напрямую так и называется — «**Блюститель чистоты**».
С первых слов определена постановка задачи со стороны «верхов».

Дуэт (мелодия «Тарантелла»):

*Остро и принципиально,
Как и водится всегда,
Орган спросил центральный:
«Есть магнитная вода?»
«Или это эпохально,
Или это ерунда?»*

Хор: *Боровик уполномочен
Надлежащий дать ответ —
Для народного хозяйства
Будет польза или вред.*

Далее здесь продолжены примеры экстрасенсорного бреда известных прежде «двигателей» подобных идей, которые высвечиваются иногда и сейчас.

Трио: *Клоны Розы Кулешиовой —
Ясновидец череда —
Видят пальцами и кожей,
Даже задом иногда.
И Чумак, и Каипировский
Экстрасенсы хоть куда.
Или это эпохально?
Или это ерунда?*

Хор: *Не взять на шермака Боровика,
Мы к ясности идем с Боровиком,
Душою не кривит — наш Боровик,
Приветствия в строку — Боровику!..*

Наконец, 7 — 8-я части «Между Сциллой и Харибдой» отражает реальную обстановку в стране между несколькими неясно определяемыми силами (мелодия «Колокола»).

Хор: *Диги-диги-диги-диги-диги дон!...*
Над землей несется, эхом отдается...
Диги-диги-диги-диги-диги-дон!...
Над землей несется перестройки звон.
Правые и левые, шумный перезвон! Диги-диги-дон!
Если государство будет правовое,
То в научном царстве кончатся разбои.
Процветет наука — голубой наши сон! Диги-диги-дон!
В благородной школе Боровик взращен!
Диги-диги-диги-диги-диги-диги-дон!!

В финале под наименованием «О дуализме двух начал» поднимается коренной вопрос нашего бытия и сознания, а также определяется позиция Боровика в этой двойственности начал: материализма и идеализма. Несмотря на философскую значимость этого текста, он исполняется на бодрую маршевую мелодию А. Петрова из фильма «Жестокий романс».

Женщины: *Науке Боровик всегда служить привык.*
И этим началом достоин и велик.
Растит он молодежь — и этим он хорош.
Халтура в науке — ему как вострый нож!
Сердечный человек, любитель гор и рек,
Искусством изящным отнюдь не пренебрег!
И вся его семья, и все его друзья
Его моральным обликом довольны донельзя!

Мужчины: *Материальное начало*
Боровика не подчинило и не смяло.
Его вело и постоянно окрыляло
Разумное и человеческое начало!
(А также и семейное начало.
Оно от бед Боровика оберегало!)

Женщины: *В Татьяне он найдет опору и оплот,*
И с нею по жизни уверенно идет.
Лишь тот интеллигент,
Кто в счастливый момент
Находит в подруге себе эквивалент!

Кантата завершается «Величальной» в адрес Андрея Станиславовича и его жены Татьяны Петровны.

Хор:

*Татьяна и Андрей,
В ваш славный юбилей
Примите приветы
От близких вам людей,
От искренних друзей,
Татьяна и Андрей,
Мы все вам желаем
Счастливых много дней!*

После завершения кантаты начались личные поздравления героев праздника. Причем юбиляра приветствовали в двух лицах. На сцене возник двойник — силуэт, вырезанный с его увеличенной фотографии в полный рост. Поздравляя Андрея Станиславовича, все приветствовали и выражали добрые пожелания ему, а также и его супруге. И она, безусловно, этого заслуживала.

ГЛАВА 8.

ЛЮДИ ФИЛАРМОНИИ

*Когда-нибудь, когда не станет нас,
точнее — после нас, на нашем месте
возникнет тоже что-нибудь такое,
чему любой, кто знал нас, ужаснется.
Но знавших нас не будет слишком много.*

Иосиф Бродский. «Остановка в пустыне»

Рассказы о людях, объединившихся в Филармонии, хочется предварить каким-то обобщением — почему нас так потянуло друг к другу при всей индивидуальности каждого. Очевидно, большинству из нас тем или иным путем была привита любовь к культуре — музыке, опере, театру, выбору чтения, изобразительному искусству. И обязательно — к природе.

А двойственному мышлению «в нашем прекрасном и яростном мире» научила сама жизнь. Что можно говорить дома и что — вне дома, как читать газету между строк, не всем доверять (или никому не доверять) и т.п. Знали, что нарушение этих табу грозит бедами. Некоторые — жили без родителей, которых потом через многие годы «посмертно реабилитировали». От такого двоедушия не могла защитить никакая семья. А семей, истинно верящих в «официальную доктрину», что-то не наблюдалось.

Поэтому и притягивала среда, в которой можно было говорить не показанному. Была и опаска — нет ли рядом стукача, однако Бог миловал. Кроме этой небольшой свободы еще сказывались и наша молодость, и общие путешествия, сидение у костра с песнями, кое-какие занятия спортом. Вероятно, были и какие-нибудь личные, но и лично скрываемые, симпатии.

Члены Филармонии не были диссидентами, но могли попасть под репрессивный каблук «запросто». Почему уцелели, объяснить трудно. Возможно, пока мы сближались, «притирались» друг к другу, успел умереть Сталин. Появилась хрущевская «оттепель», сменившаяся вскоре заморозками. В спектаклях мы, высмеивая благоглупости окружающей жизни, старались прикрывать острые углы тонкой пленкой эзоповского языка. Главным, сохранившим нас обстоятельством, думается, было участие в содружестве большого числа значительных физиков, изъятие которых откладывали на подальше. Мы почти не вылезали на официальную сцену, имели свой круг зрителей.

Все эти объяснения предположительны. Они не очень могли бы защитить нас, если бы «органы» захотели дать ход делу. А «Дело» у них наверняка имелось, было бы «Решение».

Ну, а потом с приходом «перестройки» ситуация потеряла свою напряженность. Пронесло! Есть относящееся к подобной ситуации изречение Марка Твена:

«Бог хранит дураков и детей, говорит поговорка. Это суцая правда. Я это знаю, потому что проверил на себе».

ОСНОВНОЙ СОСТАВ. СОЛИСТЫ. ОСНОВАТЕЛИ

Из-за длинноты списка всех участников Филармонии мы вынуждены были разделить их число на три условные группы: **1. Основной состав. Солисты. Основатели; 2. Группа поддержки. Зрители. Соучастники. 3. Просветители. Специалисты искусств.**

К условно **основному составу** ППФ мы отнесли тех, кто непосредственно и постоянно выходил на сцену в наших спектаклях или впрямую участвовал в постановках.

(1) АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АБРИКОСОВ (1928 г. р.)

Алеша — это один из первых «основателей» Подмосковной Филармонии. Он с энтузиазмом принял идею «придумать и поставить» нашими силами оперу. Являясь яркой личностью, он смог собрать вокруг себя друзей-физиков (Боровиков, Хайкиных, Славатинских, Гайдуковых), друзей молодости — Варлена, Олевских... Очевидно, он и предложил Леонтовичам поставить у них нашу оперу (тем более что на этой даче в Абрамцево было пианино). Так и произошло, когда наша (на первых порах — бесхитростная) опера «Академщина» была вынесена в 1962 г. на суд зрителей, о чем уже было сказано, в доме Леонтовичей.

Мы в те времена встречали Новый год на даче Алеши и его жены Татьяны. Алеша же решительно исполнил в опере «партию» Молодого ученого, что годилось ему и по возрасту, и по вкусу.

Алеша принадлежал к академической и одновременно к московской купеческой династиям. Его отец академик Алексей Иванович Абрикосов был выдающимся патологоанатомом, вице-президентом Академии медицинских наук. К постоянному труду Алешу приучали с детства — мать Фаина Давидовна не разрешала ложиться спать, пока досконально не выучены все уроки. Постоянная напряженная работа мысли стала потребностью Алеши, превратила его в «трудоголика», что в сочетании с талантом позволило ему завоевать мировое имя в такой сложнейшей науке, как современная физика.

Ко времени образования Филармонии он, работая в Институте физпроблем, уже был известным физиком-теоретиком. Как один из первых

учеников Л.Д.Ландау успешно в 27 лет защитил диссертацию и стал чуть ли не самым молодым доктором физ.-мат. наук в стране. В группе Ландау он участвовал в решении проблем физики твердого тела, сверхпроводимости и в других сферах.

В свободное от науки время занимался спортом — альпинизмом, горным туризмом, вместе с Филармонией пристрастился к байдарке, ходил на лыжах, в том числе, на горных. Он и Таня имели и водили автомобиль — «Москвич», что не для всех нас еще тогда было доступным.

Алексей — темпераментный, эрудированный человек активно участвовал с другими членами нашего общества в далеких путешествиях. Сам организовывал некоторые серьезные походы — на Кавказ, на Памир. Побывал на Алтае, в Саянах, на Камчатке и даже поднимался на Килиманджаро. При такой широте интересов игра в Филармонию была ему по вкусу. Он участвовал в придумывании сюжетов спектаклей, подборе мелодий. Пел тенорком, обладал тонким слухом, хорошо держался на сцене. Играл в ролях Молодого доктора, рвущегося стать директором; претендента на академическое кресло Гнейсия в спектакле «Афинея»; ученого-карьериста «в бегах» Селифана в цыганской драме «Калеко».

На абрамцевской даче Абрикосовых несколько лет жил Зиновий Гердт.

Посмотрев одно из наших выступлений, он с позиций профессионала сказал Алексею, как артисту-любителю:

«Алеши, когда Вас отовсюду выгонят, приходите к нам в Московецерт — в вас есть такая актерская бесстыжесть».

В те, для нас молодые годы наше стихотворчество обычно выливалось в подшучивание по поводу каких-нибудь казусов, случавшихся в походах. Вспоминается куплет из нашей «Латерны — магики» о том, как у Алеши с Татьяной не получилось взлезть на Казбек:

*«Берегись! — грозил Казбеку
Абрикосов — хват.—
Строишь козни человеку
Ты напрасно, брат!
Мы бы славно погуляли
По твоим бокам,
Много б фото наснимали...
Да кишка тонка!»*

И на Памире был любопытный случай:

*Поднялись на перевал, перевал,
Где никто и не бывал, не бывал.
Таниадой нарекли,
А спуститься не могли. Вот скандал!*

Там же на высоте 3500 м Таня и Ада не смогли сварить макароны. Вода-то кипела (!) при 70 градусах. Ели, отрывая куски от комка слип-

«В 1968 году возникла идея очередной Бакурианский симпозиум по физике низких температур провести совместно с французами, как советско-французский»... <О женитьбе Алеши на Анни> «соблюдалась по понятным причинам достаточно тонкая конспирация. (Примечание автора — И.М. Любые изменения в семейном положении, а тем более разводы выезжающих за границу должны были отражаться в анкетах и райкомовских характеристиках.) И я узнал об этом от Абрикосова лишь по приезде в Париж. Возникла сложная ситуация, так как Алеша собрался оформлять брак с Анни в парижской мэрии, для чего должен был задержаться во Франции на месяц. Такая задержка члена-корреспондента АН по строгим правилам того времени была эквивалентна взрыву бомбы небольшой мощности.

В конце концов, удалось найти компромиссное решение — наше посольство в Париже согласилось выдать Анни въездную визу в Советский Союз. К удивлению других, несведущих сотрудников таким образом состав нашей делегации увеличился еще на одного человека».

При таком повороте дел Филармония лишилась одного из своих основателей. В последующих спектаклях Алеша уже не участвовал.

Далее мы с ним обычно встречались случайно, в разных местах, коротко разговаривали. Однажды виделись дома (у Богдана — Ады), когда отмечали с приехавшими из Ленинграда друзьями какую-то годовщину восхождения группы из СССР на Килиманджаро, а также на праздновании в ИФП 70-летия Андрея Боровика.

Неповиновение властям отразилось на карьере Алексея: он на долгое время стал «невъездным», и это же задерживало его избрание в действительные члены АН. В конце 80-х гг. он стал директором Института высоких давлений в г. Троицке.

В конце 1990-х годов Алеша совершил еще один решительный поступок — выехал в США, приняв американское гражданство, где стал заведующим теоретическим отделом в Аргонской национальной лаборатории. С ним там виделись наши друзья, ездившие в Штаты. Иногда с Алешей продолжается e-mail переписка, он жалуется на временные ухудшения здоровья, но продолжает работать. За его работы, опирающиеся на прочный фундамент еще прежних российских исследований, в 2003 г. ему была присуждена Нобелевская премия. Мы его поздравили — он ответил, поблагодарил. Когда в 2004 году готовился телефильм об Алеше, как о нобелевском лауреате, члены Филармонии давали личные (походные и другие) материалы. Посмотрев фильм, он с присущим ему юмором сказал, перефразировав Маяковского: «Я — физик, тем и интересен».

(2) ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА АБРИКОСОВА (1928 г.р.)

Таня — наша легендарная Лапушка, Эскулапушка. Красивая, умная, разговорчивая, а интересных воспоминаний у нее достаточно. Ее отец был одним из ранних пролетарских писателей — Николай Ляшко — автор книжки «Сладкая каторга» о несладкой жизни рабочих на конфетной фабрике, которая в те поры принадлежала династии купцов Абрикосовых. Может, потому по примеру родной семьи и семьи Абрикосовых Таня сперва поступила и успела закончить филологический факультет МГУ, а потом решила стать врачом и получила диплом Медицинского института. В 70-х гг. работала в педиатрической клинике Домбровской. Последние 20 лет и до сего времени — в Институте фтизиатрии.

Но свой решительный характер она проявила уже в 15 лет, когда летом в 1944 г. сбежала из дома на фронт. Доехала поездом до Смоленска, Лиозно. Прочитируем ее саму: *«Я была поставлена на довольствие, получила обмундирование, начала работать вольноопределяющейся в интендантской части 3-го Белорусского фронта в период начала наступления наших войск в направлении Витебск — Орша...»* В конце года по запросу родителей ее вернули домой.

Большое значение в жизни Татьяны имел ее дядя со стороны матери Владимир Александрович Жданов и его жена Эвелина Ефимовна. Оба — выдающиеся филологи — толковеды, исследователи текстов Л.Н.Толстого и участники издания его Полного собрания сочинений. «Дядюшка и тетюшка» отличались высшей степенью порядочности. В числе других в круг их друзей входили Игорь и Святослав Белза, хранитель Ясной Поляны Пунин и другие достойные люди.

Татьяна была близка семье замечательного литератора Виктора Борисовича Шкловского. С его дочерью Варюшей Таню связывала дружба с малых лет. Такая же тесная дружба связала ее с мужем Варюши, известным поэтом Николаем Панченко. Близкими людьми для Татьяны были жившие в Тарусе супруги Оттены, а также Надежда Яковлевна Мандельштам.

Татьяна практически является домашним доктором Филармонии, лечит наши и тело, и душу. Особенно это важно в дальних походах, где всякое может случиться и случалось. В Саянах она дважды зашивала в походных условиях раны: и Гайдукову — простреленный палец на ноге, и порванному медведем студенту из группы ленинградцев. Она же взяла в лубок сломанную ногу Виктора Олевского, упавшего в камнях на г. Пайер на Полярном Урале. У нее всегда можно получить добрый совет, и не только медицинский.

Она участвовала на равных во многих филармонических дальних походах, а также и во всех весенних байдарочных. Еще у Филармонии есть изречение, что с «Татьяной не соскучишься». Она почему-то чаще

других, попадая в нелепые, порой опасные ситуации, невзгоды, сама же первая смеется над собственными злключениями.

Перейдем к главному, серьезному: Татьяна и Филармония. Подвластная какой-то необъяснимой застенчивости, только раз выходила на нашу сцену. Однако очень много делала для создания каждого нового спектакля. Обычно на ее территории всегда собирались для творчества два автора первоначального текста нового опуса (по-студенчески и в творческих кругах это называется «рыба»). Она же участвовала в первых чтениях, выражала одобрение либо пресекала какие-нибудь тривиальные ходы. Таня была нашим «первопечатником» — сразу же печатала несколько экземпляров текстуры, над которыми уже потом велась коллективная работа на репетициях.

Цитируем свидетельство очевидца, Гали Подейко:

«...Тут Татьяна была совершенно необходима. Слушая обсуждение нового опуса, она, как врач, ставила пьесе правильный диагноз, а, как литератор, охотно помогала улучшить стиль и содержание».

За свои замечательные человеческие качества Таня всегда получала много поздравительных стихотворных подношений. Приведем одно из них.

*И в наши дни сомнений и невзгод
Одно мне щит, спасенье и отрада:
Татьяны доброта и мудрость взгляда,
Инвариантные от политических невзгод...
Увы! — Таинственный терзает недуг
Иль вас самих, иль ваших деток,
Татьяна помощь для людей
Доброжелательно несет:
«Пей аспиричик, пропотей...
И все пройдет!»
Но ежели недуг душевный
На вас свалится невзначай —
Не знаю женщины душевней...
И эффективнее врача!
Войдет Татьяна в положенье,
Поймет, простит и разберет,
Уму даст пищу, сердцу исцеленье,
Слегка при этом «отдерет»,
Но только с полным уваженьем,
Как справедливости оплот!
Не чуждо человеческое ей:
Ошибки, промахи — их исчислять не смею...
Она живет Богиней средь людей,
И я пред ней благоговею!*

(В.К.)

Таня вырастила сына Леху. (Он — еще один Алексей Алексеевич в плееде Абрикосовых.) К нему прилипла ласкательная кличка «наш мальчик», и он числится первым «дитем» Филармонии. Выучился на физика, стал кандидатом наук.

Приводим выдержку из послания Лехе к его 40-летию.

*Я от лица Филармонии всей
И от себя самолично
Хочу передать любовь друзей —
Ненавязчиво и тактично.
Из мальчика Лехи — ты стал бородат,
Ты имя снискал в науках,
Остепенился, читаешь студентам физмат,
А Таню тешат два внука... (В.К.)*

Леха имеет двух сыновей, прекрасных юношей, которые, в свою очередь, династически, тоже тянутся к физике. Татьяна радуется своим внукам.

Таня ввела традицию — отмечать в ее доме ежегодно День Татьяны. Благо, дам с этим пушкинским именем в Филармонии много. Гостям всегда обеспечен вкусный стол... Пользуется успехом грибной суп и «Лимоночка», изготовляемые хозяйкой по собственному рецепту.

(3) ВАРЛЕН ВИКТОРОВИЧ КОЛБАНОВСКИЙ (1926 г.р.)

Варлен — один из столпов-основателей Подмосковной Приакадемической... Родился в Москве в семье философа и психолога профессора В.Н. Колбановского. Варлен окончил Московскую опытно-показательную школу им. Лепешинского, где были превосходные учителя и хорошие друзья в классе. Ребята были хорошо испытаны жизнью — у половины из них родителей репрессировали в 37-м году (наркомов, военачальников и т.д.). Дружба с одноклассниками поддерживается до сих пор, подобно пушкинской лицейской традиции.

В 1941 г. Варлен был эвакуирован с матерью в Казань. Там встретился в школе и сел за одну парту с Алешей Абрикосовым. Варлену было 16 лет, а Алеше — 14 (как вундеркинд Алеша экстерном перескочил два класса и в 15 лет стал студентом). Дружба Варлена и Алеши продолжалась по возвращении в Москву и длилась десятки лет.

После окончания школы Варлен один год учился на историко-филологическом факультете Казанского университета, затем на философских факультетах Ленинградского и Московского университетов, получив разностороннюю гуманитарную подготовку. В 1951 г. поступил в аспирантуру Института философии АН СССР.

В 1954 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию, но из-за 5-го

пункта анкеты смог заняться только преподавательской или редакционной, а не научной творческой работой. Только в 60-м году он становится младшим научным сотрудником в Институте философии АН в секторе «новых форм труда и быта».

Само название сектора было завуалированным обозначением «социологии», которой предстояло еще прорываться из этой вуали. Суть дела в том, что в советский период «единственно научной социологией» был объявлен и канонизирован исторический материализм. Требовалось восхвалять социалистическую действительность, а не подвергать ее объективному анализу, или — упаси Боже! — обоснованной на фактах критике. Но именно в начале 60-х гг. в Москве, Ленинграде, Новосибирске возникают первые социологические центры, которые, отвергнув казенные догмы, начинают, используя международные методики и техники, исследовать труд, досуг, образование, общественное мнение и т.д. Варлен оказался в первой когорте, которая возрождала научную социологию в нашей стране, восстанавливала ее связь с дореволюционной наукой и контакты с мировым социологическим сообществом. Об этом им подробно рассказано в эссе «К истории постсталинской социологии», опубликованном в книге «Российская социология 60-х гг.» (СПб., 1999).

Основные концепции разработок в области «гражданственной» социологии, опубликованные Варленом в статье «Гражданственность и глобальная социология» (журнал «Социологические исследования», №3, 2010), видны из прилагаемых отрывков из этой публикации.

Варлен вместе с Алешей и Татьяной еще в «дофилармонические» времена образовали дружный кружок с общими походами на Кавказ, на театральные премьеры и вернисажи. Хорошо подкованный в философии и политике, Варлен в этих сферах был для друзей оракулом, поэтому за ним утвердилось дружеское прозвище Комиссар. И для младшей поросли Филармонии Варлен послужил наставником и консультантом при подготовке к экзаменам по философии, диамату и истмату.

Постоянно общаясь с такими влюбленными в горы и прошедшими альпинистскую подготовку друзьями, как Алеша и Виктор, а в дальнейшем с увлеченными туризмом Богданом и Юрой, Варлен просто не мог остаться в стороне от туристских походов. Вначале это были походы по долинам и перевалам Кавказа под руководством Виктора Олевского, где Комиссар вел идеологическую работу, также балуя друзей песнями, в том числе и собственного сочинения.

Затем с годами район походов расширился, вплоть до Камчатки. Все были молоды, и походные трудности переносились достаточно легко.

Дальше стало потруднее. Принявший в свои руки организацию и руководство походами Юра Гайдуков, сделал их более интересными, но и более сложными. Юра придерживался спартанских методов — в первую очередь, по отношению к себе, но и к другим тоже — с некоторой скидкой. Изменения возраста и здоровья также давали о себе знать,

особенно в походах по северной тайге и тундре. Попытка вникнуть в мироощущение Варлена в походе сделана Мишей Виноградовым в следующем послании:

*Шел по тундре социолог,
Нес рюкзак, как молодой.
Кочки. Ямы. Путь наш долог —
Напоил бы кто водой.
От мошки б меня избавил,
Духоту вокруг убрал,
Сил физических добавил,
Тонус жизненный поднял!
Давит груз, жара без ветра.
Каково, простор любя,
Видеть два квадратных метра
Под ногами у себя?
А друзья идут привычно,
Ни один не отстает.
Но не верится мне лично,
Что никто не устает.
Хорошо бы объективно
Сей исследовать вопрос —
Сделать репрезентативный
Анонимный блиц-опрос...*

В последнем четверостишии содержится подсказка автора стиха, как бы Варлену, применив научную методику, снять усталость у себя и у товарищей.

Филармоническая компания в конце 50-х гг. стала собираться для встречи Нового года на даче Абрикосовых в Абрамцеве. Все были молоды, культурно (и физкультурно) развиты, исполнены юмора и остроты. Однако у Варлена были еще козыри. Он обладал приятным баритоном и писал стихи. Иногда это были длинные поэмы по отдельным событиям, случавшимся в горах или дома. За десятилетия у него накопилось столько поэтических посланий и раздумий, что на один из юбилеев Филармония поднесла ему книгу — Собрание (его) сочинений.

В походах и в городской жизни постепенно был образован кружок из интересных им знакомых и друзей, что уже упоминалось. Так и развивалась Филармония. Первый сценический опус — оперу «Академщина» задумали и набросали ее либретто коллективно: Алеша, Варлен, Богдан и еще Таня и Ада. А к репетициям и «постановке» спектакля был привлечен уже весь «основной состав», да и другие друзья.

При огромном количестве написанных Варленом стихов по любым поводам цитатами «из его трудов» можно иллюстрировать многие тексты настоящего описания. Однако для этого раздела (о нем самом) прихо-

дится использовать то редкое, что писали ему. К восьмидесятилетию его жизненный путь был изложен в эпически-эkleктической трилогии.

*Запев. Обучаясь в МГУ, грыз науки на бегу —
Стал гуманитарным социологом.
И остепенившийся, внешне изменившийся,
(Усики украсили верхнюю губу),
Думал жить, как водится,
Но неладно сходится:
Попал он в Филармонию, на свою беду.*

Все друзья отметили, что Варлен в последние годы проявляет заботу и все большее внимание к жизни наличных членов Филармонии, организует собрания друзей в наши табельные дни, помогает решать жизненные проблемы, кому это требуется. Варлен не только приглашает, но и продумывает, как доехать друзьям, если собрание намечается на даче в Красной Пахре или даже на Валдае.

(4) БОГДАН ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВСКИЙ (1923 г.р.)

Когда вы проезжаете по железной дороге или подъезжаете к аэродрому, или заметите крупный завод, вы всюду увидите огромные, цилиндрические, отсвечивающие алюминием нефтяные баки. В создании небывалой техники их сооружения из гигантских рулонов, сваренных автоматами на заводе, участвовал «со товарищи» Богдан — наш Директор Филармонии, он же и ее основатель.

Филармония гордилась, что у нее такой начальник, удостоенный за новый способ строить резервуары высокой премии в области науки и техники (еще в 1958 г.).

Родился Богдан на Украине, в небольшом городке Новые Прилуки вблизи Житомира в семье сельских учителей. Разумные родители перевезли семью в Киев, чтобы сыновья росли и учились в столице. Отец закончил Консерваторию и работал дирижером симфонических оркестров и хоровых ансамблей. В 30-е годы их семья, как и вся Украина, перенесла голод (хотя в городе это было чуть полегче). В 36-м году случилась беда — отец был репрессирован и погиб. Мать через год, как многих жен репрессированных, выслали в Казахстан на поселение.

Под опекой старшего брата Юры, при скромной помощи небогатой родни двое младших (Богдан и Олег) продолжали учиться в школе.

К началу войны... Вспомните!

«Киев бомбили, нам объявили, что началась война!..»

Так вот, к началу войны Богдан закончил первый курс Киевского строительного института. Из-за близорукости был признан не годным к армии. Непризывную молодежь вывели из Киева колоннами через Днепр

на восток. Потом раздали паспорта и распустили с напутствием — добирайтесь подальше в восточном направлении, там сможете поработать в промышленности. На десятке поездов он добрался в Южный Казахстан к маме и к младшему брату, которого привез туда двумя годами ранее. Старший брат Юра, уже с инженерным дипломом, ушел на фронт.

В шахтерском поселке Ленгеруголь, а потом в Чимкенте Богдан стал работать на стройках техником (десятником) благодаря одному году учебы в строительном институте и общей понятливости в этом деле. Работали шесть дней в неделю по 11 часов, да еще бывали и воскресники. Однако был молод и бодр, хотя все в то время недоедали. В разрушенный Киев вернулись в 44-м, еще до Победы. Восстановился в институте. Летнюю практику совмещал с подработками на стройках.

В 1947 г. стал выпускником. И тут, возможно, «тихий ангел пролетел».

Дальше цитаты из журнала «Монтажные работы в строительстве», №7, 2009 г.:

«...Дипломные проекты [Богдана и его друга] по приглашению Института электросварки, руководимого академиком Е.О. Патеном, выполнялись в этом же институте (ИЭС), они были посвящены реальной задаче — участию в создании... революционного для мировой практики метода строительства резервуаров. ...Руководил — автор новой дерзкой идеи — доктор технических наук Г.В. Раевский.

Новоиспеченные инженеры выехали в г. Куйбышев (Самару). На строящемся заводе участвовали в сооружении опытной установки, на которой был изготовлен первый в мире рулон из стального полотна площадью 800 кв. м [прикиньте, это — десять средних квартир]... Из этого рулона на соседнем нефтезаводе была развернута стенка резервуара объемом 5000 куб. м.

В последующие годы началось строительство промышленных установок, ...велось массовое строительство резервуарных парков в Татарии, Башкирии, Астрахани и других местах. Потом были созданы вместо установок — полностью механизированные станы... Объемы резервуаров увеличились до 50 тысяч куб. м».

Эта техника была столь впечатляюща, что даже проникла в Варленовы стихи:

*Как воплощенье инженерной мысли,
Резервуары над землей повисли —
Индустрии отечественной рать!
И эти серебристые титаны
Материализуют мысль Богдана,
За что тебе хвала и исполать! (В.К.)*

Богдан в 1952 г. был переведен в Москву. Поначалу жил в общежитии. Часто командировался во многие районы страны, где требовалась помощь в освоении нового метода. Получил (раньше так говорили) комнату. Защитил кандидатскую диссертацию.

Много раз выезжал за границу для техпомощи при освоении там новой технологии, а также с докладами на конференциях специалистов. Руководил Рабочей группой «Резервуары» Международной ассоциации IASS.

Работая в институте ВНИИмонтажспецстрой, стал доктором технических наук, около 40 лет был заместителем директора института по научной работе. Опубликовал много статей, пять книг, имеет десятки авторских свидетельств и патентов. Казалось бы, чего еще?..

Однако увлекся Филармонией, участвуя в первых шагах ее становления. Как всякий солидный творческий коллектив Филармония за десятилетия обрастала мифами и легендами.

Вот пример — одна из простейших версий зарождения ППФ, изложенная «очевидцем», Галей Подейко. Цитируем:

«<Богдан>... однажды устроил для дочки кукольный театр. Куклы, высказывающие из-за растянутой простыни, вызывали смех девочки. Он решил так же повеселить своих друзей.

В новогоднюю ночь 1960 года публика была в восторге от кукольного театра. Так зародилась Подмосковная Филармония...»

Незадолго до этого влюбился и женился на Аде. О ней — отдельная песня. Семейная жизнь началась с того, что Ада сразу купила ему лыжи и вовлекла в зимние прогулки. Затем начались походы на Кавказ, где они вошли в круг будущих филармонийцев.

Слегка направляя ход событий в этой интересной, но разнохарактерной компании, Богдан органично получил прозвище Директора. Это он с Алешей и Варленом, с Таней и Адой задумали, написали, а потом с другими смелыми друзьями вынесли на сцену наш первый опус — «оперу». Она была уже упомянута нами в начале этих записок. После этого было создано еще три десятка спектаклей, а продолжительность деятельности ППФ перевалила уже за столетия.

Как и можно было предположить, главные позиции авторства в написании текстур новых спектаклей вскоре захватили... Кто? Конечно, Директор и Комиссар. Истина (в данном случае «рыба»), как всегда, рождалась в спорах. Но после перемалывания текста на мельнице репетиций — все приходило к премьере.

Подобно Комиссару, Директор Богдан захватывал себе роли самых видных лиц: Президента Сахалинской академии, посты Директоров в разных учреждениях, Попечителя богоугодно-научного заведения, Папы Римского и даже — Бога Отца (в «Мистерии»). В других спектаклях он почти всегда подвизался в амплуа бюрократов и начальников, ограниченных, тщеславных, самовлюбленных, хамоватых к «низам» и подобострастным к «верхам» — бездарных и неумелых, но крепко вцепившихся

в руководящее кресло... А чем кончилось? Зрители смеются как над проходимцами, сыгранными Варленом, так и над богдановскими директорами. «В чем дело, товарищи?»

А суть дела в том, что начальников вообще народ не любит. Тем более глуповатых и амбициозных. Россия спокон веку была страной казенно-бюрократической. Об этом писали и это высмеивали Гоголь, Щедрин, Островский, Сухово-Кобылин и незабвенный Козьма Прутков. А командно-административная система довела эту казенницу до абсурда. К тому же в стране в последние времена (перед «перестройкой») особенно пышным цветом расцвело угодничество и славословие в адрес правителей. Многометровые лозунги высились на всех крышах: «Слава КПСС!» и «Ура, дорогому товарищу Леониду Ильичу Брежневу!». Естественно, в Филармонии масштаб не был очень широк, но многое можно разглядеть и в маленьком зеркале. И у нас начальственным лицам — доставалось. А на что сетовать, если они сами (Директор и Комиссар) писали себе эти опасные роли. Не зазнавались бы!..

Подлинный же Богдан Поповский на самом деле далек от высокомерия, внимателен к друзьям (так льстиво написал Варлен). Отмечают еще, что его мягкий украинский юмор способен развеять любую трудную ситуацию и украсить тексты опусов. Для сценической деятельности ППФ особенно ценными оказались два дарования Богдана: его поэтическая жилка и природный артистизм и музыкальность. А петь он мог как басом, так тенором.

Ада и Богдан образовали прекрасный тандем. В семье они вырастили двоих детей, умных и дельных людей в духе Филармонии. Дочку Галю — кандидата архитектуры, сына Юру — архитектора, который сейчас завершил курс еще и в Медицинском институте.

Имеют четырех внуков, которые тоже уже участвуют в походах и вообще в жизни Филармонии.

Богдан с Адой всегда, когда не мешали обстоятельства, ходили во все походы, начиная с Кавказа, и особенно в серьезные Гайдуковские, вплоть до похода в Воркуту в 99-м году. Это был последний серьезный выход в тундру, совершенный группой «семерых смелых» с Юрой (и с участием Ады) на байдарках по реке Воркуте к северным озерам. Первая часть пути против течения была весьма трудной, а возвращение — вниз по течению было не менее сложным из-за завалов реки камнями-валунами. Можно считать это последним героическим взлетом буревестника перед последовавшими за этим бурями и шквалами.

Богдан тешил себя мыслью, что он в походах является «вторым номером», подспорьем Юре в борьбе с трудностями и в пути, и в работе «с коллективом».

Оба, Ада и Богдан, задавали тон в посещениях театров, концертов, выставок и в выездах на экскурсии за рубеж. Совместно ездили в Германию, на Кубу, в Англию, Италию, соцстраны. Оба врозь бывали во Фран-

ции, Испании, Америке. Богдан восходил на Килиманджаро. В последние годы посетил Японию, Индию, Испанию, Мексику, Черногорию, Сербию, Хорватию. Жили полной жизнью.

Так называемые Богдасики в своем доме устраивали приемы друзей, где всегда кроме «вкусной и здоровой пищи» затевалась какая-нибудь развлекательная программа.

Есть много примеров обращений друзей к Богдану по разным поводам. Надеемся, что мудрый читатель сам увидит и опустит избыточность в хвалебности.

*Наш искуснейший Богдан,
Как умелый капитан,
Чередует здесь с успехом
Ряд серьезных дел — с потехой.
Масса разных увлечений —
Путешествий, приключений,
Фотография, кино,
Танцы, музыка, вино...
Но за всякой фотографией
Не забыта демография.
И семья, как полагается,
Ощутимо расширяется. (М. Виноградов)*

*Какое счастье даровал Творец
На перепутьях встречу нас с Богданом,
А для Богдана счастьем постоянным
Явилась встреча с нами, наконец.
И мы слилися в творческом союзе,
Веками мы служили нашей Музе...
В груди не утихает кровь.
Еще до дна не оскудели чувства,
И сокровенное дарует нам Искусство
И жизнь, и слезы, и любовь! (В.К.)*

*Дорогой Богдан Васильич!
Пожелаем мы тебе
Многих лет прекрасно жизни
В нашей дорогой Отчизне!
И поездок за рубеж
По картинным галереям,
По дворцам и по музеям
Походить, все повидать,
Что увидел — рассказать!
(С. Славатинский)*

(5) АДА ЯНОВНА ПОПОВСКАЯ (1926—2001 гг.)

Наша Ада, наше драматическое меццо-сопрано! Одаренная многими высокими качествами, умная, красивая. Душевная и активная личность, располагающая к себе и пользующаяся любовью друзей. Она сыграла большую роль в сближении и сплочении членов Филармонии от первых шагов ее создания, а также и в последующей жизни, в том числе и при подготовке спектаклей и исполнении ведущих партий в них.

Жизненный путь Ады не был прямолинейным. Родилась в Улан-Баторе, столице Монголии. В раннем детстве жила с родителями в Стокгольме. Отец, Ян Мартынович Страздынь, командировался в разные страны как помощник военного атташе. Он был из тех «Латышских стрелков» — самой надежной гвардии Революции — и в 18 лет командовал полком. Как кандидат географических наук преподавал военную географию в Академии РККА им. Фрунзе. Все это не уберегло, а может, и способствовало его аресту в 1940 г. Но через год он чудом вырвался из тюрьмы.

Мать Ады, Екатерина Николаевна, была дворянского происхождения, что долго скрывалось. Только в 90-е годы Ада активно, с большим любопытством разобралась в запутанных генеалогических корнях всех членов семьи, в чем проявила настойчивость и дотошность. Корни дворянского рода Ады были прослежены до князя Друбецкого-Соколицкого по имени Владимир. Одна его фамилия чего стоит и о многом говорит. Охотой с соколами забавлялась только знать. Мать Ады произошла от этого рода по ветви Опочининых. Ада даже нашла в Москве разветвленное семейство этой фамилии. Даже встречались домами. Найдя фото как родственников отца, так и мужа — Богдана, она составила большой памятный альбом с фотографиями людей от конца XIX века. Это говорит о ее деятельном характере и большой целеустремленности. Эту эстафету продолжила Галя — дочь Ады и Богдана.

Благодаря такой смеси генетического материала, лично Ада получила дар пытливости, здравого смысла, стойкости и мудрого взгляда на жизнь. В то же время была деятельным, общительным человеком.

В эвакуации, в Караганде, ходила в школу, но оканчивала ее в Москве. Родители трудились, а Ада была предоставлена сама себе. Рассказывала, что делала уроки на полу в коридоре коммуналки и «консультировалась» с соседкой, подсовывая тетрадки ей под дверь.

За компанию с друзьями поступила и год проучилась в Авиационном институте. Приходилось терпеть воинскую дисциплину. Был случай, когда ее с ружьем поставили на пост во дворе института «охранять» учебный самолет. Пришли люди из obsługi и самолет куда-то укатили. Но Ада пост не бросила — продолжала охранять это место.

Отец скоро разобрался, что к чему, и перевел ее в «мирный» вуз — Плехановский институт (академию) народного хозяйства. Диплом такого вуза позволил Аде занять место старшего товароведа в самом ГУМе.

Затем она перешла работать научным сотрудником в НИИ технической эстетики.

Выйдя замуж за Богдана (в 1954 г.), Ада сумела построить удачную семью. Дочь и сына сумела хорошо воспитать достойными людьми. Благоприятно влияла на рост и воспитание четверых внуков.

И дети, и внуки были заодно и «воспитанниками» Филармонии. Участвовали в подмосковных пеших и байдарочных походах, сплавлялись на плотах. А позже выходили на сцену «на заменах».

Сын Юра выступал с филармониями в нескольких ролях, а также с музыкальными импровизациями на барабанах, бубне и виолончели. Дочь Галя играла в нескольких спектаклях, а также писала симпатичные, с юмором стихи, поддразнивая и своих родителей, и Филармонию в целом:

*Филармонии хор
шел приятно для нас,
А теперь подошел
наш младенческий час.
Вы идете вперед,
не боясь ничего.
Это качество мы
ценим выше всего... Но?!
Кто же сварит нам суп,
кто построит нам плот,
Прожует колбасу
и положит нам в рот?
Мы на шеях у вас
очень крепко сидим
И позиций своих
без борьбы не сдадим.
(Галя Поповская, 1976 г.)*

Галин муж, тоже архитектор, Сережа Дрязжин, не без легкого испуга при первом знакомстве принял Филармонию. Особенно он зауважал Юру Гайдукова за организацию удивительных походов и за то, что тот был охотником. Сергей ходил с ним на плоту по сибирским рекам, часто участвовал в весенних байдарочных походах, а в спектаклях, хотя и не играл, но снимал документально (целиком!) некоторые опусы видеокамерой.

Его собственный охотничий нрав хорошо отразили его друзья, подарив картину, почти по Перову, где Сережа (в трех лицах) сам себе рассказывает охотничьи байки и сам же им верит и не верит!

Внуки Филармонии: Катя — музыкант, окончила Московскую консерваторию, играет на флейте, иногда имела роли и в спектаклях, а Саша — архитектор, играла на барабанах или фигурировала на сцене как «дитя цирка». Лена была примой в школьном театре, прекрасно исполняла

рождественские «колядки», сейчас — менеджер-культуртрегер, работает в Германии. Внук Юрий Юрьевич — учится на инженера, тоже бывал на нашей сцене.

Еще до обременения семейными хлопотами Ада участвовала в туристических походах, лодочных путешествиях, лыжных прогулках. Потом, уже вместе с Богданом и группирующейся филармонической компанией, ходила летом на Кавказ, весной — по подмосковным рекам на байдарках, зимой — на лыжах. Спустя несколько лет участвовала вместе с другими в серьезных походах под водительством Юры Гайдукова: на Саяны и Памир, на Полярный Урал и с Алешей Абрикосовым — на Камчатку, на Сахалин, Курилы и др.

Период после походов, позволял мирно общаться с друзьями, посещать концерты, театры, художественные выставки.

Богдан и Ада под названием Богдасики оказались в числе основателей ППФ. Иногда Аду величали Директрисой. «Пользуясь начальственным положением», они заняли на сцене ведущие места. В амплу Ады с ее красивым меццо входили роли то энергичных дам, то волевой супруги разных начальствующих лиц, то Бандерши в афинском кабаке («Афиня»), или академической жены, увлекающейся гимнастикой, метаньем молота и конным спортом, или же предводительницы племени в эпоху матриархата.

Навсегда запомнились ее глубокие арии (Эдит Пиаф — «Падам! Падам!!»):

*Продам! Продам! Продам!
Поролон, и нейлон, и силон...*

Или наступательное обращение цыганки Груши к мужу-бродяге, вернувшемуся из Африки (спектакль «Калеко»).

*Ко мне вернулся мой голубчик!
Ты где так долго пропадал?..
Иль, может, женищины там лучше,
Иль, может, родину продал?*

Всех потрясала ее скорбная ария Королевы Франции, постоянно замещающей болезного Короля («Три Чемодана»):

*Ах, истомилась, устала я!
Болен Король, я же изволь... и т.д.*

А как Ада чудно объявляла программу, кончая словами: «Дирижер Хайкин!» Это было в лучших традициях консерваторских ведущих.

Так повелось по всей филармонической братии, в каждом доме застолбились свои табельные дни собраний друзей — на дни рождения, юбилеи, бенефисы, торжества по случаю возвращения из походов и т.п.

И в доме Ады с Богданом несколько раз в году происходили такие встречи, всем на радость. Ада заботилась, чтобы всем было удобно, при-

ятно. Она же с Богданом готовили какие-то развлекательные мероприятия — «культурную программу». Показывали свои фильмы, слайды, все пели задушевные туристические песни или же популярно-народные, вроде:

*На речке, на речке, на том бережочке,
Мыла Марусенька белые ноги...*

Иногда повторно ставили понравившийся, подготовленный к новому году спектакль. И рекой лились стихи, поздравления, мессы, юбилейные оратории.

В адрес Ады направлялось особенно много посланий с изъявлениями любви, которой она и заслуживала!

Несколько отрывков из этих посвящений ей мы приведем здесь в напоминание о тех радостных днях, которые мы все прожили с Адой, с ее лучезарной улыбкой. Вот частушки на тему опуса «Подмосковная кадриль», хотя шуточные, но во многом отражают истину. Исполнялись поочередно всем сценическим составом ППФ:

*Такая вся культурная и родилась не дурую.
Знаток она искусства до мелочи любой!
На живопись, на графику, на кинематографику,
Искусство театральное глаз положила свой.
Отличная, тактичная, немного ироничная
И очень энергичная по складу своему,
Активная, красивая, нисколько не спесивая,
Но аристократичная по духу и уму.*

*Такая вся культурная и жизнь проводит бурную,
Десятки крупных образов на сцене создала!
Чтоб быть женой директора, быть надобно эффектною,
Быть надобно корректною... Такие, брат, дела!*

Несли ей стихи и формалисты:

*Ей чужда всякая бравада,
Веселого не сменит лада,
Ей в жизни лучшая награда —
Весеннее цветенье сада.
Завистниц не боится Ада,
Лицо не омрачит досада.*

(И. Ковнер)

Несли и сугубые лирики:

*Давно меня очаровала,
Когда на сцене выступала,
Прекрасно пела и играла
И исполнением блистала...
О, Ада милая, держай.
Желаю впрямь тебе — блистай!*

(С.С.)

Был у Ады верный поклонник, один из столпов Филармонии, не кто иной, как Андрей Боровик, который изливал чувства в прозе: «А я люблю Аду, и этого не скрываю!» Это говорилось столь откровенно и публично, что ни у кого не вызывало чувства ревности. Даже у его супруги.

Будет уместным завершить рассказ о паре — Богдане и Аде стихом, обращенным Варленом к ним обоим, как якобы к «Дирекции ППФ»:

Я вам скажу, Богдан и Ада,
 Подруга давняя и друг,
 Что высшая моя отрада —
 Филармонический наш круг...
 Тобой, Дирекция, тобою
 Был некогда он образован,
 Твоей рачительной рукою
 Ухожен и организован...
 Каб не Богданово упорство.
 Кабы не Ады разуменье...
 Ведь творчество — оно не просто!..
 Союз таланта и терпенья!
 Смогли в одно соединить
 Разнообразные натуры,
 Зажечь сердца и вдохновить...
 Какая надобна культура!
 Какое нужно мастерство
 И интуиция — не так ли?!
 Чтоб стало общим торжеством:
Рожденье Каждого Спектакля!
 (В.К. 03.02.1995 г.)

Очень горьким было прощание с Адой, когда тяжелая болезнь унесла ее в самом начале нового века.

Варленом написаны такие трогательные строки.

Прославим имя Ады — имя той,
 Что небесами венчана с тобой...
 Она ушла в заоблачную высь...
 Взгляни сегодня ты на нас из Вечности
 И по всегдашней по своей добросердечности
 Улыбкою приветной улыбнись!

(6) ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА ПОДЕЙКО (1925 г. р.)

Примадонна — это фигура номер первый в любом театре. И нам очень повезло! Галя — архитектор в строительном отделе ГИАПа (ЦНИИ азотной промышленности). Жена заместителя директора этого института по науке Виктора Олевского. Он тоже один из столпов Филармонии, но все же по рангу — ниже Гали. Примадонна — превыше всех!

Как поется в одной из наших самохвalebных здравниц: «Бог не обидел нас талантом!..» Так вот, для Гали Бог не пожалел своих даров: умна, красива, величава, отлично владеет хорошим сопрано, очень артистична. Она же прекрасный художник, иллюстратор многих наших опусов, а ее

рисунки — ценная часть всего изобразительного архива Филармонии. Радением Гали сохранены многие слайды, сделанные в филармонических походах, а также аудиозаписи нашего давнего пения в застольях и в некоторых спектаклях. Это позволяет нам услышать себя в 50-летней ретроспективе и использовать подобные редкие материалы, в качестве архивных, при разных okazиях, в том числе, в нашем кино.

Кроме того, Галя туристический подвижник — в горах, лесах, на байдарках, на лыжах. Она смело включилась в непростые походы Филармонии по далям и весям страны — Полярный Урал, Тянь-Шань, Памир, Камчатка и далее... Когда появились возможности — стала ездить в экскурсии и в круизы по разным странам мира, а также на теплоходах по Волге, Каме, другим рекам и северным озерам.

У нее есть трогательные рассказы о случавшихся в походах травмах, о голодании в тайге. Еще она отличается благожелательностью к людям, и в то же время — стойким характером. А что бы это была за примадонна без характера.

С началом войны она с мамой и двумя бабушками успели эвакуироваться под Елабугу. Отец был на фронте. Галя в Татарстане окончила 10-летку. По возвращении окончила Московский Архитектурный институт (знаменитый МАРХИ) и была распределена в тот самый ГИАП, как оказалось, «на всю жизнь». Родители Гали работали в том же институте. Отец — как инженер-химик и мама в фотолаборатории. Очевидно, это обстоятельство помогло Гале отбояриться от грозившего ей, как молодому специалисту, принудительного направления в г. Ашхабад и найти свое место и свое счастье в солидном отраслевом институте. В одном из отделов Галя проектировала размещение (по-ихнему, генеральные и ситуационные планы) азотно-туковых заводов на многих площадках по стране и за рубежом, в том числе — в Польше, Румынии, Чехословакии и других странах. Эта работа требовала выезда проектировщика на место будущего строительства. Так что по стране она в командировки наездилась. Однако за границу ее не командировали, как «беспартийную бабу», по воспоминаниям самой Гали даже не бывшую комсомолкой (этому помешала эвакуация).

В институте устраивались концерты звезд того времени. Был и профессионально направляемый хор, в котором Галя с удовольствием пела. А потом она, к нашей удаче, свой красивый голос и полученное в хоре умение принесла на сцену Филармонии. Игре на фортепиано ее «...учили понемногу... и как-нибудь». Мама приглашала к ней преподавательницу, когда Гале было 5 или 6 лет. Ребенок, естественно, сопротивлялся. В результате — умеет с грехом пополам играть по нотам и аккомпанировать.

Как обычно, Галя ходила со всеми на лыжах, в дачной жизни каталась на велосипедах и еще слегка играла «в теннисок» (дошла до II разряда).

Занятие теннисом сыграло великую роль в ее жизни — на корте института встретились прелестная архитектор и перспективный аспирант, будущий зам директора института, и вскоре женились. Оба они оказались в первообразующем ядре Подмосковной Филармонии.

Трудно перечислить все «звездные» роли Примадонны от французской-стажерки и цыганки Земфиры до Интердевочки и Миледи. Галя сама себе шила или создавала костюмы для выступлений. Шить научилась с детства, когда они с мамой жили в коммуналке по соседству с портнихой. Гале всегда доставались лоскуты-обрезки, из которых она шила платья куклам, а иногда ее даже подпускали к машинке.

Многочисленные подношения Примадонне от поэтов Филармонии выпренье прославляют ее таланты и выражают ей свою любовь. Приведем выдержки из этих посланий:

*Венчали Терпсихора с Мельпоменой
хозяйку дома — Галочку мою:
Блистательно она владеет сценой
и применяет кисточку свою.
Музыка, Живопись, Архитектура
слились и воссоединились в ней,
Природой одаренная натура,
она — отрада ближних и друзей. (В.К.)*

*У Галины голос чудный,
дар художника большой,
А характер хоть не трудный,
но немножко не простой.
Дом ведет, ведет мужчину
(это добрый, верный муж).
Славно воспитала сына,
внучка выросла к тому ж.
Много разных интересов
Галя может совместить.
Мир успела весь объездить...
Дом горящий погасить.
А когда гостей попросит —
нас в недогоревший дом,
Ей хвалы друзья возносят
за любовь и шарм притом. (Б.П.)*

Эти и многие другие строки в адрес нашей Гали звучали часто. А вот что сказала в интервью одному из авторов сама Галя:

«Для меня было большим счастьем, что была создана или собрана такая наша Филармония. Я любила выступать и участвовать во всей подготовительной суете. Всегда учила тексты

своих арий наизусть в отличие от некоторых других. Всегда вдумывалась, как лучше донести до любимых зрителей образ по моей роли в спектакле. Единственное, что я не сумела, — это научиться трясти плечами в роли Земфиры в цыганской драме «Калеко»!

В изложении сюжетов наших опусов внимательный читатель наверняка запомнил и выделил роли Примадонны, прирожденной актрисы и обладательницы красивого лирического сопрано.

(7) ВИКТОР МАРКОВИЧ ОЛЕВСКИЙ (1925—2010 гг.)

Виктор — человек, всегда прочно стоявший на ногах, сделавший отличную карьеру ученого и дельного научного руководителя института ГИАП, и блистательную — на сцене Подмосковной Филармонии. Здесь он начинал с незаметного хориста, а увенчал свой творческий путь позициями солиста и в вокале, и в балете, признанного любимца публики. Он сыграл многое: от малых проходных ролей до фигуры Чумазова — Важного лица из Санкт-Петербурга; наглого Рэкетира в спектакле «Дом Орлеанской девы»; колоритного, обижаемого властями за космополитическую фамилию, научного сотрудника Мендельвейченко в Полтавском НИИ и до магната, владельца корпорации «Цирко-Банк-Инвест», выросшего из простого униформиста на мутной волне перестроечной экономики. Конечно, до этих высот Виктор дошел не сразу.

Безмятежная молодая жизнь Виктора в Харькове закончилась в 41-м году, когда он эвакуировался в Уфу с матерью Людмилой Львовной Зеленко — одаренным Богом детским врачом. Затем они уехали в Алма-Ату к отцу — профессору Марку Исаевичу Олевскому, эвакуированному туда вместе с детской клиникой. После войны клиника, где работал отец Вити, была переведена в Москву.

Освобожденный от армии «по зрению», Виктор сдал экзамен в Московский авиационный институт, но вскоре избрал путь химика — перешел на новый, криогенный факультет, организованный в МИХМе П.Л. Капицей (как пересекаются многие судьбы наших друзей с именем этого великого человека!).

Дальше дорога привела его в ГИАП — аспирант, научный сотрудник, защита кандидатской, потом докторской диссертаций.

Затем на долгие годы он — заместитель директора Института по научной работе. Он стал крупной фигурой в отрасли в области производства аммиачных удобрений. «Сразу видно, что этот человек здесь на своем месте!» — красочно рассказывал нам Юра Гайдуков, когда по каким-то делам понаблюдал в кабинете Виктора за его деятельностью. А почему бы — и нет?!

Алексей Алексеевич АБРИКОСОВ (старший), один из сооснователей ППФ. 1,2. Первые встречи состоялись в 1957 г. на Кавказе в горах и на море в Пицунде. 3. Молодые физики-теоретики, доктора физ.-мат. наук А.А. Абрикосов и И.М. Халатников с их шефом и учителем Л.Д. Ландау.

1

3

2

4

Алёша Абрикосов (старший). 1, 2. Его портрет и дружеский шарж. 3. Алексей Алексеевич Абрикосов (младш., у нас называемый Лёха) 4. Встреча по поводу 10-летия восхождения группы москвичей и ленинградцев на Килиманджаро в 1966 г. Слева направо: Алексей Абрикосов (старш.), Ада, Богдан Поповские, Евгений Иорданишвили, Сергей Иорданский, Игорь Васильев.

1, 2. **Татьяна Николаевна АБРИКОСОВА** и дружеский шарж на нее. 3, 4. Всегда готова к любым походам — и пешим, и байдарочным, а раньше вывозила нас на авто в города Золотого Кольца. 5. Рада принимать друзей в своем гостеприимном доме, как показано на картине худ. Натты Коньшевой.

4. Сегодня все планетарное человечество стоит перед реальной угрозой *всеобщей* инволюции и деградации. Майкл Буравой называет это "деградацией социального бытия в глобализирующемся мире".

Три кризиса в подлунном мире, четыре – в одной отдельно взятой стране. Первый глобальный кризис – планетарный, связанный с существующим и грядущим перенаселением Земли и истощением ее ресурсов. Второй – цивилизационный, как одряхление двух типов цивилизации – традиционного и либерального. Третий кризис – формационный: капитализм исчерпывает себя; государственный социализм на практике показал непригодность и архаичность. Четвертый кризис – в России и на развалинах бывшей коммунистической империи – это кризис всех основных подсистем общества – управленческой, экономической, социальной и культурной, или системный кризис.

Варлен Викторович КОЛБАНОВСКИЙ. 1,2. Еще один из сооснователей Филармонии. 3,4. Варлен – известный социолог, философ, автор многих трудов в этой области. 5. Участник многих походов – пеших, байдарочных, горных, таяжных.

1. Варлен — ведущий артист, соавтор текстов. 2, 3. Варлен — поэт, пишет стихи и послания друзьям к праздничным событиям. 4. Обладает приятным баритоном, исполняет зонги и ключевые арии в спектаклях.

1,2. **Ада Яновна и Богдан Васильевич ПОПОВСКИЕ** – сооснователи ППФ, артисты и соавторы текстов. 3. Участники многих походов. 4,5. Дружеские шаржи на обоих.

1,2,3. Богдан — доктор техн. наук, член авторского коллектива по созданию новой техники сооружения стальных нефтерезервуаров способом разворачивания заводских рулонов, за что в 1958 г. была присуждена Ленинская премия. 4. Символическая фигурка, выражающая эту техническую идею, изготовленная Мишей Виноградовым. 5. Богдан — исполнитель многих ведущих ролей в спектаклях. Здесь — в роли Коррехидора в Испанской драме.

1, 2. Богдану годились любые роли — от простого пирата до главы научно-богоугодного заведения.
3. Терпеливо слушал поздравления с 60-летием. 4–7. Лучше всего ему бывало на реке и в лесу.

1,2. Ада и Богдан ходили и в конные походы, и в горы. 3,4,5. Их дети Галя и Юра с малолетства получили «правильное воспитание». А повзрослев – вышли на сцену в спектаклях ППФ.

Галина Александровна ПОДЕЙКО. 1. Знакомство Ады с Галей состоялось в 1957 г. на фоне Кавказских хребтов. 2. Автошарж самой Гали. 3. Они обе совместно выступали как гонительницы моногамной любви в «Доисторических хрониках». 4. Галя-Примадонна блистает в спектакле «Ближневосточная арабеска».

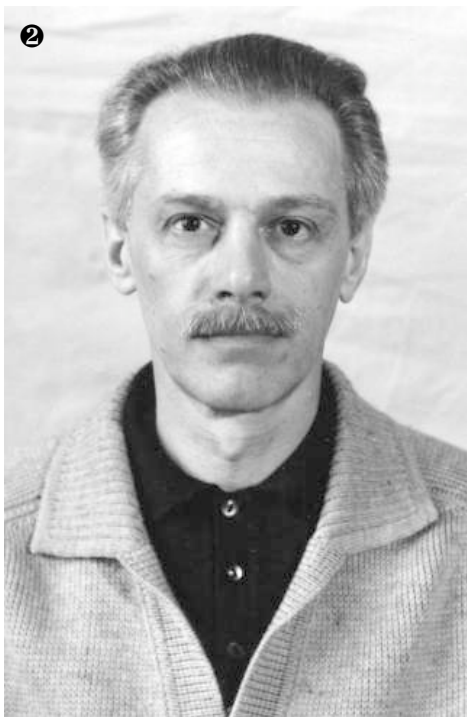
Примадонна (Галья) достойно играет ведущие роли во многих спектаклях, в том числе в «Испанской драме»(1, 4) и в «Пиратских напевах» (2,3).

Доктор технических наук, профессор Виктор Маркович Олевский

6 Работал в ГИАПе с 1947 по 1998 г., в течение 33-х лет был заместителем директора института по науке. Одновременно в течение 24-х лет преподавал в МФТИ, где заведовал кафедрой. Работал в кафедре академика В.В.Струмицкого - "Механо-гетерогенные среды". После ухода из ГИАПа в течение трех лет (с 1998 по 2001 гг.) работал в НИОПИКе (Институт органических полупроводников и красителей). С 2001 г. - профессор кафедры "Инженерная экология городского хозяйства" в МГУИЭ. Виктор Маркович - автор 10 книг, дважды лауреат Государственной премии (России и Украины), дважды лауреат премии Совета Министров РСФСР, заслуженный деятель науки и техники, заслуженный изобретатель. Награжден медалями ВДНХ.

Виктор Маркович ОЛЕВСКИЙ — многогранная личность. Он эмоционально исполняет значимые роли Бизнесмена в «Арабеске» (1) и в «Пиратских напевах» (2). 3,4. Улыбчив на фото и на шарже на него. 5,6. Но нижнее фото и цитата из Википедии говорят о нем, как о серьезном ученом и дельном руководителе института ГИАП.

Михаил Семенович ХАЙКИН. 1, 2. Известный ученый, физик-экспериментатор, член-корреспондент РАН, автор трудов по динамике электронов в металлах, взаимодействиях, сверхпроводимости. 3. Он строг, а его жена Ира Голямина — всегда с улыбкой. 4. Отличная семья — Ира, Миша, дочь Лена — все физики.

Миша Хайкин и Ира Голямина. 1. Слаженно действуют Дирижер и «Оркестр» на радость увлеченных действием зрителей. 2. Ира — всегда поддержка для солистов. 3. Рисунок отражает высокое деяние Иры. Она поддерживала и сохранила переписку («треугольнички») с соучениками — фронтовиками. Памятник им сваял их же соученик Даниэль Митлянский (см. ниже — «Просветители»).

1. Миша руководит дуэтом Ады и Вити. 2. Ира с улыбкой у инструмента. 3. С этим хором всегда нужно быть внимательным.

1–2. Миша и Ира – замечательный дуэт – держат, по возможности, хор и солистов ППФ в строгих рамках клавира и текстуры. 3. Можно и отдохнуть.

У Вити был отцовский требовательный характер. Отец опекал сына, приучал к работе в учебе и в делах. С малых лет Витю учили языкам. Он владел немецким. Знал он и украинский язык, учась в школе в Харькове. А уж потом сам достаточно хорошо овладел английским и французским.

Стал лауреатом Государственных премий. Виктор много ездил по миру: по делам зарубежных связей, а затем, как зам. директора по научной работе и как известная фигура в целом в отрасли. Знание языков помогало ему и в этом.

Витя увлекался спортом: теннисом, равнинными и горными лыжами, альпинизмом, туризмом. Начиналось с кавказских путешествий, где произошли встречи и сближение, вылившиеся в ППФ. За решительность и авторитаризм решений ему было присвоено высокое прозвание Командор. В рамках Подмосковной Филармонии он прошел ряд ступеней до ролей солиста.

Всем помнится высокий апломб, с которым Виктор выступал, как правило, в ролях важных персон. Скоро же выяснилось, что он обладает вполне приличным баритоном и успешно осваивает (с помощью Гали) серьезные певческие номера. Он всегда являлся для нас образом высокого оптимизма.

С друзьями был интересным собеседником и надежным советчиком, всегда проявлял готовность помочь при необходимости. В группе филармонийцев-туристов Виктор был надежной опорой для друзей в горных, таежных, речных (на байдарках) походах, прошел с нами по многим областям страны. Иногда случались и неожиданности, как, например, перелом ноги в походе на Полярном Урале. Но все страдания переносил стойко, по-мужски. Достоин уважения, сколь он был безотказен в выполнении общественных поручений.

Помнится, что еще в период кавказских походов он смиренно согласился носить «примусок» и баллончик с бензином для приготовления пищи в безлесных районах гор. А эта роль, как ни грустно, делала его (и его рюкзак) почти неприкасаемыми из-за сильных бензиновых ароматов. Но Витя только посмеивался и отшучивался — оптимист!

Подкрепим сказанное несколькими ссылками на поднесенные Виктору стихи друзей к разным знаменательным событиям:

*Годы далекие, годы старинные
не разлетятся, как дым,
Наши дела и походы былинные
в памяти свято храним...
Глянем, товарищи, на юбиляров
— Кысычка и Командор —
Их прославляет сегодня недаром
филармонический хор. (В.К.)*

*Товарищ Олевский! Вы наш образец,
Супруг безупречный и добрый отец...
С душою прекрасной, при сердце простом,
Историй ужасных рассказчик притом...
Ах, Маркович Виктор, для нас Вы герой —
Активны, спортивны, довольны собой.
В походах, на лыжах, на лодках, пешиком...
К тому же балуетесь Вы тенниском.
Седая корректность и юный задор,
Для службы — директор, для нас — Командор,
Вы муж Примадонны, певец и артист,
А самое главное — Вы оптимист... (Б.П.)*

*Надежды наши — всякий знает. И каждый думает опять:
В байдарку б сесть на Первомае и долго плыть, и мало спать,
Природой чудной любоваться и трелям соловья внимать,
И аромат черемух белых вдыхать, вдыхать, вдыхать!.. (С.С.)*

(8) МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ ХАЙКИН (1921—1990 гг.)

Миша — представитель самых старших из нас. Велика была его роль в становлении Филармонии как некоего содружества трезвомыслящих «физиков и лириков». Наша компания в своем развитии становилась каким-то своеобразным самостоятельным «музыкально-театральным» ансамблем. Это давало нам возможность выражать свои думы и чувства в юмористической форме, «как бы смеясь и играя». У многих членов коллектива нашлись для этого дерзание и творческие возможности.

Вот характерный пример... Процедуру иронического ведения протокола заседаний ученого совета ИФП еще практиковал А. Абрикосов, будучи здесь ученым секретарем до Миши. Это делалось в духе взаимной доброжелательной иронии, которая проявлялась вблизи таких гениальных умов, как П.Л. Капица и Л.Д. Ландау. Подобная процедура отражена и в нашем представлении «Мистерия-Буфф», опус 2, когда мы еще только нащупывали подходящие формы для наших творений. Там каждый эпизод летних странствий членов ППФ и близких им людей предварялся несколькими строчками от Миши — как секретаря Ученого совета. В протоколах отражалась не только суть дела, но и юмористическое отношение самого протоколиста к возникавшим в каждом походе событиям.

Качествами музыкальности и юмора были наделены оба в этой супружеской паре — Миша Хайкин и Ира Голямина. В прекрасной пианистке Ире, окончившей Институт им. Гнесиных, воплотился весь наш «оркестр», о чем будет рассказано чуть ниже.

Роль Миши, как «дирижера», у нас была неоценима. Миша имел изрядный музыкальный вкус и подготовленность, чтобы стать организующим началом и наставником нашей не очень-то музыкально образованной группы «солистов и хора».

Конечно, все знали, что Миша первоклассный физик-экспериментатор. Работая в Институте физпроблем у Капицы, он защитил положенные диссертации. За свои открытия был избран членом-корреспондентом АН. В то же время в ИФП ему не удалось развернуть свою научную карьеру, как он того заслуживал.

Среди физиков известна история, которую можно было бы отнести к серии «физики шутят», но она произошла в действительности. Приведем цитату:

«...В Институте долгие годы работал экспериментатор-виртуоз М.С. Хайкин. Будучи избранным членом-корреспондентом АН, он все еще оставался старшим научным сотрудником. Наконец решился и попросил П.Л.(Капицу) перевести его на должность заведующего лабораторией. Ответ П.Л. был таков: «Конечно, Миша, вы заслуживаете занимать должность завлаба. Но что я буду делать с вами через пятнадцать лет, когда вы прекратите работать?» Самому П.Л. было в это время лет около 80...».

«В беседах реакция Петра Леонидовича бывала часто неожиданной...» — меланхолически замечает автор этого отрывка И.М. Халатников в книге «Дау, Кентавр и другие», 2007 г., стр. 42.

Миша был многогранной личностью. Кроме блестящих успехов, в качестве физика-экспериментатора в проблеме — «раскрытия динамики электронов в металлах по энергетическим спектрам». Он был главным редактором журнала, основанного А.И. Шальниковым, о приборах, как основе экспериментальной физики.

После ухода Алеши Абрикосова в Институт теорфизики в 1970 г., Миша становится Ученым секретарем Совета ИФП. Создавалась определенная переключка между серьезностью и казенностью описания событий с юмористическими ситуациями, происходившими в живой, непредсказуемой реальности.

Проявление острого ума видится и во вступлениях Миши к некоторым нашим спектаклям. Его вступления умны по содержанию и юмористичны по форме. Они приведены выше в цитатах и иллюстрациях.

Замечательна сатирическая картинка наших филармонических репетиций, от имени Дирижера — Миши к тому же поименно и нелицеприятно в адрес всех персонажей:

*Шестую неделю идут репетиции,
Как загнанный стонет старинный рояль...
Солист Абрикосов, умерьте амбицию,
Хористка в колготках, поправьте вуаль!
Чай, нам не впервой выступать в оперетте —
Талант дирижера от Бога* мне дан.
Варлен Колбановский, подправьте куплетик,
Подбейте мотивчик, маэстро Богдан.
Ну, что вы заблеяли, словно бараны?
Не двигай ушами, Олевский — паяц!
Дыши в диафрагму, вторая сопрано,
Погуце бемолой в дизезе, майн шац!**
Теперь перейдем к отработке каскада,
Здесь надо держаться шаблона веков.
Отчетливей задом, Галина и Ада!
Поправьте манишку***, премьер Гайдуков.
Шестую неделю идут репетиции —
Одни по дрова, а другие все в лес.
Товарищ Поповский, держитесь традиции,
Премьерша Подейко, поправьте топлес.*

(Миша Х.)

Так и слышится живой голос Миши.

Примечания: *Миша допускал, что талант дирижера ему мог быть дан и от дяди; имелось в виду, что Мишин дядя — Борис Хайкин был широко известным советским дирижером;

**майн шац — излюбленное и любовное обращение Миши к Ире;

***в тексте оригинала это слово написано неразборчиво.

Как высококультурный, мудрый человек, он глядел в корень вещей. А видел он в окружающей действительности много горького и непотребного. Поэтому и его юмор порой приобретал саркастические формы. Он всегда активно и в деталях участвовал в замыслах и разработке текстов опусов, заостряя кое-что в них.

На этих страницах уже было рассказано, как нами корыстно обыгрывалась ситуация, что у нас дирижером является сам Хайкин.

Очень важная для нас роль дирижера — Миши неоднократно и справедливо воспевалась и подчеркивалась в наших поздравительных и юбилейных посланиях ему и его семье при всяких дружеских встречах.

Хор (мелодия из «Маленькой ночной серенады» Моцарта):

*В Подмосковной Филармонии —
Отменный дирижер,
Век приучает он к гармонии
Разноголосый хор!..*

*Огонь и пламень мечет взор,
Водит палочкой окрест...
А Голямина — оркестр!*

Миша рано, к глубокому нашему сожалению, оставил нас после тяжелой болезни. Его памяти посвящен вариант песни, которая еще при жизни стала каноническим ему приношением от Филармонии, как нашему любимому и очень уважаемому Дирижеру и Другу.

Хор: *Жили двенадцать разбойников,
Жил дирижер-атаман.
Были творенья достойными
Духа честных христиан.
Много мелодий награбили,
Много словес наплели
И в балагане представили
Смуты российской земли.
Твердой рукой дирижировал,
Мудро в науке творил,
Счастье нашел в жизни с Ирою.
Вечную честь заслужил.
В годы глухие застойные
Был самобытен наш хор...
Жили двенадцать разбойников,
Жил атаман-дирижер...*

Припев: *Господу Богу помолимся,
Славную быль возвестим,
Сагу в Абрамцеве сказывал
Хайкин с ансамблем своим!..*

(9) ИРИНА ПЕТРОВНА ГОЛЯМИНА (1924 г.р.)

Ира блестяще закончила Институт имени Гнесиных по классу фортепиано. Могла бы сделать концертную карьеру, если бы не... раздвоение интересов. Она получила еще и университетский диплом. Стала физиком-акустиком. Защитив кандидатскую работу, на погоню за другими титулами больше не отвлекалась и до сих пор трудится все на той же акустической стезе.

Много лет Ира работала в Большой Советской Энциклопедии (2-е издание под редакцией академика Прохорова). Вела там раздел по физике звука. Еще является одним из титульных редакторов Большого энциклопедического словаря по физике (1983 г.). Ира 20 лет преподавала в вузе, была доцентом МИРЭА.

Она до сих пор работает в институте, где ей приходится решать слож-

ные научные и технические вопросы. В своем отделе Ира Голямина — общепризнанный научный и человеческий лидер. В наших кругах ходила легенда, что Ире иногда за ее пылкие речи сотрудники предлагают: «Ирина Петровна, не взобраться ли Вам на броневилок!» Но она сама этот миф отвергает.

Ира начитана, энергичный, доброжелательный человек, интересный рассказчик. В годы «начал» Филармонии она с Мишей ходила на лыжах, плавала на байдарке. Они вырастили дочку и внучку.

Семейство Иры сильно «пропитано» физикой. Ее дочь Лена под руководством Юры Гайдукова стала кандидатом физико-математических наук. Зять Володя — доктор наук, один из талантливых учеников Миши, заведует отделом в Физическом институте РАН.

Внучка Наташа подарила Ире правнука, с которым Ире любо заниматься. Она еще помогает растить внуков в близкой ей семье артиста Алексея Баталова. С семьей Ардовых-Баталовых она знакома с юности.

И еще Ира совершила в своей жизни большой человеческий поступок! В 1941 г., когда началась война, ее одноклассники (из 10-го класса) сразу пошли добровольцами на фронт, многие погибли. Все они любили Иру, писали ей письма, а она трогательно хранила военные треугольнички. И теперь в дни, когда отмечают праздник Победы, ее часто приглашают выступить на телевидении, в школе с рассказом об этом. В наших стихах эта тема отражена так:

*Конверты, в треугольнички сложенные...
Конвертиков не счесть — их масса.
Их получала в дни военные
Любимая девочка целого класса.
А одноклассники ушли в кровавый бой
И в вечности навеки онемели:
Они у школы встали в вечный строй,
Увековечены Митлянским Даниэлем. (В.К.)*

Известный скульптор Даниэль Митлянский учился вместе с Ирой. Подвигу своих друзей он посвятил работу «Памятник погибшим одноклассникам». Ниже о Митлянском будет еще рассказано, как об одном из наших просветителей.

У Иры также хранится архив переписки военного времени с рядовыми солдатами. В начале войны она пошла работать медсестрой в госпиталь. Раненые бойцы видели в симпатичной, юной «сестричке» — единственного близкого им человека. Потом, разъехавшись по своим частям, они писали ей письма почти до конца войны. На каждое письмо они получали ответ. Ира до сих пор удивляется — насколько были грамотны и образованы эти 9—10-классники из советских школ дальней периферии Союза. Все письма, как свидетельства тех лет, подготовлены к сдаче в Госархив.

В Филармонии Ира сразу заняла главные позиции — Концертмейстера, Оркестра и Жены Дирижера. Ее мастерство помогало нам преодолевать многие затруднения как при подборе мелодий (в том числе, по оперным клавирам), так и в поддержании терпимого уровня пения наших солистов и хора. Ее энергия, темперамент проявлялись всегда: при подготовке и представлении филармонических спектаклей. «Как сказал поэт»:

*Она — Голямина — явление...
Стихия, может быть, слегка,
Но — как Природы откровенье,
Как Вдохновения строка... (В.К.)*

Ире и Мише были посвящены такие справедливые строки.

*Кто за роялем командовал нами,
Нес свой безропотно крест?
Наш концертмейстер — Ирина Голямина.
Незаменимый оркестр.
Палочкой кто направлял дирижерскою
Разноголосый наш хор?
Хайкин команду сплотил разношерстную.
Опытный наш дирижер.*

В доме у Миши и Иры часто проводились репетиции спектаклей. Там же некоторые из них были и представлены публике.

(10) ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ ГАЙДУКОВ (1930—2007 гг.).

Юра — это отдельная легенда. Он самородок, сродни Ломоносову. Похож даже его путь к столице и к высокой науке.

Юра родился и провел часть детства в деревне Колчино Калужской области. Потом семья переехала в Кунцево, где в бараках Рабочего поселка продолжалось его тяжелое детство. В таких условиях жизни он вполне мог бы пропасть как личность, а он поднял, «сделал себя» (Self made man!). В послевоенные годы поступил в МГУ и с отличием закончил физический факультет. Затем поступил в аспирантуру Института физпроблем. Здесь, прямо или косвенно, его учителями были П.Л. Капица, Л.Д. Ландау, А.И. Шальников, Н.Е. Алексеевский, М.С. Хайкин, А.А. Абрикосов. Великой школой были семинары, проводимые Капицей.

Юра защитил кандидатскую диссертацию. А уже в качестве старшего научного сотрудника на кафедре низких температур в МГУ стал доктором физико-математических наук, профессором физического факультета. Он был одарен большим талантом «рукастого» (и головастого) физика — экспериментатора. Им были созданы уникальные приборы и установки для проведения исследований в области физики низких тем-

ператур. За участие в работах по исследованию гальвано-магнитных свойств металлов он стал лауреатом Государственной премии.

Однако признаем, что наш рассказ не идет в сравнение с записями собственных воспоминаний Юрия, с удивительными деталями, наблюдениями, горьковатым юмором:

«...Меня воспитывала в основном бабушка — совсем неграмотная крестьянка. У нее было много детей: три дочери и три сына. Все трое погибли в войну. Погиб и мой отчим. К сожалению, я рос без родного отца.

В детстве я жил в общежитии с мамой и бабушкой. Кроме нас в одной комнате, думаю, метров сорок — жило еще пять семей, всего человек двадцать. Потом мы жили уже в коммунальной квартире, в отдельной, но проходной комнате. Ее мой, еще один, отчим все-таки отгородил от остальных. Затем, уже женясь на Наташе, мы жили в большой коммунальной квартире... Жизнь в коммуналке, конечно, интересна, особенно в детстве. Бывает и дружба с соседями, но, как правило, это все же кошмар для человека.

Из деревенской жизни помню пастухов, купание коней, отбивание кос и многое другое...

Голодным я был всегда. Даже в студенческие годы мой обед состоял из куска черного хлеба, политого жидким маслом, с кусочком колотого сахара. Иногда я заходил в студенческую столовую на Моховой, где обед уже был из тарелки горохового супа (хлеб бесплатно) и пиалки компота. Стоил этот пир Лукулла 22 копейки.

Щи из крапивы я пробовал, но это уже на заготовках дров для школы. Надо было в день заготовить 8 кубов леса на двоих, а нам по 14 лет. Сбором лома и утиля занимались каждое лето, вплоть до военной поры.

Радио-тарелка сыграла большую роль в моем воспитании и жизни. Она не выключалась никогда, я не говорю уж о военном времени.

Велико место радио в моем просвещении: классическая музыка, народная музыка, радиопостановки и хорошие чтецы. Помню фамилии двух из них: Орлов и Журавлев.

О выборе пути после школы. Вначале я решил поступать на юридический факультет, но мне категорически запретила это делать очень умная девочка, которая, правда, сама там училась. Тогда под влиянием моих школьных друзей — золотых медалистов — я подал заявление на физический факультет МГУ. Окончил же я физический факультет с красным дипломом, да и физик из меня получился неплохой.

При выборе специальности после 3-го курса я не знал, на какую кафедру мне идти. Мы с Наташей (это оказалась не менее умная девочка на нашем курсе, на которой я женился и уже живу более 50 лет) обратились за советом к ее отцу, профессору М.А. Крейнсу. Он сказал: «Идти надо туда, где заведующий кафедрой — порядочный человек. Вот, например, к Шальникову». Что мы оба и сделали и нисколько ни разу не пожалели...».

Поэт сказал о Юре так:

*Шумел суровый Брянский лес
над колыбелью Гайдукова.
Он вырос Кунцева окрест
среди люда русского простого.
И слышал он родную речь
в ее народном обиходе.
И сызмальства сумел сберечь
влечение к правде и свободе.
Он в хоре мальчиков певал
кантаты о вожде народов.
А ныне сам солистом стал
и — любит вольность и природу.
И любознательность ума —
его исконная основа.
И ныне физика сама —
первоотчизна Гайдукова! (В.К.)*

Был скор на сборы и на принятие важных решений. Начало жизни Юры в деревне хотя и было очень суровым, однако вселило в его душу постоянное благое стремление к природе и, по возможности, в ее первоизданном виде. Неспроста он задумывал удивительные маршруты походов по самым удаленным местам страны: Воркута-тундра, Полярный Урал, Саяны, Памир, Тянь-Шань и проч., и проч.

Юра научил нас вязать плоты, сам шил для всех «коммунальные» удобные высокие палатки. Походы не были «шадящими». Иногда мы попадали в трудные ситуации. Но талант Юры, как землепроходца, всегда помогал ему найти выход из положения. Будучи человеком сильным, он брал на себя повышенную нагрузку ради блага спутников.

Приведем еще некоторые строки из посланий ему:

*Был отважен Гайдуков,
он не тратил много слов,
Захватил свою Наташку — и готов!..
Кто в лес дремучий заведет
и выведет нас снова?*

*Кто кладь больше всех несет,
с ружьем к стрельбе готовым?
Кто топорами и пилой
мастачит плот кедровый?
Мы обошли бы шар земной
совместно с Гайдуковым. (В.К.)*

Походы с Юрой давали нам возможность сплавиться по удивительным безлюдным рекам, бегать по бездорожью за оленями, на которых были навьючены наши рюкзаки, видеть медведей издалека, но, к счастью, без опасных столкновений с ними. Юра организовывал лов рыбы в «нетронутых» озерах и заводях. Вершиной его трофеев был выуженный им таймень с длиною, соразмерной с ростом самого рыбака. Он виртуозно работал топором и пилой. Приучил нас к солидным, из нескольких бревен, кострам — нодьям. Иногда приносил к костру подстреленную им дичь. Один раз, правда, сорвавшийся выстрел пришелся ему в палец ноги. Это была печальная эпопея с вызовом вертолета для перевозки раненого в город, в больницу. Об этом уже упоминалось, а также еще будет сказано впредь, в главе «Филармонический календарь» и в Приложении.

Однажды Юру попросили написать названия рек, по которым мы ходили в первомайские дни на байдарках под его водительством. Их оказалось четыре десятка. Для этих походов он выбирал маршрут, заказывал грузовик (а позже автобус), уточнял комплектацию всех «экипажей», а флотилия доходила до 20 человек «плавсостава» на восьми лодках. В этих походах случались и снег от затянувшейся зимы, и пышная зелень при ранней весне, а главное — радость души при близкой встрече с природой. Что и подвигало нас на стихи.

Сонет к «Неделе Гайдукова» 30 апреля — 6 мая 1984 г.

*Закон весны всегда неоспорим...
И снова из-за острова на стрежень
Плывут челны, и снова мы хотим
Дышать вздохом весенним духом свежим.
Мы у костра привычного сидим
И друг о друге правду-матку режем.
Глинтвейна аромат так прян и нежен,
И тонок вкус цыплят, что мы едим. .
Мы празднуем «Неделю Гайдукова»,
А с берега зеленого, крутого
Нам Волга от начал своих видна...
Наш дух парит — свободен и раскован,
Но на круги своя вернемся снова,
Ведь летняя пора — забот полна! (Б.П.)*

(От авторов: приносятся извинения за прозаизм, за упоминание вкусных цыплят, но это были именные — «Цыплята Гайдука».)

Везде и всюду с Юрой шла, плыла, мерзла или сгорала на солнце, постанывала или сияла — Наташа. Потом стала ходить и дочка Иришка. Потом появился и внук Женя, который теперь также водит в походы новое поколение — своих ровесников.

Квартиру Юры наряду с картинами, фотографиями из походов (и с научных конгрессов), экзотическими сувенирами во множестве украшают отполированные срезы камней. Это было одним из его хобби: найти внешне невзрачные (но, однако, тяжелые камни), дотащить их до Москвы, распилить на пластины, отшлифовать поверхности и — явить чудо. Такими ценными для памяти сувенирами он одаривал всех друзей.

Грандиозна роль Гайдукова в становлении нашей «театральной» Филармонии, в украшении наших спектаклей звонким тенором и культурой пения. Он был на сцене записным героем. Вместе с Галей — Примадонной они много раз составляли блестящий сценический любовный дуэт — какую страницу наших опусов не открой. Юра охотно, «в образе», играл роли от древнегреческого уркагана — Заплутарха до королевского Мушкетера — Д'Арманьяка, от ролей скромных аспирантов или бравых агентов типа майора Пронина до легендарного мистера Фикса в «Цирке».

Когда Алеша Абрикосов отошел от Филармонии, Наташа с Юрой предложили встречать Новый год на своей даче вблизи Абрамцево. Там проводились импровизированные выступления всех желающих, ходили ночью на лыжах. Людей собиралось до трех десятков, включая и молодую поросль филармонийцев. Иногда делали «прогон» спектакля, а потом после полуночи шагали около часу к даче наших давних зрителей Леонтовичей, чтобы показать и им премьеру.

Большой авторитет Юры среди нас соответствовал величию тех деяний, которые он творил на благо друзей, но можно сказать и для людей, что окружали нас. Припоминается такой пример. В конце одного похода по реке Ляпмушке мы вышли на Лену и причалили наш плот возле базы биологов. Плот им годился на дрова. Но нам, усталым, очень не хотелось разбирать его на бревна для ребят с этой базы. Они молодые и могли сделать это сами. Но Гайдуков самым решительным образом пресек наши эгоистические намерения. Плот разобрали мы сами и бревна выкатили на берег — от воды подальше, а к солнцу ближе, чтобы сохли. Это был урок порядочности и уважительности к ближним своим.

К слову, там же у кучи старого мусора Юра разглядел какие-то части выброшенного разломанного седла. Извлек их, очистил, надраил, и они стали украшением одной из стен его дома как ручная чеканка бурятского мастера на серебристых пластинах. Вот вам — эстетический вкус и острый взгляд. Это загадка, но Юра отыскивал множество наших предметов, которые мы, владельцы, считали безнадежно потерянными. Иногда это случалось на тех же диких тропах, по которым мы шли год назад.

Для подтверждения нашего мнения о личности Юры приведем высказывание из воспоминаний его коллег, не членов Филармонии.

«...Он всегда был центром притяжения. И всегда он подставлял плечо более слабому. Многие могут вспомнить, как приходил он на помощь в тяжелых жизненных ситуациях даже без просьбы со стороны тех, кто в этом нуждался — а это так ценно.

Память о Юрии Павловиче Гайдукове, талантливом физике-экспериментаторе, ярком, щедрым и интересном человеке, навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал и любил».

Что говорить? Кстати, все это продолжалось у нас даже и после достижения «среднего возраста». Много для этой радости способствовал стойкий дух и непреклонность Юры Гайдукова с его лозунгом: «Только движение — ваше спасение!»

Может быть, здоровый образ мыслей, подвижное состояние духа и тела как-то обусловили то явление, что большинство членов Филармонии стали долгожителями.

Увы, время уносит из жизни наших друзей и родных, и в последние годы — все чаще. Очень грустно, что Юра был поражен инсультом и после нескольких лет мужественной борьбы с этим недугом ушел от нас.

Ушел человек удивительных качеств. Человек — для людей!

(11) НАТАЛИЯ МИХАЙЛОВНА КРЕЙНЕС (1931 г. р.)

Наташа — феномен. Потому, что она может быть очень разной, но всегда остается умной, делающей правильные глубокие выводы в любых сложных ситуациях. С одной стороны, Наташа — непременный постоянный спутник Юры Гайдукова. Но она не была его тихой тенью. Всегда оставалась самостоятельной личностью. Юра не зря ее называл «умненькой девочкой». Наташа помогла Юре выбрать нужное направление в специальности, когда он учился в университете. Поддержала, когда он из Института физпроблем переходил работать на кафедру в МГУ.

Сама Наташа после первого года обучения на механико-математическом факультете МГУ перешла на физический факультет и выбрала специальность — физика низких температур. После окончания университета хотя и не сразу (из-за анкетных данных) попала в Институт физических проблем.

Она оберегала Юру в «спасаловке» и выхаживала, когда они из Саян добирались до Москвы и когда он лежал в больнице с простреленным на ноге пальцем. Она героически обиходила Юру и поддерживала его дух в его последние, страдальческие годы.

И все же в ее жизни было много счастливых дней. Росла она в профессорской семье. Отец, Михаил Александрович, был математиком, уважаемым в МГУ преподавателем. Очень милой женщиной была Ната-

шина мама. Счастливой оказалась Наташина встреча и замужество с Юрой. Ее научным опекуном был золотой человек, «наш» Андрей Боровик. Вместе с ним она некоторое время работала в Пробринной Палате. А затем пришла в ИФП и там стала вести научную работу, все более повышаясь по научным и служебным ступеням. Защитила докторскую работу по рассеянию света на магнитных возбуждениях, стала известным специалистом в области физики кристаллов, кристаллических лазеров, магнитных явлений. И сейчас она продолжает работать в ИФП, имеет свою «школу» молодых ученых, часто выезжает с докладами на конгрессы в разные страны. Как об ученом о Наташе уважительно отзывались А.С. Боровик-Романов, М.С. Хайкин, Ю.В. Шарвин и многие другие известные физики.

А среди нас она всегда любимая и уважаемая, внимательная и компанейская. Однако занимает и жесткую объективную позицию, когда считает это нужным.

Наташа доблестно держит и свой дом в городе, и дачу в порядке, заботится об успехах Иришки и Жени. В некоторые памятные даты радушно нас принимает. Особенно нам бывало хорошо увозить на дачу к ним на зимние каникулы нашу ребятню. Дети эти прелести не всегда радостно воспринимали и даже подшучивали над взрослыми:

*Слыхали ль вы, в поселке громкий хор?
Они всю ночь то пели, то кричали,
Спасибо, хоть под утро замолчали. А мы не спали...
Видали ль вы в лесу следы лыжни?
Там-сям на склонах отпечатки тела...
С их стороны все это слишком смело. Да наше ль дело!
Вы помните? Бывало, что и мы
Родителям в тех штучках потакали.
И так вот их и проморгали... И вразумишь едва ли!*
(Галя П-ая, 1986 г.)

Об участии Наташи в походах мало что можно добавить. Она, следуя за Юрой, всегда несла свою немалую долю ноши. Не жаловалась, а, наоборот, часто смеялась и подбадривала других. Всегда оставалась опрятной, приятной, красивой и очень нами уважаемой. Стойкость и разумность Наташи всегда, исподволь, влияли на стабильность психологического климата в трудные минуты. На байдарках она — неутомимый гребец, каждую зиму выбирается на лыжах (раньше бегала на лыжах, а теперь «ходит на лыжах», в чем она недавно нам призналась сама).

Любовные стихотворные посвящения и поздравления Наташе часто приносились к ее ногам. Наступая на наши желания показать многое, сошлемся лишь на два поэтических примера:

*Полвека вместе: в холода и в зной,
В тайге, тундре и на лыжне морозной,*

*В байдарочке весенней удалой
И на памирских перевалах грозных.
Всегда — надежность, искренность во всем,
Всегда друзьям заботливое слово.
Всегда был добрым и приветным дом,
Что строила ты вместе с Гайдуком.
Ты притягательна... и потому сердца
Твоих друзей к тебе извечно тянутся.
Нас жизнь соединила до конца,
Покуда на земле любовь останется. (В.К.)*

И еще — крик души: *Забывать ли старую любовь,
забывать ли чудные походы,
Забывать ли плот, и дикий Сор,
забывать ли радости, невзгоды!
Наташа! Я готов кричать
о красоте, о совершенстве!
Готов стихи тебе писать
на самом длинном полотенце! (С.С.)*

Юра как-то сделал открытие, что Наташа похожа на красивую флорентийскую женщину, в подтверждение этого он предъявил копию карандашного рисунка самого Леонардо да Винчи. С тех пор их дом украшают и Наташа, и тот самый рисунок на стенке ее комнаты.

К артистической деятельности Филармонии Наташа относилась со спокойной доброжелательностью. Конечно, она «болела» за Юру. Однако, чтобы скрыть эту семейственность, она публично объявила, что ее любимый артист Виктор Олевский. Все приняли эту игру и были довольны. Особенно Виктор, когда ему бурно аплодировали и выкрикивали «Браво!», «Бис!».

На нашу сцену Наташа согласилась выйти только один раз с репликой в защиту Молодого ученого (роль Юры): *«Все равно его не брошу, потому что он хороший!»* Однако она составляла ядро «группы поддержки» наших представлений. А с развитием техники стала первым автором видеосъемок наших спектаклей. Благодаря ей мы располагаем полноценными цветными и звуковыми фильмами о некоторых из наших последних наиболее зрелых спектаклях.

Особенно ценным был вклад Наташи в жизнь Филармонии, как хозяйки дачи на 55-м км. (ныне «Радонеж») вблизи Абрамцево, о чем уже говорилось. Тут уже со всей широтой проявлялась ее любовь и доброжелательность.

В канун Нового года мы все дружно двигались полчаса от станции электрички к даче. Юра заранее обеспечивал дом теплом и с первыми гостями собирал из щитов огромный стол, расставлял скамьи, все носили воду из колодца. Наташа же заботилась о наших душах — где распо-

ложиться, согреться. А потом под ее началом организовывался стол из принесенных припасов. Среди этой суеты и забот Наташа уделяла внимание каждому, все чувствовали присутствие доброй хозяйки. Это было не наиграно, а отвечало натуре Наташи. И всем было хорошо. И были лыжи, были песни, разговоры. На всех находило блаженное настроение. Приведем текст простой песни, которая отражала общее настроение и трогала все наши сердца.

Это звучало как гимн Гайдуковскому дому, его сердечным хозяевам — Наташе и Юре. Идея использования данной известной в те времена песни и внесение новых смыслов в ее текст принадлежит Гале Подейко — Примадонне. Это пелось много раз, из года в год. Слушайте фрагмент:

*Там горы высокие, сугробы глубокие,
Там домик стоит, обогретый добром...
Мы — люди из города, но все же нам дорого
Быть верным Абрамцеву в сердце своем!*

Целиком эта песня приведена в разделе 4 «Филармонический календарь».

(12) АНДРЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ БОРОВИК–РОМАНОВ (1920—1997 гг.)

Андрей Боровик — один из капитальных столпов ППФ. Дело в том, что он был не только выдающимся ученым, директором крупного академического института — ИФП, но, кроме всего этого, он был среди нас единственным «гегемоном» — Рабочим (сцены), завоевав это почетное положение под красным знаменем труда в борьбе с бюрократами, аристократами, пирами, прижившимися на наших Филармонических подмостках!

Некоторые сведения из его биографии приводим из записей его жены Т.П. Беликовой:

«Андрей родился в Петербурге. Родители — оба физики. В 1934 году, когда Академию наук перевели из Петербурга, они тоже переехали в Москву.

Андрей с 1938 года учился в МГУ на физическом факультете. С началом войны студенты-мужчины ускоренно закончили третий курс и были распределены по разным военным авиационным институтам. Андрей пошел добровольцем в Краснопресненское ополчение. Участвовал в боях под Смоленском. Потом начальники куда-то делись, и ребята без оружия были оставлены на произвол судьбы. Их группка распалась, у каждого было свое мнение, куда идти к своим. Андрей остался один — был сентябрь, ел сырые грибы, остатки рябины, пил болотную воду.

Он шел на восток, думая выйти к своим, но всюду видел и слышал немецкие мотоциклы. У какой-то деревни его забрали в плен. Он мог хорошо объясняться на немецком. Его взяли в какую-то передвижную мастерскую. Несколько раз он бежал, но его возвращали в ту же мастерскую».

Далее для жизнеописания Андрея Боровика представим некоторые фрагменты из выступления А.Ф. Андреева, сменившего его на посту директора того же института, на открытии Научной сессии Отделения физических наук РАН в марте 2010 г. к 90-летию со дня рождения А.С. Боровика-Романова:

«...В человеческом и в научном смысле его судьба была яркой и неординарной. Сложная была жизнь.

А.С. Боровик-Романов, когда началась война, был студентом и пошел добровольцем на фронт в ополчение. И вскоре попал в плен. Ему пришлось много перенести, но он себя считал, как он говорил, «везунчиком». Когда он был освобожден из плена нашей армией, его взяли в действующую армию, и он уже там, в Германии, снова стал солдатом Советской Армии. И это спасло ему жизнь, потому что он возвратился из плена не просто как освобожденный бывший пленный, а как солдат действующей армии.

Как он рассказывал, после его освобождения из плена офицер НКВД сказал ему: «Тебе два раза повезло: тебя не расстреляли немцы и тебя не расстреляли вот сейчас наши». И он считал, что ему очень в жизни повезло, прямо вот такое счастье ему выпало. Он вообще был очень большим оптимистом.

Андрей после того, как демобилизовался, возобновил учебу в университете и успешно его закончил. (...)

Вскоре он превратился в одного из лидеров среди исследователей физики магнитных явлений. (...)

Дальше последовало много блестящих работ с его учениками, в том числе с Наталией Михайловной Крейнес».

Как Андрею пришлось на время оставить Институт физпроблем (из-за плохой анкеты) и как потом разрешили вернуться, было рассказано в посвященной ему Юбилейной кантате. Там же, в восьмичастной Юбилейной кантате, «исполненной» Филармонией к 70-летию Андрея, было много рассказано о жизненном пути и его добром нраве. Эту кантату мы принесли к ногам Боровика с более легким сердцем, чем предыдущую кантату (П.Л. Капице) в 1974 году.

Нами ощущалось некоторое эмоциональное отличие в исполнении этой кантаты от предшествующей. В тот раз мы торжественно, с трепетом величали овеянного легендами и мировой славой Петра Леонидовича Капицу. Это делалось с соответствующим пиететом, но не как для равного нам друга-товарища.

ГАЙДУКОВ

1

27 января с.г. после длительной и тяжелой болезни остановилось сердце Юрия Павловича Гайдукова, известного ученого, лауреата Государственной премии, доктора физ-мат. наук, профессора кафедры физики низких температур и сверхпроводимости физического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

В 1953 г. Юрий Павлович с отличием окончил физический факультет и поступил в аспирантуру. На знаменитых научных семинарах Института, руководимых влад. П.Л. Капицей, студенты и аспиранты погружались в удивительную атмосферу неформального обсуждения самых интересных и актуальных проблем стремительно развивающейся в те годы науки.

Юрий Павлович ГАЙДУКОВ. 1. Юра — доктор наук, крупный физик-экспериментатор в МГУ. 2. На фото представлен в его любимой обстановке на фоне одной из таежных рек. Он организатор многих серьезных походов по горам и рекам. 3. Кульминацией его радости был выловленный таймень на реке Танию (приток Лены). 4. Юра и Наташа всегда составляли самый сильный среди нас байдарочный тандем.

1. Велики заслуги Юры Гайдукова на сцене ППФ как тенора в амплуа Жён-Премьера. Роль капитана пиратского корабля была ему близка по духу. 2. Его профиль на дружеском шарже подчеркивает его мужественный характер. 3. Юра мог органично сыграть роли и испанского кабальеро, и канатоходца Мистера Фикса в «Цирке». 4. В сборке байдарок ему не было равных. Помогал всем.

Наталья Михайловна КРЕЙНЕС – физик, доктор физ.-мат. наук. 1. На сцене Наташа Крейнес и Юра Гайдуков были великолепны, но как семейный дуэт выступали редко. 2,3. Им более естественно было находиться в тайге, на воде в байдарке. 4. Отдых «святого семейства» с дочкой Иришкой по пути из Воркутинской тундры в Москву.

1

3

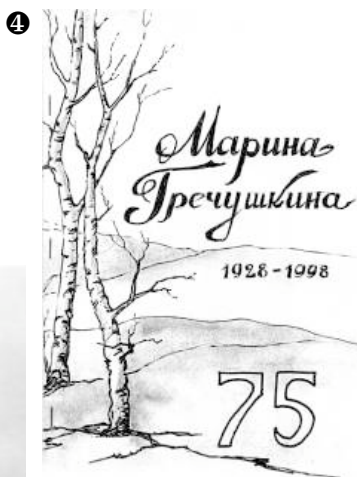
2

4

1. Наташа и Юра всегда были окружены доброжелательной дружеской атмосферой (рядом – Сережа Славатинский). 2. Хорошая улыбка Наташи. 3. В экскурсии по подмосковным монастырям. 4. «И хорошее настроение не покинет нас...».

1. **Марина Прохоровна ГРЕЧУШКИНА** – серьезный ученый, физик-ядерщик, канд. физ.-мат. наук.
 2. Грустная выпечатка из газеты «Чернобыль-заслон» с упоминанием имени Марины в списке ликвидаторов, погибших от радиации. 3. Марина любила путешествовать по стране к старинным храмам и к пустынным местам России. 4. Обложка некролога Марише.

1

2

3

Майя Григорьевна БОРОВСКАЯ. 1. Вместе с Мариной они очень старательно участвовали в спектаклях ППФ. 2,3. Обе составили прекрасный характерный дуэт двух комических дам.

1. **Майя Боровская** – преподаватель МГУ, специалист по старофранцузскому языку, канд. филол. наук. Улыбчива на фото и на дружеском шарже. 2,3. Майя ввела традицию «грязевых походов» в конце апреля. От платформы электрички Скоротово уходили в тающие снега и болотца, согревались в пути и у костра.

Нелли Андреевна КОЛБАНОВСКАЯ — физик, канд. физ.-мат. наук. Вошла в Филармонию позже других, выйдя замуж за Варлена. 1–3. Исполняла роли молодых девиц, инженерю, бывала балериной, привидением и юнгой-гуманоидом в «Пиратских напевах». 4. Крепостная девка-аспирантка в «Дворянском нутре». 5. На рисунке — простенькая дикарка из «Доисторических хроник», запуганная нападениями за стремление к моногамной семье.

Андрей Боровик около двух десятков лет работал вместе с П.Л. Капицей в качестве заместителя директора. Легко и просто ли было работать рядом с великим ученым? Как вспоминает И.М. Халатников, Петр Леонидович мог быть и очень мягким, и очень жестким. Существует анекдот, что на вопрос одного обиженного Капицей приезжего ученого: «Так, кто же ваш директор — человек или животное?» — ответил один из ветеранов ИФП: «Он — кентавр». Это прозвище прилипло к П.Л. и прижилось, хотя его, естественно, применяли за глаза. В пандан тому, как Резерфорда называли Крокодил.

Как же Андрей Боровик на десятки лет сработался с Кентавром? Ответ в том, что у Андрея были главные качества, которые оценил и мог уважать П.Л. Капица: во-первых, талант экспериментатора, в этом он был лидером в своей области исследований; во-вторых, глубокая интеллигентность, культурность, порядочность. Подобно Капице, он воспринимал «власть предержашую» как стихийную силу, но никогда не склонялся, не угодничал перед нею; в-третьих, безусловно, он был умелым организатором науки. Андрей руководил также журналами «Письма в ЖЭТФ», а потом «ЖЕТФ», возглавлял программные комитеты крупных научных конференций, достойно представлял нашу физическую науку на международных встречах. И, конечно, умело вел повседневную работу по поддержанию ИФП что называется «на высшем уровне» и в свою бытность заместителем Капицы, и когда он сменил его на посту директора института.

Андрей был нашим близким другом. Они вместе с женой Татьяной сразу же органично влились в Филармонию с первых лет ее образования. В нашем кругу он был всеми искренне любим. И это сказано не для красного слова.

В Филармонии, где чиновничество отсутствовало, все с ним были на «ты». Только Наташа Крейнес всегда говорила ему «Вы». Так у них сложилось исторически, поскольку для нее он был и учителем, и руководителем от ее самых ранних аспирантских лет, и во времена сотрудничества в Пробринной Палате, и до последних лет совместной работы в ИФП.

Андрей был немного старше нас и ушел из жизни относительно рано (1997 г.). Кроме высокого ума и научного дара, он отличался добротой, мягкостью отношения к людям, личной простотой, благожелательностью и тонким чувством юмора. Чего стоит такой пример, уже ранее нами упоминаемый, это — его «должность» Рабочего сцены в нашей Подмосковной Филармонии. Он сам ее придумал и всегда ревностно относился к исполнению этих обязанностей: записывал, запоминал, что куда повесить, что и когда подать «артистам»...

Как простодушно отметила наша Примадонна: *«На эту очень ответственную должность требовался человек — мастер на все руки: офор-*

мить сцену и подменить отсутствующего артиста. Лучшей кандидатуры трудно было желать, чем академик — Андрей Боровик».

Иногда его уговаривали исполнить маленькие роли. Порою с одной репликой: «Кушать подано!», «Впускать или не впускать?», «Как это понимать... мать?..» А в спектакле «Цирк» он успешно сыграл роль с самым трудно произносимым наименованием: Шпрехштальмейстер, где он помимо громогласного объявления номеров еще и выступал вместе с Директором (как цирка, так и всей Филармонии) в клоунской паре: «Здравствуй, Бим!.. Здравствуй, Бом!.. Так о чем же мы споем?». И пелись, как положено, злободневные политические куплеты. К перестроенной строке «Всяк имеет свой доход...» Андрей язвительно добавлял реплику: «Но не на работе!..» Во время всех своих сценических выступлений он всегда волновался и смущался, как истинно рабочий человек в необычной обстановке.

В молодые годы жизнь Андрея была очень нелегкой — он участвовал в войне, был на фронте. И всегда говорил о себе, что он «везунчик». А если бы это было не так, то он давно уже мог бы просто и «не быть».

Были у Андрея серьезные тревожения и после окончания в 1948 году университета. К тому времени они уже поженились с Таней.

Далее вернемся к рассказу Тани об этом нелегком периоде в жизни «везунчика»:

«...И ничего не предвещало неприятностей. Они начались в 1948 году — видно, чекисты дали слабину. Его стали вызывать на Лубянку по ночам с двух до четырех или с часу до трех. А утром надо на работу. Да еще требовали, чтоб никому ничего не говорил. И каждый раз он рассказывал всю свою историю... Все выясняли, с кем остались какие отношения — кто завербовал. И так почти весь год. Из Института физических проблем, где он остался после окончания университета, его поперли — и никуда устроиться он долгое время не мог. Потом, наконец, его научный руководитель <П.Г. Стрелков, помощник Капицы> организовал маленькую лабораторию в Палате мер и весов (Институт мер и измерительных приборов, «палатка»). Теперь это огромное предприятие Госстандарт, а тогда было занюханное место, но свобода для работы была. ...Тогда в эту лабораторию <собирали> людей, которых никуда больше не брали из-за «не таких» биографий.

Эпопея с Лубянкой кончилась фразой полковника, который его «обрабатывал»: «Ну иди, парень, везучий ты человек — и немцы тебя оставили в живых, и мы оставляем».

К счастью, позже (в режимах) вышло послабление и он из пресловутой Пробринной Палаты, в которой некогда по легенде трудился Козьма Прутков, смог вернуться в ИФП, где шаг за шагом продвигался в науках,

совершая важные открытия в своей области — «пьезомагнетизма в анти-ферромагнетиках».

И еще несколько печальных слов из того же доклада А.Ф. Андреева на собрании по поводу 90-летия со дня рождения А.С. Боровика-Романова: *«Андрей Станиславович страстно любил путешествовать. <...> Это увлечение оказалось роковым для него.*

Желание посетить Международную конференцию по магнетизму в Австралии в июле 1997 года оказалось сильнее запрета врачей...

Но А.С. настоял на этой поездке, и эта поездка оказалась для него последней...»

Все приведенные выше этапы и перипетии его жизненного и научного пути мы постарались, насколько возможно, изложить в тексте рассмотренной выше кантаты. Горько было прощаться с этим, преждевременно ушедшим из жизни, нашим другом и, вообще, — со светлым человеком!

(13) ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА БЕЛИКОВА (1925—2010 гг.)

Таня была нам всем близким другом. Она была нами очень уважаема и занимала свое особое место в отношениях со всеми членами Филармонии — за свою мудрость, спокойствие, доброту. Многим она была сердечным советчиком в трудных повседневных делах. Об этом рассказывали наши филармонические женщины, не раз встречавшиеся с нею для распутывания каких-либо жизненных сложностей.

По образованию Татьяна Петровна — физик, кандидат наук, она успешно работала в Физическом институте Академии наук (ФИАН).

Хорошо вела дом. Вырастила сына, внучку.

Сопровождала Андрея во многих поездках, очень пеклась о поддержке его здоровья.

Татьяна была в высокой степени интеллигентна, начитана, любила ходить в серьезные концерты. Она отличалась особенного рода красотой, отражающей, по-видимому, результат смещения генов многих предков в ее роду, вплоть до итальянской крови, о чем иногда сама упоминала в разговорах.

В одном из многочисленных шуточных поздравлений ко дню «наших» Филармонических Татьян ей были адресованы такие слова:

*Знама нам Татьяна и такого рода —
Есть в ней десятой воды итальянская, знать, порода.
Вот почему она всем на диво:
Зело властна, мудра, красива...
А в подчинении у ней мужчин команда была...
А еще исподволь другим институтом командовала. (Б.П.)*

Есть и еще варианты стихов на эту тему:

*Красива ты и сдержана,
И цельный образ твой,
Интригам не подвержена —
Всегда сама собой.*

*Простая ты и сложная,
Но кодекс твой не строг.
Ты самая надежная
Среди мирских тревог.*

В другом нашем коллективном приветствии семье Боровиков чувства выражены тоже в шуточном виде, но довольно близко к истине.

Хор (тарантелла):

*Во жене его Татьяне разум тонок и велик,
Как жена Татьяна скажет, так и делай, Боровик.
Женский ум в природу вещи проникает в тот же миг (...)
Боровик всегда, готовясь надлежащий дать ответ,
Он жены своей Татьяны любит выслушать совет!*

Мы не очень кривили душой в этой последней сентенции. А еще Татьяна Петровна полусерьезно заняла в Филармонии позицию «маркитантки» за свои заботы в поддержке наших застолий и походных запасов дефицитными в те времена продуктами из Академического распределителя (слово-то какое еще в нашей памяти сохранилось).

Хор:

*Должность высшего таланта
Маркитантки нелегка...
Но, как прежде, маркитантка,
Направляй Боровика!
Хлеб-солью широки Боровики,
И нам приветен кров Боровиков...
Желаем счастья вам, Боровикам!*

Гостеприимство этого дома следует особо отметить. Практически, каждый год в один из дней середины марта оба — Андрей и Таня — отмечали вместе свои близлежащие дни рождения. Всегда приглашаемые члены Филармонии представляли свои спектакли или приносили песни и стихи-здравницы.

Татьяна была одним из самых верных зрителей — поклонников наших выступлений. Сохранилась видеосъемка, где в кадр случайно попала Таня, подпевающая нашему хору. Однако сама она наотрез отказывалась выйти на сцену.

В доме Андрея и Тани зрителем одного из наших спектаклей оказался и Сергей Петрович Капица. К большой нашей и многих тысяч людей печали Сергей Петрович скончался в августе 2012 г., когда эта

книга передавалась в печать. Мы сочли уместным запечатлеть в книге хоть ту малую частицу времени, которую провел с нами этот достойный человек.

После ухода из жизни Андрея Таня очень сблизилась со многими членами нашей компании. Особенно с женской ее частью. Обсуждала с ними разные проблемы и активно помогала в их решении. Она охотно посещала все наши собрания.

Добрая память об этой паре всегда будет жива у нас.

(14) МАРИНА ПРОХОРОВНА ГРЕЧУШКИНА (1928—1998 гг.)

Пришло время рассказать о великолепном дуэте, блиставшем на нашей сцене. О двух давних подругах — Марине Гречушкиной и Майе Боровской.

Маришка, как мы ее всегда называли в нашем тесном общении — умная, красивая, всегда уравновешенная, доброжелательная, отзывчивая к заботам ближних. Она физик-ядерщик, а потянулась к Филармонии, не пугаясь сцены. Потом она стала украшением наших подмостков и в хоре, и в характерных дуэтах вместе с Майей.

Судьба Марины сложилась трагически. Сначала жизнь шла рутинно. Родилась в Москве в семье учителей. После окончания физико-математического факультета МГУ в 1951 г. работала в Институте прикладной физики им. академика Федорова. Защитила кандидатскую диссертацию. Главной идеей научной деятельности Марины было предупреждение вредных воздействий ядерных взрывов на человека. Таков парадокс развития познаний. Одни ученые (тысячи) — делают, испытывают, рвутся применить атомные бомбы, другие (единицы, десятки) — ищут, как спасти людей от возникающих ядерных воздействий, и сами подвергаются облучению.

Доклады на эту тему Марина делала и на конференции в Женеве. Потом делилась с нами своими впечатлениями об увиденном там. Получила хороший отзыв на свой доклад. Правда, она рассказывала, как председатель, подводя итоги конференции, пошутил, что он произнес фамилии присутствующих в основном правильно; в нескольких фамилиях он был не уверен в правильности своего прочтения, но одну фамилию он никак не мог ни прочитать, ни произнести. И... извинился перед м-м Grechushkina — Гречушкиной. Мы гордились тем, что там прозвучала наша Марина.

Увы, по долгу своего рокового призвания, Мариша часто бывала на ядерных полигонах, участвовала в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. И, конечно, сама получила опасные дозы облучения.

В первые три десятилетия после образования Подмосковной Филармонии и нашего знакомства с Маришей она была бодрой, ходила с Май-

ей в походы на Онежское озеро и в другие заповедные природные зоны. Вместе со всеми встречала Новый год в Абрамцево на даче Абрикосовых, а потом и у Гайдуковых. С ней было интересно разговаривать, даже немножко неуютно — уж больно она была умна и рассудительна.

Заслуживает нашего благоговейного внимания ее хобби — увлечение Пушкиным, его временем, современниками, исследованиями пушкиноведов о жизни и трагической смерти поэта. Собрала довольно большую библиотеку с книгами по этому вопросу. В общем, была истым пушкинистом.

На подмостках Филармонии она выглядела жизнерадостной, веселой, дарила веселье другим, выступая в своеобразном амплуа, резонерском дуэте комических дам со своими образами и с нелепыми комментариями к происходящему на сцене (тоже довольно нелепому). Они бывали и дуэньями в испанской драме; и старыми активистками в Перепалкинском Доме ветеранов партии; а то и заслуженными училками, обсуждающими школьные реформы.

В обзоре наших опусов читатель наверняка «вычислил» эту пару. К счастью, сохранилось директорское посвящение Марише, где подобраны все их летучие реплики, рассеянные по разным спектаклям.

Дорогой Марише к вручению приза «Золотой Нарцисс», 25.03.95

Хор: *Дорогая Марина, Маришка!
Не играючи в кошки-мышки,
Хоть зови нас, хоть не зови —
Мы пришли объяснить в любви,
Вспоминая сквозь смех и слезы:
«Прогнозы, прогнозы! То зной, то морозы,
То снег, то дожди, но только точности не жди!»*

Хор: *Ты — солистка! Забудем ли это,
потрясенные до сих пор:
«Добрый Синьор! Мы спешим донести по секрету...
Добрый Синьор! Добрый Синьор!..»*

Хор: *...И вспомнить мы снова рады
те роли — издалека:
«...Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром качает слегка!»...*

Хор: *А Директору вечно милы
ему лично спетые опусы:
«Господи помилуй! Господи помилуй!
Слава тебе, Господи!»*

*Потому, исходя из девиза, что «Довольны всегда собой...»
Ты удостоена нашего приза — Нарцисс, причем — Золотой!*

(«Золотой Нарцисс» — фигурка филармониста, уткнувшегося носом в текстуру, которую вручали всем «заслуженным деятелям» ППФ.)

К концу 1990-х гг. сказались полученные Мариной тяжелые облучения, состояние ее здоровья резко ухудшилось, в 1998 г. она ушла от нас.

В специальной газете «Чернобыль — ЗАСЛОН» (№3, декабрь 2002 г.) среди портретов других ликвидаторов последствий аварии была помещена фотография Марины в черной рамке.

Мы вспоминаем нашу Маришку с грустью, но и с искренним восхищением ее героизмом.

(15) МАЙЯ ГРИГОРЬЕВНА БОРОВСКАЯ (1926—2008 гг.)

Майя, как обычно говорят при вручении «Оскара», была звездой в исполнении ролей «второго плана» в нашем Филармоническом театре. Она охотно участвовала в наших представлениях. Она это любила, и ей очень удавалось умилять зрителей и истовой игрой, и наивностью, смешанной с великосветским старофранцузским прононсом. Ей одновременно с Маришей был вручен памятный приз Филармонии «Золотой Нарцисс» — «За стабильность выступлений в хоре и в дуэте и за блеск в исполнении ролей второго плана!».

*Все, изложенное выше, Майе так же, как Марише,
Должно было нынче спето, как великому дуэту!..*

Как актриса — хороша, Филармонии душа.

Сколь сильна твоя последняя идея:

«Я для цирка — головы не пожалею!»

*Филармония вручает и Майе почетный приз
«Золотой Нарцисс».*

Майя росла в Москве в добропорядочной интеллигентной семье. Сама была многогранно эрудированным человеком, чистым гуманистом. Это и привело ее в МГУ на факультет филологии, да еще угораздило выбрать специализацию по старофранцузскому языку. За исследование в различии произношения французских фонем в былые и в наши времена — ей во благовремени была присуждена ученая степень кандидата филологических наук. Преподавала свою специальность на одном из факультетов МГУ.

А в душе Майка, выросшая комнатным ребенком, таила авантюристические замашки, выразившиеся хотя бы в том, что она, очертя голову, ринулась в объятия Филармонии, смело выступала на сцене, бралась за любые предлагаемые роли. Организовывала эксцентрические путешествия с Мариной по дебрям России от Полесья до Онеги. Иногда ездила с фольклорными экспедициями от университета. Рассказывала много интересного об этих местах и людях.

Под нажимом филармонических друзей съездила в Париж — на родину ее второго языка. Ей помогали и советами, и ссудами, и одеждой. Вернулась счастливая. Делилась впечатлениями, особенно любопытен

был рассказ, как она беседовала с современными спешащими парижанами на «своем» французском.

Классический вариант языка она, конечно, хорошо знала. Имела многих учеников, репетировала их дома, вела дипломников. Даже некоторым филармониям охотно давала уроки «углубленного знания» языка. Правда, эффект был невелик, то ли из-за нашей лени, то ли от того, что она всегда спешила друзей сначала покормить вкусным обедом.

Помимо хоров и дуэтов Майя очень симпатично играла некоторые характерные роли: Секретарши у Минотавра или Референтки при Кандидате в Президенты — Задове.

Особый успех она имела в роли «подсадного зрителя» в спектакле «Цирк». На приглашение выйти из кресел «любого» зрителя, желающего участвовать в номере со львом, первой откликнулась Майя: «Для цирка — головы не пожалею!» («О чем и речь», — меланхолическиотреагировала дрессировщица — Ада.) Вынесли клетку со львом, он разинул пасть, а Майя решительно вложила туда голову. И тут...

Тут была объявлена рекламная пауза. Майя стойко терпела, а вот лев — нервничал. Все закончилось хорошо, только лев еще с досадой выплюнул Майкину шляпку, забытую ею в его пасти...

В дальних летних походах с Юрой Гайдуковым Майя участвовать не отваживалась, но в байдарочные весенние заплывы ходила регулярно и с большой радостью. Ее домашняя гуманитарность, обремененная к тому же старофранцузским, ловко втискивалась в узенькую байдарку. Она (мужественно) принимала и тяготы гребли, и холод, и дожди. Иногда и перевероты с купанием в холодной воде. Всегда оставаясь оптимисткой, она и при переодевании в сухое учила, что надо говорить «надевать», а не «одевать». Хотя не могла ответить на провокационный вопрос: почему эти слова не совсем соответствуют существительным — «надежда» и «одежда»? А еще среди всех походных трудов и опасностей она ухитрилась выучить нас простенькой французской песенке (на ихнем языке!), которая нам очень нравилась.

Майе выпала великая честь изготовить знамя Филармонии. Конечно, оно было красное, но не из революционных пристрастий, а потому, что на природе, на фоне зелени и вод, красный всегда заметнее. И заблудившимся легче выйти к лагерю (кроме Игоря, который красный воспринимал как зеленое). Майя на красном полотне изобразила из золотого сутажу литеры ПФ, означавшие нашу Филармонию. Потом у нас утвердился новый символ — Нотный скрипичный ключ с наложенным на него знаком простого интеграла. Со знаменем, полученным из рук Мачеки, мы прошли много походов на протяжении десятков лет. При ее умении заблудиться в лесу нам часто приходилось разыскивать ее в округе. Тогда все ходили по лесу и кричали: «Майя! Майя!» А люди, которые слышали нас, могли считать, что мы который уже подряд день празднуем пролетарский праздник 1 Мая.

А еще Маечка сделала важный вклад в распорядок и без того очень насыщенной филармонической жизни. Это в нашей истории не многим было дано. Она ввела новую и сразу закрепившуюся традицию — «грязевые» походы в лес в середине апреля на свой день рождения. Когда весна только просматривается, в лесу еще держится снег, зато на полях уже разверзлись хляби — грязь по колено. Иногда дожди смущали хозяйку праздника. На что ей была дана Директорская резолюция:

*Идут весенние дожди —
Смятение во всей природе.
Мой друг, ты лучшего не жди
И радуйся любой погоде.*

Тем не менее мы всегда радовались этому первому выходу на природу. А соответствующие одежды, сапоги, тенты для укрытия от случившихся дождей и, главное, опыт переносить подобные трудности у нас были. Было и облюбованное место в двух часах ходьбы от станции электрички — Скоротово. Несли с собой и припасы для «банкета», а уж костер всегда бывал фирменный — гайдуковский. За ту радость, что Майя нам дарила, первой открывая походный сезон, ей с особенными чувствами пели славу, многая лета и подносили стихи. Предлагаем два образца:

*Ой ты, Маечка, ты наша! За тебя я поднял чашу!
В темный лес нас зазвала, заманила, завела.
Но не только заманила — угостила, напоила!
День рожденья любим твой. День нам очень дорогой!
Этот первый наш поход впереди других идет! (С.С.)*

И еще сонет — «Апрельский»:

*Апрельский день — и началась весна.
И в «грязевой» поход идем мы снова.
Нас Майя позвала, сердечности полна,
Ведет вперед нас воля Гайдукова.
Пусть дорога по весне — сложна,
Мы не отступим, выстоим сурово,
Нам это испытание не ново —
Мы, как и лес, воспрянем ото сна.
С природой обновляемся мы сами,
И снова жизнь встает под небесами,
И мы навстречу новому спешим.
Спасибо, Маечка, за сей минуты сладость.
Да здравствует весна, любовь и радость!
Закон весны всегда непогрешим. (Б.В.)*

Есть еще один пример творческой гибкости наших талантов. Иногда к дуэту Мариши и Майи присоединялась Неля. Образовыва-

лось трио ради того, чтобы исполняемое звучало чуть громче. И этот момент тоже был отражен в нашей летописи:

*А в ансамблевой программе, обеспечив нам успех,
Наши девушки и дамы выступают лучшие всех.
Слезы вызовут и смех, не повысив голос слишком,
Неля, Майя и Маришка!*

(16) НЕЛЛИ АНДРЕЕВНА КОЛБАНОВСКАЯ (1939 г. р.)

Неля самая молодая среди старшего поколения Филармонии. Она присоединилась к ППФ только в конце 60-х годов, когда стала женой Варлена.

Спортивная, энергичная, симпатичная Нелли (Неля, Нолка) в одном из совместных с Варленом походов покорила его сердце. Она — физик, кандидат наук. И к походам была уже приспособлена, и на лыжах отлично ходила. Образование этого союза было отражено в славословиях к событию (на мелодию болгарской песни «Градил Илия килия...» в переводе — «Строил себе домик некий Илия»):

*Решил Варлен создать свой дом
На перекрестке на пустом...
По горной тропке Неля шла
И на Варлена набрела.
На Нелю глаз он положил —
Жить в этом доме предложил.*

(А после каждых двух строк звучал вздох: «Йох, аман, аман!», напоминавший пережиток былого влияния турецких мотивов на исконную болгарскую культуру.)

Происходя из кубанских казаков (по матери) и из воронежско-орловского крестьянского рода (по отцу своему), Неля отличается сильным характером. Ее отец, Андрей Уфимович Малахов, окончил МВТУ и работал строителем на Дальнем Востоке. Строил аэродромы в дни войны. Мать была статной красивой женщиной. Их семья жила в Москве на Красной Пресне в одной из комнат коммунальной квартиры.

Здесь Нелли повезло: соседкой по квартире была некая «тетя Катя» — художник и декоратор, представительница старой московской интеллигенции. Неля, будучи еще маленькой девочкой, узнавала от «тети Кати» и ее сестер кое-что о культурном московском мире. Под строгим контролем этой соседки Неля исправно училась, была круглой отличницей. Да еще и верховодила парнями-двоечниками, поскольку помогала им готовить уроки.

В 1957 г. Нелли поступила в МГУ на физико-математический факультет. Недавно с однокашниками она отметила 50-летие окончания ими

учебы в МГУ. Один из друзей на этой встрече, профессор А.Олейников, читал стихи, хорошо отразившие колорит эпохи и настроения однокашников того периода.

*Каток. Коньки с названьем «гаги»,
И тяги не было к вину.
И образцом служил Корчагин.
— Даешь, товарищ, целину! —
И нас везли по тем дорогам,
Безусых глупеньких юнцов,
Маршрутом более пологим,
Чем путь посаженных отцов.
И что потом случилось с нами —
И весь кабак и чехарда...
Какими были дураками!
Как были счастливы тогда!*

Неля долгое время работала в закрытых институтах («ящиках») по специальности физика-лазерщика, защитила кандидатскую диссертацию.

С детства она занималась спортивной гимнастикой, стала перворядницей, участвовала в состязаниях по «ориентированию на местности», бегала на равнинных лыжах, а потом освоила горные.

В 1967 г. Неля пошла в поход на Фанские горы с Варленом и их другом талантливым человеком Виктором Жуковым (о нем рассказ — будет ниже). Поэтическое сердце Варлена не могло устоять перед Нелей — этим голубоглазым существом да еще и с косичками. Он говорит, что это он напорочил себе сам в стихах:

*Самой яркою звездой небосвода
Рассиялася Венера над землей,
Полегли ее лучи на воды
Над полуночною тишиной.
И в часы, когда дымок закружится,
А над головою — звездный кров,
Возникает человеческое дружество —
Братство Польшающих Костров!*

С той встречи они объяснились, поженились и вместе вошли в Филармонию. В свадебное путешествие они, естественно, отправились на те же Фанские горы. Сынок Витя у них родился в 1970 г. Филармония устроила смотрины-крестины и нарекла новорожденного от себя звучным и модным на то время именем (словцом) — Космодром. Подросший Витя участвовал в наших байдарочных походах. Стал успешным учеником нахимовского училища в Ленинграде. Затем поступил в МИРЭА, имеет и экономическое образование. Осуществляет свой энергетический проект, предполагающий кооперацию нескольких стран. Активно занимается спортом, особо — сноубордом, а также даосской йогой. К последней он пристрастил и родителей.

Нелли, обладая некоторым преимуществом перед нами в возрасте и имея какую-то танцевальную выучку с детства, скоро сделала блестящую карьеру в нашем «театре» в амплуа инженеру. Сначала она была «принята в хор». Но вскоре ей поручались роли «молодых, миловидных девиц»: крепостной девки-аспирантки Неонилы в спектакле «Дворянское нутро»; роль Ангелицы в «Мистерии». Она создала сложный образ Юнги-гуманоида в «Бермудском треугольнике» и сыграла хиппующую Вэри в опусе «Голубая кровь». А вскоре Нолка заслуженно заняла на нашей сцене свободную вакансию Примы-балерины.

Как упоминалось, подготовка праздничных угощений в их доме, конечно, всегда шла под «руководством Комиссара», но практически основное — пироги, падало на плечи Нелли. И она справлялась.

Приведем несколько строф из поздравлений, адресованных Нелли, кратко описывающих ее путь на филармоническую сцену:

*Двадцатый век... Во время оно,
когда у нас вокал расцвел,
Наш Комиссар к нам в Филармонию
простую девочку привел.
Сперва, как скромная хористка,
на нашу сцену ты взошла,
Потом заделалась солисткой,
потом балет здесь создала...
Блистательна, полувоздушна,
движенью палочки послушна
(В руках у Хайкина). Она,
вниманием окружена,
Взяла в партнеры Командора
и подниматься стала в гору!
И, не заглядывая в тексты,
во тьму взволнованного зала,
Ермоловой подобна, веско
ты «Кушать подано!» бросала! (Б.П.)*

Бывали у Нелли и трудные моменты, и большие волнения. После дорожного происшествия она долго пролежала в Склифосовке.

Представляется уместным закончить этот рассказ добрыми пожеланиями этой паре:

*Прошло уже немало лет,
Как пили за «любовь-совет».
Вам жизнь украсил Витя-свет,
И жить вам — сотню лет без бед!*

ГРУППА ПОДДЕРЖКИ. ЗРИТЕЛИ. СОУЧАСТНИКИ

Не трудно догадаться, что применяемое нами «деление» всего списка членов Филармонии на группы (Основной состав, Группа поддержки и еще Просветители) очень условно и имеет размытые границы. Оно ни в коем случае не относится к разделениям по рангам, успехам или по другим качествам. Разве что, иногда учитывается возрастное старшинство, и то — не строго. Без такого условного деления список из четырех десятков фамилий был бы для читателя просто неудобоварим.

Все «члены команды» равно участвовали в походах, собраниях, соиздании или в восприятии спектаклей. Многие писали стихи и многих ими одаривали. В разных «группах» бывали одинаково — и умные, и остроумные, и очень шустрые, и просто шустрые, а красивые женщины были везде, поскольку в Филармонии у нас некрасивых дам не было.

Наше условное деление было основано, как бы сказать, на театраль-но-функциональных признаках: первая группа Основного состава определила тех, кто регулярно выходил на сцену или был им творчески и родственно близок; следующую — «**Группу поддержки. Зрители. Соучастники**» — представляли активные сподвижники «артистов».

Иногда некоторые из них сами выходили на сцену, помогали в подготовке спектаклей и, наконец, все вместе играли ответственной роль ядра зрителей. Поддержка зрителей, аплодисменты, смех были для «актеров» как «...канифоль для смычка виртуоза...» (по Козьме Пруткову). Роль Просветителей понятна сама по себе, но более широко о ней будет еще рассказано ниже.

Дети — внуки Филармонии, вовлекаемые в наши театральные действия, были уже названы выше в нашем тексте. Они — молодцы! Но мы не будем их выделять в особую группу, чтобы не расширять список еще и на младшие поколения.

Так, все вместе, мы составляли единое целое, испытывая взаимную любовь и радость, и — желание: «Ах, если б навеки так было!..»

Начнем очередной рассказ с семейства Славатинского-Дубровиной.

(1) СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ СЛАВАТИНСКИЙ (1927—2006 гг.)

Сергей (Сережа) оказался первым в этом ряду, хотя бы как самый плодovitый поэт Филармонии. А вообще Сережа был прекрасным, достойным человеком, высоких качеств. Он, кстати, был и физиком высокой пробы.

Сергей приехал в Москву из Твери. Известно, что его дед был там профессором. После окончания физического факультета МГУ Сережа работал в ФИАНе — Физическом институте АН. Последовательно становился кандидатом, доктором наук, профессором в Институте ФИЗТЕХе

при АН. Заведовал лабораторией в ФИАНе, был избран действительным членом Академии естественных наук (РАЕН).

Все зрелые годы, как ученого, его сжигала «одна, но пламенная страсть» — исследование и отлавливание космических лучей высоких энергий. В то время был единственный способ фиксирования и изучения такого рода явлений, поскольку еще не было ускорителей до высоких энергий для элементарных частиц (всяких там — «...тронов»). Проводимые Сергеем наблюдения и исследования имели большое значение для познания свойств «фундаментальных взаимодействий».

Установки для изучения космических лучей сооружались в горах.

Поясняем, не потому, что ближе к Космосу, а потому, что над горами тоньше слой атмосферы и меньше происходит нежелательных «взаимодействий» с этими самыми лучами. Советские установки располагались на Памире. Первая на Тянь-Шане, 3460 м над уровнем моря, более поздняя была установка на Чечекты, на высоте 4500 м.

Некоторым членам Филармонии довелось посетить эти высокогорные лаборатории в 1963 и 1973 гг. Главным впечатлением были приступы горной болезни, особо разыгравшейся у гостей из-за отсутствия акклиматизации. Пришлось стремительно отъезжать вниз. Сергей часто ездил в эти места. Туда же в свое время командировалась аспирантка — Светлана Дубровина, ставшая позже его женой.

Вскоре Сергей стал руководителем большого объединения ученых разных стран («Коллаборация «Памир»»), куда, кроме СССР, вошли Польша, Япония, Китай, Бразилия. Теперь Сергей уже много ездил по миру для координации этих работ. Эти долгие пояснения, может быть, станут понятнее в переводе на дружественно-поэтический язык:

*Мы с ним исходили немало дорог
В горах, и в тайге, и по рекам.
Мы любим его без котурн и без тог
Хорошим, своим человеком.
Еще говорят, он и физик большой,
Весь космос просеять он хочет,
И в это увлек целый мир за собой —
Японцев, бразильцев и прочих. (Б.П.)*

Мы завидовали его дальним поездкам. Он откупался тем, что много и интересно рассказывал: о карнавале в Рио-де-Жанейро, показывал слайды о жизни в дальних странах, о редких картинах, которые там есть в музеях.

Последняя его великая служебная эпопея происходила в борьбе с таджикскими властями, которые после отделения от СССР начали «экспроприировать» свинец, который с большими усилиями собрали на Памир (30—40 тонн) для «улавливающей» лучи установки. Подключали всех, вплоть до президентов стран. Результат пока не виден. Продолжим примеры стихотворных характеристик Сергея Анатольевича:

*Ты ворочаешь делами,
верен ты большой науке,
И из космоса лучами
занялся ты не от скуки...
Всюду едешь, всюду надо,
и тебе всегда там рады.
За такие вот разбеги
чтут тебя твои коллеги.
За крутую верность теме
стал ты где-то Академик.
Жаль, что только лишь с таджиками
не сойдется вы языками!
А еще акцент тут нужен,
что с искусствами ты дружен:
И концерты посещаешь,
галереи обожаешь,
Слайды без числа снимаешь
и стихи притом слагаешь.*

Всем памятни Сережины замечательные личные качества, которые всех к нему привлекали, — доброта, внимательность, доброжелательное отношение, верность в дружбе и, не трудно представить, и в любви.

С какой страстью он влюбился в Филармоническое сообщество, ценил наши встречи, купался в радостях филармонических представлений. Он радовался, когда ему удавалось выйти на сцену для замены кого-нибудь или просто для пополнения хора.

То же можно сказать о совместных, дальних походах «под эгидой Юры Гайдукова». Он всегда, когда мог, стремился в них участвовать. Так же, впрочем, как и в весенних байдарочных выездах. При сплаве на плоту (с пешим подходом из Азии в Европу) ему нездоровилось, а его заедали комары, как и всех, так как группа осталась без жидкостей, отпугивающих насекомых. Но он в любых условиях оставался твердым и терпеливым, помогал другим.

Радостью для него было сочинение поздравлений и пожеланий друзьям. Пусть его вирши не всегда укладывались в догмы стихотворчества, в ритмы и рифмы. «Не мог он ямба от хорея, как мы ни бились, отличить». Стихи писал он хотя не по всем поэтическим законам, но зато много. Они тепло принимались в нашей компании, так как были исполнены самых нежных чувств. Это отмечали и начинающие поэты — из молодых:

*Творения его пера —
во всем шедевры.
А рифма, ритм и слов игра
щекочут нервы.*

*И непредвиденность стиха
Закономерна.
Душа безмерно широка,
любовь безмерна. (Г. Поповская)*

Друзьям удалось собрать много его сочинений, которых хватило на три книжки, даже в жестких переплетах. Они были подарены нашему поэту с редким фото, на котором он запросто беседует с А.С.Пушкиным. Здесь-то ему и было присвоено звание нашего поэта.

Из воспоминаний Гали Подейко: «*Артисты обожают дифирамбы в свою честь. Ни одно событие, будь то юбилей, госпремия, защита, желтуха, спасаловка и т.п., не оставалось без внимания Сергея. На все события он исправно откликнулся поэтическим посланием, за что удостоился почетного звания Поэт Филармонии. Его жена, Светлана Дубровина (физик, преподаватель в МГУ), иначе себя не именovala, как жена поэта Филармонии*».

А к Сергею лично само по себе прилипло другое название — Муж жены поэта.

По этому случаю другим великим поэтом ППФ были написаны стихи (с налетом законной зависти(?)):

*Прими, Сережа, наш привет
и поздравления куплеты.
Тебе желаем многих лет!
Ты очень нужен для планеты.
Ты лирой изумляешь свет,
и песенка еще не спета.
Ты Филармонии **Поэт!***

И в мире нет таких поэтов. (В.К.)

С некоторыми образцами поэзии Сергея мы кое-где познакомили читателя.

Ярким примером Серезиной твердости и верности было его отношение к Светлане, когда после инсульта ей стало трудно ходить. Сережа сделал все возможное для ее лечения. Стал ей опорой и называл себя — «Я твой Нянь». Он вывозил ее к врачам в Японию. Чтобы отвлечь от тяжелых мыслей, поехал с ней к ее родственникам во Францию. Ухаживал за ней до самой ее горькой преждевременной кончины.

Свете он посвящал многие сердечные стихи с выражением в них самых глубоких чувств любви. Изо всех сил поддерживал в ней надежду на выздоровление.

В день рождения Светланы 7.11.85

*О, Светка милая, и в этот день рожденья
Твой бородатый нянь тобою в восхищенье.*

*О, Светка милая, как Феникс ты восстала
И снова ты как прежде заблестала.
Тебе желаю я поправиться скорей,
И будет впереди прекрасных много дней!* (С.С.)

После кончины Светы Сергей переносил потерю, углубившись в свою работу по космическим лучам, в преподавательскую в Физтехе и по сотрудничеству «Памир», а также в продолжающихся тяжбах с таджикскими претендентами на «научный» свинец. Были и очередные выезды в другие страны по тем же делам. Потом он начал участвовать и в филармонических походах.

Лет через пять у него появилась недолгая отдушина в жизни. Стараясь прервать свое одиночество, он вторично женился. Избранницей стала давно общавшаяся с Филармонией наша общая знакомая — Татьяна Аминова. Она — кандидат физико-математических наук, работала со Светланой на одной кафедре физфака МГУ.

Друзья заметили положительные перемены в жизни Сергея, улучшилось его настроение, в доме появилась деловитая хозяйка, в Сереже почувствовалась уверенность, ухоженность.

Сергей в последние годы перенес несколько серьезных сосудистых операций. Потом врачи нашли его неоперабельным, у него нарушилось мозговое кровообращение. Затем он сник... и ушел. Добрая ему память.

(2) СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА ДУБРОВИНА (1926—1993 гг.)

Светка — это уникальное явление. Она не была ни гениальным физиком, ни сильным спортсменом, ни артисткой... Она была прежде всего женщиной. Обладала всеми особенностями, присущими прекрасному полу. Ярko отличалась своей привлекательностью, кокетством и самолюбленностью. Для этого у нее были данные — и фигура, и красота, и постоянное умелое пользование косметикой, даже в походах. В то же время Света была начитана, знала поэзию, музыку. С друзьями была добра, приветлива. Как уникаму ей позволялось и прощалось некоторое легкомыслие. Сережа, любя ее, был к ней снисходителен.

Жизнь ее начиналась не гладко, как и у многих из нас. В войну отец, специалист в авиастроении, был из Москвы эвакуирован в Казань. Там же с ним оказалась и Светлана. Училась в старших классах школы, где, кстати, дружила с Алешей Абрикосовым.

Возвратившись в Москву, Светлана смело пошла на физический факультет МГУ, где с ней учился и Сергей. На одной из кафедр МГУ стала заниматься вопросами в рамках проблемы исследования космических излучений. Защитила кандидатскую диссертацию. Еще аспиранткой она вела наблюдения за этих самых лучей «ловушками», которые размещали

в глубоких тоннелях метро. Она живо рассказывала об этих тревожных ночных бдениях. О чем поэт сказал так:

*Все приборы над землею
ошибаются порою.
В катакомбах же метрошных
все приборы очень точны.
Грандиозны результаты —
Светка стала кандидатом.
В залы университета
гордо входит наша Света...
Есть профессоры важнее,
но нет профессора милее —
Эрудит, большой ученый,
да с фигуркою точеной.
Рядом с нею без докуки
постигаются науки.
И счастливые студенты —
очарованы доцентом. (В.К.)*

У Светланы были выезды и на Памир для ведения наблюдений на высокогорных установках, улавливающих космические излучения.

Встретившись там в одной из поездок, они с Сергеем решили пожениться. Светка рассказывала о такой детали этого события — она едва успела послать в Москву телеграмму: «Задерживаюсь. Выхожу замуж». На что отец протелеграфировал ей: «Дура! За кого?»

Светлана любила интересное общество (и себя в нем), ей было приятно внимание к себе со стороны окружающих, в том числе — мужчин. Она покупала или шила себе сама броские, изящные платья.

Однако наряду с городской жизнью любила солнце, воздух, воду. Поэтому охотно шла в наши байдарочные и пешие походы, хоть они бывали нелегкими.

Свидетельствует Галя Подейко: «...Трудно поверить, что кокетливая модница, изящная, гламурная Светка вместе с Сережей героически преодолевала труднейшие походы, привычные для филармонийцев. Она часто давала повод для подшучивания над ней по поводу того, что в походах она существует только в «двух агрегатных состояниях — или совсем мокрая, или совсем голая».

Эти Светкины состояния упоминались в нескольких посвященных ей сочинениях. Текст слегка перефразирован и «положен» на нашу любимую песню «А ты хохочешь...», которая всегда исполнялась для и в честь Светланы:

*Ты уходишь во мглу урочищ
С беззаботною головой,
А ты хохочешь, ты все хохочешь
Над медведями и над тайгой!*

*Светит солнышко ли веселое,
Или дождик идет давно —
А ты вся мокрая, а ты вся голая,
И только третьего не дано.
Состояния агрегатные
Наша память хранит всегда...
Вспоминать о них столь приятно нам,
Что не вытравят и года. (В.К.)*

Есть еще одно сказание, как Свете на Камчатке, идущей под изрядным рюкзаком в одном купальнике и в тапочках, повстречалась команда туристов — солидных военных, офицеров в чинах, упакованных в сапоги, полные камуфляжные костюмы и накрытых плащ-палатками. Встреча с ней их здорово посрамила.

Светлана всегда любила филармонические спектакли и шумиху вокруг их подготовки, наши сборища под Новый год с ночными поездками на лыжах. Выше упоминалось, как она согласилась сыграть сцену стриптиза в спектакле «Держись, заграница...». Однако Сергей выключил свет не вовремя (или же, по его мнению, вовремя). На это сразу последовал «поэтический» отклик:

*Все Филармонии актрисы
Не конкурируют с тобой!
Ты королевою стриптиза
Почти явилась пред толпой!*

Света с Сергеем и у себя в доме устраивали собрания Филармонии с какой-нибудь «культурной программой», слайдами, чтением стихов. В связи с частыми выездами Сергея в дальние страны по его научным делам скучающей Свете был однажды поднесен написанный (в соавторстве с Гомером) опус. Ввиду его большого объема мы из пятнадцати строф дадим одну — ключевую:

*Ждет благоверного мужа жена Пенелопа, страдая,
Грустно она возлежит на возвышенном ложе пурпурном,
Вьются подружки вокруг, госпожу от скорбей развлекая,
А женихи, то есть зрелые мѹжи, глазами ее пожирают...
Только она ни на что не взирает, печальная — вяжет,
Вяжет, и вяжет исподние теплые мужу, слезу утирая.
Горе! О, горе мне бедному древнему греку! (Б.П.)*

Пересказать «всю Светку» невозможно. Она смешно рассказывала, как они с Сергеем становились дачевладельцами. Где-то на распродаже Света приобрела газетный киоск, перевезла на вновь обретенный участок под городком Талдом и в этом павильончике комфортно обосновалась на первое время. Любила на участке разводить цветы, выращивать немудреные овощи. А также энергично боролась с крапивой. Ей помогали и Сережа, и Леля.

Дачно-огородные старания и страдания новоявленных садоводов тонко подметил Миша Виноградов, посвятив им «Оду на день садовода»:

*Коль ты захочешь просветиться —
Немного книжку почитать,
То сразу совесть, как волчица,
Готова душу растерзать.
Ведь что-то я недоудобрил,
Недокопал, недополил,
Шабашиников недозадобрил,
Недострогал, недопилил.
Не всю картошку я окучил,
Не все дрова переколол,
Вредителей недозамучил,
Морковку недопрополол... (М.В.)*

Завершим этот рассказ стихотворным поздравлением Свете от Сергея на 8 Марта (1987 г.). В нем чувствуется желание всячески подбодрить ее, когда она уже была угнетена болезнью:

*О, Светка милая, нас много ожидает
Приятных теплых дней на даче у реки.
И видишь ты — весна уж наступает,
И скоро прилетят грачи.
О, Светка милая... И мы большим семейством
На даче будем жить и будем там пахать...
А воздух дачный — лучшее лекарство —
Тебя восстановит... И будем ликовать! (С.С.)*

(3) ИКАР СЕМЕНОВИЧ КОВНЕР (1923—2010 гг.)

Игорь, как мы его попросту звали, занимал особое почетное место в Филармонии и соответственно был нами уважительно называем — Патриархом.

Игорь и жена его Искра были вовлечены в Филармонию Адой и Богданом. Ада дружила с ними еще с первого курса МАИ. Хотя она через год ушла из авиаинститута, но их дружба продолжалась. С появлением Богдана образовался устойчивый квартет, довольно самодостаточный. У каждого был свой характер и свой культурный багаж, но все это хорошо совмещалось, все чувствовали себя равными.

Однако Игорь был среди нас все-таки немножко «более равным». Он был подлинным энциклопедистом, знал и помнил многое о музыке и музыкантах, мог многое рассказать об истории религий, о литературе. Играл немного на скрипке. Имел фонотеку пластинок с записями классики. Обо всем этом он интересно рассказывал нам, а разных тем для рассказов у него хватило бы на десятилетия.

На его развитие повлияли и собственный дар: думать, постигать и помнить, а также воспитание в благополучной профессорской семье. Его отец и мать преподавали математику в вузах. Во время войны Игорь был в эвакуации в Казани. Работал некоторое время слесарем на военном заводе.

Вернувшись в Москву, поступил в МАИ, где, как хорошо подкованный в математике, успешно закончил моторный факультет. Маленькая деталь — речь шла не о самолетных моторах, а о реактивных, ракетных двигателях. Много позже в его рассказах звучали имена Королева, Янгеля, Исаева.

Учился он вместе с Искрой, и вскоре после окончания института они женились. Очевидно, он работал хорошо, даже был награждаем орденами и медалями. Постепенно защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Наше глубокое уважение к личности Патриарха выразилось во многих юбилейных и поздравительных посланиях ему (мелодия «К Элизе» Бетховена):

*Суров и строг в кругу друзей,
Он мухи не обидит.
Премудрый, как библейский змей,
Он многое провидит.
— Кто во всех познаниях силен?!
Энциклопедичен и умен?!
Наш Патриарх! Наш Патриарх!
Он многогранен и мастит:
Поэт, скрипач немножко.
Капусту со́лит —
И растит фиалки на окошке. (В.К.)*

Он не мог нам ничего рассказывать о своих делах, пока не перешел на работу в ЦНИИ по стальным конструкциям. Институт возглавлял академик, Н.П.Мельников, лауреат многих премий за успехи института в проектировании уникальных и серийных стальных сооружений (в том числе, и «богдановских» рулонных резервуаров).

Игорь как видный компьютерщик и систематик занялся вместо совершенствования старых методов внедрением программно-компьютерного проектирования, создания новых методик для решения задач выбора и обеспечения металлом всей отрасли строительства стальных конструкций, новых возможностей ведения проектных работ.

По своему характеру Игорь в компании отличался патриаршей мудростью, неторопливостью, доброжелательностью и большим чувством юмора. Он стал сразу верным другом всему филармоническому товариществу. Устраивал домашние музыкальные собрания для филармонийцев, ставя свои лучшие пластинки и комментируя исполняемое.

Очень деятельно Игорь участвовал в походах ППФ и дальних, и ближних (пеших), и при сплаве на плоту, и весной на байдарке. При подго-

товке походов он стремился помогать Гайдукову в выборе маршрута. Это отражено в наших поздравительных опусах так:

*Запрятаны в планшеты космические карты...
И Ковнер уточняет по глобусу маршрут!..*

Иногда, в отсутствие Юры, он сам планировал небольшие походы, вел по маршруту. Иногда это получалось хорошо, иногда, «как всегда», и он удивлялся и недоумевал. Игорь был внутренне дисциплинирован, очень методичен в выполнении дел и огорчался, когда что-то шло не по плану. Но был и самокритичен.

Однажды он с Богданом навешивал на стену в комнате полочки для книг. Он так подытожил эту работу: «Богдан делает все быстро и плохо, а я делаю медленно, но тоже плохо».

В сагу о наших походах вошел эпизод, когда нужно было заклеить большую пробоину в байдарке (с полметра длиной). Игорь никого не подпускал. Над ним держали тент, защищая «рабочее место» от дождя. Все было зачищено, высушено, оболочку и заплату мастер намазал клеем, затем дал выдержку, чтобы клей подсох до нужной кондиции. Он пресекал все советы, сам зная, что делает. Наконец, приложил заплату и любовно загладил ее рукой... А она, подлая, отстала, как будто клея и не было. Слишком долго ждали кондиции. О Боже, как был удивлен и обижен Игорь, что вещи его не послушались.

В какой-то период он заманил Аду с Богданом поехать с ним в коннотуристический маршрут. Заехали в Адыгею. Ему что-то в общении с лошастью не понравилось, и больше он не ездил. Однако пример оказался заразительным. И друзья-партнеры ездили в конные походы еще несколько раз.

Все рассказанное выше о талантливости Игоря в поэтически обобщенном виде было изложено так:

*Много талантов на свете,
но всестороннее нет!
Муж он в Ученом совете,
системник, скрипач и поэт.
Он капитан на байдарке,
он слаломист на лыжне,
Фотограф завзятый и яркий,
и гарцевал на коне.
Будучи столь одаренным,
Игорь по духу не жмот —
Все, что в нем есть, благосклонно
семье и друзьям отдает:
Топит жену на байдарке,
едет с люмбаго в лыжне,
Дров наломает в азарте,
не говоря о коне.*

*Всем он хорош и способен,
всем импонирует он,
Но доминирует хобби —
впасть в упоительный сон.
Доброй ночи, милый Ковнер!
Доброй ночи, доброй ночи! (В.К.)*

Последние строки — это дружеский намек на его способность в походе в любую минуту пристроиться где-нибудь, хоть на травке в кювете у дороги, и поспать немножко. Но на эту его слабость прозвучал и строгий антитезис:

*Дорогой Игорь! Спать еще рано —
Впереди года, впереди весна!
За то, что маячит, за то, что надежит,
Мы еще, мальчики, — все выьем до дна! (С.С.)*

Однажды, в дальнем таежном походе, его характерный юмор был имитирован нами в письме в Москву его жене Искре. Он якобы жаловался на трудный маршрут, на тяжелый рюкзак, на комарье. Сетовал, что группа очень растягивается на марше.

*...Гайдук шагает впереди, Варлен, известно, позади,
А я мечусь туда-сюда, как в проруби кусочек льда!*

Все было зарифмовано, уложено в конверт и передано (тайно от Игоря) вместе с другими нашими письмами встречающему человеку, который двигался к населенному пункту, где было почтовое отделение. Такова «таежная почта». Письмо дошло. Искра радовалась, что, несмотря на трудный поход, у Игоря сохраняется чувство юмора. Она читала письмо и друзьям, и сотрудникам на работе. После нашего возвращения мистификация раскрылась. Но и Игорь тоже остался текстом доволен.

В походах Игорь был надежным партнером. Он активно участвовал в строительстве плота, в валке сухих деревьев, перепиливании их, перетаскивании к берегу, сборке плота на капроновых петлях и клиньях.

А потом охотно «стоял вахту» на веслах (гребях) или на руле.

Искра и Игорь учредили еще одну традицию в ППФ. Это летние, в июле, выходы на природу (в то же Мелькисарово) отмечать день рождения «хозяйки» или же очередные годовщины их свадьбы — серебряной, золотой, алмазной... Эти «стояночки на поляночке» вблизи речки выливались в веселые праздники, с шарадами, спортивными соревнованиями, футболом и плаванием. Было весело и располагало к «поэзии».

Подобные выходы за город случались и осенью, в ноябре, в день рождения Игоря. Но это бывало уже менее уютно, холодновато, а иногда выпадал и ранний снег. Но, как известно, — нет плохой погоды, нужна соответствующая одежда и... хороший костер. Когда все складывалось хорошо, все были довольны и благодарили Игоря. И дарили стихи иногда «с подковыркой».

*Это ж надо исхитриться,
Все предвидеть наперед.
И намеренно родиться
В слякоть, дождь и гололед.
Раз уж так, сидел бы дома —
Нас позвал в тепло и в свет,
На Речном ведь есть хоромы,
Где дождя и снега нет.
Черта с два, не тут-то было!
Мокрый лес ему милей,
У костра сидеть с барылом
В окружении друзей,
Слушать давние напевы,
Слово меткое вставлять...
Временами, между делом,
Ненадолго засыпать. (М.В.)*

Иногда сын Саша носил и самовар, чтобы ублажить филармонистов горячим чаем, помимо других согревающих средств.

Один из сочинителей под эйфорическое настроение, в стихах сравнил жажду походов с полетами и даже побуквенно зарифмовал не рядовую фамилию Патриарха:

*Традиций **оков не ржавеет металл!**..
Скажи нам, о, Ковнер, куда нас загнал?
Но дружеских игр бояться ли нам,
Коль истовый Игорь летит к облакам.
То быть или небыль — Профессор-дикарь
Возносится к небу, недаром — Икар!
И в диком экстазе полета искреннего
Взлетает также и Искра его!
В законах физики найдя просветы,
В небо, повизгивая, взлетают дети!
За ними ль броситься, свергая оковы?
В высь уносятся Гайдуковы...
Буйствует осени поздней агония,
В небо уносится вся Филармония.
Знать, окрыленные! Значит, сумели!
И, утомленные, наземь присели... Сидим!.. (Б.П.)*

Бывали у Игоря смелые спортивные идеи, и он их в какой-то мере всегда осуществлял. В одно время он заинтересовался горными лыжами. Приобрел лыжи и другую оснастку, тренировался сначала под Москвой на случайных горках, а потом выезжал и в серьезные горнолыжные лагеря.

В другой раз Игорь завел моторную лодку «Казанку». Стал осваивать водные лыжи и коварно втягивал в эти занятия друзей.

В спектаклях на сцене Филармонии Игорь принимал осмысленное участие и как человек с мрачноватым юмором, и с тонким музыкальным слухом. Иногда из-за его перманентной ипохондрии его даже называли «Рыцарем печального образа».

*Долго рюкзак он тяжелый носил,
Долго скитался в Якутии дальней.
Зверя в тайге навсегда покорил
Игоря образ печальный...*

А на мандолине он играл у нас на балконе для двух **мах** в «Испанской драме» (Майе и Марине). Пару раз его просили в некоторых спектаклях заменить кого-то из отсутствующих. И он очень старательно, по Станиславскому, прорабатывал роль. Например, геолога с ее подтекстом в спектакле «Ближневосточная арабеска». Он от себя добавил черную повязку на один глаз в этом образе. И, конечно же, он был всегда одним из все понимающих зрителей.

Думается, что Игорю было всегда приятно и интересно в ППФ находиться в кругу неглупых друзей, где он мог рассказать нечто любопытное, где можно было доверительно поговорить обо всем (в рамках допустимого) и, вероятно, немного отдохнуть от рабочей обстановки в его «ящике».

До последних дней он не оставлял работу. Разве что — реже ездил «на службу» (полтора-два часа на метро), так как работать с компьютером ему было удобнее дома.

В последние годы выходы на природу стали ограничиваться пешими подмосковными прогулками. При быстрой ходьбе Игорю мешали боли в сердце, возникала аритмия, потом обнаружили диабет. Он сумел организовать себе очень строгую диету и сильно похудел. Однако появлялись какие-то новые болезненные симптомы. Ухудшение здоровья и конечный печальный исход случились внезапно в конце 2010 г.

Это была тяжкая утрата для всех.

(4) ИСКРА АЛЕКСАНДРОВНА КАБАНОВА (1925 г. р.)

Искра не виновата, что получила такое имя от родителей, находившихся, видимо, в постреволюционной эйфории. Обладательница этого, в общем, благозвучного, красивого имени жутко не любила, когда любой новый знакомый сразу цитировал: «Из Искры возгорится пламя...»

В этом смысле в Филармонии ей было комфортно. У нас она была просто Искрой, даже когда костер не сразу разгорался.

Родилась она в г. Иваново. Отец по списку парттысячников был за-

числен в местный институт, выучился на инженера-электрика. Мама Искры была из купеческого рода. Пятилетней девочкой Искра с родителями переехала в Москву. Несколько лет жили в Донбассе «на стройках первых пятилеток». Потом — возвратились в Москву.

Искру по праву можно выделить в лучшей части общества ППФ как представителя истых русских женщин, которые «коня на ходу остановят», дом устроят и т.п. Она и тонкая, и строгая, умная, энергичная, сильная, и женственная — сложная, композитная личность. В Искре удивительно сочетались простота, доброжелательность к друзьям и их детям. Всегда была готовность помочь разумным советом или другим способом. Это притом что она была очень загружена домашней работой, своей семьей.

К Искре можно применить случайно запомнившиеся слова из современного американского бестселлера. «Ее можно приравнять к огромному плоду, рассыпающему вокруг свои семена». Действительно, она среди всех нас является главой самого большого семейства. Это — двое сыновей, состоявшихся достойных людей; плеяда невесток, с которыми Искра поддерживает хорошие отношения; взрослые внуки и внучки и четверо правнуков, двое из которых живут с родителями в Турции.

Искру отличало еще то, что она относилась с повышенной серьезностью, порой с суровостью, в оценке всего: от государственных до бытовых событий. К ней подошла бы формула: «Строгая, но справедливая!», только с маленькой добавкой — иногда.

Она простодушно верила, что «наше поколение доживет до коммунизма», и глубоко огорчалась, когда святость родной компартии была развенчана. Очевидно, некоторая жесткость Искриного характера закалялась трудными условиями жизни в молодые годы. Были в их семье и трагические события.

По окончании войны Искра поступила в МАИ, который со своей суровой военной дисциплиной, как и последующая работа в «ящиках», не располагали к смягчению характера. Однако жизнь продолжалась!..

Образовалась дружеская компания: Ада, которая через год вырвалась из МАИ, но в друзьях осталась, Игорь, вскоре женившийся на Искре, Аркаша Воинов и кто-то еще. Молодожены после окончания моторного факультета МАИ пошли работать в соответствующие фирмы. Игорь как расчетчик, Искра — конструктором.

Молодая Искра была красивая, пышущая здоровьем девушка с частым и громким смехом, но порой могла и круто срезать кого-нибудь в разговоре.

На ее плечи легла трудная роль работающей (!) матери по воспитанию двух сыновей. Вначале это все происходило в одной тесной комнате на Соколе. Потом купили трехкомнатную квартиру в панельном «хрущевном» доме у метро «Речной вокзал». Тогда это стало для них

большой радостью. Оба сына там и выросли. Старший, обстоятельный Вадим избрал специальность «тонкотехнологического» химика. Младший Саша, красивый и рослый, пошел по династической стезе в математики, стал преподавать этот предмет в школах. А несколько лет тому назад семья переехала в приличную квартиру в 10-этажке, выстроенной по плану обновления жилфонда города рядом с местом, где стоял их предыдущий дом.

Искра, Игорь, Ада подружились еще в МАИ. Потом Ада вышла за Богдана, и он присоединился к ним. Образовался сплоченный квартет. Ада и Богдан, в свое время переехавшие на Сокол, составили им компанию и для музеев, и для частых выездов с детьми в лес у деревни Мелькисарово вблизи аэропорта Шереметьево. Нашли «свою» поляну со столетними дубами, с небольшим озерком в камышах. Назвали поляну «солнечной». Зимой мы ходили по этому лесу на лыжах. А летом детям (6 — 12 лет) там было раздолье. Ставили палатку, затевали всякие игры: в мяч, бадминтон, в Фантомаса. Ада с Богданом ввели Искру-Игоря в новый круг друзей, который постепенно сплотился в Подмосковную Приакадемическую... Дом Искры-Игоря всегда был щедрым, гостеприимным. Члены ППФ любили к ним приходить, поговорить с хозяевами, слушать изысканную музыку из коллекции Игоревых пластинок.

Искра с Игорем завели свою традицию — выводить Филармонию в июле, в день рождения Искры, в разгар лета, на Мелькисаровские луга, к речке, где затевались игры, футбол, пели, пили и веселились.

*Из лета в лето ведет нас Искра,
Но не считаем лет уходящих!
Ведь мы туристы и оптимисты:
«Нас мало, но мы в тельняшках!»*

*Растут у Искры потомки споро.
Солидны стали Вадим и Сашка!
Но предки все же дают им фору —
«Нас мало, но мы в тельняшках!»*

*Не слышны вокруг даже шорохи,
Не звенят нигде голоса...
Искре с Игорем очень дóрога
Подмосковная полоса.*

*Пусть не все пришли в Мелькисарово,
В наш семейный лес — в добрый час,
Пьем за Искрино, за Икарово,
За здоровье — «здесь и сейчас»!*

(Б.П., 1989 г.)

Примечательно, что по прошествии десятков лет Игорь стал водить туда же «пока еще передвигающуюся часть» филармонического содружества. Правда, и дубы уже слегка подсохли, и озеро еще более заросло,

и какие-то заборы появились... Да и мы не помолодели. Однако это была встреча с весной, пробуждением природы, и с добрыми воспоминаниями об этих местах.

Искра была, пожалуй, единственной представительницей Филармонии, которая проявляла некоторый скепсис к нашим «театральным играм», но это ей прощалось, как верному зрителю и автору вкусных фирменных блюд в дни «праздников, а также юбилеев», которые мы так любим! С годами Искра стала более снисходительной к шумной, разноликой Филармонии. К каждой встрече Нового года Искра, как правило, приносила к елке (или подвешивала на абажур) куколку зверюшки, именем которой этот год назывался по восточному календарю.

Мы уважали ее хобби: первое из них — это чтение научно-фантастической литературы. Такая книга была лучшим подарком ей при всяких случаях. Этих книг у нее накопилась изрядная библиотека. Вторая любовь у нее разрослась к двум экзотическим животным: красивейшей умной и быстрой сиамской кошке Фаньке и к черепахе Тортилле, обладающей противоположными качествами, но тоже очень милой, размером она была с ладонь, правда, обещали, что годам к 300-м она подрастет.

В дальние походы Искра с нами не ходила, но в пешие прогулки — всегда. Она активно участвовала в общих филармонических мероприятиях как опытная и практичная хозяйка.

Она почти всегда ходила в майские заплывы на байдарках, никогда не ныла, усердно разделяла любые общественные хлопоты, связанные с подготовкой выезда. В этих походах она приобрела-таки дружеское прозвище — «Роковая женщина», так как на одном из маршрутов три лодки, в которые ее поочередно пересаживали, — все подряд опрокидывались.

Представляется уместным завершить рассказ о паре Искра — Игорь несколькими словами из Эпиталамы, спетой им к золотой свадьбе:

*Прославлен Патриарх — прозорливы очи и премудрое чело...
В мире познаний равных ему нету, его деянья славятся по свету.
Поем Тебя, Икар — небожитель! Слава и хвала!
Искра — космична, научно-фантастична,
Клан весь патриарший взращен Ее рукой!
Слава и хвала Игорю и Искре! Поем мы Вас, Игорь и Искра!
Слава и хвала!*

(В.К., 1999 г.)

Внезапная кончина Игоря была для Искры, всей семьи, для нас большим потрясением. Но такая талантливая, незаурядная личность, каким был он, — незабываема. «Се — человек!»

(5) МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ВИНОГРАДОВ (1925 г.р.)

Миша — разнообразен. Он и умный, строгий, сдержанный, продвинутый в своей области наук, и в то же время — любящий муж, отец, дедушка, столяр, увлекающийся резьбой по дереву, спортсмен, турист, садовод, фотограф, иногда — поэт. И еще — человек с тонким чувством юмора, но молчаливый, себе на уме и, как говорится, «человек в себе».

За его молчание и за отсутствие показного интереса к женскому полу он, как бы «от обратного», получил прозвище — «болтун и бабник». Но тут же, еще раз от обратного, можно отметить тот факт, что, будучи в расцвете молодости, он на Кавказе усмотрел красавицу, москвичку и не упустил свой счастливый шанс. Походили с ней по московским улицам, поразговаривали и через два года скромно поженились. «Она звалась Татьяна» — имя для Филармонии привычное.

В студенческие годы он на уровне профессионалов играл в волейбол, был разрядником, катался на горных лыжах. Он участвовал в походах на Кавказе, а позже — на Алтае, Тянь-Шане с Варленом, Абрикосовыми, Олевскими, Богданом-Адой. А с Виктором он познакомился еще на первом курсе в МАИ.

К одному из юбилеев Миши ему Варленом была посвящена «Песнь о годах», в которой приводится и любимое присловье Мишино во все годы и во всех походах:

*Идут наши года протяжной чередой,
И каждый новый год, как новый перевал.
И эти рубежи штурмуем мы с тобою
Все 80 лет — так жребий указал.
Мой друг прищурит глаз, войдет в противофазу
И с черным юморком годов измерит высь,
И скажет он свою классическую фразу:
«Ну, что ли, поплелись!»*

Хор: *«Ну, что ли, поплелись!»* (В.К.)

Миша — потомственный москвич из «крестьянско-мещанскогословия», как он сам говорит. Из Москвы не выезжал и в войну. После года пребывания в МАИ он вместе с Виктором Олевским перешел в МИХМ. Окончив этот ориентированный на продвижение в жизнь современной химии вуз, Миша попал на работу в учреждение — «ящик». Сейчас он уже смог рассказать, что занимался... «вакуумными установками и процессами». Со временем за свои успешные работы стал кандидатом наук и дважды — лауреатом Государственных премий.

В одном из поздравительных опусов поэтически отмечены эти Мишины достоинства и его «шаги саженьи», видимые с высоты лет во всех гранях его талантов («Дубинушка»):

*Год за годом идет, и рубеж настает
Промежуточным, строгим итогом:
Ты завлаб., кандидат, дважды лауреат...
Возраст мудрости не за порогом.
При заботах больших ты богатства души
Не сгубил на рутинной работе —
Горнолыжник, турист, давний волейболист,
Скульптор ты и поэт, мастер фото...
Эх, Михайла Иваныч! Одареннейший товарищ!
(В.К.)*

Его художественные таланты ярче всего проявились в любимом при-страстии профессиональном вырезании из древесных пней, из капа-на-ростов на берегах — замечательных художественных поделок: чаш, блюд, подносов, горельефов, лесных фигурок. Все это щедро раздаривалось друзьям. И столяром он является отменным, и по металлу умеет «работать». Из нержавеющей стали он сделал фигурку человечка, разворачивающего свиток из серебристой ленты, рулон. Конечно, этого дара удостоился Богдан.

На взлете его с Таней садоводческой деятельности на дачном участке он применил научный подход к делу: при выборе пород саженцев, подготовке грунта, подбору удобрений. Смастерил агрегат для измельчения выкошенной на участке травы в сечку, пригодную для заготовки компоста.

В последние годы Миша увлекся фотографией, делает портреты, выискивает и запечатлевает среднероссийские пейзажи, но с поэтической трактовкой. Лучшие фото дарит друзьям.

Есть у него и личное, интимное увлечение — собирание грибов. Знает места, уходил туда с рассветом, приносил трофеи. Татьяна талантливо организовывала соление грибов, консервирование яблок, слив или соков из всяческих ягод, вплоть до черноплодки и калины. Праздничные столы в этом доме были здорово украшены этими дарами природы. Кое-что и друзьям перепало в качестве презента.

Еще Миша изредка одаривает друзей своими стихотворными опытами. Они всегда оригинальны, полны юмора и часто написаны в необычной форме. Вот очень милые вариации Миши, адресованные поэту ППФ Сереже Славатинскому. Повторим еще раз «огородную» цитату, адресованную Сереже, но в большой мере относящуюся и к самому автору:

*Ведь что-то я недоудобрил,
Недокопал, недополил,
Шабашников недозадобрил,
Недострогал, недопилил... (М.В.)*

«Старик Державин нас заметил...» Сережа благостно причислил Мишу к филармоническим поэтам:

*Тебе, о, Миша! Ты дерзай,
Дерзай во всем, всегда.
Твоя душа чиста,
Огонь еще пылает!
Твоим талантам нет числа...
Тебя мы очень уважаем.
К поэтам даже причисляем!
Сердечно поздравляем! (С.С.)*

Как видите, у этого семейства выявились еще многие благородные таланты как у людей работающих, умелых, щедрых. Садоводы «от Господа Бога».

*Завещал нам так Господь:
«Сад воздělывай ты свой.
И мотыжить, и полоть
ты изволь своей рукой».
Люди разных рас и вер,
будьте очень рады вы
У Михайлы брать пример
Виноградова! (В.К.)*

У семейства Миши-Тани вырос славный сын Дима. И стал он ростом выше всех в семье. Закончил Автомеханический институт. Соединяет в себе таланты и инженера автомеханика, и классного водителя. А у Димы есть еще дочка, которую мы уважительно зовем Татьяной Дмитриевной. Она очень милый умный, развитой ребенок. Общаться с ней было очень приятно и бабушке, и дедушке, и всем нам.

Виноградовы включились в Филармонию органично, однако никогда не выходили на сцену. Даже мысли такой не было. Это говорит об их скромности и разумности в отличие от нас, других. Но они всегда были надежными зрителями: и аплодировали, и бисировали...

В дальние организуемые Гайдуковым походы Миша не ходил. Однако и Таня, и Миша оба охотно ходили со всеми в подмосковные прогулки, в весенние «грязевые» походы, в летние и осенние (на дни рождения Искры и Игоря), на лыжные пробежки.

Сами приглашали Филармонию на свои табельные праздники. Охотно ходили в другие дома, радовались общим радостям и печалились случавшимся горестям. О великой роли Татьяны в содружестве Филармонии читатель узнает из следующего рассказа. Пусть переходным мостиком к нему будут строки из послания обоим Виноградовым:

Тане и Мише к Рождеству, декабрь 1997 г.
*О, Виноградовых семья!
Чета — взаимно двуедина:
В составе мужа-технаря
с супругой — истинной феминной.*

*Но не проста фемина та,
коли при обаяньи женском
Взошла на видные места
она в коммерции вселенской.
И Миша тож не прост, как дрозд,
Лауреат — изобретатель.
Встает пред нами в полный рост:
поэт, фотограф и ваятель.
За то и чтут их все друзья,
Что столь богато одаренны...
Они теплом своим дарят —
Нас — скромных, сырых и влюбленных! (Б.П.)*

(6) ТАТЬЯНА ИВАНОВНА ВИНОГРАДОВА (1935—2008 гг.)

Вместо эпитафии:

Ода Т.В.

*Да ведают и города, и страны,
Да ведает подлунная округа,
Что есть у Миши Виноградова Татьяна —
Его драгая половина и супруга!
Мы ей несем — всегда и неизменно —
Любовь души своей, приязнь своих сердец.
Изделье штучное она Творца Вселенной
И та, которую любитесь Творец!*

(Варлен Колбановский)

Таня Виноградова — еще одна из ряда особенных женщин Филармонии. Она обладала талантом человечности, талантом доброты и сострадания. Это были таланты деятельного добра, которое она постоянно превращала в действие: дать совет, найти лекарство, помочь деньгами, просто провести сеанс «психотерапии» и многое другое. Эти богатства души Татьяны как бы являются иллюстрацией к летучим словам великого еврейского актера и мудреца Соломона Михоэлса: «Талант, как деньги: если они есть, то есть, а если их нет — то нет!»

Таня от юных лет умела принимать твердые и быстрые решения для радикального смягчения возникающих ситуаций.

Татьяна была искренне верующей, соблюдала все православные обряды. Любила слушать церковные песнопения. Особенно в исполнении мужского хора из Троице-Сергиевой семинарии, который часто выступал в ближайшей к их дому церкви.

Свой высокий ум она с блеском применила в избранной области — внешней торговле. Происхождение из московского старокупеческого рода как бы способствовало ее успеху в этой профессии.

1. **Сергей Анатольевич СЛАВАТИНСКИЙ** – крупный ученый, физик, доктор, профессор, «ловец космических частиц» – с душой поэта. Он одаривал многих друзей посланиями и эпистолами. 2,3. За его поэтическое рвение друзья называли его поэтом ППФ, преподнесли три книжки его стихов и разысканный в архивах портрет Сергея, беседующего с А.С. Пушкиным. 4. А в лесу – все равны, всем хорошо.

3

2

1

4

5

6

1,2. **Светлана Алексеевна ДУБРОВИНА**, физик, канд. физ.-мат. наук. Своего мужа Сережу называла «...муж жены поэта». Красивая и стройная, что видно на фото. 3,4. Шла в трудные походы наравне со всеми. 5. За хорошую фигуру ей поручили сыграть стриптизершу в «Ревю». 6. Света вне сцены могла и выступить с песенкой в компании с Сережей.

Икар Семенович Ковнер, гл. науч. сотрудник,
д-р техн. наук
E-mail: oit@stako.ru.

Предлагается система расчета на основе методик СНиП II-23-81* и СП 53-102-2004. Основное внимание уделено полноте исходных нормативных данных, простоте и удобству диалога. Система включает в себя обширный справочник проката и сталей, учитывает специфику потребностей небольших проектных организаций, управлений капитального строительства и индивидуальных проектировщиков.

Ключевые слова: прочность деталей, устойчивость деталей.

1. Игорь (Икар) Семенович КОВНЕР — потомственный математик, доктор наук. Среди нас энциклопедист во многих областях, особенно в музыке. **2.** На сцене при заменах (в «Арабеске») создавал особый образ геолога. **3.** Игорь умел произносить умные и поучительные речи.

1,2. **Искра Александровна КАБАНОВА** в отличие от мужа Игоря — более решительна и категорична, конструктор авиаоборудования. 3. Искра хозяйственна, заботлива о друзьях. 4. Участница лыжных прогулок, пеших и байдарочных походов.

1,2. **Татьяна Ивановна ВИНОГРАДОВА** — наша лучшая подруга, талантливая, красивая. 3. Рядом с Таней всегда Михаил Иванович — спокойный, вдумчивый, рукоделец, талант в инженерных делах. 4. Миша и Таня — постоянные участники филармонических собраний, пеших и лыжных прогулок.

1, 2. Зимние выходы в лес так же желанны, как и летние. 3. Семья Виноградовых в полном составе вместе с сыном Димой.

1. **Елена Павловна СИДОРОВИЧ** (Лёля) — проектировщик электросистем, сердечный друг всех филармонистов, кузина Светланы Дубровиной. Первое фото о том, как часть из нас выезжала в Бакуриани, как ходили на лыжах, в кино, пили вино. 2. Прогулка в лес. Лёля вторая справа. Заслуги Лёли перед ППФ кроме доброжелательности — еще и приготовление к Новомуднему столу замечательных печений с орехами. 3. На день рождения к Лёле приходят друзья: вторая жена Сергея — Татьяна Аминова и его родные.

1, 2. **Яна КРОЛЬ** — представитель Санкт-Петербурга в Филармонии, педагог, живая, умная, симпатичная. Она — первая слева за новогодним столом (и вторая справа на нижнем фото). Она подруга Иры и Миши. Как педагог много нам рассказала об обстановке в средней школе и о школьных реформах. Кое-что из этого мы использовали в спектакле «Голубая кровь».

1. Одним из первых просветителей ППФ мы вправе считать **Окмира Егишевича АГАХАНИЯЦА**. На фото на переднем плане сидят Окмир с женой Лидой Андреевой. Окмир – геоботаник, доктор, профессор, знаток флоры Памира. 2,3. Окмир Агаханянц – талантливый писатель. Им опубликовано до десяти книжек о Памире – о работе геоботаника на «крыше мира». Книги интересны в чтении и многому учат нас. Часто приезжая в Москву из Минска, Окмир прочитал для нас много лекций.

1. **Лидия АНДРЕЕВА**, «супруга верная Окмира», участвовала вместе с ним во многих Новогодних встречах, смотрела наши спектакли. Ее великая заслуга перед Филармонией — изготовление прекрасных фотографий наших выступлений, что позволило использовать многие из них в этой книге. 2, 4. Окмир с Юрой и Адой Поповскими. 3. Лида с Юрой Гайдуковым.

4

На экспериментальном производственном комбинате монументальной и декоративной скульптуры при городской организации Художественного фонда РСФСР делается оригинальная композиция в металле для нового здания Уголка имени Дурова. Авторы этой работы — заслуженный художник РСФСР Д. Митлянский и скульптор В. Тюлин.

1. **Даниэль (Ноля) Юдович МИТЛЯНСКИЙ** — заслуженный скульптор, на выставке — на фоне автопортрета. Он рассказал нам многое о развитии современной скульптуры. 2—4. Работы Н. Митлянского «Пронзенный Пегас», памятник героям-школьникам, установленный в Москве, скульптуры на здании Уголка им. Дурова. 5. Им выполнен ряд портретов друзей-физиков: Андрея, Миши и других. Был издан альбом его работ. Ада и Богдан оказались первыми обладателями этого альбома.

1,2. Ноля Митлянский организовывал «филармонистов» на посещение выставок. Он был инициатором нашего выезда на небольшом пароходике по реке Сухони от Вологды до Великого Устюга. 3. На пароходике с нами плыл Миша ИВАНОВ, заслуженный художник РФ, писал пейзажи. 4. Устраивал выставку этих работ на палубе. 5. Ноля сваял портрет Миши у мольберта.

1. Еще один «Просветитель ППФ» — **Ася Борисовна МАТВЕЕВА** — искусствовед. 2. Ася — собирательница старинных икон. Делала нам доклады дома и в Третьяковке о древнерусском искусстве. 3. Ася и ее дочь Алёна — филолог, поэт — участвовали во многих филармонических собраниях.

1

2

3

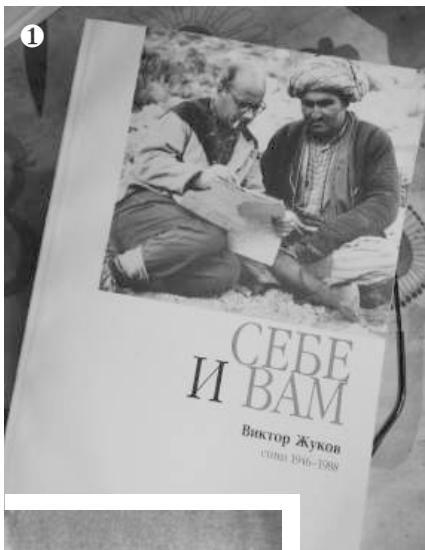
4

1. На Старый Новый год Ася и Алёна приглашают ставить спектакль в их доме. 2,3. Там же мы познакомимся с **Вячеславом (Славой) ЩУРОВЫМ**. Он — профессор Гнесинки, специалист по сохранению народного русского певческого искусства. 4. Ася в кругу друзей.

1,3. **Зоя Викторовна, Аркадий Михайлович и их сын Алёша ВОИНОВЫ.** Интересное культурное семейство. Зоя – театровед, Аркадий – экономист-международник, Алёша – физик. Участвовали в просмотрах спектаклей. Зоя сразу же писала «жесткую» рецензию на увиденный опус. 2. Поздравление с Новым годом от внуков Зои и Аркадия из-за океана.

4

Ягнобская тропа

Музыка В. Колбановского

Под скалами вода ревет осатанев..
 Попятись – обрыв, оступиться – пропал.
 Над взбешенной рекой, по каменной стене } 2 раза
 упрямая ползет Ягнобская тропа.

По ней пошел – держись! Не путай и не ври,
 на друга не точи язык свой или поври.
 Нетрезвою ногой не ступишь на овринг*, } 2 раза
 с нечистой душой по кручам не пройдешь.

Ягнобская тропа – путь верных и простых.
 Здесь путника судьба трудна, но не слена:
 Упрямого поймет, усталого простит, } 2 раза
 трусливого убьет Ягнобская тропа.

Мне в зелени долин горам не изменить.
 Спускаясь с ледников в цветущие сады,
 я память держусь за толенькую нить, } 2 раза
 ведущую людей над бешенством воды.

И у судьбы прошу о самом дорогом:
 чего б я не достиг, куда б я ни попал,
 в долинах и в горах пусть будет мне путем } 2 раза
 путь верных и простых – Ягнобская тропа!

5

Под ска-ла-ми во-да ре-вет о-са-та-нев. По-
 пя-тишь-ся об-рыв, ос-ту-пишь-ся про-пал. Над взбе-шен-ной ре-кой по
 ка-мен-ной сте-не уп-ря-ма-я пол-зет Яг-ноб-ска-я тро-па

3

Виктор Николаевич ЖУКОВ, экономист, поэт, художник. 1. Сборник стихов В. Жукова. 2,3. Образцы художественных вырезок из цветной бумаги. 4. Стихи В. Колбановского, посвященные памяти Виктора. 5. Мелодия к балладе В. Жукова «Ягнобская тропа» (см. Приложения).

Таня имела два высших образования по специальности, окончив Институт (теперь Академию) народного хозяйства имени Плеханова и Высшую Академию внешней торговли. При этом приобрела твердое знание французского.

Наша непрозрачная, нерыночная экономика нуждалась в притоке способных специалистов. Работая во Внешторге (да еще в специфических «совковых» условиях), ей все же удавалось совершать выгодные как для нашей страны, так и для рядовых потребителей закупки партий обуви у фирм многих стран. Она очень живописно рассказывала, как приходилось «выторговывать» цены, используя, в том числе, личные знакомства с главами зарубежных фирм, доводя до их понимания сложность ее задачи, под бдительным оком всяких, не очень толковых начальников.

В Париже, после заключения дорогостоящего контракта, один директор фирмы сказал ей: «Госпожа Виноградова, вы же теперь богатая женщина. Вы получите высокий процент от нашей сделки!» Наивный француз не знал еще нашей суровой действительности... Таня при этом разговоре подумала про себя: «Не получила бы «строгача»!»

Другой эпизод связан с «Мулен Руж». Там проходил кастинг, набор новых артистов в балет. Видные фирмачи, друзья Татьяны, уговорили ее выйти на сцену, поучаствовать в этой пробе. И Таня прошла по конкурсу.

Очевидно, в этой специфической внешнеторговой деятельности важную роль играло все — и личное обаяние, и ум, и красота, и вкус, и фигура, уж не говоря о свободном разговоре на французском.

Эта работа не то что давала возможность, но обязывала многократно выезжать за границу, в том числе, в Бразилию и другие латиноамериканские страны.

Такая получилась у них семья: Миша, который из своего «ящика» и думать не мог о заграницах, а рядом Татьяна, которая только в редких случаях могла отказаться от очередного выезда за рубеж. В качестве компенсации Таня привозила Мише первоклассные горные лыжи и прочее снаряжение для этого спорта.

Первая встреча Тани и Миши состоялась на Черноморском побережье Кавказа. Потом знакомство продолжилось в Москве. Много было прогулок по старым московским улочкам. Потом приняли решение. Это была прекрасная гармоничная семья с упорядоченным домом, с удачным, уже выросшим сыном Димой.

Татьяна всегда оставалась простым человеком со спокойным характером, внимательной к друзьям. Может быть, эти свойства были заложены большой русской семьей старых москвичей, из которой она вышла.

Нам приятно, что в филармонической компании они стали дружными всем нам и хорошо себя здесь чувствовали: и ничуть не зазнававшаяся Таня, и наглядно выходящий из глухой молчаливости Миша. Об этой

семье уважительно писали многие наши летописцы, в том числе, в форме частушек.

*Наша Таня в самом деле
несравненно хороша —
И хозяйка, и при деле,
и — широкая душа.
За ее спиною Мишке,
Знать, живет, как в раю.
Беззаботному сынишке
легче строить жизнь свою.
Таня, сея госзаказ,
за границами живет.
Миша в «ящиках» погряз —
домосед наоборот. (Б.П.)*

Натура Тани не позволяла ей ходить в далекие, даже байдарочные походы. Ей не нравились дискомфорт и другие трудности. Однако в небольшие походы на природу она охотно ходила, с удовольствием участвовала в лыжных прогулках.

Летом она очень любила уединяться на дачном участке. Всегда у нее там было много не легких работ и по саду, и по огороду. Зато ее романтическая душа проявлялась в том, что она любила в темноте жечь ночью большой костер или просто ходить по дачным улицам, глядя на луну.

Филармонические «театры» привлекали Виноградовых только как «наших, своих» зрителей, дарящих аплодисменты и похвалы. Они с удовольствием посещали постоянные именные и праздничные собрания Филармонии. Иногда Таня делала вместе с друзьями лыжные забеги на 10—15 км до Варленовой дачи на Красной Пахре для празднования Дня Женщин Филармонии — 8 Марта.

У себя дома они очень радушно принимали нас в дни вблизи Нового года или Рождества, когда у них обоих совпадали дни рождения. Их радовало присутствие разных, близких по духу людей.

И сами они являлись достойными образцами этого общества.

*...Это промысел Божий и Танин,
Что и дом здесь, и стол — как всегда.
И чуть-чуть молодеем мы сами
Всякий раз, как приходим сюда. (Б.П.)*

*О, Таня милая! И в этот день рожденья
Ты, как всегда, красива и мила!
Прими мои от сердца поздравленья
И пожеланья — быть такой всегда! (С.С.)*

Татьяну все уважали и обращались к ней за ее авторитетными советами как по общежитейским делам, так и по вопросам практической

медицины, а также — как организовать быстрое лечение у хороших врачей. Под влиянием ее советов в ряде случаев, благодаря принятию срочных эффективных мер, удалось предотвратить тяжелое развитие болезни у некоторых из наших друзей.

И для самой себя она принимала нужные меры для замедления некоторых заболеваний. Но, увы, случилось так, что всех этих мер оказалось недостаточно. Произошло опасное развитие болезни, и Таня оставила нас в глубоком горе в самом расцвете своей зрелости. Ее отпевали в «ее» храме с выполнением всех христианских православных правил.

Поэт Варлен сделал Татьяне восторженное приношение в прозе:

«Таня была красивой и обаятельной женщиной. В ней смешалась разная кровь, в том числе и цыганская. Она всегда с достоинством несла свою красоту, которая сочеталась в ней с не менее блестящим и острым умом. От нее всегда веяло душевным спокойствием, приязнью и доброжелательностью».

(7) ЕЛЕНА ПАВЛОВНА СИДОРОВИЧ (1925 г. р.)

Леля — двоюродная сестра Светы Дубровиной. По характеру Леля добрейшая душа, любила и Светку, и Сергея, и всю филармоническую компанию, а также была восторженным зрителем наших спектаклей.

В годы войны Леля была в эвакуации в Казани вместе со Светланой. Туда Лелю вывез отец, работавший в Аэрофлоте. Школу кончала в Москве. Учась в Московском энергетическом институте, приобрела мужскую специальность — инженера-энергетика. Потом всю жизнь до пенсии работала в институте Энергосетьпроект, где участвовала в проектировании энергоснабжения промпредприятий, сооружаемых по планам советских пятилеток и в более поздние годы.

Главным вкладом Лели в жизнь Филармонии были сердечная доброта ко всем и постоянно приготавливаемые к Новому году невероятной вкусноты печенья-тортики с обилием орехов и других секретных компонентов. Это была ее неоспоримая монополия. Ввиду регулярности этого процесса (ежеНовогодно!) Леле для перевозки деликатесов была изготовлена специальная коробка. Все со временем может показаться обычным, но эти коржики — никогда! Они вошли в стихи:

Мы много встретили годов!

И рядом с нами Леля.

Пуды изысканных тортов

Печат и носит Леля.

Не ест, не пьет — для нас печет

Торты с любовью Леля.

И ей хвалу народ поет

И очень любит Лелю!

*Давно со Светкой в огород
Вкопалась наша Леля.
Там каждый злак растет-цветет
Под мудрым оком Лели. (Б.П.)*

Сама Леля ни сочинений, ни стихов не писала. Но она очень добрый, сердобольный человек, в котором уживаются и знания по энергетике, и большая наивность с верой в необъяснимые явления, экстрасенсорнику и т.п. Особенно удивительно, что по простоте душевной Леля принимает близко к сердцу, на веру всякую казенную дезинформацию. Любит говорить о политике и задавать не имеющие ответов вопросы об онай.

Она всегда была страстным поклонником нашей «театральной деятельности». Всегда поддерживала наши выступления «бурными» аплодисментами.

Леля очень переживала болезнь Светы (инсульт), очень ей помогала в эти времена, выйдя на пенсию. Это был глубоко человечный, нравственный поступок. Вопрос стоял так: Сергей должен бросить свою научную работу и посвятить себя уходу за больной. Леля взяла это на себя. Пожертвовав своими интересами, Леля проявила то благородство души, которое свойственно только настоящим людям.

Вот обращенный к ней вопль благодарности Сережи:

*О, верная подруга и сестра!
О, наша Леля! Ты наш свет в окошке!
Давно бы я был вынужден все бросить,
И даже свой ФИАН!
Тебе желаю, Леля, в Новом годе
Здоровья сильного, но — «послабей» давленья.
Не увлекайся очень сильно, Леля,
политикой — она неблагодарна!
Ничто поделатъ с нею ты не сможешь. (С.С.)*

(8) ЯНИНА МИХАЙЛОВНА КРОЛЬ (1935 г. р.)

Яна — подруга Иры Голяминой, родственница Миши, играла в нашей Филармонии роль иногороднего представителя — горячего зрителя. Сама она — ленинградка, где и родилась в культурной петербургской семье. Она приезжала в Москву практически на каждую нашу премьеру. Была одним из самых понимающих, страстных и громогласных зрителей. Привозила нам много рассказов о жизни в Северной столице. Она окончила Ленинградский педагогический институт им. Герцена. До самой пенсии преподавала в школах биологию, географию. Как начитанный, умный человек многое нам рассказывала об особенностях работы в школе, о «причудах» наших педагогических наук, трудностей в проведении школьных реформ.

Из ее ярких рассказов вылепился образ теток-училок, действующих в спектакле «Голубая кровь». Об этом поет наш «классический» дуэт:

*Эта школьная реформа
введена не для проформы...
По программе упрощенной
будут дети обучены.*

*В том практический момент:
Знания — лишняя обуза.
В ПТУ, а не для вуза
Мы готовим контингент.*

Выяснилось, что у Яны есть два хобби: первое — путешествия как по стране, так и по Европам, а второе — сугубо личное — сбор грибов. Эти грибы в ее вкуснейшем приготовлении часто попадали на наш праздничный новогодний стол.

С каждым приездом Яна привозила свежие питерские анекдоты.

В наших рассказах уже затрагивались «вопросы социологии» — это специальность Варлена. По непредсказуемой случайности Яна оказалась в родстве с одним из самых авторитетных социологов России — Владимиром Ядовым. После кончины Яниной кухни — жены Ядова на Яну перешли заботы об устройстве его жизни. Он многие годы проводит на эстонском хуторе, именуемом «Kastani».

Для юбилейного сборника «Vivat, Ядов!» (2004 г.) Яна написала очень остроумную статейку — новеллу о том, как обжился этот хутор, как, собрав старинную домашнюю утварь, устроили музей в амбаре. Почетным гостям предоставляли право выжечь свой автограф на его двери. Посетителей встречала скульптура медведя. Далее она пишет:

«Активная пропаганда достижений не оставила публику равнодушной: нашлись грабители — «любители прекрасного» и вывезли почти все — мебель, ядовские светильники, картинки, старинные вещи». Пришлось все восстанавливать и приколачивать огромными гвоздями».

ПРОСВЕТИТЕЛИ. СПЕЦИАЛИСТЫ ИСКУССТВ

Наша Подмосковная Приакадемическая... притягивала к себе интересных людей. Вероятно, им тоже нравилось наше собрание, отличающееся повышенной «энергетикой», как сейчас этим словом принято объяснять все на свете. «Неофиты» любили смотреть наши спектакли, обсуждать с нами всякие события в мире, в стране, в быту. Сами же они вносили огромную лепту в «коробку знаний» филармонийцев.

Нужно ли говорить о том, что эти люди были большими доками в своих областях, не очень нам ведомых, и в то же время становились очень близкими друзьями всему нашему сообществу.

Это и Окмир Агаханянц — профессор-геоботаник, знаток Памира, изучивший и описавший его флору во многих научных и публицистических трудах. И Даниэль Митлянский — скульптор большого дарования, познакомивший нас также с замечательным живописцем — Мишей Ивановым. И искусствовед Ася Матвеева, хранительница большого собрания древних икон и читавшая нам лекции по этой теме, и ее друг Слава Щуров, знаток и собиратель русского песенного фольклора, профессор Гнесинки.

Кроме того, в орбиту ППФ в какие-то периоды попадали театровед Зоя и международный экономист Аркадий Воиновы; художник, графический шрифтовик «первой руки» Андрей Крюков; «вольная» (в то же время — профессиональная) художница Натта Конышева; художники молодого поколения, друзья Гали Поповской — Вера Аткарская, Мара Даугавиете, Юра Уваров и еще много других интереснейших людей. Запомнились и несколько групповых визитов к радушной женщине Светлане Петровне Тарасенко, вдове известного художника Барто. Она бережно хранит его работы (в основном в редкой технике «монокопий»), любит демонстрировать его работы и рассказывать о жизни художника.

Были истречи Филармонии с художником Борисом Алексеевичем Смирновым-Русецким, который показывал снимки и картины о Памире и о семье Рерихов.

Пусть эти люди не выходили на нашу сцену, пусть не в каждой собрании участвовали, но они вносили свой «вклад бесценный», донося до нас доподлинным образом то, что нам было известно поверхностно.

(1) ОКМИР ЕГИШЕВИЧ АГАХАНИЯНЦ (1927—2002 гг.)

Окмир — это легенда Памира! Удивительно, но эти слова даже фонетически созвучны. Он прошел там пешком по горам, вдоль берегов ледниковых рек, лично выполнил геоботанические наблюдения на многих «профилях» (подъем и спуск поперек бесчисленных памирских хребтов). Его жизненной целью от юных, студенческих и аспирантских лет до зрелого профессорского возраста стало изучение флоры этой сложной горной системы «Крыши мира»; определение ареалов распространения тех или иных видов растений, динамики их развития или угасания, в том числе в археологическом разрезе.

Полезность этих исследований очевидна как для познания жизни растений на нашей Земле, так и для людей, занимающихся скотоводством, сбором лекарственных и других полезных видов растительности. Вот такие ценнейшие сведения были делом и рук (и ног) самого Окмира и, организуемых и возглавляемых им, памирских экспедиций из разных институтов страны. И это продолжалось десятки лет с начала 1950-х до конца 1970-х гг.

Такова эта наука геоботаника, в которой Окмир Агаханянц, в наших глазах, был Богом.

Некоторым из нас посчастливилось иметь первую встречу с Окмиром «на его территории», в середине Бадахшанской долины, куда первыми добрались Абрикосовы, почти вслепую. Только познакомившись с Окмиром, они получили от него полусекретную карту, которая позволила им продолжить путь и благополучно выйти из памирских горных лабиринтов. Через год они увлекли туда Аду с Богданом, затем и другие наши товарищи ходили в те места.

Сам ленинградец, он, когда «заболел Памиром», стал жить в Душанбе. В Таджикистане Окмир проработал с конца 40-х по конец 70-х гг., вырастил множество учеников, завоевал широкую известность в геоботаническом мире. После развала Союза работать в этой хлопковой республике стало все труднее. Российских специалистов всячески «выдавливали» из страны. Окмир был вынужден уехать сначала в университет в Калининграде, а затем — и уже до конца своих дней — в Белоруссию. Читал курс в университете в Минске, а также выезжал с лекциями по приглашениям в Германию и Австрию.

Так Окмир стал и нашей филармонической легендой и добрым другом. В Москве, в Географическом обществе, мы присутствовали на блестящей защите им докторской диссертации.

Окмир часто с женой Лидой приезжал в Москву, читал специально подготовленные для Филармонии лекции из областей биологии, геоботаники, геополитики. Это было всегда интересно и познавательно для нас. Такие общения продолжались на протяжении 40 — 50 лет. Весомыми вехами наших с Окмиром встреч являлись его книжки о своей профессии, о местах, где ему приходилось работать, знакомстве с разными людьми и о различных приключениях, не всегда безопасных.

Вот они лежат перед нами эти книжки с его дарственными надписями, с портретом улыбающегося автора, и как бы продолжается разговор с этим дорогим человеком, который, увы, уже почти десять лет как оставил нас.. В первой книжке «За растениями по горам Средней Азии», 1972 г., автор рассказывает, что его побудило к ее написанию:

«...научные статьи и книги могут заинтересовать лишь очень узкий круг специалистов... И мне всегда было обидно, что широкому читателю порой остаются неизвестными те захватывающие научные интересы, которыми живут исследователи.

Вот тогда-то я и решил написать эту книгу, впервые изменив привычному жанру сухого научного изложения. Что из этого получилось, судить не мне...»

Судить предоставлено нам, и мы были очень обрадованы этими, можно сказать, развернутыми письмами и рассказами нашего друга. К тому

же, он оказался талантливым литератором, с острым глазом, с полноценным юмором и с тонким пониманием психологии людей.

Во второй книге — «На Памире (Записки геоботаника)», 1975 г., как объясняет сам автор, он решил, используя сухие записи рабочих дневников, представить читателю живые картины и события, вскользь упомянутые на страничках этих блокнотов. И это ему опять же здорово удалось. Читаешь до конца, не отрываясь.

И еще одна серьезная книга «Один памирский год. Записки геоботаника», 1987 г. Она начинается замечательным эпиграфом, словами Марко Поло: *«Всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда»*. Окмир очень интересовался личностью Марко Поло, собирался написать о нем книгу, но долго готовился, выискивал новые грани событий, чтобы не повторять другие публикации. И... не успел. Грустно.

О своих колебаниях при подготовке «Памирского года» он выразился очень остроумно: *«...реальная полевая работа часто полна неудач и непредвиденных трудностей. Эти сюжеты... обычно выбраковываются самими авторами»... Но «...раз уж повествование ведется от первого лица, единственное, что не требует поправок, это вера в то, что после описываемых событий автор остался жив. И это прекрасно!»*

А в книге много интересного и волнующего, но всю ее не перескажешь.

Четвертая книга — «Сарез» (1989 г.) о печально знаменитом Сарезском озере, где в 1911 году из-за землетрясения колоссальный обвал перекрыл реку Мургаб, что привело к внезапному затоплению нескольких селений и сопровождалось большими жертвами. Чтобы досконально представить всю эту историю, автор совершил труднейшее путешествие к завалу, а также дал глубокий анализ происшедшего.

И еще одна книга — «Антик маре», 1995 г. Как быстро прошло десятилетие! Книга составлена из захватывающих рассказов о встречах и приключениях на памирских тропах.

Трогательна надпись автора на первой странице:

«Милой Аде, дорогому Богдану, с самыми теплыми памирскими приветами и разными памирскими воспоминаниями и сочинениями. Окмир».

Иногда в надписях он применял и лестное для нас слово — «сопамирцам».

Под портретом Окмира приведена очень емкая характеристика личности автора:

«Окмир Егшиевич Агаханянц — доктор географических наук, один из крупнейших в мире геоботаников. И — великолепный прозаик, пишущий увлекательно и ярко, в чем легко может убедиться читатель.»

Жизнь ученого-путешественника сделала его главным действующим лицом сюжетов, которым позавидовали бы и романисты».

Для того чтобы у нашего читателя создалось впечатление о многогранной личности Окмира Агаханянца, о его литературном стиле и глубиной юморе, приведем здесь с сокращениями несколько отрывков из одного (первого) рассказа «Бои местного значения» из книжки «Антик маре». Рассказ рисует личность Окмира, как противника давления чиновников и «органов» на простых людей, делающих свою нужную работу.

«Летом 1951 года после защиты кандидатской диссертации я получил в Питере телеграмму, что приглашаюсь на работу во вновь созданную Академию наук Таджикистана ученым секретарем Отделения естественных наук. ...Тут я впервые попал к Валентине Петровне Шкляевой, заведующей отделом кадров и начальнику спецчасти. Это была улыбчивая, маленького росточка дама со склонностью к полноте и в возрасте явно бальзаковском... лишь позже я уловил, что улыбки эти никак не касались выражения ее глаз, они были как бы отдельно. Потом мне шепнули — у нее, мол, муж в МГБ работает.

Среди новых приятелей был кандидат наук, зоолог Владимир Иванович Чернышов. Он был женат еще с довоенных времен на Алле Львовне.

Шкляева как-то таинственно вызвала меня к себе в кабинет и сказала:

— Знаете, я не советовала бы вам дружить с Чернышовым. ...У него жена — еврейка, — наклонившись ко мне, проговорила Шкляева.

— Та-а-к — протянул я с удовольствием. — Значит, с Карлом вы мне тоже не советовали бы дружить?

— С каким Карлом?

— С Марксом, вот с каким! Он тоже еврей.

— Какие глупости вы говорите! — вскинулась Шкляева. — Маркс совсем не еврей, он вождь, а вот жена Чернышова — точно еврейка...»

Далее автор на нескольких страницах рассказывает, как однажды во время его минутной отлучки из рабочей комнаты Шкляева украла с его стола три экземпляра отчета о работе, выполненной в смежном институте. Подлость замысла была в том, что на этих отчетах стоял гриф «секретно». Тогда все к ряду секретили. Осознав этот факт и прямую ему угрозу, Окмир сумел, договорившись с директором того, смежного института, обеспечить перепечатку за ночь всех трех экземпляров отчета, утром получил на них подписи и печати и стал ждать вызова к начальству.

«Когда я зашел в кабинет вице-президента с отчетами, Шкляева была уже там.

— Честь имею, Валентина Петровна! — приветствовал я ее. — Изучаете биографию Маркса или все еще упорствуете?

В ответ слышалось шипение вкупе с рыком. Хорош бы я был без отчетов. Выложив перед вице-президентом все отчеты, я стал смотреть на Шкляеву... и, уловив ее взгляд, показал ей кукиш. Щеки у нее посинели.

— Заберите, все в порядке. Это просто контроль грифованных материалов — пробормотал вице-президент. После того случая Шкляева меня не трогала, опасалась. А потом помер Сталин, началась десталинизация...»

Такова смешно рассказанная служебно-бытовая история, но с возможным трагическим окончанием.

В других рассказах тоже описывались трудные ситуации, но в борьбе с горами, с климатом.

Окмир передавал нам эссе, например, об одном непризнанном художнике в Одессе, статью в журнале о геополитическом положении Афганистана, тексты своих докладов «для нас» или при встречах просто что-нибудь красочно рассказывал — все было ярко и доходчиво...

Он серьезно относился к своей миссии нашего просвещения, хотя признавался в этом с привычным юмором. Вот его «Заявление» Директору ППФ по этому поводу:

«В соответствии с Вашей телеграммой из Москвы принимаю предложение занять должность осветителя-просветителя ППФ на сезонной основе: исполнение обязанностей при благоприятном стечении географических и исторических обстоятельств...

Минск, 22-07-93. Ваш Окмир Агаханяц...»

Иногда приезды в Москву Окмира и Лиды совпадали с праздниками Филармонии или праздник устраивался специально по этому поводу. Старались ответить им нашими спектаклями, избранными ариями и хорами. Когда же, находясь в Москве, он отмечал свой день рождения, то ему воздавались наши хвалы полной мерой. Ему, например, посвящались:

«Бриндизы в честь юбиляра»

Мы не знали, где встретиться

Нам пришлось бы с тобой...

Но однажды на вершине мира,

на нагорьях и хребтах Памира

Довелось нам повстречать Окмира,

полюбить, не сотворив кумира.

Он в науке, как каменный,

он — душа для друзей.

Видно, геоботаника

этак лепит людей.

Он для нас всегда вероучитель,

он для нас докладчик-просветитель,

*Он традиций дружества ревнитель,
Он товарищ, друг и брат, и верный зритель! (Б.П.)*

Или же отмечалась роль Окмира как защитника природы:

*Стоят на трибунах вожди-воеводы:
«Милости нечего ждать от природы!»...
Рваные раны на теле природы,
Словно от стада свиней в огороде.
Земля и вода — нам опора от века
Для человечества и человека.
Земли и воды взывают к Окмиру —
Нас сохрани для покоя и мира! (В.К.)*

Особым событием был выезд большей части членов Филармонии «за границу», в Минск, осенью 1997 г., дабы отметить 70-летний юбилей Окмира. Предоставим слово самому юбиляру, цитируя его письмо:

«А теперь... приступлю к оценке заграничной гастроли Филармонии. Начну с того, что нам было вас мало!.. Говорят, что поэт в России — больше, чем поэт. Для нас Филармония — это много больше, чем ППФ. Поэтому со стороны Филармонии ваша Белорусская гастроль — еще один подвиг ППФ. А для нас — это уже из разряда легендарных семейных событий...

У меня, например, до сих пор в ушах звучит Адино «Продам! Продам! Продам!». Господи, до чего же хорошо вы потом распелись! И только распелись, как уже на поезд заспешили. Я же говорю — здорово, но мало. Нам мало!»

Увы, Окмир неисчерпаем, о нем можно говорить и говорить, а также читать его и читать. Он соперничал с нами во всех и радостных, и тяжелых общих событиях. Они горестно приняли весть о кончине Андрея Боровика: *«Совершенно сюрреалистический уход Андрюши в лучший мир из Австралии потряс нас, как и всякий уход близкого человека. Держитесь, и мы будем держаться!»*

К сожалению, Окмир был и сам серьезно болен. Он в трудной ситуации держался еще пять лет. Ездил читать лекции за границу, но было ему все труднее и труднее. Потом организм сдал... И нам осталось только вспоминать об этом замечательном человеке.

(2) ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА АНДРЕЕВА (1930-е — 2003 гг.)

Лида — заботливая жена, верная спутница Окмира с 1960-х годов до последних дней. Она не ходила с ним по горам, преподавала английский в Душанбе, но она создавала и поддерживала уютный дом для бродяжничающего геоботаника. Так же было и после их переезда в Минск. Лида помогала в Окмировой переписке (на английском), печатала мно-

гие материалы для его отчетов и рукописей книг. А также взяла на себя заботы о его здоровье, а при необходимости и обеспечение нужного лечения.

Вероятно, Лида была несколько выше ростом, чем Окмир, хотя нам это было незаметно. Однако Окмир, используя этот факт, звал жену любовно-шуточно — «Моя Маленькая»! Так же и мы ее иногда звали, особенно в наших поздравительных опусах в честь этой пары:

*«...Хор наш поет напев прелестный, и вокал течет рекой —
К нам прибыл с Маленькой известный геоботаник дорогой!
Будь здоров! Будь здоров! Лидочка с Окмиром!
Филармония сегодня славит вас всем миром!»*

При подготовке рукописей книг Окмир внимательно прислушивался к мнению Лиды, в частности о книге «За растениями по горам Средней Азии»: «...если бы не придирчивая оценка рукописи первым «неботаническим» читателем — моей женой, то моя «измена» привычному жанру [научных отчетов] могла бы и не состояться. И я отмечаю это с глубокой признательностью».

Лида вошла в Филармонию органично, но не только как активный приятный человек, как ангел-хранитель Окмира, но как уникальный фото-летописец спектаклей и жизни Филармонии. Талантливая в области фотографии, Лида-Маленькая дала нам прекрасные снимки наших выступлений, новогодних собраний в период «расцвета» нашей «театральной» активности в 60—80-е гг. Многими из ее работ иллюстрируются эти наши записки.

Лида принимала активное участие в одной из «битв» Окмира с «географическими чиновниками», которые то ли по небрежности, то ли по недоброму замыслу, но не способствовали присуждению ему в 1986 г. очень престижной у географов «Медали Пржевальского», которой он безусловно заслуживал. Лида описала и передала нам — «для истории» все коллизии этой малопристойной эпопеи. Ее записки кончаются такими горькими словами: «Чем дальше идет время, тем больше я, человек простой и доверчивый, не верю в случайную потерю документов, как и в другие случайности...»

Окмир же отшучивался — «Такова селявишка!».

В Лидиных записях есть и интересные детали о том, как Окмир подступал к замыслу и писал свои книги, как начинал и откладывал «на потом» написание мемуаров, как не получила решения идея с публикацией написанного Окмиром детективного романа.

Далее жизнь распорядилась так, что в этой семье к Окмировым болезням (сердце, давление), по большей части, накопленным им из-за трудной работы в течение десятилетий в горах Памира, прибавились и Лидочкины хвори — тоже сердечно-сосудистые. Так они жили, поддерживая друг друга с великой взаимной любовью.

И, как сказано в Писании, отошли в иной мир почти в одно время, Лида после Окмира, с разницей в несколько месяцев. Мир им...

(3) ДАНИЭЛЬ ЮДОВИЧ МИТЛЯНСКИЙ (1928—2006 гг.).

Даниэль (для друзей — всегда Ноля, Нолька), близкий друг Иры и Миши, играл огромную без преувеличения роль в просветительной части жизни Филармонии, в нашем приближении к миру художников. Он — заслуженный художник России, скульптор в своеобразной технике: дерево, металл, керамика, прославленный многими работами. Однако были вещи и в глине, бронзе, камне. Каждый может вспомнить «жестяных» зверей, украшающих здание «Уголка Дурова» на Олимпийском проспекте. Со своими работами он знакомил нас на своих выставках. Много раз на протяжении десятилетий он приглашал нас в собственную мастерскую. Так мы познакомились с его произведениями начиная с «8-е Марта в камчатском оленесовхозе, 1970 г.» и фигурок зверей на обрамлении памятника баснописцу Крылову на Патриарших прудах до высоко одухотворенного «Реквиема, 1941 год. Памятника погибшим одноклассникам» (работа 1971 г.). Эта работа уже упоминалась в очерке об Ире Голяминой, учившейся вместе с Митлянским и сохранившей письма одноклассников по 110-й московской школе, из которых не многие вернулись с фронта.

Ноля говорил: *«Война было главное для нашего поколения».*

Будет уместным еще раз повторить несколько строк об этом монументе:

*А одноклассники ушли в кровавый бой
И в вечности навеки онемели:
Они у школы стали в вечный строй,
Увековечены Митлянским Даниэлем... (В.К.)*

В своем творчестве скульптор создал много групповых портретов, бытовых сцен, почерпнув сюжеты из окружающей жизни, из впечатлений по многим зарубежным поездкам — в Индию, Японию, Италию, Грецию, Англию и Германию... Нас очень трогает серия скульптурных портретов «Физики», в которой перед нами встают наши добрые друзья — могикины Подмосковной Филармонии — Андрей Боровик, Миша Хайкин и другие лица. Замечателен цикл работ позднего времени по библейским сюжетам Сотворения мира.

Ноля Митлянский родился в Москве. Окончил школу перед началом войны. Еще будучи в старших классах, посещал занятия по скульптуре. Поступил на скульптурный факультет МХИ им. Сурикова. С 1942 по 1945 г. служил в армии. Вернулся в институт лейтенантом. С 1950-х годов участвовал во многих выставках.

От комиссии Союза художников по народному творчеству много ездил по стране. Был на Кавказе, Украине, Алтае, Дальнем Востоке, в Азиатских республиках. Привозил много работ, отражавших его впечатления о виденном. Написал интересную книжку — «По таджикским дорогам» и альбом о древних художественных работах в Средней Азии. В 1977 г. издан альбом, иллюстрированный фотографиями работ Даниэля. В текстовой части, среди прочего, сказано:

«Д. Митлянский — известный советский скульптор среднего поколения. Ему свойственны современность видения, сюжетная острота, выразительность пластических решений, использование в скульптуре новых материалов».

При такой высокой оценке нашего друга — художника было очень лестно получить от автора следующую дарственную надпись на этом альбоме, слегка шуточную:

«В тот день, что я увидел эту книгу, я встретил Богдана и Аду, и их экземпляр даже не № 1, а № 0.

В надежде, что этот факт будет отражен в следующем спектакле Филармонии. Д. Митлянский, 31 августа 1977 г.»

Его пожелание в какой-то мере осуществилось. Многие штрихи из его рассказов о нравах мира художников вошли в сюжет спектакля «Подмосковная кадрили» (опус 18) о событиях в Переделкино — Перепалкино.

Ноля приводил нас на многие выставки современных художников (того самого — среднего поколения). Знакомил и со своими работами, а также с живописью и скульптурными работами его товарищей — сверстников. Это здорово раздвигало наши горизонты понимания развития разных творческих школ (вне соцреализма).

После одной такой очень широкой выставки в Доме художника на Крымской набережной, где собралась почти вся Филармония, Ношке был написан шуточный панегирик с серьезным благодарным подтекстом:

*Дорогой Митлянский Ноля!
Можешь быть собой доволен —
В сферы те, что нам закрыты,
Ты вовлек нас — неофитов.
Как детей дошкольных, скажем,
Нас водил по вернисажам.
Разъяснял, что сделал кто-то.
Показал свои работы:
Глина, дерево, железо —
Все годится, все полезно.
Если есть порыв души,
Все скульптуры хороши.
Слушатели хоть бездарны,
Все же — очень благодарны! (Б.П.)*

Надолго запомнилась поездка Филармонии с Нолей на теплоходе по реке Сухоне от Вологды до Устюга. Это было чудесно и загадочно. Такие рейсы проводятся только по весенней воде, так как потом река мелеет и становится непригодной для судоходства. (О пересыхании реки говорит даже ее название.) В начале и в конце пути осматривали достопримечательности указанных городов, а посередине была еще и остановка в старом городке Потье.

Любовались берегами, быстрой речкой, разумеется — множеством храмов монастырей, старых застроек этих городков.

Но и на борту было интересно. Читались лекции о молодых поэтах, о живописи. Аудитория была почти вся своя — филармоническая. По приглашению Ноли в поездке с нами был Миша Иванов — его друг, художник.

(4) МИХАИЛ ВСЕВОЛОДОВИЧ ИВАНОВ (из семьи писателя Всеволода Иванова)

Оригинальный, яркий современный живописец. Достаточно сказать, что его учителем был Фальк.

Есть Мишин трогательный скульптурный портрет, сделанный Нолей к в серии «Художники работают».

Миша сделал в пути и на стоянках много эскизов, несколько городских пейзажей со старыми домами. На обратном пути он устроил выставку этих работ.

Оба они, и Ноля, и Миша, были прекрасными собеседниками, из их речей мы узнали много интересного.

В Москве Миша еще пригласил нас в свою мастерскую, где увидели много других работ.

Ноля по натуре не был пижоном. Носил усы и бороду — в основном, стихийно растущие. Творческое занятие позволяло ему ходить в чем и как нравится. А на теплоходике он носил черно-серую стеганую телогрейку — главную одежду «совков» — от заводов и деревень, вплоть до лагерей ГУЛАГа. Из-за этой робы получился анекдотический разговор на катере, когда мы переправлялись через р. Юг к какому-то монастырю. Здесь оказался человек из бывших зеков. Он сразу пошел на разговор с Митлянским как со «своим»: «Из какого лагеря? Чего трешься возле этих штатских? Не пойти ли вместе в отсидку на зиму в лагерь? Там дают вкусную мойвочку». Эта «мойвочка» стала у нас притчей во языцех на многие годы.

Мы были знакомы со всей семьей Ноли: женой-скульптором, сыном и дочкой — живописцами.

Ноля всегда приглашался и охотно приходил на наши спектакли. Радовался нашим находкам и не осуждал наш постановочный наив. На

спектакле «Ехали казаки» он умилился, что часть номеров была поставлена на грамотном украинском языке, а не на обычно применяемом воляпюке.

А однажды Ноля напросился пойти с нами в подмосковный поход. Да не в простой. На лыжах с ночевкой в абрамцевском заснеженном лесу. И мы, и он были очень довольны. Хотя в марте вдруг к ночи «ударил» мороз в минус 20 градусов. Нашли сухую сосну, но очень толстую, с трудом свалили. Из толстых бревен устроили жаркий костер. А какие в этих особых условиях звучали захватывающие рассказы! Разгребли снег (по колено), поставили палатки и заночевали. А утром — солнце, и дорога к дому, и все здоровы.

Очень грустно, что Ноля ушел от нас раньше многих других. Нам стало очевидным, что работа скульптора кроме духовных требует и затраты больших физических сил. Ходить с резцом или с другим инструментом, изо дня в день топтаться вокруг будущих творений — нелегко. Слава ему — художнику, труженику. Спасибо за его явление в нашей жизни и в наше время.

(5) АСЯ БОРИСОВНА МАТВЕЕВА (1927 г. р.)

Ася Матвеева была удивительно ценной находкой для Филармонии. Впрочем, может, и мы были для нее нужной находкой — благодарной аудиторией для ее талантливых лекций по древнерусскому искусству.

История началась с того, что Ноля Митлянский пригласил нас в дом Аси и ее мужа Валеры Тюлина. Тогда Ноля с Валерием недавно завершили работу по скульптурному оформлению здания «Уголок Дурова». Москвичи знают эти веселые звериные фигуры из листов нержавеющей стали: слонов, мишек, морских львов и другого зверья на крыше этого строения.

А визит членов ППФ в дом Аси и Валеры был им организован с целью познакомить нас с иконами древнерусского письма, которые это супружество выискивало, порой спасало от гибели в глухих углах Севера России. Ася рассказывала случай, как одну икону, прибитую к стенке свинарника, отдирали клещами. Этот эпизод был нами воспет так:

*Исходила младешенька
Северные дороженьки,
Все за иконой рыскаючи,
Рукотворный лик добываючи.
Из подклетей завьюженных,
Из часовен порушенных,
Из амбаров-сараюшек
Архангелогорских хозяйюшек.*

*Зрят на нас очи божи
С кухни и до прихожией,
Добрые люди любят
Лицами на Мосфильмовской улице!* (В.К.)

Вторым притягательным для нас моментом было то, что они жили поначалу в Зоологическом музее Университета на Никитской улице (бывшей ул. Герцена), в профессорской квартире Асиного отца, ведавшего этим музеем. Ася не пошла по тропе естествознания, хотя ее мама тоже была биологом — первой женщиной, оставленной на биологическом факультете для научной и преподавательской работы. А в Первую войну (14-го года) мама, будучи санитаркой на фронте, была награждена Георгиевским крестом «За храбрость». Тут гены, видимо, передались, так как Асе потребовалось много храбрости и терпения, чтобы собрать и сохранить иконы и вообще выжить в этой нелегкой жизни.

Квартира на Никитской взволновала наше воображение. Здесь, открыв одну из дверей, можно было сразу попасть в по-настоящему фантастическую экспозицию музея, отличающуюся от обычного дневного визита из-за притушенного света и темной загадочной пустоты за скелетами китов и мамонтов...

Осмелимся здесь процитировать самого (!) Михаила Булгакова словами, которыми начинается повесть «Роковые яйца»:

«16 апреля 1928 года, вечером, профессор зоологии IV Государственного университета и директор Зооинститута в Москве, Персиков, вошел в свой кабинет, помещающийся в Зооинституте, что по улице Герцена. Профессор зажег верхний матовый шар и огляделся...»

В этом абзаце все нам напоминает о многом. В этом зоомузее на ул. Герцена (теперь Никитская) нас впервые принимала Ася Матвеева, о чем было сказано выше.

Справка. О фамилии профессора. Известен анекдот из околотуртурных кругов: Булгаков случайно встретился в Елисеевском магазине с Маяковским. Спросил его: — «Подскажите подходящую фамилию для профессора биологии». Блестящий ответ последовал сразу — Тимирязев.

Булгаков этот вариант не использовал (возможно, из-за его дерзкой похожести на имя другого великого биолога — Тимирязева). Ему нравилась красивая профессорская фамилия — Абрикосов (главного патологоанатома страны — отца «нашего» Алеши)... По подобию Булгаковым была выбрана фамилия — Персиков.

Потом Асе с дочерью Аленой, уважив накопившуюся у них коллекцию икон, дали четырехкомнатную квартиру в современном доме, где «черные доски» разместились более вольготно и более доступно для обозрения. Валерий к тому времени от семьи отошел.

Там, на Мосфильмовской улице, продолжились наши встречи «на взаимовыгодной основе». Ася готовила для нас лекции о тонкостях ста-

русской иконописи, ссылаясь на развешанные на стенах иконы и иногда углубляясь в историю тех времен.

Мы же повторно представляли наш новый спектакль, поставленный к Новому году. Так, само собою, сложилась традиция, что к Асе мы сходились на встречу Нового года, но уже по старому стилю. Такое благо в России возможно. Ася к тому же обеспечивала приток свежих зрителей — своих друзей и близких. Перед спектаклем хозяйка читала свою лекцию, подкрепляя слова наглядным образом — большой иконой с многими клеймами. Все были довольны. А потом еще накрывался стол, собираемый из наших и гостевых приношений.

Нужно пояснить, что из-за регулярности этих встреч у нас накопилось множество стихов и песен в честь Аси, Алены и их дома. Да простит нам читатель, если мы ограничимся хотя бы выдержками из этих творений.

Тем более что иногда в них тема схватывается более лаконично и емко, чем при прозаических излияниях.

Вот нечто ностальгическое — о первых встречах с Асей:

*В вашем доме! В вашем доме!
В Вашем доме, Алена и Ася,
На Никитской высокий был зал.
Там традиция встреч началась,
Ариозы наш хор распевал!
И в хорах, что возле Мосфильма,
Мы нашли обаятельный дом,
Здесь иконы висят изобильно,
А хозяйка блистает умом (Б.П.).*

Лекции и речи Аси отличались большой эрудицией, глубоким знанием своего дела. И для этого были все основания.

Она окончила филологический (с искусствоведческим уклоном) факультет МГУ. Аспирантуру прошла в Художественном институте и получила степень кандидата «оних» наук. Потом читала лекции в Строгановском училище, работала в музеях, публиковала книги о русской литературе и древней иконописи.

Асины идеи особенно востребовались нами при подготовке спектакля к тысячелетию Крещения Руси («Карнавал в Ватикане») (опус 19).

*Идет перестройка лет тыщу подряд,
Понять до сих пор невозможно —
Не скажут ни крест, ни топор, ни приклад,
Где истинный бог, а где ложный.
Но белые храмы стоят на Руси,
И гений народа в них светел...
Застывшая музыка гордо звучит,
Как звон колокольный столетий! (В.К.)*

Иногда Ася выводила нас в Третьяковку и там рассказывала об иконах, представленных в главной экспозиции страны. В какой-то год Ася представляла несколько икон из своей коллекции за рубежом, в Финляндии. Несмотря на все трудности жизни, да еще в годы перестройки, Ася не нанесла никакого ущерба своему собранию (не продав ничего из накопленного). Честь ей и хвала! Теперь она передает его в Музей личных коллекций Музея Пушкина. Этот подвиг будут люди ценить многие годы.

*Исходит в Асиных хорах
от стен святая благодать!
На Новый год хозяйке дома
поем хвалу и исполать!
Она — наш пламенный оратор,
ей равных не было и нет:
Историк наш, и комментатор,
и личный наш искусствовед! (В.К.)*

А еще она вырастила и прекрасно воспитала свою дочь Алёну, тоже зачисленную нами в «дитя Филармонии».

*А чем Алёна знаменита?
Любой крутой пред ней бы сник,
Блестяще защитилась по санскриту
И за тибетский принялась язык!*

И это не выдумки. Об Алёне можно рассказать многое. Она училась на историческом факультете МГУ. Знаток санскрита. Недавно издана ее книга — «Храм-Мир-Текст». Это — сделанный ею перевод трех средневековых текстов — Пурами. Она и сама пишет стихи, но ее из-за скромности приходится уговаривать, чтобы прочла. Вот такая тихая, скромная, молчаливая, но... занимается и боевыми восточными техниками — «Ушу». Правильная подготовка для нынешней суровой жизни.

Все Асины знакомые — наши зрители, отлично принимают наши спектакли (воспитанные люди?!). Но когда-то даже прозвучала острая угроза: «*Не будет вашей оперетты — не будет вам и винегрета!*».

В среде Асиных друзей мы познакомились с человеком, ставшим еще одним из наших — Просветителей.

(6) ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ ЩУРОВ (1937 г. р.)

Он профессор Гнесинского училища (университета), известный фольклорист. У него много собственных записей жемчужин народного творчества из многих нетронутых мест России. Много знакомых людей и коллективов, а также самобытных хоров в разных местах страны. Слава Щуров и сам замечательно воспроизводит эти народные песнопения со

всеми интонациями и фиоритурами. Заслушаешься! Он многое рассказывал нам о своей деятельности, редких песенных находках, о своих учениках.

А главной радостью бывало приглашение филармонийцев на организуемые при его энергичном участии через каждые год-два, фольклорные фестивали в Гнесинке, Доме актера, в Доме ученых.

Спасибо ему. Недавний из них состоялся в апреле 2012 г. по случаю 75-летия Славы. Цветы и Слава ему! Юбилей был отпразднован в Театре московского этнографического музея. Фактически, это был фестиваль народного певческого искусства. Выступали и ученики Щурова, и хоры, руководимые этими учениками. Пели народные хоровые песни и студенты Щуровского курса Гнесинской Академии, и сам Вячеслав Михайлович. Участники концерта поздравляли юбиляра, благодарили за вклад в сохранение древнерусской певческой культуры. Все, включая ППФ, дарили ему охапки цветов.

Воспевая дом Аси-Алены, нельзя не вспомнить и этого значительно, и радующего нас человека.

*Когда Слава Щуров
фольклорно поет...
Он нас вдохновляет
на будущий год.*

И вообще хочется закончить рассказ об этом знаменательном для нас доме еще одной цитатой из наших величальных опусов (на мелодию романса В.Козина «Когда простым и нежным словом...»):

*Мы среди этих стен священных
хозяек чтим, хвалу поем,
И мы приходим непременно
из года в год в гостеприимный дом.
Веселья час придет к нам снова,
земля свершит свой оборот,
Давай дадим друг другу слово
здесь встретить Старый Новый год!*

(7) АРКАДИЙ МИХАЙЛОВИЧ ВОИНОВ (1927 г. р.)

Аркадий и его жена Зоя, в общем, одно целое, дружная семейная пара, единомышленники. Однако их отношения с Филармонией несколько различаются.

Аркадий, учась один год в МАИ, познакомился с Адой, и с Искрой с Игорем. С началом образования Филармонии это знакомство плодотворно возобновилось. Окончив МГИМО и защитив кандидатскую диссертацию, Аркадий стал экономистом-международником.

По его способностям его высоко оценили и отправили работать в США в представительство СССР при ООН. Там они с Зоей прожили с десяток лет. Иногда на год-два, следуя каким-то правилам МИДа, приезжали в Москву, жили на Большой Грузинской улице. Недалеко был дом, где жили Ада с Богданом. Это обстоятельство позволило им вскоре встретиться и установить дружеские отношения.

На время отъездов за границу Зоины родители, очень культурные, интеллигентные люди, опекали их подрастающего сына (внука) — Алешу (под прозвищем Кроха). Позже Кроха вошел в число «детей Филармонии», а ростом вымахал выше нас всех.

Аркадий, и пребывая в Москве, и даже находясь за границей, всей душой рвался к Филармонии, к участию в походах на байдарках в Подмосковье, на плоту по сибирским таежным рекам. С ним в байдарочные походы ходил и Алеша. А Зое, органично не принимавшей походов, оставалось только беспокоиться о муже и сыне.

Однажды Аркадий даже устроил себе срочный выезд из Швейцарии домой, чтобы сразу «пересесть» из самолета в байдарку и получать свой кайф. В другой раз было хуже. В дальней поездке на плоту его схватил острый приступ урологической болезни, но он дотерпел до Москвы, где уже лег на операцию.

Алеша-Кроха, научившись походной жизни под руководством самого Юры Гайдукова, стал лидером в организации разных походов с группой своих сверстников.

Присутствие Аркадия играло существенную просветительскую роль в Филармонии. Он умел живо рассказывать (в рамках, которые он себе сам разрешал) об интересных случаях в заграничной жизни, особенностях дипломатической службы. При его мягкости и дружелюбии эти неспешные беседы у костра или под солнышком на дневном привале были очень интересными.

Один раз он привез в байдарочный поход коробки с чаем «Грей», что тогда было для нас диковинкой. Мы упивались вкусным чаем, а к тому же развлекались сочинением «кричалок» на эту тему, типа:

*«Если ты других умней — потребляй напиток «Грей»!
или — «Только полный идиот не приемлет Бергамот!»* и т.п.

Из-за Аркадиевой международной ему были написаны куплеты со вставками на «заграничных» языках:

Дорогому Аркадию с приветом, 20 мартабря 1983 г.

*Равноправны — милый с милой
у станка и у кормила...
Не считай, что это труд —
развлекайся **very good!***

*Проявись, как кулинар,
чтоб всё было wunderbar!
Нас по дружбе пригласи,
скажем мы beaucoup merci...
Поклоняясь вкусноте,
выпьем за a la sante!
Лишь напитков не жалея —
все придем — Азохен вэй!*

Все трое Воиновых с удовольствием смотрели наши спектакли, получая каждый свое впечатление.

(8) ЗОЯ ВИКТОРОВНА ВОИНОВА (~1930 г. р.)

Зоя — тонкая натура, красивая, жеманно-простая, милая женщина. По специальности она театровед, углубленный в современный западный театр, кандидат искусствоведения. Автор книг по избранной теме. Будучи женой экономиста-международника и разъезжая с ним по свету, имела большие возможности для изучения иностранных театров.

В наших Филармонических собраниях она рассказывала много интересного о тенденциях мирового театрального дела, об анекдотических случаях в кругах отечественных культуртрегеров. (Такая, например, история: министр культуры Фурцева почему-то слишком рано поутру приехала в Институт культуры. Задержавшись в фойе, увидела, как уборщица моет мраморный пол. Стала давать ей советы, а та, не зная, кто это, «не будь душой», отбрила ей: «Занимайся своим делом, а я свое — сама знаю!»)

В наших собраниях Зоя при оценке наших представлений играла свою роль официального строгого критика, на ходу писала и читала нам свои, пародирующие профессионалов, рецензии на спектакли ППФ, всегда смешные, но иногда и с подковыркой.

За эти «шалости» ей был посвящен куплет — парафраз из Маяковского:

*На чешуе жестяной рыбы
Ты создала научный труд...
А вы статью сверстать могли бы
На звуках филармонских труб?!*

Был случай, когда Воиновы захотели показать наш «театр» знакомым, из своих кругов, мы были приглашены к ним в дом. И опус был выбран подходящий, про за границу — «Привидения в замке Скоттервилль». В этом мероприятии слегка подвело нас отсутствие в доме инструмента. А под «фанеру» — аккомпанемент, заранее записанный на пленку, нам не всегда удавалось вовремя встроиться. Однако... все, как всегда, остались довольны.

К сожалению, в годы нашей сумбурной перестройки Воиновы решили выехать в США «на постоянное место жительства» как пенсионеры. Им там жить было не привыкать. Алеша еще до их решения работал в Америке в одном из физических институтов и вывез туда свою семью. После отъезда Зои и Аркадия за рубеж непосредственные связи Филармонии с ними «свернулись». Только в их письмах «оттуда» часто звучат трогательные воспоминания о том радостном куске жизни. Вот несколько выдержек из их писем оттуда:

«...У нас, как мне помнится, встреча Нового года была всегда, особенно в наши молодые годы, полна возбуждения, придумывания какого-то декора, сюрпризов, блюд и непременно — ожидания событий или перемен, но непременно — к лучшему.

А здесь только предрождественское подарочное безумие...

Вспоминаем наши застолья по поводу вашего совместного с Адой праздника и спектакли Филармонии!.. Зоя, Аркадий, Алеша».

(9) ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ ЖУКОВ (1928—1988 гг.)

К числу Просветителей Филармонии следует отнести и нашего доброго знакомого — экономиста, поэта, художника, «горного бродягу» Виктора Жукова. Это был человек необычной судьбы. Сам родившийся в Средней Азии, был страстным исследователем Памиро-Алайского горного района, в частности Фанских гор — между Гиссарским и Зеравшанскими хребтами. Он совершил сюда десятки путешествий — походов, знал каждую скалу и тропу. В 1962 г. он повел туда Варлена, а в 67-м с ним в «Фаны» ходили Неля и Варлен. Тут же эта пара созрела для своей женитьбы.

Виктор Жуков выступал на их свадьбе свидетелем со стороны невесты.

Во время застолья он, талантливый музыкант-самоучка, виртуозно играл на аккордеоне и пел песни Окуджавы, свои и многое другое из фольклора городской интеллигенции.

В 1972 году состоялась знаменательная встреча в Фанских горах групп под водительством Жукова и Гайдукова, идущих навстречу друг другу. Какое было торжество, когда при подъеме с красивейшего высокогорного озера Большое Алло на гайдуковскую группу набежала четверка Жукова. Развели костер из арчи, заварили крепчайший чай, и состоялась добрая дружеская беседа вольных бродяг московского разлива.

О совпадениях. Точно по Швейку. Аналогичный случай... был на Полярном Урале, где команда ППФ, ведомая Юрой Гайдуковым, встретила с группой ленинградцев во главе с Е. Иорданишвили, с которыми в 1968 г. состоялся общий поход некоторых москвичей и ленинградцев в Африке с восхождением на Килиманджаро.

Жуков еще однажды пересекся с Юрой в горах Памира. Вечером опять был костер, чай, и ночь напролет пелись удалые и лирические туристические песни. Одна из этих песен «Ягнопская тропа» написана Жуковым, а положена на музыку Варленом и Нелей. Эта песня, которую мы часто поем в наших собраниях, приведена в Приложениях к тексту. Была издана книжка со стихами и песнями Виктора Жукова.

Виктор Жуков был одарен всесторонне. Помимо поэтического и музыкального дара он был талантливейшим художником. Он обладал редким умением вырезать силуэты и даже картины из черной или цветной бумаги. Им создано более двух тысяч тончайших, вырезанных из бумаги миниатюр, сведенных в циклы и часто снабженных остроумными надписями. Не без труда были изданы календарь и альбом с его вырезными картинками.

Жизнь Виктора оборвалась трагически. Он пошел в свои любимые Фанские горы, и там случилась катастрофа — он погиб в горной реке. В стихотворном размере «Ягнопской тропы» Варлен сочинил прощальный стих, посвященный Виктору Жукову.

Памяти Виктора Жукова

*«Я сердце оставил в Фанских горах,
Теперь, бессердечный, хожу по равнинам...»
Так Визбор невал... Так осталось в стихах,
Так было, и есть, и пребудет отныне.
Ушел наш товарищ — веселый певец,
Отважный и щедрый, и вольный как ветер.
Нам Фанские горы — утеху сердец —
Оставил ты в песнях, стихах, силуэте.
Времен и судёб ход неумолим,
Но истин истину я в бытии постиг,
Что есть один лишь путь товарищам твоим:
«Ягнобская тропа — путь верных и простых.» (В.К.)*

ГЛАВА 9.

ФИЛАРМОНИЧЕСКИЙ КАЛЕНДАРЬ. ПРАЗДНИКИ И ПОХОДЫ

*Я не буду спать
Ночью новогодней:
Новую тетрадь
Я начну сегодня.
Год переберу,
Месяцы по строчке
Передам перу
До последней точки.*

Арсений Тарковский

На предыдущих страницах часто встречались слова — «традиции», «новая традиция». Это объяснимо. Понятно, что жизнь такого значительного, подвижного коллектива, как наше Филармоническое содружество, не протекала стихийно, от случая к случаю. Многие традиции выстраивались своим чередом, соглашаясь как с обычным, «светским» календарем: новый и старый Новый год; Рождество; 8 Марта; Пасха; 1-е Мая — поход на байдарках; лето — дальние походы; Ноябрь — экскурсии в древние города «Золотого кольца» и т. д., так и с нашими табельными днями — дни рождения, юбилеи, бенефисы, свадьбы (серебряные, золотые), а также и другие, ставшие общими для ППФ, события. Правилен и подзаголовок этой главы, потому что каждый поход также являлся праздником духа, праздником преодоления трудностей, да и самих себя.

В общем, с первых же лет самоосознания Филармонии и в последующие десятилетия с каждым годом складывался знаменательный Филармонический календарь. Это прочувствовала одна из Принцесс Филармонии, а именно, Галя Поповская, и с мастерством молодого архитектора сумела дерзко изобразить в картинках нашу «систему бытия». В середину квадрата прежде клеивался официальный календарь каждого года. Потом увидели, что это не нужно. Лет было очень много, а устойчивость наших традиций делала эти годы практически похожими друг на друга. Как видно из наших записок, Филармония продолжала жить и к году своего 50-летия — 2007. И есть надежда, что мы успеем завершить и этот наш труд к 55-летию ППФ—2012 г.

Вот давайте и пройдемся по этому наглядному пособию — нашему Календарю (см. 2-й форзац,) дополняя главное событие каждого месяца, изображенное на «клеймах», попутно рассказывая еще и о других сопутствующих деяниях.

Как ни странно, к каждому месяцу нашлись стихи близких нам поэтов, соответствующие погоде каждого месяца и нашим делам, к очередному месяцу относящихся. Да простит нам и это наш терпеливый читатель.

ЯНВАРЬ

*Время легкий бисер нижет...
Час за часом, день ко дню.*

Владислав Ходасевич

Этот месяц, естественно, заполняется новогодними празднованиями, которые раскручиваются еще с последних дней декабря. Это — и съезд гостей на дачу (то к «Абрикосам», потом к Гайдуковым, а последние 12 лет — к Варлену). Всюду готовится большой стол.. В том числе и в прямом смысле, чтобы усадить до трех десятков друзей (в первые годы), хоть в тесноте, но не в обиде. Юра это делал из снятых оконных ставень и листов фанеры. Если кто-то мог приехать раньше — помогал ему и в этом, и в таскании дров, воды из колодца, и в протапливании печи, пока не появились водопровод и газ.

В дом вносилась елка, выбранная из многих растущих на участке. Под балками потолка развешивались простенькие игрушки, серпантин, гирлянды. Игорь приносил и украшал стены «Фотографиями года».

Вторая ипостась стола — угощения и напитки. Каждый приносил, что ему выпало «по раскладу». Что-то готовили и варили на месте. Особый ритуал — коллективное резание компонентов для «праздничного» винегрета. В большом тазу это произведение кулинаров помещалось в середине стола, на скамеечке. Над ним с тряпичного абажура свисали фигурки зверей, относящихся к этому году по буддийскому календарю, к которым каждый раз Искра добавляла новое животное, включая дракона. Понятно, что все это длилось долгое время, и после двенадцати лет цикл завершался, но потом наступали новые дюжины лет, и пополнение фигурок продолжалось.

От абажура спускались и ленты бумаги из рулонов, от которых было удобно отрывать салфетки для вытирания пальцев.

Последнее особенно требовалось, когда, проглотив наваристый «Майкин бульон», который она готовила дома, а потом в бидонах везла на дачу, мы приступали к фирменному блюду — «Цыплят Гайдука». Цыплята прекрасно запивались глинтвейном «от Олевских». Всякая гастрономия привозилась из московских магазинов (или Таней Беликовой — из академраспределителя). А особое ореховое печенье пекла Леля.

Но вечернее застолье имело и свой идеологический ритуал. За полтора-два часа до полуночи выходили на ночную лыжную прогулку вокруг

дачного поселка, как бы прощаясь со «спортивными подвигами» прошедшего года. За столом — прощание продолжалось под чтение Приказа по Филармонии, обычно составляемого Комиссаром — Варленом, но идейки ему предварительно подбрасывались коллективно.

Перед звоном курантов слушали речь очередного генсека, премьера или кого-то из первых президентов. Звенели бокалы!..

Потом телевизор, как правило, отключали, и начиналась своя самостоятельность — стихи, подарки, сценки, потешные лотереи и т.п. Как говорилось выше, в первые годы мы шли с премьерным показом нового спектакля на дачу к Леонтовичам. От Абрикосовых это было в нескольких минутах, а от Гайдуковых (от «Радонежа») занимало более часа. Потом эти ночные походы как-то прекратились. А премьеры новых опер стали представлять на старый Новый год у Аси.

На следующий день шли с Гайдуковым на лыжах в «большой» поход до Сергеевой пустыни или к музею Тютчева. Кто мог, оставался гостить еще на два-три дня. Ходили на лыжах, привлекали к этому и «Детей Филармонии», хотя они иногда слегка и бунтовали, однако все же приучались к «правильной жизни».

Дача Юры и Наташи на десятилетия стала самым главным новогодним пристанищем для Филармонии, где мы так хорошо встречались. Эти чувства внятно выражены в песне, которую по известной канве удачно дописала Галя Подейко...

*Новый год принесет
много дел, много встреч.
И в какие б края
нас судьбой занесло,
Можно много забыть,
но должны мы сберечь
Этой ночи добро,
этой встречи тепло.*

Припев: *Там ели высокие,
сугробы глубокие,
Там домик стоит,
обогретый добром.
Мы люди из города,
но все же нам дорого
Быть верным Абрамцеву
в сердце своем.
Мы идем по стране,
по тайге и горам,
Мы летаем, плывем —
сколько лет протекло!..
Но всегда сохранить
полагается нам*

*Этой ночи добро,
этой встречи тепло.
Год за годом идет,
и планета плывет
По орбитам своим
среди звездных миров...
Только ты для себя
сохрани на весь год
Этой встречи тепло,
этой ночи добро.*

Припев: *Там ели высокие,
сугробы глубокие,
Там домик стоит,
обогретый добром.
Мы — люди из города,
и все же нам дорого
Быть верным Абрамцеву
в сердце своем...*

Эти строки соответствовали нашей расслабленности и сентиментальности в той обстановке, а потому и стали настоящим лирическим новогодним гимном Филармонии.

На православное Рождество собирались у Виноградовых на их объединенном дне рождения, где тоже было и весело, и обильно.

В доме у Аси и Алены к Новому году по старому стилю производилась своя «перенастройка», включая и настройку пианино. Устраивались места для зрителя. А зрителей было много, в том числе и «свежих», которые вслушивались в текст, ловили подтексты и нас похваливали, что, естественно, было для всех приятно.

Перед действием Ася читала лекцию на какую-нибудь животрепещущую иконно-живописную тему. А после спектакля и «бурных аплодисментов» все сидели за импровизированным столом, заставленным «приношениями» участников. Но важнее всего были разговоры: «за жизнь», об иконах, о народных песнях. О последнем много мог и рассказывал Слава Щуров, иногда мастерски напевая эти мелодии, дошедшие к нам из древних времен. Пели и мы, что умели. Вот так образовалась и эта традиция — старого Нового года у Аси.

А тут приближается и день 25 января...

*Мы поднялись сегодня рано...
И, тень не бросив на плетень,
Помчались чествовать Татьяну.
В Татьянин день, в Татьянин день!*

*Как все хранители традиций,
Мы их варьируем порой.
А для сердечных бенефиций
Благоприятен день любой. (Б.П.)*

Дело в том, что Таня Абрикосова присвоила этот день только себе, и навсегда. Опять традиция! Она хитро стала устраивать в этот (или ближайший) день посещение театра, готовила изысканный стол, а гости ей пели дифирамбы. Как это отражено зорким оком художницы Натты Конышевой в ее картине, которую (картину) Филармония позже презентовала Директору. Впрочем, славословия пелись тут и другим филармоническим Татьянам, которых у нас было много.

ФЕВРАЛЬ

*Осядет снег. Седые кудри
Смахнет бессмертная сосна.
Я слышу дрожь в февральском утре,
О, это вздрогнула весна.*

Игорь Северянин

Здесь главным событием оставалось третье (после двух новогодних) представление очередного спектакля на радость нам и зрителям. Иногда это происходило в доме Ады и Богдана в первые дни февраля по случаю их общего дня рождения. А если не ставили спектакль — тоже скучно не было: к этой дате приурочивался или юбилей филармонии с отчетом Директора, или бенефис Ады, или показ собственных фильмов, или концерты филармонистов и их детей. Читались стихотворные поздравления и восхваления, как это бывало и в других домах. Из сотни этих опусов, сочиненных за десятки лет вдохновением дюжины поэтов, сложилась великая сага, из которой, отсеяв плевелы, можно по цитатам составить яркую характеристику любого участника сообщества.

В выходные дни, чувствуя окончание сезона, старались почаще ходить на лыжные прогулки. На лыжах порой добирались до каких-нибудь удаленных монастырей или местных музеев.

Да тут же был и разгар концертного сезона. И ходили, в концерты, собираясь группками по интересам, часто используя при этом и свежие, и просроченные абонементы. Иногда, вне календаря, вмешивался Ноля Митлянский и зазывал к себе в мастерскую или на выставку, где выставлялись его работы.

Февраль месяц короткий и проходит быстро...

МАРТ

*Вот девочки — им хочется любви.
Вот мальчики — им хочется в походы.
С апреля изменение погоды
Объединяет всех людей с людьми...*

Белла Ахмадулина

Главное событие месяца, конечно 8 Марта. Мы этот праздник навсегда определили, как День Женщин Филармонии, оставив другим странам заботы о защите женщин-работниц и о Кларе Цеткин.

А своих женщин мы всегда любили и любим. Поэтому и готовились к этому дню и кулинары, и гурманы, и поэты. На соответствующей картинке Календаря образно представлено это событие, как и должно, в розово-голубых тонах.

Обычно этот день начинали с прогулки на лыжах или пешком по близлежащим лесам или паркам. Опять «Сложилась традиция...»(!) Чаше всего День Женщин Филармонии проводился на даче Варлена в Красной Пахре. Хозяева заезжали туда накануне и готовились. А «боевой состав» Филармонии с лыжами добирался метро «Юго-западная», далее — несколько остановок на автобусе по Киевскому шоссе, почти до Внуково, а затем под предводительством Юры Гайдукова «...по лесам, полям и оврагам...» шли несколько часов до цели.

В конце пути, в условном месте группу лыжниц и лыжников встречал Варлен, поздравлял женщин и всех угощал яблоком, мандарином или конфеткой. Такое подкрепление сил было своевременным и приятно. Лучшее всего впечатления от прамбулы праздника выражены в немудреных, но выстраданных стихах, сложенных в один из тех годов коллективно на марше (мелодия «Сиреневый туман»):

*В сиреновой дали Варлен нас ожидает.
Мы встали на маршрут и двинулись вперед.
Хоть путь у нас далек и силы быстро тают,
Но в теплый теремок Гайдук нас доведет.*

*Но где те «полпути», где нас Варлен встречает?
Когда же тот овраг, который нам так мил?
Там яблоками нас обычно угощают,
Чтоб в теплый теремок Гайдук нас дотащил!*

*Еще один рывок, еще одно паденье...
Вот впереди гора и виден первый дом...
И позади уже дорожные волненья,
И Нелли встретит нас горячим пирогом!*

Ободренная встречей группа доползает до «теремка». Ненадолго от-

тягивая удовольствие мытьем рук, плюхаемся за уже накрытый стол. И тут обильное меню гармонично сливается с высокой поэзией.

Пожалуй, только к этому любвеобильному празднику было написано больше всего поэм и славословий. Из сотни выберем одно из лучших, Варленово, 2003 г., под титулом — «Евины дочери»:

*Восславим женщин городов и сельской местности!
Есть для того резонные причины...
В них сочетание — земного и небесности —
Всего, что так пленяет дух мужчины.
И эта буйная вакхическая плоть,
И этот лучезарный блеск очей...
Да что там говорить! Их сотворил Господь
В неизреченной милости своей!
В благословенный час Адамово ребро
Господь преобразил в изделие отменное.
От Евиных времен оно — нисколько не старо
И нам даровано, как счастье сокровенное!
Тьмы поколений всесвязующая нить,
Родоначалницы бесчисленных людей...
Их сотворил Господь — чего греха таить! —
В неизреченной милости своей!
Что там еще? В божественном сосуде
Живет прекрасная и нежная душа,
Которая тебя поймет и не осудит,
Которая тебе по милу хороша!
И мне волненья своего не побороть.
И Евиных боготворю я дочерей,
И ниц я падаю... Их сотворил Господь
В неизреченной милости своей!*

А по контрасту представим выдержки из бравурного стиха, содержащего уйму эпитетов, восхваляющих наших любимых женщин, доказывающих, как мы их ценим и любим. Хор исполняется на мелодию украинской песни «Гандзя»:

*По какому это праву
Женщинам не спеть нам славу?!
Филармонии мужчины
В этом мнении едины:
Наши женщины отличны,
Духом аристократичны,
Энергичны, эстетичны...
И во всем Филармоничны!
К путешествиям привычны,
В испытаньях — героичны...*

*Обаятельные лично...
И во всем Филармоничны!
Всесторонне гармоничны,
Артистичны, туристичны
И собою симпатичны...
И во всем Филармоничны! (Б.П.)*

Мартовские лыжные прогулки особо радостны, так как это обычно солнечные предвесенние дни. Искрится белый наст, по которому скользи «...в любую сторону твоей души!» И настроение всегда выстраивается соответственно. Вот отрывки из песенки, которая относится к началу 60-х годов. Она сложилась по-азиатскому способу — «что вижу, то пою» и сопровождала веселенький киносюжет о прогулке четверых: Ады, Алеши, Варлена, Богдана.

*В славный мартовский денек вышли на маршрут —
Ты да я, да мы с тобой и кинама тут...
...А когда настал черед ублажить живот,
Абрикосов открывал абрикосовый компот...
...А вокруг бушует март, и лыжня зовет...
Вот такой весенний старт — мартовский поход!*

Рассказ о ППФ был бы не совсем полным, если не упомянуть о еще одной спортивной традиции, соблюдаемой частью ее избранных членов — это выезды ранней весной в горы для катания на горных лыжах. Было большим удовольствием выбраться из мартовской Москвы — подышать чистым горным воздухом и, как говорится, расслабиться. Отпуск для этого приходилось накапливать всякими изощренными способами.

Никаких сугубо спортивных целей при этом не ставилось — возраст уже великоват, а техническая подготовка, наоборот, маловата. В основном старались продемонстрировать себе и людям элегантную технику спуска.

Иногда это удавалось, но бывали и досадные сбои. Достаточно правдиво об этом сказано в стихотворении, посвященном Виктору Олевскому к его 50-летию, на мелодию есенинской песни — «Клен ты мой опавший».

*...Сяду на подъемник, капюшон накину,
Поднимусь над Айем прямо на вершину.
И поправив лыжи, застегнув ботинки,
Брошусь вниз, как Тони Зайлер на картинке.
Пронесусь по склону точно меж буграми —
В основном на лыжах, где-то вверх ногами.
Что-то я, ребята, нынче стал нестойкий —
Видно, от вчерашней дружеской попойки.
Наслаждаясь вволю спуском этим дивным,
Сам себе казался я всюю спортивным. (М.В.)*

1

2

1. **Наш филармонический календарь** длился не год-два, а 50 лет и более. Его придумала и нарисовала дочь Ады и Богдана – архитектор Галя. В 12 квадратах-месяцах, как в «клеймах» на старых иконах с житиями, изображены главные, относящиеся к каждому месяцу события из жизни Филармонии (см. форзац). Фото 2 снято в режиме реального времени, то есть за пять минут до наступления Нового года.

ЯНВАРЬ. 1,2. На рисунке и фотографии показано восседание у того же праздничного стола, но уже после боя курантов. 3. Большое фото отражает «рабочий момент» подготовки новогоднего стола, особо – винегрета в большом тазу (на 30 человек). 4,5. В художественную часть входило чтение Приказа по Филармонии (как видно на фото 2 предыдущей страницы). Приказ готовил и читал Варлен с под-сказками присутствующих, затем представлялись номера новогоднего «капустника», бывали и танцы.

ЯНВАРЬ. Иногда ночью шли показывать новый спектакль на дачу к Леонтовичам. Позже стали представлять премьеры на Старый Новый год у Аси с Алёной. 1. Ася читала лекции о старых иконах, которыми были увешаны стены ее квартиры. 2,3. Затем свои места занимали дирижер и «оркестр», а артисты в костюмах толпились за кулисами – в коридорчике.

Здесь, у **Аси**, был свежий зритель. Ставили премьеру или что-нибудь из уже накопленного репертуара. 1,2,3. «Дворянское нутро», «Ближневосточная арабеска», «Чертовщина».

1

3

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ — 25 января 1996 г.
(На голос "Темновишневая шаль")

Слышал я Гайдукова припевочки,
Когда жег он костер пребольшой:
"Если будет тепло нашим девочкам —
Значит будет и нам хорошо!"

Слово классика перефразируя
Изреку, я его не хужей:
"Коль согреется Лапушка милая —
Значит станет теплей на душе!"

Пусть Татьяну дар обогревает,
Пусть уютнее будет в дому,
Пусть собою он напоминает
О любви нашей к дому сему.

Закрываю куплет этот скромный
На означенный этот предмет:
Пусть о многом и многом напомнит
Индостанский мохеровый плед

1996 г.

2

4

На последние дни **ЯНВАРЯ** выпадал еще один Филармонический праздник — «Татьянин день». У нас было аж четыре Татьяны. 1. Преференцию организовать этот праздник у себя дома захватила раз и навсегда одна из Татьян — Абрикосова. На фрагменте картины Натты Конышевой представлена хозяйка дома в кругу друзей, поющих хвалу. Как и всем другим Татьянам, ей подносились стихи и романсы. 2. Хозяйка умаялась. 3,4. Представлен образец поэтического подношения от Варлена и силуэт Татьяны в характерной для нее позе.

ФЕВРАЛЬ. 1. Иногда, как упоминалось, в феврале показывали повторы спектаклей. 2,3. Главной радостью февраля были лыжные прогулки по устоявшемуся снегу, да еще с возможностью отдохнуть и согреться на даче у гостеприимных хозяев Наташи и Юры. 4,5. Правда, однажды ударил мороз минус 37 градусов. Однако, соответственно утеплившись, совершили обычный круг почета в честь этого события.

3

А мы : 20 лет П.Ф. Правый эк!

Ада : Мы любим праздники
 А Филармония сегодня денца... и мы это...
 (Ей...)

Ах, нас поздравляет, спасибо!

Богдан. На экране будут отразены многие-многое годы
 это неограниченно коллектива - Подписчиков филар
 Намечено, как агитация ее 10-летний юбилей

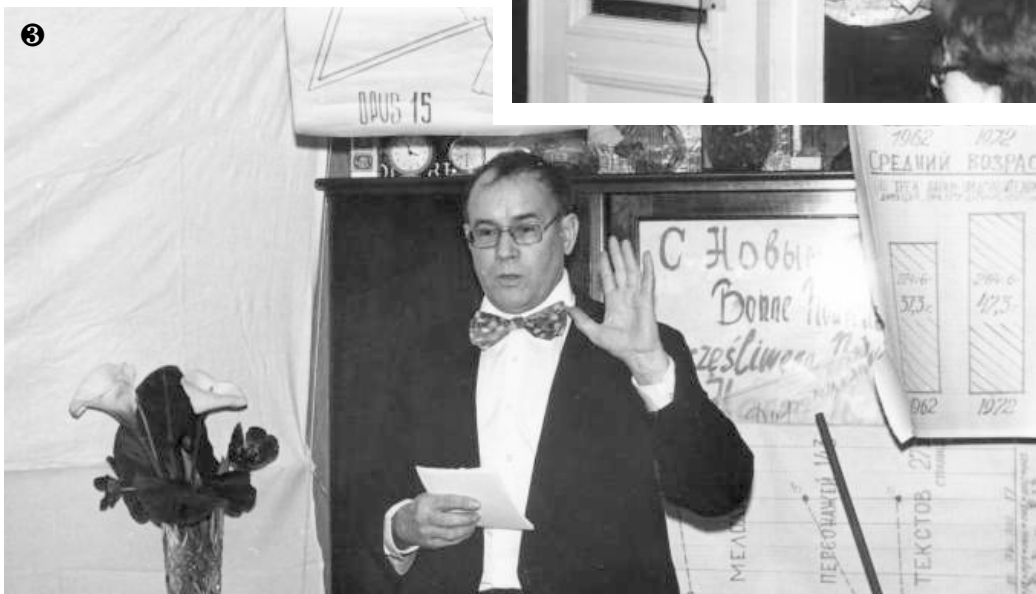
1. Сначала...
 2. Историческое...
 3. (Дале) Вот это неограниченно здание, на первом...
 Встреча... международную группу (если оно не...)

Музыка (Сцена...)

Стоп

Пуск
 (Вынос бумажки)
 Стоп

«Мы любим праздники! Мы любим юбилеи!» – это один из базовых лозунгов Филармонии. В начале февраля (в сводный день рождения Ады и Богдана) устраивались и такие праздненства. 1,2. Хорошо было подготовлено празднование 15-летия ППФ. Изготовили куклы, похожие на всех фигурантов нашего театра, и каждому был написан текст по теме юбилея. 3. К 20-летию ППФ было поставлено комбинированное действо типа Латерна-Магика с куклами, слайдами, кадрами из кинофильмов. Приведен фрагмент сценария.

Особо впечатлительно был проведен 60-летний юбилей Директора с его докладом об успехах Филармонии «за отчетный период». 1,2. На стенках большой комнаты были развешены плакаты о всех уже созданных спектаклях, графики и схемы. Объявлена повестка дня (меню). 3. Докладчик готов.

1-4. Занудный доклад Директора был хорошо (по-театральному) отрепетирован. Директор, между делом, сам себе открыл монумент.

1

2

3

1-3. Восторженные зрители – члены ППФ выступили с каскадом славословий и едких (в адрес начальства) частушек – и соло, и хором, и в ансамблях (чтоб «лягнуть» юбиляра выступали даже те, кто никогда прежде на сцену не выходил, – Наташа и Света).

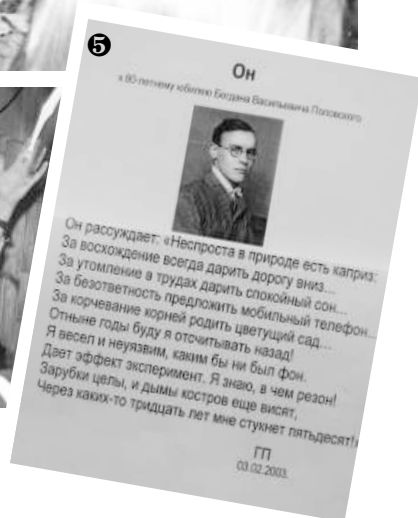
1

2

3

4

6

1,2,3. Празднование и славословие продолжалось и во время застолья, и после него. 2,3. Тосты произносят Игорь и Майя). 4,5. Читала свои иронические стихи дочка Гая. 6. Выступал оркестр народных инструментов с частушками (справа Юра – сын юбиляра).

1. После стольких празднований в январе и феврале, наступает еще и **МАРТ** с его «Днем женщин Филармонии». 2–4. Мужчины им несут цветы, стихи, любовь и поздравления. 5. Однако не обошлось и без подвоха. Встречу назначали на даче Варлена на Красной Пахре. И туда виновницы торжеств приглашались на лыжах от одной из не близких автобусных остановок. Чтобы как-то задобрить усталых дам перед последними километрами, их встречал Варлен с конфеткой или мандаринкой.

1–3. **МАРТ** отличается еще самыми благодатными условиями для лыжных поездок. Чувствуется наступление весны, на полях после ночных морозцев образуется жесткий наст – едь в любую сторону твоей души. 4. «Усталые, но довольные...» завершаем лыжный день. 5. Часть филармонистов иногда продляла себе зиму, выезжая в удобные для горнолыжного спорта места. Предводителем в этих поездках был Виктор Олевский.

1. **АПРЕЛЬ** в нашей климатической зоне знаменует переход от зимы к весне и лету. Лыжи — отпадают. В походе можно встретить и остатки снега, и разливы талой воды, и топкие болотца. Однако в ППФ утвердилась традиция апрельских «грязевых походов». 2. Их инициатором стала Майя — тихий гуманитарий, отнюдь не спортсмен. 3. Но мы ей доверились, пошли праздновать ее день рождения на природе. 4. На электричке доезжали до платформы Скоротово.

1,2 – А далее **АПРЕЛЬ** со всеми его (не...) ожиданиями – и снег на краю леса (Майя, Игорь, Маришка), и талая вода на тропе, а впереди, мы знали уже, еще и болото.

А потом перебираемся через ручей и находим свою слегка подсушенную солнцем полянку. 1, 2. Далее — дело привычное, хороший костер, устройство сидений и защиты от ветра и сквозняков. 3. И еще роскошь в лесу — подарок для именинницы — плакат с ее фотографиями на разных этапах жизненно-филармонического пути. Он хорошо смотрелся на веревочке между деревьев.

Основное ядро наших «горнолыжников», ездивших в горы почти каждый год, состояло из Вити, Миши, Гали, Игоря. В отдельные годы к ним присоединялись Искра, Варлен, Неля, Наташа и Андрей — в основном с целью погулять в окрестностях и отдохнуть, что доставляло немалое удовольствие. Галя во время прогулок рисовала прекрасные зимние горные пейзажи.

Интерес к горным лыжам возрос, когда в стране стало появляться современное оснащение для этого спорта. А еще энтузиасты из московских организаций стали самостоятельно строить подъемники. Со временем наши поклонники горных лыж начали ездить в гостиницы горных курортов, где обеспечивался достаточный жизненный комфорт.

А в конце марта рядом стоят дни рождения Андрея и Тани Боровиков. Это наши любимые люди, одни из столпов Филармонии, чтимые за ум, доброту, внимание к каждому. Поэтому и этот праздник получался славным и радостным. И здесь появлялись новые зрители, вплоть до Сергея Капицы. Часто ставили повторно какой-нибудь спектакль. Несли стихи к ногам именинников, пели песни, смотрели кино «о нас — любимых». И эти радостные встречи повторялись много лет.

Конец марта знаменовался еще днем рождения Майи (28). Но «Майкин День — грязевой поход» переносился обычно на апрель, и о нем речь — ниже.

АПРЕЛЬ

*Небо нас совсем свело с ума:
То огнем, то снегом нас слепило
И, ощеряясь зверем, отступила
За апрель упрямая зима.*

Иннокентий Анненский

Читатель уже предупрежден — главное событие месяца «грязевой поход». Представляете, как это не просто — втиснуть в напряженный Филармонический календарь еще одну «традицию». И это великая заслуга Майи. Она придумала отмечать свой день рождения на природе, и без всякой оглядки на погоду. Поделилась этой мыслью с Юрой, а тот, не-долго думая, объявил мобилизацию по Филармонии. Он же сразу выбрал место — час ходу от железнодорожной станции Скоротово. Удачное местечко закрепилось на годы. С климатической обстановкой дело бывало и сложнее, и по-разному. Поход потому и назван грязевым, что случалось все: то наст, то тающий снег, талые воды и жидкие грязи, теплое солнце и целодневный дождь. Филармонии, однако, разумеется, все было нипочем.

Этот день мог перемещаться по всем дням месяца в зависимости от сроков наступления весны и развития погодных событий. Только легкомысленная Маечка и непреклонный Гайдуков могли ввергнуть в такие испытания близких людей. Однако «отказчиков» не было.

У всех были сапоги, плащи и ноги, которые тогда еще ходили. Шли по раскисшей лесной дорожке, протоптанной летом дачниками, и по нехоженому лесу, где в тени еще лежали пласты снега, и по долине, растекающейся в некоторые годы широким жидким болотом. Преодолев веселый ручей по хлипким веткам и бревнышкам, мы, наконец, выходили на сухую лесную опушку, иногда — и солнечную. При дожде натягивали тенты.

Настроение бодрое, в походные кружки наливаются напитки и раздаются угощения. Костер, чай и опять же — стихи и песни в честь Майи, а также в честь нас самих, дошедших сюда.

*Ура! Ура! Опять с тобой
идем сегодня вместе, зная —
Традиционную весеннюю тропой,
Привычную тропую «грязевой»,
Отметим день рожденья, Майя!
(С.С.)*

Еще один из состязателей разразился сонетом с такой концовкой:

*...С весной обновляемся мы сами.
И снова жизнь встает под небесами,
И мы навстречу новому спешим.
Спасибо, Маечка, за сей минуты сладость!
Да здравствуют весна, любовь и радость!
Закон весны всегда непогрешим...
(Б.П.)*

Конечно же, и в апреле происходят разные филармонические собрания. Например, приезды друзей — иногородних членов нашего сообщества, таких как Окмир с Лидой из Минска — с лекцией о геополитике, с разговорами за чашкой чая, или же — Яны из Ленинграда — С.Петербурга с ее неказенной информацией о жизни Северной столицы. Перед самыми Майскими днями (а для нас — перед выездом на байдарках) должна бы отмечать свой день появления на свет Ира Голямина (30 апреля), но не до того было. От «отчалившей» Филармонии ей передавались обычно цветы.

МАЙ

*Все было тихо... В бухте сонной
Дремала темная вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.*

Александр Блок

Все как видно на фото, только бухта — не морская и наши суда — не военные.

Байдарочный филармонический май начинается еще в апреле. Выбирается маршрут, заказывается автобус (раньше, когда мы были менее прихотливы — сговаривали грузовик с тентом). Автотранспортное средство должно было нас довезти и до реки (километров за 300 от Москвы), а потом забрать через несколько дней в оговоренных «месте и времени», может быть, совсем у другой реки.

Готовятся байдарки, палатки, сапоги и проч. Также делается раскладка продуктов на прожитие 15—20 человек в течение четырех-пяти дней. А это вам не «хухры-мухры», как говорит Таня-Лапушка.

За день-два до выезда «имущество» каждого свозится на сборные пункты (в квартиры в определенных районах). А в самый решающий день еще до рассвета автобус собирает по Москве всю утварь и сонных участников пробега и везет в неведомые дали, известные, может быть, только Гайдукову и Ковнеру. Ранний выезд позволяет еще до темноты доехать до места, иногда успеть собрать байдарки и отплыть в «неведомый мир», подальше от дорог и деревень.

Потом начинается блаженство... Оно складывается из расстановки палаток, устройства костра и сидений при нем, заготовки дров, приготовления ужина. Все это в суматохе, с неизбежными потерями находками вещей и взаимными вопросами: где что лежит?

В конце концов все «устаканивается», все сидят вокруг костра, «...усталые, но довольные...», потягивают из своих кружек чай с ложкой спиртного: «Да здравствует праздник 1-го и 2-го Мая!» Ведутся душевные разговоры, и вскоре утомленная братия расходится по палаткам. Сон. Такие вечера, может быть, самое сладостное время в этих походах. Ах! Пение у костра и душевный разговор!

В первое утро по ритуалу происходит построение команды, подъем флага и провозглашение приказа. Приказ обычно гордо готовит Комиссар, изредка используя подсказки от простонародья. В нем упоминаются важнейшие события мировой политики, а также насущные вопросы из внутренней филармонической жизни. Последние слова в приказе: «*Диспозиция похода не зависит от погоды!*», а также «*В любой географической зоне — ура и слава Подмосковной Филармонии!*» или вариант

«От Торжка и до Патагонии и т.д.». Одно из таких построений на фоне белых березок представлено на втором форзаце.

Что творится в течение гребного дня — не пересказать. За многие годы чего только не бывало. Или слишком тихое, или слишком бурное течение; прорубание через завалы деревьев; перетаскивание лодок вокруг плотин, а то — и из речки в речку, а еще — подводные пни, столбы и камни; перевороты лодок, проколы оболочек и затяжные ремонты. Хорошо — когда сияет солнце, но бывают и дожди, а изредка — даже снег. А еще бывала путаница — куда плыть? Время поджимает. Нужно же успеть к назначенному месту вовремя. Ведь в разлив луга превращаются в озера, на которых и течение не разглядеть, а то — река вдруг пойдет меандрами, и мы плаваем друг другу навстречу, а расстояние от точки А до точки Б превращается в бесконечность.

Но бывают и неожиданные радости: внезапно, за одну ночь зазеленевшие кусты, ранние цветочки сквозь траву, первые грибы — сморчки и строчки, заросли пахучей черемухи, прорубаясь сквозь эту красоту, приходилось проталкивать лодку.

Особый ритуал — выбор места очередной ночевки. Тут выработался свой жаргон: «Клопинели» — это «хорошо»: высокий берег, сосны, дрова, пляж, легкая высадка и др. «Клопинадзе» это «плохо», когда всего вышеперечисленного нет! Второе бывало много чаще первого, и мы иногда только в темноте дотаскивались до сносной стоянки. Один раз в половодье ночевали на островках, расстилая палатки на ветках деревьев, нависающих над водой. Но чудные вечерние костры всегда оставались с нами. На дни похода иногда падали дни рождения кого-то из плывущих с нами.

Так отмечалась знаменательная дата — 16-летие Первой принцессы ППФ Гали Поповской. От флагштока были растянуты гирлянды «флагов расцветивания», воздушные шарики. На полянку выставлена батарея «Советского шампанского» и торт, тайно, ради сюрприза, провезенные в лодках сквозь все преграды. А потом были танцы. И играли в кегли, используя пустые бутылки. Господи, кто еще может похвастать такой встречей своего шестнадцатилетия? А в другом, много более позднем походе уже дочка той же Гали — Внучка Филармонии — Катя, сыграла на стоянке, тайком взобравшись на дерево, концерт на флейте-пикколо, чем, как маленький фавн, растрогала разомлевшую на солнце после завтрака аудиторию. Теперь, когда она стала солисткой — флейтисткой в ансамбле барочной музыки, то ее выступление можно считать успешным дебютом. Теперь ходим ее слушать в приличные залы.

День рождения корифея всех походов — Юры Гайдукова (6 мая) редко «дотягивали» до празднования на воде. Зато сходились у него дома — «страдальцы» из только что завершившегося похода, все отмытые, чистенькие, и все наперебой вспоминали все только что пережитое. По обрывочным записям насчитали более трех десятков рек, «освоенных» в майских походах.

Из многих наших опусов по поводу незабвенных байдарочных походов приведем лишь один образец:

*Когда ладью твою несет
через шиверы на пороги,
Когда гранитный «бегемот»
грозит расцѣпить челн убогий,
Ты устрями свой взор вперед,
держи весло и стисни рот,
Минуй опасный поворот —
и позади твои тревоги!
Чтоб флагман — Юрий Гайдуков,
пройдя течение лихое,
Отважных одарил гребцов
скупой мужскою похвалою! (В.К.)*

А самый последний поход на байдарке по «местам боевой филармонической славы» на Валдае осилили втроем — Таня Абрикосова, Варлен и Богдан. Это было относительно недавно — в 2005 году. Прошли из озера Вельё в озеро Шлино. Так мы ностальгически повторили часть одного из многолюдных походов Филармонии тридцатилетней давности по системе озер Валдайской возвышенности. Втроем написали приличный отчет о походе. См. фото этой «тройки смелых».

В последующие годы «могиканы» отошли в сторону, предоставив возможность бороздить водяные дороги следующим поколениям Филармонии — Детям и Внукам. Что они и делают ежегодно.

ИЮНЬ

*Доволен я своей судьбой.
Все — явь, мне ничего не снится...
И долго-долго жить мы будем,
И скоро, скоро позабудем,
Когда и кто к кому пристал
И кто кого сюда зазвал.*

Владислав Ходасевич

Этот месяц на Календаре ППФ обозначен как время отдыха от бурной жизни. Кто-то должен увезти детей к морю или в деревню. Кто-то вспоминает о своей даче, едет туда, огородничает или читает газеты, как показано на июньском рисунке Календаря.

В некоторых строках из стихотворных опусов этого времени года, говорится о дачных устремлениях с ухмылкой, хотя это не мешало этим скептикам потом, сидя за столом, лакомиться угощениями из летних

заготовок и их похваливать. Публикуем «агрономические» отрывки из этих стихов:

Мише Виноградову.

*Ты зачем, Миша, на рассвете просыпаешься.
И на грядке на своей ошиваешься,
На вредителей-жуков все ругаешься.*

Ответ: *Завещал нам всем Господь:
«Сад возделывай ты свой»,
Чтоб мотыжить и полоть
трудовой своей рукой!..*

Сергею Славатинскому.

*А на загородной ферме
рады вы помучиться...
Воздух свежий там без меры.
Урожай получится ль?
А вокруг — цветы, пейзажи,
речка, лес суровый...
Света с Лелей — две пейзажки,
а Сергей — мужик дворовый.*

Но не весь июнь посвящается садово-огородным делам. Происходят и летние воскресные прогулки по Подмосквью. Кто-то уплывает в круиз по Средиземному либо Балтийскому морю или же просто по Волге. Нечто ездит за рубеж на конференции. Да и вообще возможностей интересно провести время бывает много и разных.

ИЮЛЬ и АВГУСТ

*По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.*

Марина Цветаева

Это два самых походных месяца. Даже повествующие о них квадратики (клейма) Календаря объединены — на них изображена некая обобщенная, символическая картина наших путешествий в горах и по рекам.

Походы во время летних отпусков наиболее серьезны. Они задумываются и подготавливаются заранее. Приобретаются билеты на поезд или самолет, выверяется снаряжение, сушатся сухари, закупаются консервы, крупа, чай, кофе, сахар. Иногда идет расчет так, чтобы хватило прокормить месяц. Все это строго оценивается по весу. Ибо...(!) груз при-

дется нести на плечах. Вместе с личными вещами вес рюкзаков у мужчин иногда зашкаливал за 40 кг. Женщин шадили, но и их прогулочка не бывала легкой, особенно в начале пути...

Пусть жалостливый читатель не пугается. Рассказанное выше бывало не каждый раз. По возможности старались всячески уменьшить начальный вес. То выискивали высушенное вакуумным способом (для меню космонавтов, сублимированное) мясо, то на середине маршрута предусматривали посещение населенного пункта, где предполагалась закупка некоторых продуктов на вторую часть пути. А в «гиблые» поселки отправляли посылку с харчами «до востребования». Учитывалась подкормка от охоты или ловли рыбы. Во всяком случае, Юра всегда носил ружье и рыболовные снасти. Иногда что-то приносил к столу — какой-нибудь деликатес.

Однако эти уловки не всегда срабатывали успешно. То к нужному поселку, сбившись с пути, не смогли выйти, или же — птица и рыба никак не шла. Несколько раз изрядно голодали. Иногда в походе приходилось преодолевать неожиданные препятствия. Иногда кто-то травмировался, но об этом отдельный разговор, представленный в клейме сентября.

К месту, где начиналось путешествие, добирались на десятке видов транспорта: поезда и самолеты; автобусы, грузовики или военные вездеходы; вертолеты, катера, теплоходы. В походе использовались лодки, плоты, иногда кони, олени и всегда — ноги... ноги... ноги...

А познавательная география из этих путешествий сложилась великолепная. Всего не перечислить, но самое значимое и то займет много места. Начнем с Дальнего Востока.

Камчатка. По восточному побережью до Кальдеры Узона, Долины гейзеров, к действующему вулкану Карымский. На кромке Тихого океана нас однажды накрыл настоящий тайфун.

Вблизи Петропавловска-Камчатского посещали вулканы Авача, Каряка и горячие источники Паратунка.

Курильские острова — Кунашир, Шикотан. На вертолете «заскочили» на о. Итуруп к вулкану Тятя, но из-за непогоды пешком возвращались в Южнокурильск.

Сахалин. На юге — залив Анива. «Пляж» усеян размером с ладонь ракушками-створками моллюсков. Эти ракушки используются местными жителями как черепица на крышах сараев. Узкоколейным поездом едем на север к середине острова, где живут исконные жители — нивхи. На высоком берегу сидит над рекой старая женщина, курит трубку, смотрит на воду. Вдруг кричит: «Рыба!» Из окрестных домиков бегут к лодкам люди. Подплывают к указанному месту, забрасывают и вытаскивают сеть. Есть ужин для всего поселка. Коммунизм!..

Был поход по Витиму до Байкала, запомнился буйными комарами.

Якутск. На катере — к Ленским столбам. Потом теплоходом и нога-

ми до речки Танию, строим плот и сплаваемся до впадения в Лену. Рейс по Лене на теплоходе до Жиганска с возвращением в Якутск.

Река Чара. Северо-восточнее Байкала. Бассейн Лены, Витима. Там же прославленные песней Шилка и Нерчинск. Должны были сделать перевал с реки Большой Эймнах на Средний Калар, заблудились в тумане, остались на исходной реке. Шли вдоль нее недели полторы и все более голодали, попали в наводнение, но спаслись, наконец увидели туристов и сориентировались. Выручил продовольствием местный телеграфист Иван Иванович и его семья. Дружба с ними поддерживалась годами.

Чудесные места. Красивые камни — чарайт и лазурит. Но одно ущелье увело всех не в ту сторону. Пришлось опять поголодать. Да еще ливень и разлив реки. Потом спасли добрые люди — местные жители.

Восточные Саяны. Алыгджер. Вдоль верхнего течения реки Уды идем с оленями и проводником — тофаларом — Василием Николаевичем. (Здесь Юра прострелил палец на ноге, его увезли вертолетом, а с ним и Наташу.) Оставшиеся, «Абрикосы» и «Богдасики», с проводником да оленями дошли до Агульского озера. Дальше малым самолетом до Нижнеудинска. На другой год Юра повел группу туда же. Самострельства не было. Но они разминулись со своими посылками и жили впроголодь. Посылки разыскались потом.

Памир. На грузовиках по Памирскому тракту от Оша до Хорога. Самый высокогорный ботанический сад. Пешком от пиков-двойников Маркса и Энгельса, по хребтам, через перевалы, по огромной «марсианской» долине-ущелью, просматривавшейся вдаль на 20 км. (Идешь день-два-пять, и пейзаж не меняется.) Безымянную вершину (3300 м) нарекли ее Тани-Адой и подарили спутницам. По шоссе приехали опять к Хорогу. (В Хороге Алеше вырезали аппендицит. Благополучно.)

В другие годы — переход через перевал возле пика Маяковского высотой почти 5 тысяч метров. Видели редкое чудо — снежного барса. В старых раскопках собирали, а потом тащили на себе полудрагоценные и полунеподъемные куски камня — лазурита.

Было несколько походов по Тянь-Шаню. Однажды там с верблюдами прошли по леднику Иньлчек, а потом на конях — до пика Победы и сурового Хан-Тенгри. Были походы в Теркай Алатау и Тунгай Алатау.

О Фанских горах Памиро-Алайской системы уже было сказано. Это место отличается концентрацией на относительно малой площади 4- и 5-тысячников-великанов.

Алтай. Алайская долина. По скалам и снегам, по длинной долине реки Катунь к горе Белухе.

Полярный Урал. Несколько раз (год через год) у горы Пайер наши группы переходили из Азии в Европу (без всяких виз!), придерживаясь рукой за Северный полярный круг. (В один раз Виктор здесь сломал ногу. Увезли вертолетом.) На реке строили плот и спускались к озеру Сор, а потом катером — к Салехарду.

Северная Двина. Поход на байдарках по малым притокам, дошли до Котласа.

Тундра. Северо-западнее Воркуты. Пеший поход вдоль северных рек и озер. (У Тани Абрикосовой — сильный вывих ноги. Вывезли на оленях.)

Один из последних филармонических байдарочных походов под руководством Юры совершили в 1999 г. С ним шли «Могиканы ППФ»: Наташа, Таня Абрикосова, Варлен, Ада и Богдан. Это было поначалу заманчиво — от г. Воркуты, вверх против течения по реке Воркуте к северным, заполярным озерам, а потом обратно. Гордились, что выстояли, хотя бывало нелегко.

Многое в этом перечне опущено. Необъятное — не объять! Тем более в деталях не расскажешь. О больших походах «с происшествиями» слагались Филармонические саги, вошедшие в архив ППФ. Что-то вошло в спектакли, что-то здесь цитировалось, а кое-что будет приведено в Приложении. Кто поверит, что каждый поход, в конечном счете, был радостью, достижением чего-то, что другим способом не встретишь, не увидишь, к тому же мы тешились чувством преодоления природной ленивости — «национальной обломовщины». В походах всегда важно «чувство локтя», рождалась настоящая дружба. По возвращении не хотелось расставаться.

В самый разгар лета, в конце июля, Искра, возревновав к Майке, завела еще одну традицию — отмечать свой день рождения на цветущей лужайке в Мелькисарово у лесной речки. Приходили все, кто был в те дни в Москве, отлынивая от походов или экскурсионных туров. Человек 15 всегда набиралось. В честь именинницы устраивались импровизированные шарады, играли в мячик, купались. Все «по-людски». Особенно успешно эту традицию подкрепили проходившие в 1980 году в Москве Олимпийские игры. Уж тут все порезвились, пародируя разные виды состязаний, которые нам с большой арены показывали по ТВ.

Однако приближается сентябрь.

СЕНТЯБРЬ

По многим примечаниям к походам (данным в скобках) видно, что травмы случались. Их залечивание происходило, естественно, по мере приобретения. Часто это падало на сентябрь, что и изображено в клеточке-клейме сентября.

Тут получился редкий для нас эффект разрушения одной из традиций. Речь о том, что в начале сентября Витя Олевский всегда традиционно (!) отмечал свой день рождения. Но, вернувшись с Урала (с горы Пайер) с переломанной ногой, он залег в институт Склифосовского, блаженствуя там, как видно на картинке, отменил празднование своего дня рождения. И поступил опрометчиво. Потому что с тех пор супруга

Галя его день совместила со своим днем рождения (в середине октября). А обратного хода уже не было. Теперь ей пели большую часть хвалебных гимнов, а Вите доставались крохи. Вот сколь надо быть осторожным, ломая как ноги, так и эти самые традиции!

Хотелось бы надеяться, что Витя, всегда отличавшийся чувством юмора, не обиделся бы на то, что ему посвящается эта картинка сентября, с подписью, заимствованной у Сергея Есенина:

*Глядя за кольца лычных прясел,
Я говорю с самим собой:
Счастлив, кто жизнь свою украсил
Бродяжной палкой и сумой.*

Справка. Прясло — часть плетня, где колья перевязаны лентами лыка, которые можно представить и как бинты на гипсовой ноге.

В том же отделении Склифосовки некогда лежала и сама Галя, повредив ногу в каком-то кавказском походе. Спустя несколько лет туда попала Неля, неудачно перебежавшая через Калужское шоссе у своего дачного поселка. И пациенты, и визитеры стали привыкать к этому не-радостному месту.

Сентябрь болезнями отмечен не всегда. Почти в каждой семье к началу учебы выводили в школу детей, потом — их детей, значит, наших внуков.

Бывали еще хорошие деньки, и, кто мог, ходил на прогулки в окрестности Москвы, иногда собирали опята.

В середине месяца — дни рождения Нелли и Тани-Лапушки. Эти дни из-за послепоходных и больничных дел отмечались нерегулярно. К тому же Таня своим табельным днем давно назвала День Татьяны.

ОКТАБРЬ

*А мне одна поет краса!
То рокоча, то замирая,
Кристалльной фуги голоса
Звенят воспоминаньем рая.*

Наталия Крандиевская

Все уже съехались, более-менее залечили раны, привели в порядок домашние дела. Потянуло к культуре. Пробуждается охота к концертам, от которых мы летом были отлучены. Обзаводились абонементом на новый сезон в Консерваторию и другие залы. Договаривались группами, что следовало бы послушать. Шли в ход и абонементы прошлых сезонов. Администраторы залов помогали в этом, им нужна была хотя бы видимая заполняемость мест. Конечно, сверхвеликих артистов удавалось услы-

шать не всегда. Но имелись и другие каналы. Некоторые слушали Рихтера, Игоря Стравинского, Артура Рубинштейна. На кумира 70-х — Вен Клайберна (по-русски — Ван Клиберна) ходили даже в Большой спортивный зал в Лужниках. Много раз в Консерватории слушали скрипача Стадлера из Питера. Перечислять лучших исполнителей и дирижеров нет смысла.

Игорь Ковнер — большой знаток музыки — иногда организовывал прослушивание классики в записях на пластинках, сопровождая музыку своими интересными пояснениями. А пластинок у него было множество. Из-за технических трудностей это не превратилось в традицию.

Бывали совместные выходы на малые, но милые концерты в залах институтов ИФП, в ФИАНе и некоторых других.

В относительно близкие годы у филармонистов появился свой любимый солист Николай Луганский. Мы его провидели еще в его молодые годы. Сейчас он уже признан большим артистом и в концертах для нас — стал менее доступным.

В последние годы часть музыкофилов посещает концерты оркестра барочной музыки «Pratum integrum», в котором на старинной флейте солирует «Внучка Филармонии» Катя Дрязжина.

В двадцатых числах октября, «...презренной прозой говоря...», происходил большой сбор у Гали и Вити Олевских. Это был не просто их объединенный день рождения, но поистине — Парад сил Филармонии после летних каникул. Почти всегда ставился один из полюбившихся спектаклей прошлых лет. Это радовало и исполнителей и публику, для части которой каждое представление являлось премьерой. Чествования именинников, стихи, оратории шли привычной чередой.

Жизнь движется своим путем, и постепенно мы входим в ноябрь.

НОЯБРЬ

На Галерной темнеет арка.

В Летнем — тонко поет флюгарка.

И серебряный месяц ярко

Над серебряным веком стыл...

Анна Ахматова

Еще одна традиция... Она сложилась, когда члены Филармонии еще активно работали и были заняты повседневно. Поэтому всегда старались поинтереснее использовать несколько выходных и праздничных дней, которые предоставлялись трудящимся к годовщине Ре-

волюции или к другим невнятно объяснимым праздникам, вводимым после перестройки. Заранее покупались билеты на поезд или автобус, бронировались места в гостинице или, как бывало, — в «доме колхозника».

В эти дни, несмотря на капризы осенней погоды, мы уезжали в древние города вокруг Москвы, а то и подальше. Из самых дальних и крупных городов назовем Ленинград, Таллин, Минск. Дни, проведенные в Питере, оставили великую радость в наших сердцах.

Так мы посетили города «Золотого кольца» (Ярославль, Серпухов, Калуга, Суздаль, Тверь, Ростов, Новгород, Псков, Смоленск и куда еще Бог сподобил). В Минск ездили к Окмиру. Изучив путеводители, литературу, прислушиваясь к дельным гидам, успевали многое посмотреть, осознать, запомнить. Потом в Москве смотрели слайды, обсуждали виденное, уточняли по книжкам, что упустили.

Но главным была не образовательная программа, а еще одна возможность побыть в своей компании, оторваться от повседневности, увидеть с новой позиции жизнь людей, страны.

Для поддержания общения удачно пришелся на праздники день рождения Светы Дубровиной (Славатинской) (7 ноября). Это был отличный повод организовать в необычной обстановке и поднять бокалы за именинницу, перемежая тосты с обменом свежими впечатлениями от увиденного на экскурсиях. Потом Света заболела, ездить не смогла, но наши поездки продолжались. И за нашу подругу всегда поднималась чара и произносились добрые слова, в том числе и как за одного из основоположников этой замечательной традиции.

После летних забот в Москву приезжали гости, можно сказать, с ответным визитом: из Якутска, с Чары, Окмир по своим делам. Со всеми радостно встречались и вели долгие разговоры, иногда под строганину с рюмкой водки.

В конце ноября в свой день рождения (27-го) пробуждался Игорь Ковнер. Он тоже не хотел отставать от других и уводил филармоническую компанию в лес, хотя и недалеко, в пределах пригородного автобуса, но с изюминкой. Изюминка была в том, что угадать погоду было невозможно. Ее диапазон колебался от приятного солнечного денька до обильного дождя, а бывало и до снега по колено. Последний случай был не худшим — хотя бы не было дождя. Но мы знали, как одеться, чем согреться. Да еще играли в снежки и лепили снежные скульптуры.

ДЕКАБРЬ

*Снегопад свое действие начал
и еще до свершения тьмы
Переделкино переиначил
в безымянную прелесть зимы.*

Белла Ахмадулина

Догадливый читатель уже понимает, что в декабре главная идея — создать спектакль к Новому году.

Начало месяца проистекало спокойно. Были дни рождения двух наших Михайлов — Хайкина и Виноградова. Как-то они там распределялись по дням. День рождения Миши-Дирижера всегда праздновался в свободный день — День сталинской конституции. Этот факт удалось зафиксировать, разыскав четверостишие тех лет еще одного Миши (Левина):

*В день сталинской конституции
И Мишкиного рождения
Приносим подарки куцые
И пышные поздравления!*

А теперь в этом доме всегда собирают 6—7 декабря друзей Миши — отмечая и дату рождения и его ухода. Земля пухом!

В квадратике декабря отражена во всех деталях наиболее напряженная сцена из всех клейм Календаря. За эти три недели вынашивалась идея опуса, намечались сюжетные линии (включая любовные). Подбирались жанр и стиль постановки, накапливалась картотека мелодий, соответствующих выбранному жанру.

Затем начиналось самое драматическое время — время написания текста — текстуры. Художник выразительно отобразил на декабрьском уголке Календаря эту ужасную коллизию. Два автора, якобы исполненные лояльности друг к другу, ведут плохо скрываемую битву за каждую пядь, то бишь за любую строку, стих, реплику (Варлен любил называть эту фазу творчества «борьбой титанов»). А ведь все еще следовало положить на... (или подогнать под...) музыку, а действующих лиц и их амплуа должно быть не больше и не меньше чем «артистов». В крайнем случае можно раздать по две роли, привлечь дублеров «из запаса» или детей-внуков.

Перед драматургами распростерлась хозяйка дома — Лапушка. Она ловит каждый исходящий из-под пера авторов листок, чтобы скорее его отпечатать и подложить к тексту только-только рождающейся пьесы. Однако Таня все же успевает что-то прочесть и покритиковать не понравившиеся ей строки. А еще она спешит готовить ужин для поддержания жизненных сил творцов.

Далее следует читка «рыбы» перед исполнителями. Сначала происходит ее полное отрицание, потом предлагаются некоторые поправки, потом начинают исподволь соглашаться с текстом... А потом уже на раздумья не остается времени и начинаются репетиции, готовятся костюмы, реквизит, придумываются трюки и эффекты.

На картинке вверху в углах приведены еще некоторые фрагменты из этой постановочной вакханалии. Оркестр (Ира) пытается разобраться, что за музыка свалилась на ее бедную голову. Дирижер (Миша) хочет как-то нас заставить петь хором. Прочие неопознанные лица спорят, ругаются, мнут без всякого уважения столь трудно родившийся текст. А потом уже не хватает времени ни на что и на сцену выносится Генеральная репетиция, плохо замаскированная под Премьеру.

С трудом отрываясь от этого бедлама, сообщаем, что еще успеваем немножко походить по свежему снегу на лыжах, отметить Евро-Рождество Христово, готовиться к поездке на дачу. А дальше... смотрите Филармонический Календарь с начала, с января и так далее...

И вот так — 50 лет! «С Новым годом! С новым счастьем?!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда возникла идея, и началась работа по собиранию представленной читателю книги, оказалось, что мы располагаем большим количеством интересных материалов о жизни нашего содружества, назвавшегося Подмосковной Приакадемической Филормонией.

Это были и тексты трех десятков спектаклей-капустников в жанре водевиль-памфлет, сотворенные нами на протяжении второй половины прошлого века. А также рисунки, фотографии, киносьемки о нашей жизни «на сцене», в походах, при других встречах.

Нам представлялось, что на этой основе можно было интересно рассказать читателю о таком явлении как ППФ, сплотившем десятки интересных людей на полвека. К тому же в напряженной фазе истории нашей страны, в период распада СССР. Всем стало понятно, что советская действительность была фактически соткана из кричащих противоречий — добра и зла, истины и лжи, разума и неразумения, порядочности и прохиндейства. Все это происходило потому, что в самом основании советского общества был заложен антагонизм между самыми высокими, освободительными, гуманными целями и тоталитарной, насильственно-бюрократической системой. Эти противоречия нашим поколением были поняты и обсуждались публично не сразу. Но их развенчание и осуждение культа Сталина не могло не породить и в действительности породило все более сильное отторжение интеллигенции и других слоев общества от тоталитарной системы.

Цель этой книги отразить прожитую нами эпоху как бы через одну «клеточку» общества, а именно — ППФ. Мы осознаем и не преувеличиваем масштабы места нашего сообщества, как одного из «очагов такого интеллектуального сопротивления» тоталитарно-бюрократической системе. Книга о ППФ — рассказ лишь об одном «событии» этого огромного освободительного для умов процесса.

Поначалу авторам казалось что эти обильные материалы следует только должным образом упорядочить, описать, иллюстрировать и представить людям в виде удобочитаемой книги. Однако, подступая к описаниям, мы убедились что нужно также рассказать и о людях, которые объединились в группу, решившуюся на это деяние. А ведь эти люди, как и вообще все люди, были различны, по-своему интересны в их жизни, по их характерам, талантам, привычкам. Учитывалось, что их портреты хоть в какой-то мере останутся, таким образом в памяти, поскольку не каждый соберется с силами и успеет написать свои собственные мемуары.

Ещё ко всему этому представилось необходимым изобразить фон — событий в стране и в обществе от эпохи сталинизма до «ново»-капитализма, поскольку эти процессы пришлось пережить каждому из нас.

Ведь каждый филармонист прожил за этот исторический период практически всю свою сознательную жизнь, да ещё участвовал в заботах и радостях всего нашего филармонического товарищества.

Смыслом и достоинством нашего объединения в ППФ было не только отторжение тоталитарно-бюрократической системы, но и одновременно — крепкая дружба, уважение и любовь друг к другу. Памяти ушедших друзей и в назидание внукам и правнукам нашим создавался этот труд.

Каждая книга рождается по-разному. У этой — свой путь и своеобразны мотивы её создания. Авторы надеются, что в результате работы, удалось найти взаимопонимание и общность чувств с читателем. В ходе нашего рассказа о ППФ преодолевались определенные трудности, в том числе, отчасти из-за избытка материалов как по созданным спектаклям, так и по некоторым другим граням жизни нашего товарищества.

Во-первых, из-за большого числа опусов привести полностью их тексты было невозможно. Решили сделать по каждому из них лишь краткое либретто. Только два образца текстов приводятся целиком в приложении. Это тексты спектаклей «Афиня» и «Дворянское нутро».

Во-вторых, рассказы обо всех участниках ППФ (основной состав, группа поддержки, просветители) было намечено расцветить цитатами из стихотворных поздравлений в адрес каждого члена ППФ. Однако и здесь сказалось большое число как собственно поэтов, так и их адресатов, а также большая череда поводов для поздравлений. Всё это дало обширное число такого рода «посланий». Пришлось отбирать фрагменты из многих таких сочинений, наиболее полно отражающих черты и характер поздравляемого лица. Читатель вправе по своему разумению отделить в этих цитатах некоторые преувеличения, что обычно случается в такого рода творениях.

Не только мы одни авторы книги. Она написана самой нашей жизнью, как результат творческого общения с десятками наших товарищей и всех друзей Подмосковной Приакадемической Филармонии.

К сожалению, многие уже не могут рассказать о себе. Авторам приходилось опираться на свои воспоминания, опрашивать друзей и использовать их заметки о каждом из участников ППФ.

*О! Месяц **МАЙ!** 1. В отличие от нормальных людей он был для Филармонии всегда полон предощущением большого радостного праздника – выезда на байдарках на вешние подмосковные реки. Готовятся инвентарь, лодки, припасы на неделю автономной жизни, заказывается автобус. 2,3. Располагаемся на травянистом берегу. Собираем байдарки, вытаскиваем их к воде, загружаем нашим походным имуществом. 4,5. Объявляется построение к открытию сезона. Варлен читает приказ.*

1. «...В бухте сонной дремала темная вода... Когда кильватерной колонной вошли военные суда» — только таким торжественным стихом можно выразить полнящие нас чувства в конце первого ходового дня, хотя и бухта — не бухта, и суда не военные. 2,3,4. Позже поплывем и по каналам, и по озерам. 5. Наташа в задумчивости, она уже многое предугадывает, что может быть на этих реках.

1

2

3

4

В байдарочном походе возможны всякие приключения. 1,2. И завалы деревьев, сквозь которые приходится прорубаться или протаскивать лодку невероятным образом. 3. Часто в трудных местах приходится делать обносы — все «облепляют» лодку и переносят со всей кладью к другому месту. Не хочется говорить о переворотах лодок на воде, когда едущим в ней приходится купаться в неполюженном месте и в неподходящих условиях. 4. Порой на торфяных полях дренажные канавы вдруг заканчиваются тупиком. Тогда просим трактористов перебросить лодки к реке.

Вечер. 1. Байдарки причалены, выбирается место для стоянки, высматриваются дрова для костра. 2. Если были перевороты или намочили под дождем – костер должен быть большой, и мокрая одежда развешивается на сушилках. 3,4. В солнечное утро все располагаются вокруг костра привольнее. 5. Опять построение и наставления на следующий участок пути. 6. Члены ППФ «первого призыва» (Богдан, Таня, Варлен), совершившие в 2005 г. свой последний байдарочный поход «по местам боевой славы ППФ» на Валдае.

В мае кроме крупнейшего события – байдарок – отмечается еще несколько праздников. 4-го мая день рождения Гали Поповской – иногда это празднуется прямо в походе. 1. Если в городе – собирают друзей с детишками, с которыми разыгрываются детские пьесы. 2,3. День рождения Юры Гайдукова. Для него готовят приветственные выступления в разных формах. Ко дню печати – в треуголках из газет и с факелами. В другом случае – послание оформляется под ансамбль «Березка». 4. Имениннику приходится всё выслушивать и терпеть.

2

3

4

Разгар лета. 1. Приходит пассивный в смысле походов месяц **ИЮНЬ**. 2. Июнь отдают дачникам для проведения посадочно-парниковых работ. 3. На этой даче (снимаемой Виноградовыми) приятно хорошо посидеть под соснами за накрытым столом. 4. А если дома не сидится, можно всей компанией выехать от Речного вокзала за город в Мелькисарово, в вотчину Игоря и Искры. А их сыновья Саша и Вадик несут рюкзаки с угощениями, а иногда идут и «со своим самоваром».

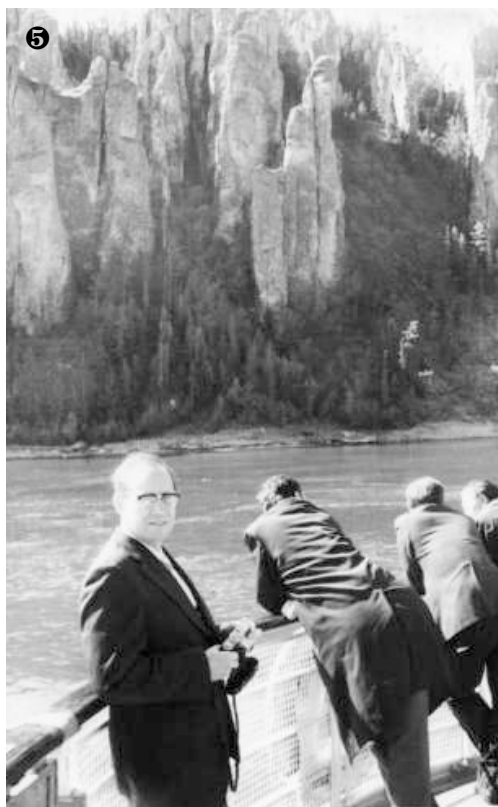
Затем на календаре два месяца — **ИЮЛЬ** и **АВГУСТ**. 1—3. Еще два квадрата календаря отводятся под серьезные летние походы. Эти два клейма объединены в одну большую картинку. Большие горные походы в первые годы направлялись на Кавказ, а потом на Памир, Саяны, Тянь-Шань, Алтай, Фанские горы, Полярный Урал и в другие места.

1. Иногда горные походы отличаются большим километражем и разного характера препятствиями.
2. Сергей и Лёха переходят болото по кладке. 3,4. Если устал – вправе отдохнуть.

В 70-е годы Игорь сманил Аду и Богдана поехать в конные походы по турпутевкам. 1,2. Освоили и этот вид транспорта. Были в Адыгее, Башкирии, под Полтавой. 3,4. Ада проявила талант к освоению верховой езды, в группе – она посередине.

Особенно захватывающие путешествия получались со сплавом по сибирским рекам на плотках. Сначала небольшой марш с рюкзаком к реке. 1,2. Строительство плота, затем — пару недель сплава. 3. Сплавляемся. 4. Юра всегда при деле. 5. В один из заездов проплыли на катере из Якутска вверх по Лене, увидели Ленские Столбы, потом по реке Лямпушке спустились опять же к Лене.

1

2

4

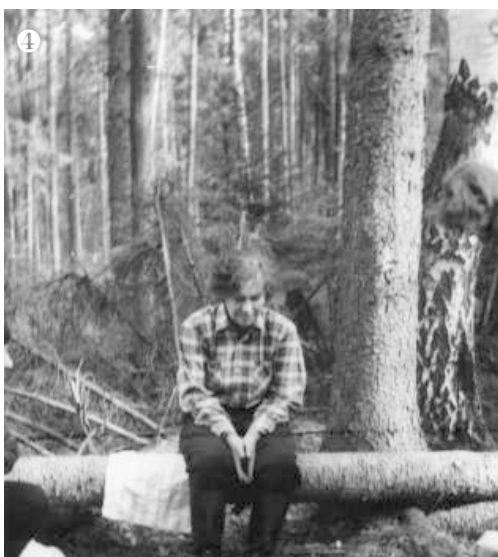
3

5

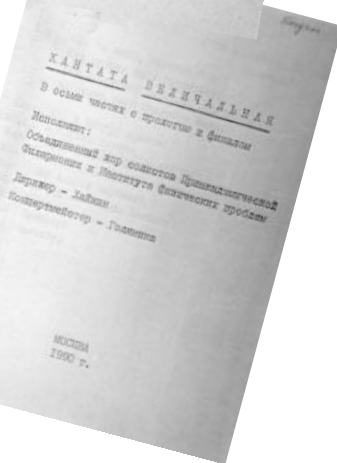
Иногда в серьезных походах случаются и серьезные происшествия. 1–3. На горе Пайер – перевал из Азии в Европу (Полярный Урал), поскользнувшись на заснеженных камнях, упал и сломал ногу Виктор Олевский. Через геологов вызвали вертолет. 4. Далее мы видим, как Витю доставляли к вертолету. 5. На картинке из календаря показан Витя, разлегшийся в Склифосовке.

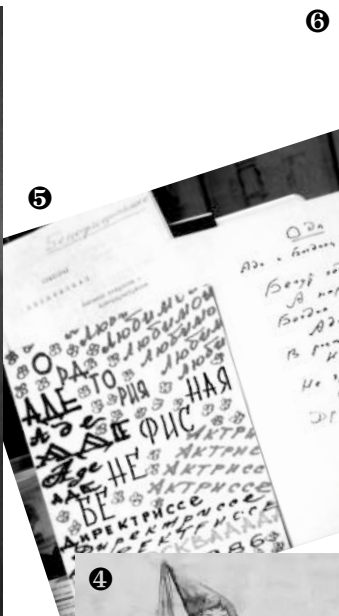
1,2,3. В августе возможны приятные прогулки по Подмосквью. 4. Таня в задумчивости отдыхает в лесу. 5. А некоторые собирают цветочки.

2

После походов и переживаний на дикой природе **СЕНТЯБРЬ** и **ОКТАБРЬ**, затягивают нас в «очаги культуры». 1. Любо пойти в Консерваторию слушать Николая Луганского. 2. Во внутренней жизни Филармонии возникает (как ныне говорят) ряд праздников, юбилеев, золотых свадеб. К каждому из подобных событий готовятся послания, кантаты, эпигаламы и т.п.

В том же ряду чествований членов Филармонии был проведен бенефис Ады. 1–4. Ада – солистка ППФ, наше меццо-сопрано, исполнившая большую часть характерных ролей в наших спектаклях. 5, 6. Ей за все время деятельности в ППФ было посвящено много стихов, написано ролей. В бенефис она выполнила роль мадам Бонтонской в премьере «Голубая кровь». 7. Иногда в собраниях ППФ устраивались шуточные лотереи.

НОЯБРЬ. По календарю страны этот месяц давал «трудящим» четыре выходных дня. 1–4. Члены ППФ в эти дни стали выезжать в старинные города, к памятникам архитектуры в Петербург, Владимир, Суздаль, Минск и другие.

1. Последняя картинка Филармонического календаря — месяц **ДЕКАБРЬ** — изображает лихорадочную подготовку к Новому году и к созданию нового спектакля. Два автора сидят у стола и в суровой борьбе за истину творят страницу за страницей, образ за образом, зонги, арии, хоры. Рукописные листочки собирает Татьяна и тотчас печатает на машинке «рыбу». Справа сверху Ира компонует клавир нового опуса, а симметрично к ней Дирижер готовится к борьбе с певцами, чтобы добиться от них должного звучания и гармонии. 2,3,4. Исполнители знакомятся с текстом и начинаются репетиции. 5. Конечная истина «находится в вине».

А затем все опять начиналось с начала года — Январь, Февраль... и т.д. и т. п.

ПРИЛОЖЕНИЯ

АФИНЫ

Пролог

Труф: Скажи-ка мне, Бригелла, о чем-нибудь сегодня будет спектакль?

Бриг.: Да, о древней Греции же, об Афинах. Так и называется - "Афины"!

Труф: А зачем-то мы в такую древность залезли?

Бриг.: А нашей Подмосковной филармонии это не в диковинку. Изображались события и подревнее: "Сотворение мира" или "доисторическая хроника"

Труф: А сколько же лет тому назад проходили эти Афинские события?

Бриг: Прошло 2525 лет!

Труф: Как же ты это так точно вычислил?

Бриг: Подумаешь, Бином Ньютона!

Рассвет Афин был 2,5 тысячи лет тому назад. А наш спектакль был поставлен 25 лет назад. Сложил и получилось ровно 2525 лет.

Труф: Ну, голова! А ^{гений!} о чем, кстати, сей опус?

Бриг: Ну, вообще-то для наших спектаклей смысл не обязателен. Но здесь он есть. О ВЫБОРАХ!

Труф: Тьфу, тьфу, тьфу... нечистая сила. И так в зубах навязло.

Бриг: ничего, ничего... Репетитум-ест матер студиярум!

Труф: Повторение - мать учения

Оба /к зрителям/: Смотрите и слушайте!

ДРЕВНЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

А Ф И Н Е Й

В трёх эпизодах с пародом и эпизогом

ОЛУС ПЯТЫЙ

Действующие лица:

- Сократ
- Пифагор
- Гнейский
- Диалектра
- Мельпомена + Полихимия } её подружки
- Бандерша в Афинах
- Зашлутарх
- Оракул
- Реквизит
- Гайдукковский

учёные мужи

недоучёный муж

хозяйка аристократического салона

побочный сын персидского монарха

Дельфийский

Гайдукковский

Статисты, хор и оркестр Подмосковной филармонии

Комментаторы: Труфальдино, Бригелла.

ПРОЛОГ

оля

Гжёлне и страшные невзгоды

грозят Афинам:

Предстоит избрание кандидата

В высочий и учёнейший Олимп.

Фатальные события разыгрались!

Но!

ХОР: Но! Сто раз повторим!

Горе нам, горе вам, горе им!

1966-1967

1999

Эпизодий I

САЛОН ДИАЛЕКТРЫ

ХОР: Академия -

Храм на Олимпе для наук.

Тот муж, кто вершины достигает

Тотчас же бессмертным становится вдруг.

Славься Зевс -

Раз в два года он кресло даёт,

А мы вобрать должны.

Пифагор: Академия!

Зевс, наш родитель и все мы друзья

по кормушке,

Как нам собой не гордиться, подобно

богам мы!

ПОЛИХИМИЯ: Чудными звуками сердце согрей,

Диалектра,

Ты возвеличила древнюю землю Эллады

Сладостью песен твоих!

Диалектра: О, боги, ниспославшие

В чертогах зреть моих

Мужей, венчаных славой,

Мудрейших из земных.

Средь ликов богоравных

В возвышенных словах,

Пою я гимн заздравный

О великих, славных их делах!

ХОР: Кто может быть равнодушен и к флейте,

И к лире, и к сладостным песням?

Диалектра: Боги не всякого всем оделяют.

Не все обладают и красноречьем,

И видом прекрасным, и разумом мудрым.

Не всякий сумеет, как вы

Слова окрылённые молвить!

Гнейсий: Посплетничать, значит...

жен: Смотрите здесь, смотрите там -
Правится ли это вам?

Муж: Смотрите здесь, смотрите там -
Правится ли это вам

жен: Ученый вовсе оошшил
к властям в немилость он попал
Муж: Одоблее не окружен
вниманием девиц и жен

жен: И нынче, засучив штаны,
вежит ученый из страны

Муж: А тем кто здесь - удел не нов -
дмви в науке - без штанов.

жен: Но прет в науку вся шлана,
ей степень доктора нужна

Муж: А если покрупней бандаит,
То в академике глядит.

жен: Демократическим путем -
Навстречу выборам идем.

Муж: Но как и прежде там и тут
нас вокруг пальца обведут.

жен: Смотрите здесь, смотрите там -
Правится ли это вам?

Муж: Смотрите здесь смотрите там -
Правится ли это вам.

ПИФАГОР: Мудрый учёный совет Олимпийский
Назначил новне выборн членов.
Как отобразь среди многих достойных
Того, кто и нам, и богам на Олимпе
Был бы равно удобен?

ГНЕЙСИЙ: О, Дилектра, если бы мудре старци
Добродетель мою во внимание взяли,
А затем и избрала меня.

ДИЛЕКТРА:

Гнейсий мой, будешь ты герой,
Ты в совет можешь влезть,
Но не будь балдой. ^{Умней}
Древних мужей обойти сумеи,
Проберись на Олимп скорей.

Ты смелее иди,
Пусть огонь горит в груди.
Бой за место веди
ждёт победа впереди!

Тут трудн не важны,-
Связи крепкие нужны.
Чтобы наверняка
Нужна рука.

Гнейсий мой, ты не будь ^{Умней} балдой,
Встрепенись, развернись
И на мне женись!

ГНЕЙСИЙ:

Внемля голосу её,
Зрю избрание своё.
На Олимпе мягкий ступ
И давно уж приглянул.

Мне не страшен враг любой
С Дилектрой дорогой!
Скоро я надену нимо
И пролезу на Олимп.

ДИЛЕКТРА: О ^{Умней} мудрец из философов всех
наивысший,
Не обратишь ли ты взорн свои благосклонно
На кандидата в избранныки - Гнейсия,
Небезызвестного друга нашего дома?

ПИФАГОР

Мой престиж не так уж мал,
Я шепну словцо, другое,
На Олимп его устрою.

ХОР МУЖ: Не соврал, не соврал.

ПИФАГОР:

Гнейсий сам не так уж мал,
Он хотя умом обижен
И науку слабо движет,

Просцениум после I-го действия

Бриг: Знашь, я люблю в телевизор смотреть на Олимпийские Игры
Труф: А же смотря, как ломают комедь, косноязычьем озвучивши речь.
Бриг: В думе дерутся Периклы
Бриг: А я в сериале люблю наблюдать, как Гектор "замочен" Ахиллом.
Труф: Было бы проще его "заказать", набив колесницу тортилой!
Бриг: Люблю я рекламе с экрана внимать!
Труф: "Про Это" волнительно очень!
Оба: Великие Боги! Афинская мать! Без этого жить мы не хотим!
Бриг: Бессмертные боги создали Эфир...
Труф: Те Ве - наполнитель Эфира!
Бриг: Оно - моя страсть, мой восторг, мой кумир!
Труф: Четвертая власть сего мира!
Бриг: Те Ве Разрешит все проблемы.
Труф: Что кушать тебе и что покупать.
Бриг: Какие лекарства тебе принимать.
Труф: кого нам любить и кого проклинать.
Бриг: кого депутатами нам выбирать.
Оба: Бессмертные Боги, храните Тебе и нашу Афинскую мать!

Оставай тесь с нами.

- 5 -

ПИФАГОР:

Шанс его не так уж мал,
так уж мал,
Мы заботой не оставим,
На Олимп его доставим,
Чтоб сиял, чтоб сиял!
Шанс его не так уж мал,
так уж мал...

ХОР МУЖ:

ХОР ЖЕН:

ДИЭЛЕКТРА: Радуйтесь боги! Давно уже не было
В доме моём столь сладостной речи!

ПОЛИХИМИЯ: /всегдает/ О Диэлектра!

ДИЭЛЕКТРА: что, ^{о богах} /верная сердцу подруга

ПОЛИХИМИЯ: Шедная по воду лева на улице мне
повстречалась,
Дева могучая, дочь Антифета, царя
Дистригонов,

Она мне сказала - в вертене Евстервы
Там, где собираются всякие антинауч-
ные силы,
Створор творят против нас.

ДИЭЛЕКТРА: О что за слова у тебя из ограда
зубов излетели?

ПОЛИХИМИЯ: Гнусное дело задумали -

Своим протащить кандидатом!

ГНЕЙСИЙ: О, горе мне, бедному древнему греку!

ДИЭЛЕКТРА: Прохиндеи, отребье науки,
Как смешать мои планы посмели?
Протянули банditские руки,
Чтобы место у Гнейсия отнять.

Без оружия, я страха не знаю.
Зверем к вам беспощадным явлюся.
Фаворита сейчас защищаю,
За него в порошок всех сотру!
Есть план у меня: Зашлутарха я в сети
свои заманю!

Не боюсь я ни фига
Еду в логово врага!

Рене Декарт

ПОЛУХОРИЕ

→ ОБА : перед вторым эпизодием.

КОРИФЕЙ: Яркое солнце, покинув небесное лоно,
В залив опустилось. В шумном вертеле
Евстервы ныне собирается гульбище
Ради свершения разбойничьих планов.
Ио!

ХОР: Ио! Сто раз повторим:
Горе нам, горе вам, горе им!

Эпизодий 2

ВЕРТЕЛ ЕВСТЕРВЫ

/Танго Евстервы и Зашлутарха/

ХОР: Как под Акрополем открылася пивная,
Там создалася обстановочка такая:
Там жили урки, никаких забот не зная,
Но им хотелось чего нибудь урвать.
Была там бандершей Евстерва-хулиганка,
Собой преграсная, как древняя гречанка,
За теоретика держали Зашлутарха,
Он был побочный сын персидского монарха.

ЕВСТЕРВА: Когда в Афинах раслускаются маслины,
Я свой шалман веду на дело первый сорт.
Я вперед иду, я никого не жду!
Средь амазонок я поставила рекорд!

ХОР: Я вперед иду, я никого не жду,
Средь амазонок я поставила рекорд!

ЕВСТЕРВА: Мои сотруднички - лихие уркаганы,
Они науки с малых лет не признают.

Скажу - и храм взорвут, скажу - ярык ^{там} ~~ее~~ пришьют,

Скажу - и на Олимпе учёный проползут.

ЗАШЛУТАРХ: Была бы шляпа, хитон из драпа,
И от жилетки рукава.
Была б монета, а с ней сабета,
Всё остальное - трин трава!

ХОР: Была б монета,
А с ней сабета,
Всё остальное трин-трава!

ЗАШЛУТАРХ: Начальница и дела, и решения,
Скажи, ключедержавная Евстерва,
Чего ты там ещё про выборы шлепа?

ЕВСТЕРВА: Нам надобно другого кандидата
Продвинуть вместо Гнейсия-кретина,
Что б в доску был своим.

ЗАШЛУТАРХ: Кто же способен из нас на такое
паденье?

ЕВСТЕРВА: На это укажут нам боги. /считает/
На одном валу сидели
Ротор, статор, мирный атом,
Ты и будешь кандидатом.

ЗАШЛУТАРХ: Я не согласный! За что мне такая
немилость?

ЕВСТЕРВА: Решили так боги! Стенанья оставь,
А на это боги не ведаютник.
И на это боги не ведаютник.
ХОР МУЖ: С нами, мальчишка, ты не пропадёшь!

Хор С нами, мальчишка, ты не пропадёшь.
Нас за собой в Академию проткнёшь! *Саму-Кеша*

ЗАШЛУТАРХ: За что продали, кореш, меня?
Ведь я с учёной этой кодилы
Всего-то раз в году встречаюсь,
И то на зимних лёгких сборах,
Что в Колхиде златорунной.
Хотя, был у mine один момент...

ХОР: Выкладывай, трепись и не темни!

ЗАШЛУТАРХ: В шалмане я родился,
Бандит и хулиган.
Ко мне раз обратилась
Неизвестный мне гражданин:

"Я из странной учёной, - говорит,
Прискал в этот град."

Там ежели воруют, зовётся плагиат".

ХОР: Там ежели воруют, зовётся плагиат.

ЗАПУТАРХ: А ежели тебя накроют

За этот плагиат?

Слегка дадут по шее,

В торгату не ташат.

А ежели ты сумеешь

Побольше увести,

Зовётся - диссертация,

И ты у всех в чести.

ХОР: Зовётся - диссертация,
И ты у всех в чести.

ЗАПУТАРХ: Там главное - не защита,
Там главное - банкет.

Деревья Блаженно дует вина

Учёнейший совет!"

ХОР: *Сократ* Блаженно дует вина
Учёнейший совет.

БЕВТЕРВА: Смело иди, Запутарх, в Академию.

Сыщешь там для себя

Благогодатное поле для жатвы!

ХОР: Создали боги воров и бандитов

И корифеев науки из олимпиаковой глины.

СОКРАТ: /за стеной/ Шумел камыш, деревья гнулись

ХОР: К нам Сократ, к нам Сократ поспешает бухой!

Сократ: Древние Афины,

Славная страна,

По какой причине

Ты бедным - бедна?

Хор: По какой причине

Ты бедным - бедна,

Древние Афины,

Славная страна?

Сокр: Вроде бы трудяга
Здесь каждый человек.

Только бедолага

Этот древний грек?!

Хор: Только бедолага

Этот древний грек,

Вроде бы трудяга

Здесь каждый человек?!

Сокр: У него правители -

Бездарь и жульё,

Коррупция - грабительство

Просто Е - Моё!

Хор: Коррупция - грабительство

Просто ё - мое

У него правители

Бездарь и жульё!

Сокр: Видели по ящику

Невиданный позор:

С девками гулящими

Вроде о Шцагору!

Хор: С девками гулящими

Вроде о Шцагору

Видели по ящику

Невиданный позор!

Сокр: С этой демократией

Пропадем, братья,

Образуем партию -

власть забрать пора

Хор: образуем партию,

Власть забрать пора.

С этой демократией

Пропадем, братья!

ЕВСТЕРВА: Скажи, Сократ, бандит идейный
вдохновитель,
Хотим мы дело с Зашлутархом повернуть,
Чтобы его в науку сходу двинуть.

ЗАШЛУТАРХ: /слезливо/ Боюсь я, багя...

СОКРАТ: Он совсем дитя! Он не врался

в областях возвышенных!

ЗАШЛУТАРХ: Так я ж совсем наук не разбираю...
СОКРАТ: Клянусь Хаосом, Испареньем, Воздухом!

Глуша такого я не видывал на свете.
Но решено. Твою кандидатуру на выборах
Ближайших поддержу. А надо - притяну
богов бессмертных!

ЗАШЛУТАРХ: А ежели провалит меня?

ТРИО: Если вас провалит раз -
Вы, наверно, вскрикнете.

Раз провалит, два провалит,
А потом привькнете!

ХОР: Эх, раз, ещё раз, ещё много-много раз!
Лучше сорок раз по разу,
Чем ни разу сорок раз!

ДИЗЛЕКТРА: /входит/ Не это ли атриум
тонкокодыжной Евстервы?

ЕВСТЕРВА: Из какой земли явилась эта наглая
змея?

ДИЗЛЕКТРА: Я хотела бы песней прославить всю
честную компанию вашу!

О, боги, ниспославшие
В чертогах зреть твоих...

ХОР: Ха-ха-ха, вот это насмешила!

СОКРАТ: Да это что-то из другой трагедии.

ЗАШЛУТАРХ: Девчонка нешлоха, но нудь поёт какою!

ДИЗЛЕКТРА: Нет, так не завлеку я Зашлутарха.

А он хорош, однако!

Придётся/переменить пластинку.
Эй! По афинской мостовой

Зашлутарх идёт лихой!

ХОР: ~~Да, Саша~~, ни к чему образованность ему!

ДИЗЛЕКТРА: От Акрополя до Фив

Всех смелей он и красив.

ХОР: Для девчонок ни к чему образованность ему!

ДИЗЛЕКТРА: На разбой и на грабёж

Зашлутарх всегда хорош!

ХОР: ~~Да, Саша~~, ни к чему образованность ему!

ДИЗЛЕКТРА: Гром грохочет, дождь идёт

Зашлутарх в Олимп пройдёт!

ХОР: Для Олимпа ни к чему образованность ему.

~~Да, Саша~~, ни к чему образованность ему!

ЗАШЛУТАРХ: Вот это девка, первый сорт!

Валей сада, красотка.

СОКРАТ: Когда бандитов возлюбят боги,
Не становитесь им на дороге!

ХОР: Эх, колесница из полимера,

ДИЗЛЕКТРА: А я девица, а не гетера!

СОКРАТ: Живут бандиты и в ус не дуют
Их сверху боги рекомендуют.

ХОР: Эх, колесница, лихая гонка,

ДИЗЛЕКТРА: А я девчонка, да амазонка.

СОКРАТ: Не нужно знаний, не нужно мясней,
В номенклатуру и так зачислят.

ХОР: Эх, колесница, да, афинянка,

ДИЗЛЕКТРА: А я девчонка, да хулиганка!

Р. Эх, колесница, да, афинянка. Она девица, амазонка.

Вот это девка, первый сорт!

Валей сада, красотка.

СОКРАТ: Когда бандитов возлюбят боги,
Не становитесь им на дороге!

ХОР: Эх, колесница, лихая гонка,

ДИЗЛЕКТРА: А я девчонка, да амазонка.

СОКРАТ: Не нужно знаний, не нужно мясней,
В номенклатуру и так зачислят.

ХОР: Эх, колесница, да, афинянка,

ДИЗЛЕКТРА: А я девчонка, да хулиганка!

Пролетариум после 2-го действия

Труф: Бригелло, что это у нас сегодня тема спектакля такая затасканная — выборы! Ведь сейчас куда ни плюнь — плакаты с кандидатами, из каждого утюга тележурналисты рожи страшные призывают голосовать за них. На что они могут рассчитывать? То рыло свиное вылезет, то "червоная свитка", то гоголевский шапок пожирает конкурентов, как вареники.

Бриг: Нет, Труфальдинчик, ты не прав. Выборы это как детская болезнь — корь или там скарлатина, с неизбежной сынью на шкуре общества. Нужно пережить и поскорей забыть.

Труф: Пору выборов — то мы переживем, а вот последствия могут сильно сказаться. Тут — с десяток генералов рвутся к власти. А глядишь, один хоть дорвется — и сразу повоевать пошире захочется, и твердая рука появится. А всякие выборы будут прикрыты. Нет! Не нравятся мне это.

Бриг: Ну, что ты всё брызжешь... Могут быть и приятные результаты... Выберем, например, президентом симпатичную женщину, а вокруг неё сразу блоки завертятся, как кружева: слева направо, справа налево.

Оба: ВСЕ НА ВЫБОРЫ!

- 14 -

ПОЛУХОРИЕ

перед третьим эпизодом

Корифей: Рано рождённая вышла из тьмы розоперстая Эос.

Рано проснулись сегодня учёные старцы.

Нужно нелёгкую ныне решить им задачу:

Выборы тайные даже, всяма и всяма

Щекотливое дело...

Ио!

ХОР: Ио! Сто раз повторим:

Горе нам, горе вам, горе им!

Рассвет. Пникс — место народных собраний.

Эпизодий 3

(Входят мудрецы.)

ХОР МУЖ: Вместе с новой установкой

Мы сюда пришли опять,

Сообразно с обстановкой

Кандидата выбирать.

ХОР ЖЕН: Угодить богов желаньям

Непреренно мы хотим.

Неудобных на закланье,

А угодных на Олимп.

Тифагор: Ать — два! На месте марш!

Директор: Сообразно с обстановкой

Изберём кого-нибудь.

ХОР: В расхождении с установкой

Нас не смогут упрекнуть.

Пифагор:

Директор: Ать — два, стой!

Пифагор: Трудное дело творить нам придётся

сегодня, собрать,

Хочет другая которта своего проташить

кандидата...

Директор: А вот и пришли супостаты!

ЕВСТЕРВА: Эй, братва, пора громить лгавых,
 Залутарха надо проташить.
 После мы проташим всю ораву,
 С науки будем жить!
 Гнейсий - что? Моральный недоносок,
 Мудрецы - не стоят ни гроша
 Протолкнём, и никого не спросим,
 Работка хороша!

ХОР: Протолкнём и никого не спросим,
 Раотка хороша.

ПИФАГОР: Зевс наш! Злодеев таких я давно уж
 не видел!
 Ты, Сократ, науки осквернитель,
 Зачем мешаешь мирному решению
 Теоретических и внутренних вопросов?

СОКРАТ: Пошёл к чертям! Не стой перед трибуной,
 Беззвучно шевеля беззубым ртом.
 Известна нам твоя принципиальность.

Ходит, бродит теоретик,
 Он не молод и не стар.
 Он готов на всё на свете:
 Был бы только гонорар.
 Он лобзает Демокрита,
 Если Демокрит силен.
 Если ж нету в том профита,
 Зац имеет и Платон.
 Сокр: Верен был материализму
 В допотопные года.
 И была ему харизмой
 Карлы - маэлы борода.

Ниче краткий, как овечка,
 С Карлой - Марлой не знаком,
 Истово кадит со свечком
 Перед новым ожестом.

ГНЕЙСИЙ: Мне, бессмертные, внимлите,
 Ваши обещанья на голосованье
 Честно вы сдержите.

На Олимпе в мягком кресле
 Хочется засесть мне,
 Чтобы с вами вместе
 Зевса прославлять.

СОКРАТ: Законченный учёный, хоть избойрай
 в президиум.

ПИФАГОР: Вычислил я, как от напасты уйти нам:
 /Евстерве/ О, фиалковенчанная лева,
 Нам перед избраньем потребно узреть
 Залутарха. О выборах так положенье
 гласит.

ЕВСТЕРВА: Эй, кореши, куда девался к чорту
 Наш кандидат, облудливый Залутарх?

ХОР: Пронал без вести.

ПИФАГОР: Ну так не взыщи!
~~Аристотель~~ Начнём мы тайное голосованье!

Г О Л О С О В А Н Ь Е
 Аристотель: Единоголасно избран Гнейсий!

ХОР: Гнейсий!
 /вбегает Диэлектра и Залутарх/

ЗАЛУТАРХ: Какой там Гнейсий? Надо же меня!
 Я жаловаться буду!

ПИФАГОР: Трудно смертному мужу
 С бессмертным управиться богом.

ДИЭЛЕКТРА: Но волю богов мы ещё не слышали!
 Оракул пусть скажет.

ХОР: Оракул пусть скажет!

ОРАКУЛ: Ехал грека через реку.
 Видит грека - в реке рак.
 Сунул грека руку в реку!
 Рак за руку грека - цап!

Хор: Миновали столбы,
Но обались на свете
Страсти бурные эти,
Беспредел и разбой.
Развалились Армины
Тыщи лет с половинной,
Но как прежде кретины
Цравят нашей землей!

Власть и собственности схватить
Оглотельм нахрапом,
Куш урвать покрупнее
И запрягать в карман
демократия-сцена
И на ней непременно
Наших дней демосценны
Творит балаган.

жен: На великой, на Россее
Наполдилась прохиндей,
Прут бандаты в эмицрей —
О-ли — ГАР — хи

муж: На великой на Россее —
дкая буржувизл,
И всё олее наглелт
ЗА — ШУ — ТАР — ХИ!

жен: Беспардонны кандидаты —
Рвет друг друга, кроет матом,
Чтоб дорваться до мандата
ДЕ — ШУ — ТА — ТА!

муж: Нам таких на дух не нужно,
Джстаниреусемя дружно
От политики натужной
ВО — РО — ВА — ГОИ!

жен: Запы грязных технологий
Прохиндеям не помогут,
Одолеть сподобят Боги
СУ — ЦОБ — ТА — ТОБ !

Хор: Ну-ка, братья, дружно разом
Славим музны! Славим Разум,
Чтобы всех сандитов сразу
В гроб!

СОКРАТ: Оракул волю Зевса нам открыл:
Раз грека — Зашлутарх без места бродит,
Так велено ему спустить второе кресло.
Пусть сядут рядом!

ПИФАГОР: Сходные вещи облизать привинкли
великие боги.

АРИСТОТЕЛЬ: Быть по сему! Вновь тайное начём
голосованье.

ГОЛОСОВАНИЕ

АРИСТОТЕЛЬ: Единоголасно избран Зашлутарх!

ХОР: Слава Зашлутарху!

ДИЭЛЕКТРА: И я теперь твоя навеки!

ГНЕЙСИЙ: Коварная, ведь ты же говорила,
Что Зашлутарха лишь на время завлечёшь
Бах! /убивает Диэлектру кинжалом/

ДИЭЛЕКТРА: Издержки производства...

ЗАШЛУТАРХ: Бах! /убивает Гнейсия/

АРИСТОТЕЛЬ: Бах! /убивает Зашлутарха/

СОКРАТ: Бах! /убивает Аристотеля дубиной/

ХОР ОСТАВШИХСЯ: На утро там нашли четыре трупа,
Которых невозможно опознать.

х х

х

ОТЦЫ И ДЕТИ
ИЛИ
ДВОРЯНСКОЕ
НУТРО

Лирико-либретальная драма в двух действиях
с дуэлью и маскарадом.

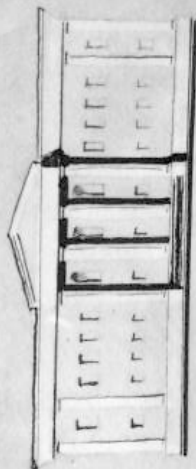
О П У С №12 - 28

Абрамцево

1973-1974г.

1998-1999 г.

Борисенковское
клубное

ПРОЛОГ и I-е ДЕЙСТВИЕ

ХОР

На Руси стоит домик крошечка,
В нем народ набит как в лукошечке.
А глядит на всех домик свысока —
На фасаде золотом вывеска:
Подчиненное Академии
Богачдельное заведение.
Заведение благородное
Богачдельно — богочудное!

Антуан:

Государем я здесь поставленный,
В богачдельне сей самый главный я.
И позиций я просто так не сдам,
Но тревожит нас, что творится там?

Казимир /Антуану/ Ваше превосходительство,
Вам депеша, "Поздравительственная"

Антуан / Ну вот, поздравляю... С ревазиец

Жюли

Бонжур, мон шер! У меня сегодня чудесное
Настроение!

Праздником светлым вся жизнь развернулась
С Антуаном — дождюаном закужилась
Голова!

Я играю, слез не знаю,
Мне все в жизни трын — трава!

ХОР

Все играет, слез не знает,
Ей все в жизни трын-трава!

Жюли Зависть людская меня не тревожит,

От кумира — Казимира слышу страшные
Слова.

С ним романы мне желанны,
Остальное трын-трава!

ХОР

С ним романы ей желанны,
Остальное — трын-трава!

Жюли

Чувство любви мне смешно, непонятно,
От сомнений и волнений не томится
Голова.

Лишь наряды, маскарады,
Остальное трын-трава!

ХОР

Лишь наряды, маскарады,
Остальное трын-трава!

/Звонит. Входит Жюли/

Антуан Наряды... Машкерады... А у нас неприятности.

/Углубляется в чтение/

Жюли /Казимиру/ Бонжур, мон ами!
Не узнаю бывшего Антуана!

Казимир Его превосходительство
Кумиром был столиц.
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц.

Жюли Его превосходительство
Жур и меломан.
С известными актрисами
Вел не один роман,
Вел не один роман!

Казимир и Жюли
Его превосходительство,
Шалун он и эстет.
И в злешем попечительстве
Ввел крепостной балет

Антуан Мадемуазель Жюли, срочно соберите
актив богадельни.
/надевает сюртук/
/Казимиру/ А теперь докладывай!

Казимир Ваше превосходительство,
В нашем заведении

Вашим попечительством и благоволение
Все превосходно и все прекрасно
Есть и недостатки, (недостатки?)
Но они отделены, но они частны.
Все так превосходно,
Все так прекрасно!

Есть недовольство в ученых холопах-
Онне таянутся за гнилой Европой:
Им бы поездки, им бы приборны.
Экие фронтеры! (фронтеры?)
Надо принципиалу служить без раздору,
А не поездки, а не приборны!

Здесь чрезвычайны надобны меры,
Чтоб пресекались дурные примеры.
Ваше превосходительство,
Надобна метода, (методы?)
Чтобы богадельня

Вашим попечительством крепла год от года
И подчинялась начальству в угоду!

Антуан А с народом говорил?

Казимир Быдло... Ученые холопы!

ЖОР Мы - ученые холопы,
Барский хлеб умеем лопать.

Муж. Чтобн были мы послушны
Вразумляют на конюшне.

Жен. Кто поставлен государем -
Благодетель нам и барин,

Муж. Наших видим в них отцов,
Добродетели столпов!

Антуан ^{Неб} Неб, Казимир, с народом надо уметь
говорить!

Заведенье в развале, в негодности,
Стиль работы перемену:

Дам реформа вам, дам я вольности,
Может барщину отменю.

ХОР Не обманешь, не обманешь,
Эта песня не нова.
Реформатором не станешь,
Все слова, слова, слова!

Антуан Дам вам стимул экономический,
Ублажу вашу душу и плоть.
Буду добрым и демократическим
На конюшне не буду пороть!

ХОР Не обманешь, не обманешь,
Эта песня не нова.
Реформатором не станешь,
Все слова, слова, слова,
Реформатором не станешь,
Все слова, слова, слова!

Антуан Пон референт, опять недоработка!
В другой раз напишем ^{лучше} о чем мне говорить
с народом.

Антуан / к Жоли/ Актив собрался?

Жоли Подходит. С самой Анфимадой Антипагьевной

ХОР А барыня-барыня, сударыня-барыня!
~~незачем!~~

ХОР: Пошла барыня в науку,
Знать в верхх имеет руку.
Барыня станет влдут
Сразу доктором наук!

Селина Очень ловно, очень быстро,
Станет барыня министром!

ХОР А барыня-барыня, сударыня-барыня! (2)

Анфилада

Надело молодлице
Мне с дворовыми возиться,
Их пороть по ягодицам
И таскать за волосы.

Но стныне мне уютно

Заправлять богуюгодным
Антуан мне дан в мужья,
Антуанчик, Антуанчик, Антуанчик!

Здесьние лодлишки гадки,
Распустились без оглядки.
Заведу свои порядки -
Будут помнить много лет!

В том примере дают старинный
Матушка Екатерина,
Кроткия Елисавет.

Нам примерь, нам примерь, нам примерь!

А в Российском государстве
Бабу посадить на царство
Это лучшее лекарство,
Чтоб минули мор и глад.

Пусть трепещет муж - бездельник,
Но пройдет из богательни
До дворцовых анфилад!
Анфилада, Анфилада, Анфилада!

Якобинцев

Ах, барыня наша, Анфилада,
Неонилу в лаберанты ~~наде~~ надо!
Светит месяц, светит чистый,
Светит полная луна.

ХОР

Неонила

Крепостным специалисткам
Цуть дороженька одна.
Не дадут работы честной
На театры волокут

ХОР

А карьера там известна:
~~В парочку~~ ~~заберут.~~
И в СТАЖЕРКУ

Антуан Не по чину просишь, Якобинцев! /~~х Не выслуш~~
А ты готовься!.. Ужо тебя
внимаем не оставлю!
/трещет ее за подбородочек/

Анфилада

Старый муж, дряхлый муж!
Старый муж, дряхлый муж,
Еле ходит в живых,
Не отступит никак
От привычек своих.

Все не может забыть,
Селадон, прежних лет -
Из СТАЖЕРОК своих
Он устроил балет!

Старый муж, дряхлый муж,
Я тебе не прощу!
Сообщу я в Сенат
И в Сенод сообщу!

Якобинцев

Властвует здесь либерал-крепостник,
Его Анфилада - лютее чем тать.
Я б /диссиденты пошел в тот же миг,
Чтоб им противустоять.

Сколько горя, сколько муки
От невежества терплю.
Потому что я науки
Исключительно люблю!

Среди балерин крепостных я избрал
Моя Неонилу, чтоб вечно любить.
Противу патрона точку я кинжал
Женщину раскрепостить.

Лишь безвременной могилой
Жажду крови утолю,
Потому что Неонилу
Исключительно люблю!

Антуан Утро туманное, утро неясное...

Якобинцев Буду бороться не глядя на лица я!

Жюли Очень волнительны речи их страшные,

Анфилада Он нарушает все наши традиции.

Антуан, Якобинцев, Жюли, Анфилада /все вместе/

Антуан Неблагодарный! Дстойный презрения!

Якобинцев Непримирима борьба в поколениях.

Жюли Дух захватило от сердцебиения!

Анфилада В третее я сообщу отделение.

Все четверо . Вот результаты такого правления.

АНТУАН /показывает телеграмму/
 Господа! К нам едет ревизор!

ВСЕ Как ревизор?
 /немая сцена/

ЧУМАЗОВ /представляет/:
 Гаврила Силыч из Петербурга

ФИНАЛ I-го ДЕЙСТВИЯ
 Приказом коротким и дельным
 На прошлое ставится крест.
 Пустыть в перестрой богателни,
 Приказ есть: ускорить процесс!

Чумазов

ХОР
 Хватит нить и прекратить
 Пустые разговоры.
 Дозунг наш - галопом марш,
 Взять Россию в шпору!

ХОР

Пусть каждый российский бездельник,
 Коптящий собой неосвод,
 Товар из своей богателни
 На рынок сбивный несет.

Чумазов

Хватит нить и прекратить...

ХОР

Держава имеет причины
 Закравшись Запад уесть -
 Отречься от перьев гусиных,
 К цифирным машинам засесть.

Чумазов

ХОР
 Хватит нить ...

Чумазов /Оглашает/ Отныне вам вводится гласность
 и устность, рынок и прогресс!

МУЖ Как прогресс?!

ЖЕН Ах, какой реприманд неолданный!

Якобинцев Реформы мне, реформы!
 Антуан Будут, ужю, тебе реформы...
 /конец I-го действия/

2-е ДЕЙСТВИЕ

Ведущая:

В державе круто изменилась обстановка,
 прошли реформы, крепостничество ушло.
 Как это отразилось на наших персонажах?
 Посмотрим, ведь герои сочиненный ведут
 себя непредсказуемо. Занавес!

17
ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ
М А Ш К Е Р А Д

/Вальс/

ХОР
Вот так сюрприз!
Никак не ожидали,
Нам юбилей отметить предстоит.
Давненько ничего
Мы не справили,
А юбилей поистине живит!
Нам двести пятьдесят
Славный сюрприз для нас!

Муж.
Будут, наверно, значки и награды,
Из Белокаменной в Питер вояж,
Знать лекарям увеличат оклады
И крематорий в Москве будет наш!

Жен
На выставке нам ответдут павильон
И всю богатою покажем мы там.
Там будет бомонд и все будет бонтон.
Ах, места приятнее нету для дам!

ХОР
С новым юбилеем
Мы все помолодеем.
Принять мы будем рады
Высокие награды.

Муж
Отхватят куш орменный
Действительные члены
Заблещут в позументах
И член-корреспонденты.

Жен.
Получат, кто послушен
И крепостные души.
Отвалится без меры
И новые кварталы!

Муж.
Бесплатно — по раздаче —
Имена и дачи,
Кресты и виц-мундиры
И восхищенье мира.

- 12 -

Сегодня здесь прольется кровь,
А не лиловые чернила.
Я бьюсь за честь и за любовь
Моей любезной Неонилы!
Но где ж противник? Никого...
Час роковой дуэди пробил!

Казимир /вбегает/
Я вступаю за него!
Патрон на совещанье отбыл.
Вот вам доверенность моя,
Патрона представляю я.
Я замещу его в момент
Как порученца референта.
Сейчас инструкцию прочтем
О новых правилах дуэли.

Якобинцев Да это ведь бог знает что!
Начальство, видимо, сдурело!

Оба
Мы пистолеги зарядим
Патронами, но холостыми,
И установленный режим
Поддержим действиями своими.

Мы пистолеги зарядим
Небес лазури в середине,
И тем прочнее утвердим
Общественную дисциплину.

/сходятся, расходятся, стреляют в воздух/

Казимир
Всегда лишь форму свято чтит
И сути дела предпочити. *Маш*
Можно поставить галочку. *Se*

Холопы Якобинцев
 У черной кости да к белой востри
 Их накопилось немало злости

Якобинцев В авангаже кровь голубая
 А у холопов судьбина злая!

Якобинцев В черном теле меньшей сотрудник,
 Ему что праздник, ему что будни!

Якобинцев Не нам награды, не нам парады,
 А рожке водки всегда мы рады!

Казимир Господа, гранд ронд!
 В лесу родилась елочка,
 В лесу она росла.
 Проблемы новогодние
 Ученым принесла.
 Трусишка зайчик серенький
 Под елкой спок да спок.
 Он подал заявление
 Во ближний во лесок.
 Сердитый волк критический
 Рысцою пробегал,
 Морально и физически
 Крамолу истремлял.
 Гурьбой по снежной россыпи
 Шакалы на бегу
 Лихие чертят росписи
 На сахарном снегу.
 Кошачье муканье
 Победный рев осла.
 А мы хотим, чтоб елочка
 Зеленая росла.
 А мы хотим, чтоб елочка
 Зеленая росла
 И много - много радости
 Ученым принесла!

ХОР

ИДЕЯ. В любой критический момент
 Изустно или на бумаге
 Российский наш интеллигент
 Радеет о народном благе.

Казим. Вольтер, Руссо загляни в нас пыл,
 Вслед - Декларисти молодые.
 Разбужен Герцен ими был -
 И к тобору зовут Россию.

ОБА Ура! Пришла пора реформ!
 Демократии грянет шторм!
 Придите, лучшие умы,
 Россию вывести из тьмы.

Якоб (сам м) Свободный рынок заведут,
 Дадут дышать градам и весям
 И к нам кредиты потекут:
 Приход-расход уравновесим.

Казим Пусть последняя мешанин,
 Пустьская мужик последний саман!
 Себе сам будет господин,
 Все быдло станет господином.

ОБА Ура! Пришла пора реформ.
 Звучит гражданственности хор,
 Народ наш выйдет в актурат
 Из крепостных в электорат!

ХОР Вот так сэрригиз! Никак не ожидали:
 По новому дозволено зажить.
 Мы в страшном сне мы не подозревали
 Что старый мир прикажет долго жить!

ДЕН /танцуют кривою/
 На новые тусовки
 Сошьем себе обновки.

МУЖ При чехарде премьеров
 Мы сделаем карьеры.

ДЕН Быле крепостные
 Свои расправят выи,
 И каждаг кухарка
 Затянит умом монарха.

ХОР
И всё теперь по-новой
Пошел в Руси конловой.
По модам иностранцев
Свой мы сильнее танци

/проигрши I куплета, танци/

Антуан
Глядя на луч державного заката,
Я не приемы мрачного конца.
Жестокый рок влечет страну куда-то,
Холоп восстал на барина-отца.
Самодержавие от века нам основа,
Кто оплот "Империал" - патриот.
И в оппозиции уже скажу я слово, } 2 раза
Ивану грядущему } 2 раза
Ивану грядущему народу.

("Обоими, поцелуй")

Анфимлада
Старый муж, грозный муж,
Угодил в перелет.
Дворянин, крепостник
В оппозицию прет.
Я за ним не поеду,
Я - политик сама!
Лучше в Думу пройду -
Там не надо ума.
Империалекеры мне
Прикажут нужной вид,
От Кардена с Картье
Оторву я прикид.
На приливной волне
Я вильные создам:
"Всероссийский союз
Кавалерственных дам"!

ЖЕН
За народ, только мы
Абы властители дум,
Иль опора страны,
А мужчина - болтун.

Кто идет на базар -
Нужь и в рынок Вайдет.
Вдохновенный азарт
В Думу нас проведет. } 2 раза
("не шей ты мне")

Неонгла, Селина
Подари мне, матушка,
Красный сарафан,
Лапти дай нам новые,
Поднеси стакан

Оставайся бариней -
И с твоих наград -
Буде тебе взыборам
Свой электрорат.

Чумазов: Скажи-ка, Внуков-Домоделов,
Зачем мы держим дармоедов?
Убрать научно хлам! } 2 раза
Я разогно всю эту шапку.
Хорош мне в аренду слак-ка,
Привангизирую утайкой
И акции продам.

Возьму казенные кредиты,
Обогатюсь што-крыго -
И миллиард придет!

Жюли, Казим: И миллиард придет!

Чумазов: Я обустрою пирамиду,
Спасителем предстану с виду,
В зашитники народа выйду,
Как истый патриот!

Казимир: В державе пертурбации,
А смысла не выдать.
Мысленный реф") Как в этой ситуации
Мне нишу отыскать?

Здесь фондов наплодилось,
Что мыльных пузырей.
Они по божьей милости
Находка в жизни сей.

Чтобы в момент критический
Не испытать афронт,
Науки экзотической
Я учреждаю фонд,
Во имя блага Родины
Взойду на постамент
И буду чем-то вроде я -
Окультурный Президент!

Жюли: Отвори в фонд мистический двери,
Буду Джуноу рядом с тобой.

Антуан

Ты мое обманула доверье,
Не играй так коварно с судьбой!

Жюли
(Менуэт)

Држкий Антуанчик,
Кончен наш романчик -
Ты не переспективный -
Я полна идей.

Наша богдельня
Станет безраздельно
Обвечатся на жгучие
Проблемы наших дней.

Модна сексуалогия,
Парапсихология,
Ныне всё дозволено,
Всё разрешено.

Опыты сакральные,
Экспериментальные,
И людей клонировать -
Всё можно заодно.

Чудо предсказаний,
Тайные гадания,
Можно ~~предсказывать~~ ~~предсказывать~~ ~~предсказывать~~
Мир астрологический...
Много есть затей.

С этакой науки
Мы нагреем руки,
Успокоим байками
Мягких людей.

Счастье напорочу я,
И снимаю порчу я,
И всё такое прочее
Тому подобное.

Мистика волнительна,
Магия пленительна...
Будет ~~ВОСХИТИТЕЛЬНА~~
Любовь народная.

Чумзов

("Из-за острова")

Стигартх - слуга народа,
К людям я безмерно шед,
А богатство - от природы
И бездонных русских недр.

Если газом-керосином
Монопольно володеть,
Можно Матери-России
Для престижа порадеть.

Якобинцев будет Канцлер,
А в тени сокровься я.
Я команду в финансах -
Он же - мальчик для битья.

казов
Мы продолжаем то, что мы уже много
наделали. А к русскому языку у меня
претензий нет.

Ангелада /входит/: "По высочайшему повелению
Двора и Сената Якобинцев
произведен в Канцлеры Правительства
российского!"

Жюли/к Якобин/ Отвори мне Кремлевские двери,
В леги первые выдлу теперь.

Канцлер Я в его долгомластье не верю,
Ты останешься с носом, поверь.

Якобин. Достиг я высшей власти!
Я канцлером поставлен в государстве,
Но денег нет в растерзанной казне.

ХОР Везде деньги, деньги, деньги,
Везде деньги господа.
А без денег управленье
Не годится никуда.

Якобинцев: Я хотел монетаризмом
Обеспечить нам подьем...
К диному капитализму
Мы на всех парах идем.

ОР Вель хотелоса как лучше,
Получилось - как всегда.
Подтверждает этот случай -
Везде деньги господа.

цев Мне всё это - хуже перца,
Якийный опыт нас подвел,
Я к народу - с чистым сердцем,
Он же голоден и зол.

ОР Что для Запада ~~заб~~ норма,
То в России не пройдет!
Чтобы дать Гуси Реформу
надо поменять народ

Леон., Солзна Прохулился, магушка,
Красный сарафан...
Где наша зарплатушка,
Все кругом обмен

Не поем мы песни,
Мерзены и дрожили,
Хоть ложись на рельсы,
Чтоб смеяться режим.

Якобинцев
 /к Чумаз/
 Жали
 Увели меня в храм капитала,
 Подади мне златого тельца!
 Якобинцев
 Мноу ты как мальчишкой играла!
 Деньги так разбивади сердца.

Антуан
 Предупреждал я много раз:
 Дня лапотно-сёрмяжных масс
 Прогнивший ваш режим.

Нужна нам власть монаршая,
 Чтоб вспрынул богатырь,
 Чтоб больность и анархию
 Отправил в Сибирь. *Каша, Фрида*

Хор:
 Слышит хор унадез любимый,
 Как прелестен старий строй.
 Завлекает нас родимый
 Крепостник наш дорогой!

Антуан
 Души моей страца,
 Супруга Анфилада,
 Нам нужно силы слить,
 Чтоб власть перехватить. } 2 раза

Анфилада:
 В России баба в силе -
 В союз нас пригласили.
 И мы, как патриотки,
 Подем совсем не кротко
 Всей грудью на врага

Уса
 Мы в блок один сольемся,
 Цоль власть нам дорога.
 К Империи вернемся,
 Назвав ледям врага. } 2 раза

Антуан, Анфилада
 Врати в Русь разбой чинят
 Со дней хазарских каганатов.
 Коль эпохон веков разлад,
 Во всем они лишь виновати!

Якобинцев
 Прилагаю руки
 Хотя и так ~~жалею~~ и сяк.
 Виздо не по науке -
 Все наперекосяк.

Майя злодействует,
 В финансах - рещето.
 Хотелось благоденствия,
 А вышло, черте-что!

Грозит междоусобица
 Страдалине Руси.
 От этого стыдобина
 Мне о ноги унести

Анфилада /входит/
 "По Высочайшему повелению
 Двора и Сената Якобинцев
 из Канлеров упраздняются!"

Хор
 ("Сколько лет я страдал")
 Обищали зело
 Обесточили свет
 Перекрото тешло
 Отлюдчен туалет

Социальный процесс
 Заколдобил в стране.
 Не приходит прогресс,
 И лежим мы на дне.

Кто ж пирог расхватад?
 Он же полубахал,
 Не рубал уголек,
 А пирог уволок!

Чумазов
 Пусть упраздняют Канслера,
 Чеховствят кабинет,
 Но если я с финансами,
 То мне и горя нет.

Незримое владичество
 Спугает людей.
 Деньга - Ее Величество -
 Превыше королей!

ХОР

Уж если в краше нет воды,
Мутит источник Неустыж
То, значит, — выжили враги —
Масонь зычнут, — сионисты.

Встань, коренной народ, под стяг:
Татар, чукчи и славяне
У нас один есть общий враг! } 2 раза
Который выпил воду в краше!

Анфалада

"Ах, Таня, Таня, Танечка"
Сенсаация! Сенсаация!
Дусть знает весь народ!
Есть в Думе информация —
Процесс уже идет.

Все шло путем накатаным,
Как вдруг под новым год
В Правительстве с Сенатами
Созрел переворот

ЖЕН

Трагедия, трагедия
Не может быть! Представь себе!
Созрел переворот.

Анфалада / танец, вальс / ("Ночь светла, над рекой")
Вновь придется менять
Свои нам менталитет,
Возвращаемся вспять
К барству памятных лет.

Антуан

Я давно ~~одежда~~ ~~ка~~ ~~за~~ ~~м~~,
Что случится обвал.
Я опять на коне,
Как положено мне.

Чумазов

Если переворот — горе мне-не беда,
Капитал на плаву остается всегда.

ХОР

Возвращается строй
Вековой, крепостной.
Старый мир былин
Стад на круги своя

"Спи, мой сыночек"

В старое Рассеюшке жили за барном
Как за кирпичной стеной.
Он и породи и карами ошаривал,
Был как отец нам родной.

Барин наш добренький,
Барин наш мленький,
Нас ты оратно прими.
Мы от реформ в нищете и бессилии,
В полном смятенье ума

Барин вальяжный! Хозяин суровый!
Думаю за нас и решаю!
Дай, благодетель, колбаски дешевой,
Водки за три шестьдесят.

ЖЕН

Старой упрямке дорогу укажет
Барин своею рукою
И по-былому ~~ребенку~~ ~~балдакет~~
Русь нашла в тон вековой.

ХОР

Отвори, Антуан мне объятья
И прости ~~зрелое~~ ~~жизни~~ ~~мне~~!

ЖОЛИ

И ~~к тебе~~ ~~возвращаюсь~~ ~~опить~~ ~~я~~,
Как и все остальные в стране.

Якобинцев

Мне крест тяжелого страданья
За все России должно несть!

Жоли

Прощай, мой друг, твоим мечтаньям
Здесь воплощенья не обрести!

Якобинцев

Я ужоу, но непокорный,
Но не склонивший головы!
Вам — в рабстве пребывать позорном
Мне в оппозиции, увы!

Хор

Царит порядок беззаконный,
Царит беззаконие в стране!
Я ужоу, но непреклонный:
— Карету мне! Карету мне!

Якобинцев

Уходит он, но непреклонный!
— Карету мне! Карету мне!

ПОЛУФИНАЛ

Хор

Много в Истории было холопов,
Много над ними царило господ.
Жалок холопов бессмысленный ропот:
Там, где холопствуют, оарство цветет.

/Припев/

Пусть над землей проходят годы,
Для дерзновенной мысли нет преград!
Тебе Свобода, годая Свобода!
Мы грянем гордое: "Виват! Виват! Виват!"

на сцене

Властвует кнут, или властвуют деньги,
Честь и достоинство сходит на нет.
Мысли свободной велят Провиденье
Мир выводить из темницы на свет!

/Припев/

ФИНАЛ /"Весеннее танго"/

Соло

Не ждали, не гадали беды такой,
А живем во время перемены.
Развалился старый социальный строй,
И неведомо, грядет какой?

Хор

Приходит время - люди камни собирают,
Идут реформы - мечта красна.

Приходит время - люди головы ломают,
Бросает камни возмущенная страна!

Соло

Сказочка про белого бычка, друзья -
В ней за сериалом - сериалы!
Володет и править лезут новые князья,
Батогами старыми грозя.

Хор

Приходит время - годы смутные и злые,
Шумят витии, больна страна.
Приходит время - Птицей-Фениксом Россия
Встает из пепла, возвращается весна!

Михайлов Ага Б I

ТОРЖЕСТВЕННАЯ КАНТАТА

"ЮБИЛЕЙНАЯ"

В монументально-биографическом жанре,
в 9-ти частях

с прологом и финалом
для дирижера, солистов, хора и оркестра

Исполняет

Объединенная Прикаademическая Хоровая Капелла

Дирижер - Хайкин

Рабочий сцены - Боровик-Романов

П Р О Л О Г

Голос певца за сценой

Хор: Нам мероприятие разрешается?

Голос: Не возбраняется.

Хор: Значит юбилей не отменяется?

Голос: Как предполагается.

Хор: О форме и о содержании?

Голос: Есть указание.

Хор: Значит имеется мнение?

Голос: Нет возражения

ЧАСТЬ I — ВСЕ НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ

Хор: Все навстречу юбилею, *Туха*
Юбилей близок час,

Не смолкает, не слабеет
Нарастает грубный глас. *Сроммо*

Жен: Но кому же здесь и там
Воскуряют фимиам?

Муж: Учреждения и лица
Шлят приветствия Калице!

ЧАСТЬ-II ИСТОКИ

Дует: В империи Российской
 Назад немало лет,
 В фортеции Кронштадской
 Являлся он на свет
 В далеком нежном детстве
 и будучи студент,
 Он всей душой, всем сердцем
 Любил эксперимент.
 Ах, физика, наука,
 В ней путь находит свой
 Тот, кто имеет руки
 И крепко головой!

Муж.: В Гавани, Кронштадтской Гавани
 Капица начал исторический восход
 На полный ход!
 Ушел он в плаванье из тихой гавани
 Он на Британию отправился в поход.

Хор: По морям, по волнам,
 Был он здесь, был он там,
 По морям, морям, морям, морям
 А потом вернулся к нам!

Жен.: Не горюйте, Анна Алексеевна!
 Пенелопой Вам не стать плачевной,
 Плыть Вам по Балтийской волне, ~~Ж~~
 Ж, к Бусурманской стороне!

Хор: Припев. По морям

ЧЛЛЛЛЛ

ЧАСТЬ-III. ТУМАННЫЙ АЛЬБИОН.

Дует: Там, где Альбион туманный,
 Был Капица гость неожиданный.

Муж.: По Кембриджу ходила
 Большая Крокодила,
 Она, она
 Ученая была.

Дует: На сверхмощные магниты
 Фунты стерлингов убиты.

Муж.: ~~Стоит~~ ^{Тут} велики их мощности,
 Что в королевском обществе
 Увы и ах!

Дует: Грозит финансам крах!
 Там, где лорды лбами тверды,
 Чтут рекорды Резерфорда.

Муж.: Капица вышел гордо
 Из школы Резерфорда
 Она, она
 Начальная была!

ЧАСТЬ IУ. ПРОЩАНИЕ

Снова еду я не север,
Видно, мой таков удел;

Соло: Прощайте, Кембридж и Оксфорд
И Вы, distinguished лорд,
Резерфорд,

И ты, старуха, Англия, прощай,
Монд-лаборатория - гуд-бай!

Хор: Доб свиданья, дорогая,
Я надолго уезжаю
И когда вернусь - не знаю,
А пока, прощай!

Соло: Когда приеду в СССР
Я там на английский манер
Себе создам научный институт.

Хор: Вери гуд! Вери гуд! Вери гуд!
Жен: За Калужской заставой ~~эхххххх~~

Огороды цветут. ↓
Лично выбрал на славу ~~хх~~ ↓
Место под Институт ↓

За Калужской заставой
~~эхххххх~~
Нет ~~эфреда~~ никого

Хор: Лишь пройдут составы
На Канатчиково ~~ххх~~
Муж.: Лишь пройдут составы
На Канатчиково.

Соло: Я физики оплот создам,
Новаций много будет там,
Работать вам не дам по вечерам,
Отделом кадров буду сам!

Женщины Магистеркиши уравайтс,
Теоретикиов шинияс
Экспериментчи совершай
Патрясу весь свет

Хор: Лорд достойимий Резерфорд ↓
Он обесмерит нам кшифодт ↓
Матрицы и булману в Труаит
На много лет, на много лет,
на много лет.

ЧАСТЬ У. ФИЗПРОБЛЕМА!

- Тенор: Не каждый может
Того добиться,
Что в физпроблемах
Сумел Капица.
- Бас: Ак, Институт наш!
Проблем в нем хватает —
А я, мальчишка,
Все на подхват.
- Тенор: И в самом деле,
Не всяк получит,
И жидкий гелий
И сверхтекучесть.
- Сопрано: Открыть бы вроде
Константы Планка
А я, девчонка,
Все в лаборантках!
- Тенор: Начальник Главна
По Кислороду
Капица плавку
Даёт народу.

- Дует: Мечтаем смело
О лаврах Бора
А наше дело —
Цанть приборн!

Тенор: Мастерскими управдлн,
Теоретиков шпидня,
Эксперименты совершн,
Потрясу весь свет

Хор: Лорд достопочтимый Резерфорд,
Он обеспечит нам комфорт,
Магнитн и бумагу в туалет
На много лет, много лет, много лет

НА ГОРЕ

~~Космос~~. Имя ~~созвучия~~ ~~применя~~

Соло: Над Москвой стоит домок - крошечка,
Подвывает в нем вытрубочки,
это жата - лаборатория,
Где сливаются опыт с теорией.

Хор: Академия наша де синис
Интуитон не числит на своей балансе,
Де синис наша, Академия,
Не даст саму форму в цемента.

Соло: Здесь в погоду ли, в непогоду ли
Печи служат нам возобновляем.
Гвется колба, хемия полная,
Паровая грезится волни!

Хор: Но минули все эволюционны,
Вновь Капитал - не Ученыены,
Вновь ищетс благородные
Де синис наша Академия!

Хор

ИЗРЕЧЕНИЯ

~~Космос~~ ~~Э.И.~~ ~~ИЗРЕЧЕНИЯ~~

Соло: В опы дни эксперимент совожены
Самы соотрудников числилось тут,
Надо образ не числом, а умением.
Непомогно реалит Институт!

А вы что тут делаете?

Хор: Стоим готовы к употреблению,
Кинолупше - вот наш ответ!
К безоговорочному получению
Мы изучены за много лет!

Рабочий

Соло: Все теории гибнут моментом,
Если опыт их не доказал,
В чистом золоте эксперимента
И делу основной капитал!

Любовь - это харопо, но золотой образ
лет

Хор: Остается навсегда!

Соло: Каждый индустриальный стремится в завлабы,
Каждый старший - в директора!

Но алыми - судие бабы,
Всех на пенсию пачать пора!

Можете быть директорами в других институ-
тах

Хор: Проще.

~~Часы~~ — Часы — Часы

Мучи Кор: Но средям в осмысливать часов
Садится на спине Кашни
На нем украинская слитка,
Иль сарматый ковбойский наряд.

Но средям в осмысливать часов
Керет он болыной молоток,
И сморзнут под ноги в тот ряд,
Иде малым теоретиком.

Но средям в осмысливать часов
Находит на спину докладчик,
Он был как в руке его вал,
И дрель выйивает колени.

Но средям в осмысливать часов ...
Но средям в осмысливать часов ...

ПРОГНОЗЫ
~~Часы~~ — IX. ПРОГНОЗЫ

Соло: Нога средям Искитут
Он был за городской чертой
Миталоннен релут —
Москва напичкалась стеной

Век кончили жить в гуде,
Прогноз им в черту не годится,
Сколько-то объяснить снится:
"Дом обум", бывшая "Кашни".

Мен: Прогноз, прогноз,
То радость, то слезы,
То сурь, то дожди,
Но только точности не мни.

Кор: —
Все это так, но дело в том:
Мы за чертой стоим драной,
А все что выросло потом
Считается башней деловой.

Чего б не струил бросоват,
У нас научная гуашка
И не пройдет ученый бред
Там, где таможни — Кашни.

Хор и сопрано

Мен: Прогнозы, прогнозы,
 То слыши, то грёзы,
 То слышишь, то муть,
 Хор: ~~Где же~~ - самый верный путь.

Соло: Долит же ледок до боти
 Ишь думать о погоде мало,
 Волнует нас вопросе сречи,
 Волнует вопросе Байкала.
 Но если реки промрут,
 Обогатит кислородом,
 То это, надо понимать,
 И есть спасение природы.

Мен: Прогнозы, прогнозы,
 То слыши, то грёзы,
 Тотрад, то снега -

Хор: ~~Возможность~~ ~~разношерстная~~.

Земле гроеит второй порок -
 Лавина разяк пудиманий,
 Но эконосите лесет в лоб
 Капор научной информации
 Не сможет даже наш народ
 В лок без поллитра разобраться,
 А людиц как на грех не пьёт -
 Копец грезилесный нас ждёт.

Хор
~~Дон!~~

Прогнозы, прогнозы,
 То барив, то угрозы,
 То хлад, то жар,
 Хор: Все равно кружим
 Ура! ура! ура!

Хор:
~~Ура!~~

~~Часть 4. Слова~~

Хор: Сердца волочат,

Их ласково гурьют

Улыбки величав людей,

И много лет

Какие пролета

с его Н. и его Юбилей

у стены Женев и друзей.

Без сколичности

И культура личности

Это Мы: славы и чести

за светские дела,

И пофразеления

на дель рождения

Несет камне всемирная молва.

Лякует волней,

А он идет дорогом своей,

Бедняк за голом гол.

Идет за голом гол.

А для него светит набогот.

А для него светит набогот.

А для него светит набогот.

А для него светит набогот.

А для него светит набогот.

Или хвалу пост

Весь наш амадегический народ!

Народ

Народ

Кремль
Голуб
Неприменно
Немного
А для него светит набогот.

М. Левин

Ёксель-моксель

Баллада

Деревья фруктами покрылись, ёксель-моксель,
Пришла осенняя пора,
И все ребята альпинисты, и туристы
Поперли в горы на ура!

И мы отправились с Татьяной на Саяны
Поход отважный совершить,
А с нами было три придурка — также Юрка,
Чтоб снаряжение тащить.

Увидел Юрка перепёлку — взял двустволку
И страшный выстрел сотворил:
Одним зарядом кончил птичку-невеличку,
Другим же — ногу прострелил — три фаланги!

Взял Гайдуков ружье под мышку и вприпрыжку
Обратно в лагерь захромал.
Навстречу шла ему Татьяна, морда рьяна,
С клистирной трубкою в зубах — воды напиться.

Ему промыли рану водкой, также глотку,
И стали рану заживлять (стрептоцидом).
Алешка Абрикосов сразу, без приказа
Пошел геологов искать.

Идет по лесу Абрикосов (семь на восемь),
В больших выбранных сапогах...
Ему навстречу прется мишка — (значит, крышка?)
С еловой веточкой в зубах.

Они увидели друг друга — и с испуга
Обое начали реветь:
Медведь ревел, как академик (из-за денег!),
А Абрикосов — как медведь!

Тут началась болезнь медвежья, ёксель-моксель,
И оба бросились в кусты,
Медведь бежал, задравши хвостик, через мостик.
Алешка ж, приспустив порты,
просто так — для интересу.

В. Жуков

Ягнобская тропа

Баллада

Под скалами вода ревет осатанев...
Попятишься — обрыв, оступишься — пропал.
Над взбешенной рекой по каменной стене
Упрямая ползет Ягнобская тропа.

По ней пошел — держись! Не путай и не ври,
На друга не точи язык свой или нож.
Нетрезвою ногой не ступишь на овринг,
С нечистой душой по кручам не пройдешь.

Ягнобская тропа — путь верных и простых,
Здесь путника судьба трудна, но не слепа:
Упрямого поймет, усталого простит,
Трусливого убьет Ягнобская тропа.

Мне в зелени долин горам не изменить.
Спускаясь с ледников в цветущие сады,
Я в памяти держусь за тоненькую нить,
Ведущую людей над бешенством воды.

И у судьбы прошу о самом дорогом:
Чего б я не достиг, куда б я не попал,
В долинах и в горах пусть будет мне путем
Путь верных и простых — Ягнобская тропа!

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Что есть Подмосковная Приакадемическая Филармония (ППФ)	3
Глава 2. Проба сил (опусы 1—10)	11
Опус 1. Академщина (опера). 1961—1962 гг.	
Опус 2. Оратория-буфф. 1963 г.	
Опус 3. Прекрасная стажерка (оперетта). 1964 г.	
Опус 4. Держись, заграница (ревью). 1965 г.	
Опус 5. Афиня (древнегреческая трагедия). 1966 г.	
Опус 6. Калеко (цыганская драма). 1967 г.	
Опус 7. Мистерия. 1968 г.	
Опус 8. Реквием. 1969 г.	
Опус 9. Спорт, спорт, спорт! 1970 г.	
Опус 10. Привидения в замке Скоттервиль (детектив). 1971 г.	
Глава 3. Творческие принципы ППФ	55
Глава 4. Зрелый возраст (опусы 11—19)	63
Опус 11. Берегите мужчин (доисторическая хроника). 1972 г.	
Опус 12. Дворянское нутро (трагикомедия). 1973 г.	
Опус 13. Чертовщина (заумь). 1974 г.	
Опус 14. Сказка про белого бычка (испанская драма). 1975 г.	
Опус 15. Пиратские напевы (приключения, детектив). 1976 г.	
Опус 16. Ближневосточная арабеска. 1977 г.	
Опус 17. Ехали казаки (малороссийская комедия). 1982 г.	
Опус 18. Подмосковная кадрили (дачные сцены). 1983 г.	
Опус 19. Карнавал в Ватикане (историческая эпопея). 1984 г.	
Глава 5. Новые времена (опусы 20—28)	114
Опус 20. Голубая кровь (полудрама). 1986 г.	
Опус 21. Бедлам в Венской оперетте. 1989 г.	
Опус 22. Дом Орлеанской девы (историческая драма). 1990 г.	
Опус 23. Неизбывное ликование (ретро-шоу). 1991 г.	
Опус 24. Летучая чушь (оперетта). 1992 г.	
Опус 25. Цирк и Бытие (представление на манеже). 1994 г.	
Опус 26. Черно-белая магия. 1995 г.	
Опус 27. Три чемодана (мушкетерские страсти). 1996 г.	
Опус 28. Сеанс Гимномании. 2000—2001 гг.	
Глава 6. Наша сцена. Наша книга	179

Глава 7. Юбилейные кантаты	183
Торжественная кантата к 80-летию П.Л.Капицы. 1974 г.	183
Торжественная кантата к 70-летию А.С. Боровика-Романова. 1990 г.	195
Глава 8. Люди Филармонии	202
<i>Основной состав. Солисты. Основатели</i>	203
1. А.А. Абрикосов	203
2. Т.Н. Абрикосова	
3. В.В. Колбановский	
4. Б.В. Поповский	
5. А.Я. Поповская	
6. Г.А. Подейко	
7. В.М. Олевский	
8. М.С. Хайкин	
9. И.П. Голямина	
10. Ю.П. Гайдуков	
11. Н.М. Крейнес	
12. А.С. Боровик-Романов	
13. Т.П. Беликова	
14. М.П. Гречушкина	
15. М.Г. Боровская	
16. Н.А. Колбановская	
<i>Группа поддержки. Зрители. Соучастники</i>	253
1. С.А. Славатинский	
2. С.А. Дубровина	
3. И.С. Ковнер	
4. И.А. Кабанова	
5. М.И. Виноградов	
6. Т.И. Виноградова	
7. Е.П. Сидорович	
8. Я.М. Кроль	
<i>Просветители. Специалисты искусств</i>	277
1. О.Е. Агаханянц	
2. Л.А. Андреева	
3. Д.Ю. Митлянский	
4. М.В. Иванов	
5. А.Б. Матвеева	
6. В.М. Щуров	
7. А.М. Воинов	

8. З.В. Воинова
9. В.Н. Жуков
Глава 9. Филармонический календарь. Праздники и походы	297
Приложения.....	319
Текст спектакля «Афиня» (факсимиле)	320
Текст спектакля «Дворянское нутро» (факсимиле)	331
Торжественная кантата к юбилею П.Л. Капицы (факсимиле)	344
М. Левин. Баллада «Ёксель-моксель»	352
В. Жуков. Баллада «Ягнобская тропа»	354

